

2024 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафuanов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2024

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

**Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.**

Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ 1–14

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Бочкова М.Н., Мешков И.А.

Особенности антисоциальной креативности и ее профилактики
у подростков в современном социально-политическом контексте 15–32

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

К проблеме разработки концепции организации социальной
и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет..... 33–49

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Духновский С.В., Злоказов К.В.

Информационно-психологическая уязвимость сотрудников
органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности..... 50–67

Суслов Ю.Е., Фёдоров А.Ф., Беспалова А.В.

Современные проблемы повторной преступности.
Социально-психологический аспект 68–84

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.

О внедрении психотехнических достижений в правореализационную практику 85–104

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Шарипова Ф.А.

Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия
осужденных мужского и женского пола 105–114

Ганишина И.С., Марьин М.И., Ажимов В.В.

Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений
и психологических защит личности у наркозависимых осужденных..... 115–132

Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В., Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.

Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе..... 133–149

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Шкаревский Д.Н.

Следствие по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е годы..... 150–160

Шипкова К.М., Шпорт С.В., Булыгина В.Г.

Зарубежные исследования нейропсихологических
и биологических основ агрессивного поведения 161–175

Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.

Инструментальные и мотивационные ресурсы специалистов сферы защиты
прав детей в условиях неопределенности профессиональной деятельности 176–200

Горбатов С.В., Арбузова Е.Н.

Проституция как форма саморазрушающего поведения..... 201–216

Фадеева Е.В., Лановая А.М.

Изучение мотивационной сферы личности и психоэмоциональных
особенностей у пациентов с наркологическими расстройствами
на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2) 217–231

Романчева С.С., Бусарова О.Р.

Особенности склонности к аддикциям и эмоционального интеллекта
у выпускников физико-математических классов 232–246

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лашкул М.В., Тарасова А.Е.

Правовые и социально-психологические аспекты создания единой модели
организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей..... 247–262

CONTENTS:

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

**Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.**

Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors.
Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student 1–14

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Bochkova M.N., Meshkov I.A.

Features of Malevolent Creativity and its Prevention
in Adolescents in the Modern Socio-Political Context 15–32

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.

To the Problem of Developing the Concept of Organising Social and
Psychological-Pedagogical Work with Adolescents on the Internet..... 33–49

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Dukhnovsky S.V., Zlokazov K.V.

Information and Psychological Vulnerability of Employees
of Internal Affairs Bodies with Different Levels of Stability and Fatigue 50–67

Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bepalova A.V.

Modern Problems of Repeated Criminality. Socio-Psychological Aspect..... 68–84

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.

On the Introduction of Psychotechnical Achievements in Law Enforcement Practice..... 85–104

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Sharipova F.A.

Coping Strategies and Psychological Well-Being of Male and Female Prisoners..... 105–114

Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V.

The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity to Search for Thrills
and Psychological Defenses of Personality in Drug-addicted Convicts 115–132

Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V., Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.

Peculiarities of Nostalgic Experiences of Women in a Pre-Trial Detention Center 133–149

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Shkarevsky D.N.

The Investigation of Military Suicides in the 1930—1950 s..... 150–160

Shipkova K.M., Shport S.V., Bulygina V.G.

Foreign Studies of the Neuropsychological
and Biological Bases of Aggressive Behavior 161–175

Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V.

Instrumental and Motivational Resources of Specialists in the Field of Protection of Children’s Rights in Conditions of Uncertainty of Professional Activity176–200

Gorbatov S.V., Arbuzova E.N.

Prostitution as a Form of Self-Destructive Behavior201–216

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.

Motivational Personality Sphere and Psychoemotional Features in Patients with Drug Addiction Disorders at Different Stages of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2).....217–231

Romantcheva S.S., Busarova O.R.

Features of Addiction Propensity and Emotional Intelligence in Graduates of Physics and Mathematics Classes232–246

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.

Legal and Socio-Psychological Aspects of Creating a Unified Organization Model for Orphans and Children Left without Parental Care247–262

Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Гурина О.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Куприянова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Радчиков А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Шпагина Е.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Российский технологический университет (ФГБОУ ВО РТУ МИРЭА), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpagina@mirea.ru

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Работа направлена на выявление психологических предикторов девиантного поведения воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений (далее — СУВУ). На основе подобранной методолого-диагностической модели жизненной позиции несовершеннолетнего с девиантным поведением были описаны психологические характеристики подростков, составлен профиль личности воспитанника СУВУ. В исследовании приняли участие респонденты (N = 465) из 15 СУВУ, расположенных в разных регионах РФ, в возрасте от 12 до 17 лет (M = 15,4; SD=1,2), из которых 402 (86,5%) —

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution's Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

мужского пола. Полученные результаты, в частности, выявили у воспитанников СУВУ сформированную групповую сплоченность; незначительное нарушение потребностей в контроле и осмысленном существовании; склонность к конвенциональному принуждению и оправданию агрессии; недостаточный уровень развитости копинг-процессов в стрессовых, трудных жизненных ситуациях. Обращает на себя внимание достаточно высокий уровень осознанности и взаимосвязанности в общей структуре индивидуальной регуляции подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, жизненная позиция несовершеннолетних, профилактика, психологические предикторы, профиль личности, специальные учебно-воспитательные учреждения.

Финансирование: исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта ФГБОУ ВО МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» по государственному заданию Министерства просвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г.

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14. DOI:10.17759/psylaw.2024140401

Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Oksana D. Gurina

Moscow State University of Psychology & Education; Moscow Research Center, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ekaterina A. Kupriyanova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Andrew S. Radchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Elena M. Shpagina

Moscow State University of Psychology & Education; Russian Technological University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpagina@mirea.ru

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution`s Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

This study aims at identifying psychological predictors of deviant behavior of pupils in special educational institutions (hereinafter - SEI). Based on the selected methodological and diagnostic life position of a minor with deviant behavior model, the individual psychological characteristics of adolescents were described, and a personality profile of SEI pupil was compiled. The study involved respondents (N=465) from 15 SEIs located in different regions of the Russian Federation aged 12 to 17 years (M=15.4; SD=1.2), 402 (86.5%) - male. The results obtained, in particular, revealed formed group cohesion; a slight violation of the needs for control and meaningful existence; a tendency to conventional coercion and justification of aggression; an insufficient level of development of self-regulation processes in stressful, difficult life situations. Attention is drawn to a fairly high level of awareness and interconnectedness in the overall structure of individual regulation of adolescents.

Keywords: deviant behavior, minors` life position, prevention, psychological predictors, personality profile, special educational institutions.

Funding: the study was carried out within the framework of the Moscow State University of Psychology & Education research project “Evidence-based study of the effectiveness of technology programs for the prevention of social risks used in institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency” according to the state assignment of the Ministry of Education No. 073-00037-24-01 dated 02/09/2024.

For citation: Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A., Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V. Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution`s Student. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14. DOI:10.17759/psylaw.2024140401 (In Russ.).

Введение

Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних как комплексная актуальная задача затрагивает многоаспектную проблематику на разных уровнях [10; 18; 21; 23], в том числе в таких отдельно взятых структурах, как специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа для обучающихся с девиантным поведением (далее — СУВУ), куда по решению суда помещаются несовершеннолетние, находящиеся в конфликте с законом. Первоочередной целью СУВУ можно считать формирование конструктивной жизненной позиции через создание соответствующих воспитательных пространств, нацеленных на всестороннее социально-позитивное развитие ребенка [14; 18; 19; 21; 22].

В контексте формирования эффективной, доказательной системы профилактики девиантного поведения воспитанников СУВУ необходимо соотнести подходящие технологии и соответствующие мишени воздействия, в связи с чем необходимо проанализировать и выделить те психологические предикторы девиантного поведения подростков, вокруг которых будет выстроен порядок направленного воспитания.

Как правило, психологические предикторы девиантного поведения подростков разворачиваются в системе особенностей его личностного развития, в основе которого выделяют

смысложизненные ориентации [12], жизненную позицию несовершеннолетнего [5], социальную идентичность [9], способность к саморегуляции [11], структуру нарушенных потребностей [2; 10], ксенофобские установки [7]. Представленный список в области исследования рисков девиантного и деструктивного поведения не является исчерпывающим, особо значимыми работами являются также исследования Е.Г. Дозорцевой, М.Ю. Кондратьева, В.Ф. Пирожкова, А.Ш. Гусейнова и других.

Обращая внимание на практическую задачу оценки результатов эффектов программ воспитания и психологической профилактики, а также выделения значимых параметров для снижения рисков девиантного поведения, в том числе рецидивов правонарушений, были выделены следующие компоненты для индивидуально-личностной диагностики (на основе работы о структуре жизненной позиции, по С.В. Бонкало, 2012) [5]: *акмеологический* (профессиональное самоопределение, осознанность и направленность ближних и дальних целей); *когнитивный* (целостное представление о мире, знания о нравственных ценностях и приоритетах); *аксиологический* (жизненные ценности и приоритеты, потребности и мотивы поведения, направленность личности); *экзистенциальный* (представления о жизни и смерти, осмысленность жизни, представления о смысле своей жизнедеятельности); *эмоциональный* (отношение к себе как к личности, самооценка своих возможностей, отношение к Другому — ближнему и дальнему окружению, эмоциональная устойчивость); *поведенческий* (поступки и деятельность в целом, направленность деятельности, саморегуляция поведения).

Программа исследования

С учетом содержания указанных компонентов был проведен подбор соответствующих методик для оценки рисков в учреждениях системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением, а также для анализа результатов исследования эффектов программ воспитания и психологической профилактики.

Стоит отметить, что в данной работе представлен результат первого этапа комплексного исследования, построенного по принципу формирующего эксперимента с несколькими психодиагностическими срезами. Первый этап, констатирующий, ставит перед собой **цель** — представить психологический профиль воспитанника СУВУ на основе комплексной модели жизненной позиции личности [5].

Выборка. 465 воспитанников 15 СУВУ, расположенных в разных регионах РФ, в возрасте от 12 до 17 лет (средний возраст — $15,4 \pm 1,2$ года), юноши — 86,5%.

Методики.

Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-2020», разработанный В.И. Моросановой (далее ССПМ-2020) для диагностики *акмеологического* компонента [15].

Для диагностики *когнитивного компонента* используются две методики: методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов, 2017) [8]; методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (SACS) (адаптация Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, 2009) [6].

Аксиологический компонент представлен методиками, применяемыми в паре: «Шкала субъективного остракизма» (подростки, молодежь), «ШСО-ПМ» (Бойкина Е.Э., и др. 2023) [3]; «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм» (подростки, молодежь), «ШНПО-ПМ» (Бойкина Е.Э. и др., 2024) [4].

Экзистенциальный компонент изучен с применением «Теста смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева, 1992 (СЖО) [13].

Для исследования *эмоционального компонента* применялись: тест «Дерево» Д. Лампена (в модификации Л.П. Пономаренко, 1999) [17]; опросник «Самоотношение» С.Р. Пантिलеева, В.В. Столина, 1988 [20].

Для диагностики *поведенческого компонента* использовался «Тест жизнестойкости» (краткая версия) Е.Н. Осина, Е. И. Рассказовой, 2013 [16].

Процедура. Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы на ресурсе anketka.mgrru.ru, в которую входили следующие блоки: 1) преамбула (приветствие и объяснение фабулы); 2) демографический блок (код организации с номером участника; пол; возраст); 3) далее предъявлялся стимульный материал методик.

Описание результатов и их интерпретация

На основе полученных результатов представляется возможным описать интегральный профиль личности воспитанника СУВУ (с помощью модели жизненной позиции).

Анализ **аксиологического компонента** модели личности воспитанника СУВУ дает представление о том, что, несмотря на фактическую остракизацию от социума (пребывание в условиях закрытого учреждения), воспитанники в подавляющем большинстве не ощущают себя полностью остракируемыми. Показательно, что наиболее остро воспитанники ощущают социальную исключенность, в меньшей — игнорирование и лишь 1,5% заявили о наиболее агрессивной и декларативной форме остракизации — об открытом отвержении. Полученные данные реплицируют результаты другого исследования авторов, что подтверждает их достоверность [15]. В среднем лишь пятая часть воспитанников ощущают депривацию ряда потребностей. При этом кластер потребностей во власти и провокации, который предполагает применение силовых и деструктивных методов реинтеграции в социум, нарушен незначительно выше, чем аффилиативные потребности.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: подавляющее большинство воспитанников полностью интегрировано в сообщество СУВУ, можно говорить о наличии крепких социальных связей, о становлении внутригрупповой идентичности. Несмотря на предполагаемую положительную коннотацию результатов, стоит добавить, что зафиксированная внутренняя сплоченность может свидетельствовать о тенденциях к поляризации в контексте «мы—они». Данный фактор может быть актуализирован в деструктивном ключе при попадании воспитанника в иной социум, в том числе по возвращении в общество.

Акмеологический компонент. Обращает на себя внимание достаточно высокий уровень осознанности и взаимосвязанности в общей структуре индивидуальной регуляции подростков. Можно предположить, что для воспитанников СУВУ в системе институционального проживания создаются все необходимые, поддерживающие условия, связанные с различными видами активности (профессиональная, творческая, познавательная и др.), где они чувствуют себя уверенно и стремятся к достижению успеха. Сниженные показатели относительно других компонентов саморегуляции у респондентов в исследовании показала шкала «Надежность», которая отражает устойчивость осознанной саморегуляции психической активности и практической деятельности человека в сложных, психологически напряженных ситуациях.

Обращаясь к **когнитивному компоненту** жизненной позиции несовершеннолетнего, среди преобладающих стратегий преодоления стрессовых ситуаций оказались асоциальные и агрессивные действия, высокие показатели — соответственно у 30,0% и 50,9% респондентов. Просоциальные стратегии развиты у несовершеннолетних в меньшей степени, высокие пока-

затели по этим формам стратегий представлены лишь у 17,2% и 32,8% подростков. Таким образом, раскрывается недостаточный уровень развитости копинг-процессов у воспитанников СУВУ именно в стрессовых, трудных жизненных ситуациях.

Анализ результатов 11 субшкал методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова (табл. 1) выявил как наиболее сильно развитую диспозицию в среде воспитанников СУВУ — *диспозицию к конвенциональному принуждению* (14,2%). Согласно авторам методики, «...индивид, подавляя враждебные чувства по отношению к себе или авторитетам своей группы, переносит «плохие» качества — воображаемую непорядочность, корыстность, властолюбие — на группы чужаков» [7, с. 86]. В данном случае речь идет о внутренней индულгенции на разрешение наказания других, о неспособности к «многоконтекстуальному восприятию сложных социальных ситуаций» [там же].

Результаты данной методики представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Описательные статистики по субшкалам методики диагностики диспозиций
насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова (N = 465)**

Показатель	Группа риска, чел. (более 23 баллов)	Доля, %
Культ силы	14	3,0%
Допустимость агрессии	44	9,5%
Интолерантность	25	5,4%
Конвенциональное принуждение	66	14,2%
Социальный пессимизм	13	2,8%
Мистичность	35	7,5%
Деструктивность и цинизм	17	3,7%
Протестная активность	28	6,0%
Нормативный нигилизм	8	1,7%
Антиинтрацепция	25	5,4%
Конформизм	29	6,2%
Группа риска	36	7,7%

Данное исследование также выявило тот факт, что 9,5% воспитанников СУВУ твердо стоят на позиции допустимости агрессии. В данном случае можно говорить о некой взаимосвязи в структуре «фрустрация—агрессия»: не найдя по тем или иным причинам выхода для своей агрессии и постоянно сдерживая свои агрессивные импульсы, подросток может прибегнуть к

«смещенной агрессии», т. е. направить ее не в адрес «условного обидчика», а на совершенно непричастное лицо.

Общий показатель осмысленности жизни по тесту СЖО Д.А. Леонтьева демонстрирует незрелость **экзистенциального компонента** у воспитанников СУВУ, что может указывать на недостаточный уровень осмысленности жизни, отсутствие целеустремленности и перспектив, неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и в прошлом, неверие в свои силы и возможность контролировать события своей жизни в перспективе.

Рассматривая **эмоциональный компонент** модели жизненной позиции подростка, пребывающего в СУВУ, по методике «Опросник самоотношения» по шкале «Глобальное самоотношение» у 62,2% респондентов ярко выражено чувство «за» самого себя, у 21,9% сформировано положительное самоотношение и у 15,9% подростков чувство самоотношения не выражено. По шкале «Самоуважение» у 36,1% ярко выражена вера в себя, в свои способности, самостоятельность; у 28,8% эти параметры выражены средне и у 35,1% не сформировано самоуважение, самопонимание и внутренняя последовательность. По шкале «Аутосимпатия» у 40,2% ярко выражено одобрение себя в целом и в существенных частностях, доверие к себе и позитивная самооценка; у 29% выражена «дружественность» к своему Я; у 30,8% выявлены видение в себе преимущественно недостатков, низкая самооценка, готовность к самообвинению. По шкале «Самоинтерес» у 39,4% подростков явно выражены уверенность в своей интересности для других, готовность общаться с Другими на равных; у 26% — средний уровень данного параметра; у 34,6% данный параметр не выражен. По шкале *Ожидаемое отношение от других* лишь у 5,4% респондентов ярко выражено ожидание позитивного отношения к себе окружающих; у 31,8% данный параметр выражен средне и 62,8% подростков ожидают негативное отношение к себе от окружающих. Таким образом, приходится констатировать тот факт, что подавляющее большинство таких несовершеннолетних имеют негативные предубеждения относительно отношения к ним со стороны окружающих. Позиция «весь мир меня ненавидит; я для всех плохой», солидаризуясь с особенностями подросткового возраста, как правило, результирует протестное и антисоциальное поведение в русле «лучшая защита — нападение».

В отношении уровня социально-психологической адаптации подростков в группе проживания в СУВУ было выявлено, что почти половина опрошенных (46,6%) нормально адаптировались к условиям проживания, испытывают комфортное состояние, чувствуют себя устойчиво, настроены на общение и дружескую поддержку. 23,7% имеют установку на лидерскую позицию в группе. Однако есть подростки, испытывающие кризисное состояние (1,7%): утомляемость, общую слабость, недостаток сил (1,1%); отстраненность, замкнутость и тревожность (4,1%), отделенность от группы и уход в себя (4,5%). В представлениях о своем идеальном положении подростки хотели бы усилить свои лидерские позиции, увеличить общение и дружескую поддержку.

Что касается самочувствия подростков в их учебных группах, наблюдается схожая картина — 50% имеют хороший уровень адаптации в учебных группах СУВУ. Значительная часть имеют завышенную самооценку и установку на лидерство (37,2). Также есть часть подростков (18,9%), которые испытывают различные трудности в адаптации в учебной группе, такие как: застенчивость, тревожность, замкнутость, утомляемость, отстраненность от учебного процесса, мотивацию на развлечения, кризисное состояние.

Анализ результатов диагностики **поведенческого компонента** выявил: показатели по шкале «Жизнестойкость» у 10,5% подростков находятся на высоком уровне; у 57,6% — в пределах нормы, они в состоянии справляться с возникновением внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. Однако у 31,8% эти показатели находятся на низком уровне, т. е. эти подростки достаточно сильно зависят от ситуативных переживаний, не в состоянии преодолеть постоянную базовую тревогу, актуализирующуюся в ситуации неопределенности и необходимости выбора. В понятие «жизнестойкость» авторы методики включают три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Так, почти у трети респондентов (31,6%) низкий уровень вовлеченности, нет убежденности в том, что мир доброжелателен. Отсутствие подобной убежденности обычно порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. У 27,7% опрошенных есть ощущение собственной беспомощности, того, что усилия не могут повлиять на результат. И у 35,3% респондентов нет принятия риска, т. е. идеи собственного развития через активное усвоение знаний и опыта и последующее их использование.

Заключение

Несовершеннолетние, находящиеся в закрытых учебно-воспитательных учреждениях, как показало исследование, в подавляющем большинстве чувствуют себя достаточно хорошо адаптированными к условиям проживания и обучения в СУВУ, не ощущают себя остракированными. Однако стоит понимать, что данная субъективная оценка применима именно к актуальной ситуации, т. е. к нахождению в коллективе СУВУ. Можно достоверно утверждать, что у большинства воспитанников сформирована внутригрупповая сплоченность, которая, однако, при актуализации ряда факторов (внешняя угроза, переход в другой социум, стигматизация) может привести к деструктивной поляризации, разделению на «своих» и «чужих».

Исследование не выявило существенного нарушения ряда фундаментальных потребностей, однако обозначило опасную тенденцию к нарушению кластера потребностей во власти и провокации (потребности в контроле и осмысленном существовании). Опасность в данном случае заключается в том, что их удовлетворение, как правило, реализуется через силовые методы, установление физического контроля над окружением или провокационные действия.

Также воспитанники СУВУ ожидают негативное отношение к себе от окружающих, что к ним заведомо настроены негативно. Этот факт также может затруднить их дальнейшее включение в социум по окончании срока нахождения в СУВУ. Данный результат в тех или иных аспектах зафиксирован по данным нескольких методик.

Следует обратить внимание на то, что примерно у трети подростков выявлены низкие показатели по параметрам жизнестойкости: им сложно справляться с внутренним напряжением в стрессовой ситуации, ситуациях неопределенности и выбора, они сильно зависят от ситуативных переживаний, не верят в доброжелательность окружающего мира, в то, что из любой ситуации можно извлечь важный для себя опыт и использовать его себе во благо, что они способны контролировать свою жизнь и влиять на нее. Однако этот компонент активно формируется именно в подростковом возрасте и на него можно воздействовать в ходе коррекционной и развивающей работы.

Несмотря на то, что исследование не зафиксировало высокий риск по целому спектру параметров, свидетельствующих о наличии диспозиции насильственного экстремизма (в группе риска 7,2% воспитанников), в качестве тенденции, требующей постоянного мониторинга,

стоит отметить склонность части воспитанников к конвенциональному принуждению и оправданию агрессии не только как метода достижения целей, решения проблем, но и как способа эмоциональной разрядки.

Исследование имеет ряд ограничений. Прежде всего, несмотря на объемный диагностический блок (9 методик), для полного исследования всех аспектов модели жизненной позиции воспитанника СУВУ требуется более массивная психодиагностическая батарея. Во-вторых, выборка исследования не является уравновешенной по полу — количество юношей — 86,5%.

По программе исследования второй диагностический срез должен выявить различия между экспериментальными и контрольными площадками проекта. Во второй части данной статьи планируется представить анализ результатов исследования эффектов программ воспитания и психологической профилактики, применяемых в СУВУ в отношении динамики параметров, значимых для снижения рисков девиантного/деструктивного поведения. В фокусе внимания будут результаты, полученные на базе четырех СУВУ, выбранных в качестве площадок для апробации технологий сопровождения (техники навыкового подхода и ОРКТ, восстановительные практики, профессиональное наставничество и др.), направленных на преодоление механизма, запускающего антисоциальные, деструктивные поведенческие паттерны.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пятых Г.А., Киселев К.А. Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысложизненные ориентации [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2023. Том 20. № 4. С. 106–118. doi:10.17759/bppe.2023200410
2. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–164. doi:10.17759/psylaw.2020100114
3. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149. doi:10.17759/psylaw.2023130410
4. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Д.В., Романова Н.М., Киселев К.А. Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71. doi:10.17759/psylaw.2024140104
5. Бонкало С.В. Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков (на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. 26 с.
6. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб: Питер, 2009. 329 с.
7. Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности у подростков с противоправным поведением: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 146 с.
8. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Том 14. № 1. С. 78–97.

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution`s Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

9. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4 С. 23–37. doi:10.17759/sps.2023140402
10. Идобаева О.А., Подольский А.И., Ефимова А.И., Салахова В.Б. Делинквентная личность: методологические подходы к изучению и эмпирические данные: Монография. Ульяновск: УлГУ, 2017. 304 с.
11. Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
13. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
14. Мануйлова Л.М., Максимов А.С. Социально-педагогическое сопровождение обучающихся специального учебно-воспитательного учреждения [Электронный ресурс] // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Том 14. № 3. С. 123–130. doi:10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.15
15. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155–167.
16. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
17. Пономаренко Л.П. Психологическая профилактика дезадаптации учащихся в начале обучения в средней школе: методические рекомендации для школьных психологов. Одесса: Одесский институт усовершенствования учителей, 1998. 118 с.
18. Семья Г.В., Иванников В.А., Чиркина Р.В. К вопросу обоснования системной модели профилактики социальных рисков в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 3. С. 7–9. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (дата обращения: 10.11.2024).
19. Солонченко С.С. Связь идентичности с образом семьи у выпускников закрытых учреждений [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 85–98. doi:10.11621/npj.2020.0208
20. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М., 1988. С. 123–130.
21. Ульянина О.А., Зинатуллина А.М., Любка Е.И. Воспитанники специальных учебно-воспитательных учреждений: психологический анализ эмоциональных и личностных проблем: Методические рекомендации. М.: РИОР, 2021. 76 с.
22. Хут С.Е., Паатова М.Э. Особенности профессионального самоопределения воспитанников специальных образовательных организаций // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2021. № 2 (278). С. 84–89.
23. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Графский В.П. Агрессивность учащихся средних и старших классов и предпочитаемые ими стили поведения в конфликтной ситуации, гендерный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 138–151. doi:10.17759/psylaw.2018080211

References

1. Boykina E.E., Radchikov A.S., Romanova N.M., Pyatykh G.A., Kiselev K.A. Podrostok v zakrytykh uchrezhdeniyakh sistemy obrazovaniya i FSIN Rossii: sub`ektivnaya ostrakizatsiya, odinchestvo, motivy affiliatsii i smyslozhiznennye orientatsii [Teenager in Closed Institutions of the Educational System and the Federal Penitentiary Service of Russia: Ostracism Experience, Loneliness, Motives of Affiliation, Meaning and Life Orientations] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2023. Vol. 20, no. 4, pp. 106–118. doi:10.17759/bppe.2023200410 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Boykina E.E., Chirkina R.V. Sotsial`nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 152–164. doi:10.17759/psylaw.2020100114 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova E.V. Shkala sub`ektivnogo ostrakizma (podrostki, molodezh`), SHSO-PM [Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149. doi:10.17759/psylaw.2023130410 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V., Romanova N.M., Kiselev K.A. Shkala narushennykh potrebnosti. Ostrakizm (podrostki, molodezh`), SHNPO-PM [Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth), OTNS-AY (in Russ.)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71. doi:10.17759/psylaw.2024140104 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Bonkalo S.V. Sotsial`no-psikhologicheskie tekhnologii formirovaniya konstruktivnoi zhiznennoi pozitsii delinkventnykh podrostkov (na primere vospitannikov spetsial`nykh obrazovatel`nykh uchrezhdenii zakrytogo tipa): Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2012. 26 p. (In Russ.).
6. Vodopyanova N.E. Psikhodiagnostika stressa. Saint Petersburg: Piter, 2009. 329 p. (In Russ.).
7. Gurina O.D. Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti u podrostkov s protivopравnym povedeniem: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2020. 146 p. (In Russ.).
8. Davydov D.G., Khlomov K.D. Metodika diagnostiki dispozitsii nasil`stvennogo ehkstremitizma [Diagnostics of Dispositions of Violent Extremism]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2017. Vol. 14. no. 1, pp. 78–97. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Risk radikalizatsii v podrostkovoi srede: teoriya, fakty i kommentarii [Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial`naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 23–37. doi:10.17759/sps.2023140402 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Idobaeva O.A., Podolsky A.I., Efimova A.I., Salakhova V.B. Delinkventnaya lichnost`: metodologicheskie podkhody k izucheniyu i ehmpiricheskie dannye: Monografiya. Ulyanovsk: ULGU Publ., 2017. 304 p. (In Russ.).
11. Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Osobennosti samoregulyatsii u osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya pri retsideve [Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203 (In Russ., abstr. in Engl.).

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution`s Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

12. Leontiev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2003. 487 p. (In Russ.).
13. Leontiev D.A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.).
14. Manuilova L.M., Maksimov A.S. *Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie obuchayushchikhsya spetsial'nogo uchebno-vospitatel'nogo uchrezhdeniya [Social and pedagogical support of students at special education educational institutions] [Elektronnyi resurs]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2020. Vol. 14, no. 3, pp. 123–130. doi:10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.15 (In Russ., abstr. in Engl.)*.
15. Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. *Oprosnik V.I. Morosanova «Stil' samoregulyatsii povedeniya — SSPM-2020» [V.I. Morosanova's "Self-Regulation Profile Questionnaire - SRPQM 2020"]*. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2020, no. 4, pp. 155–167. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Osin E.N., Rasskazova E.I. *Kratkaya versiya testa zhiznesteikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste [A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2013, no. 2, pp. 147–165. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Ponomarenko L.P. *Psikhologicheskaya profilaktika dezadaptatsii uchashchikhsya v nachale obucheniya v srednei shkole: metodicheskie rekomendatsii dlya shkol'nykh psikhologov*. Odessa: Odesskii institut usovershenstvovaniya uchitelei Publ., 1998. 118 p. (In Russ.).
18. Semya G.V., Ivannikov V.A., Chirkina R.V. *K voprosu obosnovaniya sistemnoi modeli profilaktiki sotsial'nykh riskov v organizatsiyakh dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [On the Issue of Substantiating a Systemic Model for the Prevention of Social Risks in Organizations for Orphans and Children Left without Parental Care] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 7–9. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (Accessed 10.11.2024). (In Russ.)*.
19. Solonchenko S.S. *Svyaz' identichnosti s obrazom sem'i u vypusknikov zakrytykh uchrezhdenii [Relationship of identity with family image in graduates of closed institutions] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, no. 2 (38), pp. 85–98. doi:10.11621/npj.2020.0208 (In Russ., abstr. in Engl.)*.
20. Stolin V.V., Pantileev S.R. *Oprosnik samootnosheniya. Praktikum po psikhodiagnostike: Psikhodiagnosticheskie materialy*. Moscow, 1988, pp. 123–130. (In Russ.).
21. Ulyanina O.A., Zinatullina A.M., Lyubka E.I. *Vospitanniki spetsial'nykh uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii: psikhologicheskii analiz ehmotSIONal'nykh i lichnostnykh problem: Metodicheskie rekomendatsii*. Moscow: RIOR, 2021. 76 p. (In Russ.).
22. Khut S.E., Paatova M.EH. *Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya vospitannikov spetsial'nykh obrazovatel'nykh organizatsii [Features of professional self-determination of pupils from special educational institutions of the closed type]*. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2021, no. 2 (278), pp. 84–89. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Shamlikashvili T.A., Haritonov S.V., Pchelinceva D.N., Grafsky V.P. *Agressivnost' uchashchikhsya srednikh i starshikh klassov i predpochitaemye imi stili povedeniya v konfliktnoi situatsii,*

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution`s Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

gendernyi aspect [Aggressiveness of middle and high school students and their preferred styles of behavior in conflict situations, gender aspect] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 138–151. doi:10.17759/psylaw.2018080211 (In Russ., abstr. in Engl.).

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Гурина Оксана Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Куприянова Екатерина Анатольевна, психолог, старший преподаватель, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Шпагина Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент, кафедра гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления, Российский технологический университет (ФГБОУ РТУ МИРЭА), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpagina@mirea.ru

Радчиков Андрей Сергеевич, лаборант-исследователь, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Oksana D. Gurina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psy-

Бойкина Е.Э., Гурина Е.А., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 1–14

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Shpagina E.M., Chirkina R.V.
Psychological Predictors of Deviant Behavior
of Minors. Part 1. Portrait of a Special
Educational Institution`s Student
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 1–14

chology & Education; Main Expert, Moscow Research Center, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ekaterina A. Kupriyanova, Psychologist, Senior Lecturer, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Elena M. Shpagina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies, Russian Technological University, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpagina@mirea.ru

Andrew S. Radchikov, Research Laboratory Assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Получена 12.09.2024
Принята в печать 12.11.2024

Received 12.09.2024
Accepted 12.11.2024

Особенности антисоциальной креативности и ее профилактики у подростков в современном социально-политическом контексте

Мешкова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Ениколопов С.Н.

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Бочкова М.Н.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Мешков И.А.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Представлены результаты серии исследований по изучению влияния социально-политических условий — в контексте СВО и в доковидный период — на проявление антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям. Выборка состояла из подростков (N = 52, из них 19 — мальчики; Mвозраст = 16,0 лет); кадетов (N = 96, из них 72 — мальчики; Mвозраст = 15,4 лет), курсантов (N = 204, из них 152 — юноши; Mвозраст = 19,3), студентов-психологов (N = 50, из них 3 — юноши; Mвозраст = 20,4). Проверялись гипотезы о различиях в разных контекстах: 1) в уровнях антисоциальной креативности (далее АК), 2) в связях АК с личностными характеристиками и между личностными характеристиками, и 3) о наличии возрастных особенностей АК, не различающихся в разных социально-политических условиях. Использовались шкалы опросников «NEO-FFI», «ВРАQ-24», «Поведенческие особенности антисоциальной креативности», моральной идентичности, «Индекс толерантности» и анкета с утверждениями о наличии/отсутствии внимания к новостям о ситуации в России и мире и источникам этой информации. Полученные результаты подтвердили выдвинутые гипотезы. Отмечается, что имеющиеся ограничения в исследовании позволили выявить не только особенности антисоциальной креативности у подростков в разных социально-политических условиях, но и особенности, связанные с профессиональным контекстом (гражданские профессии и профессии силовых структур), позволяющие учитывать их в профилактике антисоциальной креативности у подростков в современном социально-политическом контексте.

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
Особенности антисоциальной креативности
и ее профилактики у подростков в современном
социально-политическом контексте
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Features of Malevolent Creativity
and its Prevention in Adolescents
in the Modern Socio-Political Context
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32

Ключевые слова: социально-политический контекст, профессиональный контекст, антисоциальная креативность, черты, моральная идентичность, подростки, молодежь.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236>.

Для цитаты: Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Бочкова М.Н., Мешков И.А. Особенности антисоциальной креативности и ее профилактики у подростков в современном социально-политическом контексте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32. DOI:10.17759/psylaw.2024000004

Features of Malevolent Creativity and its Prevention in Adolescents in the Modern Socio-Political Context

Natalya V. Meshkova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov

Mental Health Research Center, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Margarita N. Bochkova

Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: Boschkova.m84@gmail.com

Ivan A. Meshkov

Independent Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

The article presents the results of a series of studies on the influence of socio-political conditions — the modern context and the pre-covid period, on the manifestation of malevolent creativity in behavior that harms other people. The sample consisted of adolescents (N=52, 19 - boys; Age = 16.0 years); samples of cadets (N=96, 72 - boys; M = 15.4 years), cadets-students (N=204, 152 — men; M = 19.3), psychology students (N=50, 3 - men; M = 20.4). Hypotheses about differences in different contexts were tested: 1. in the levels of malevolent creativity (MC), 2. in the relationship MC with personal characteristics and between personal characteristics, 3. the presence of age-related characteristics of MC that do not differ in different socio-political conditions. A battery of questionnaires was used: NEO-FFI, BPAQ-24, “Behavioral features of antisocial creativity”, moral identity, “Tolerance Index” and a developed questionnaire with statements about the presence/absence of attention to the news about the situation in Russia and the world and the sources of this information. The results obtained confirmed the hypotheses put forward. It is noted that the existing limitations in the study made it possible to identify not only the features of antisocial creativity in adolescents in different socio-political conditions, but also features related to the professional context

(civil professions and law enforcement agencies), allowing them to be taken into account in the prevention of antisocial creativity in the modern socio-political context.

Keywords: socio-political context, professional context, antisocial creativity, traits, moral identity, adolescents, youth.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation project number № 23- 28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236>.

For citation: Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Bochkova M.N., Meshkov I.A. Features of Malevolent Creativity and its Prevention in Adolescents in the Modern Socio-Political Context. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32. DOI:10.17759/psylaw.2024000004 (In Russ.).

Введение

В изучении феномена антисоциальной креативности, рассматриваемой как оригинальное решение проблемы с намеренным нанесением вреда, можно выделить два направления: генерирование решений и воплощение их в поведении. Фокус обоих направлений сосредоточен на нескольких аспектах: 1) выявлении самого феномена антисоциальной креативности как результата дивергентного мышления при решении проблем в ситуациях с просоциальной и негативной коннотацией; 2) исследование связи результата дивергентного мышления с девиантным и криминальным поведением и ее особенностей на различных выборках; 3) изучение личностных и средовых факторов, способствующих генерированию и реализации решений, наносящих вред. Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, у подростков в современном социально-политическом контексте и определении направлений ее профилактики.

Средовые факторы антисоциальной креативности

Средовым факторам креативности, в общем, и антисоциальной креативности, в частности, уделяется большое внимание во всех концепциях и подходах к изучению феномена. Один из компонентов модели 4-Р — Press (давление), характеризует стимулирующие творчество силы окружающей среды и включает внешние мотиваторы, социальные потребности, внутригрупповые и межгрупповые взаимодействия (Rhodes, 1961). Контекстуальное влияние, оказываемое культурой, климатом в группе, окружающей средой, включая предшествующие влияния, такие, как подкрепление, содействие, вознаграждение, наказание, оценка, семейное положение, порядок рождения и т. д., учитывается в рамках интеракционистского подхода к изучению креативности с точки зрения ингибирующего или фасилитирующего воздействия на креативность (R. Woodman и L. Schoenfeldt, 1990). В системном подходе, предполагающем междисциплинарные исследования креативности, в качестве факторов среды выделяются группы, социальное окружение, культура и общество (Hennessey, Amabile, 2010). В 7С-подходе Т. Любарта контекст включает в себя домашнюю среду, школьный и образовательный контекст, местную, национальную и международную среду (Lubart, 2017).

В модели динамической креативности С. Тромп и Р. Стернберг рассматривают креативность как взаимодействие личностных характеристик, задачи, которую решает индивид, и ситуации. Под ситуацией эти авторы понимают окружающий контекст, в котором выполня-

ется задача, например, освещение, уровень шума и т. д., которые формируют способствующую или препятствующую творчеству ситуацию. Кроме того, ситуация может включать в себя динамику группы, время в истории и культурную среду (Tromp, Sternberg, 2022). В модели 8Р, созданной Р. Стернбергом и С. Карамии на основе 4Р, под давлением понимаются уровни среды как внешние мотиваторы творческого акта. Каждому уровню дается свое название: микросистема — непосредственное окружение, в котором человек действует; мезосистема — сочетание нескольких микросистем; экзосистема, т. е. структура общества; макросистема, т. е. уровень социума (Sternberg, Karami, 2021). В «Аморальной модели темной креативности» Х. Капур и Дж. Кауфмана к факторам окружающей среды относятся материальные и социальные активы, культурная идеология (Karoo, Kaufman, 2022).

Легко заметить, что средовые факторы креативности включают в себя ситуацию и контекст, причем некоторые авторы не разводят эти понятия, включая в понимание ситуации и краткосрочные, и долгосрочные условия/воздействия, в которых происходит креативный акт, в то время как другие авторы в контекст включают факторы среды длительного по времени воздействия. Между тем разведение этих средовых факторов важно, во-первых, с точки зрения диагностики (так, анализ зарубежных исследований показывает, что зачастую диагностировать креативный потенциал сложно без создания специальных условий (Мешкова, 2015)), т. е. ситуации; во-вторых, — с точки зрения причинно-следственных связей антисоциальной креативности. Исследования последних лет показывают, что наиболее склонны к проявлению антисоциальной креативности в девиантном поведении студенты, которые росли в семьях, применяющих негативные стили воспитания в виде пренебрежения к ребенку (Cui et al., 2024) и жесткие практики воспитания в виде физического, эмоционального или сексуального насилия в отношении ребенка (Bedu-Addo et al., 2023), а также студенты, имеющие детскую травму (Li et al., 2022). В одном из исследований было установлено, что предикторами проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, являются не только физическое и эмоциональное пренебрежение к ребенку в семье, но и черты Большой пятерки — Добросовестность и Согласие (Bedu-Addo et al., 2023). К сожалению, эти полученные результаты не были соотнесены друг с другом, в результате чего могла бы появиться основа для концепции, отражающей причинно-следственные связи, что важно для превентивных мероприятий и профилактики антисоциальной креативности. Пока же на текущем этапе, полагаясь на полученные результаты связи семейных практик воспитания и антисоциальной креативности, можно прийти к выводу о том, что профилактическую работу необходимо проводить не только с подростками, но и с семьей до рождения ребенка. Это могут быть семинары и интервенции в женских консультациях.

Разумеется, контекст не исчерпывается только семьей. В рабочей схеме динамической модели социальной креативности Н.В. Мешковой понятия ситуации и контекста разведены: под ситуацией понимаются краткосрочные условия «здесь-и-сейчас», а под контекстом — социально-политические условия последних нескольких лет и предполагается, что контекст оказывает влияние не только на креативность, но и на личностные характеристики, которые, в свою очередь, оказывают влияние на антисоциальную креативность (Мешкова, 2023). В проводящихся в рамках рабочей схемы исследованиях проверяются следующие гипотезы: 1) в разных социально-политических контекстах существуют различия в уровне антисоциальной креативности; 2) в разных социально-политических контекстах существуют особенности связи как антисоциальной креативности с личностными характеристиками, так и между лич-

ностными характеристиками. Схема была опробована в пилотном исследовании, показавшем разнонаправленность связей между этнической толерантностью и моральной идентичностью в выборке студентов 1-го курса за месяц до начала СВО (январь—начало февраля 2022 г.) и старших школьников в марте—апреле 2022 г. Также было установлено, что у подростков значимо высокая моральная идентичность сочетается с более высоким уровнем антисоциальной креативности при генерировании вредоносных решений в ситуациях мести и в социальной ситуации, чего не наблюдалось в выборке студентов. При этом выборки не различались уровнем этнической толерантности (Мешкова, 2023). Сравнение результатов среднего исследования, проведенного в рамках модели на курсантах-юношах в 2023 г., с результатами, полученными на курсантах в 2019 г., подтвердили выдвинутые гипотезы и выявили следующие различия в контексте 2023 года по сравнению с доковидным периодом: склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, и враждебность значимо ниже, а значения моральной идентичности и черты «Согласие» выше. Также выборки различались предикторами антисоциальной креативности и силой связи между выявленными предикторами (Мешкова и др., 2024).

В настоящей статье приводятся результаты исследования, проведенного на подростках в 2024 г. Описанные выше гипотезы дополнены следующей: 3) существуют возрастные особенности в проявлении антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, не различающиеся в разных социально-политических контекстах. Основанием для выдвижения этой гипотезы послужили результаты, полученные на разновозрастных выборках, согласно которым уровень антисоциальной креативности выше у подростков (Szabó et al., 2022; Мешкова и др., 2020; Бочкова, 2023).

Метод и методики

Исследование проходило в 2024 г. В исследовании участвовали подростки одной из школ г. Москвы ($N = 52$, из них 19 мальчики; $M_{\text{возраст}} = 16,0$ лет, $SD = 0,390$). Полученные данные, не включенные в публикацию (Мешкова и др., 2024 в печати), сравнивались с данными 2018 г. на кадетах (Мешкова и др., 2018; Бочкова, 2023). В сравнение также были включены данные 2023, полученные на курсантах и студентах-психологах и также не вошедшие в публикации (Ениколопов и др., 2023; Мешкова и др., 2024). Состав выборок сравнения: кадеты ($N = 96$, из них 72 — мальчики; $M_{\text{возраст}} = 15,4$ лет, $SD = 0,641$), курсанты ($N = 204$, из них 152 — юноши; $M_{\text{возраст}} = 19,3$, $SD = 1,263$), студенты-психологи ($N = 50$, из них 3 — юноши; $M_{\text{возраст}} = 20,4$, $SD = 1,617$).

Использовалась батарея опросников: шкалы «Согласие» и «Добросовестность» опросника «NEO-FFI» (в адаптации В. Орла, И. Сенина), «ВРАQ-24» (в адаптации С. Ениколопова, Н. Цыбульского), «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (в адаптации Н.В. Мешковой и др., 2018).

В выборках 2023 и 2024 годов исследования были дополнительно включены шкалы опросников моральной идентичности «Интернализация» (в адаптации Ениколопова и др., 2023), «Этническая толерантность» опросника «Индекс толерантности» (Солдатова и др., 2002) и разработанная анкета с утверждениями о наличии/отсутствии внимания к новостям о ситуации в России и мире (далее ЗПО; переменная измерялась по шкале от 1 до 3, где 1 — внимательно слежу за событиями; 2 — знаю о событиях в общих чертах; 3 — совсем не интересуюсь) и об источниках этой информации (далее ИПО; переменная измерялась по шкале от 1 до 4, где 1 — телевидение, 2 — Интернет, 3 — социальные сети, 4 — родители и знакомые).

Математико-статистическая обработка проводилась в программе Jamovi-2.3.24 с применением методов описательной статистики, однофакторного анализа ANOVA и пост-хок-теста по критерию Тьюки, корреляционного анализа с использованием критерия Спирмена, иерархического регрессионного анализа, линейной регрессии для анализа взаимодействия переменных.

Для выявления возрастных особенностей в проявлении антисоциальной креативности проводился анализ тенденций в различиях в уровне переменных по выборкам: а) кадеты—курсанты и б) подростки—студенты. Для выявления контекстных особенностей антисоциальной креативности сравнения проводились по выборкам: кадеты—подростки и подростки—взрослая часть генеральной совокупности.

Результаты исследования

В табл. 1 представлена описательная статистика переменных по каждой выборке.

Таблица 1

Описательная статистика переменных по выборкам

Переменные	Среднее, SD			
	Кадеты, 2018 г. (N = 96)	Подростки 2024 г. (N = 47)	Курсанты 2023 г. (N = 2014)	Студенты- психологи, 2023 г. (N = 50)
1. Антисоциальная креативность	13,8 SD = 7,26	22,2 SD = 7,92	7,95 SD = 5,81	12,1 SD = 7,08
2. Согласие	38,6 SD = 5,98	35,3 SD = 5,48	44,4 SD = 4,52	43,2 SD = 5,72
3. Добросовестность	43,1 SD = 7,36	37,9 SD = 5,96	48,9 SD = 5,24	41,2 SD = 7,02
4. Физическая агрессия	24,2 SD = 5,99	25,1 SD = 5,34	18,1 SD = 5,36	17,3 SD = 6,59
5. Гнев	21,7 SD = 3,87	22,0 SD = 4,86	13,7 SD = 5,32	18,9 SD = 6,34
6. Враждебность	22,2 SD = 5,95	22,8 SD = 4,52	14,2 SD = 4,71	19,6 SD = 6,69
7. Интериоризация	–	17,9 SD = 4,67	30,3 SD = 3,82	28,8 SD = 4,07
8. Этническая толерантность	–	24,4 SD = 4,07	29,0 SD = 5,27	32,4 SD = 5,01
9. ЗПО	–	1,43 SD = 0,645	1,44 SD = 0,545	1,94 SD = 0,373
10. ИПО	–	2,76 SD = 0,801	2,37 SD = 0,688	2,76 SD = 0,771

Примечание: ЗПО — интерес к событиям в России и мире; ИПО — источники информации новостей.

Возрастные особенности проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред

Однофакторный дисперсионный анализ (One-Way ANOVA) по критерию Уэлча показал: 1) выборки 2023—2024 годов исследования имеют различия по уровню моральной идентичности (далее Интер), этнической толерантности (далее ЭТ) и ответам на вопросы анкеты; 2) выборки 2018, 2023 и 2024 годов исследования отличаются уровнем антисоциальной креативности (далее АК), согласию (далее Согл), добросовестности (далее Доброс) и компонентами агрессии (значимость различий составила $p < 0,01$, соответственно для всех переменных).

Проведенный пост-хок-тест по критерию Тьюки выявил следующие различия в выборках:

1. Выборки кадетов и курсантов различаются по всем переменным: АК, компоненты агрессии значимо выше, а Согл и Добр значимо ниже в выборке кадетов. Подростки 2024 года исследования отличаются от кадетов значимо высокой АК и низкими Согл и Добр.
2. Выборки подростков и студентов-психологов различаются по всем переменным за исключением ответа на вопрос анкеты об источнике информации о положении России и в мире: АК, компоненты агрессии значимо выше, а Согл и Доброс значимо ниже в выборке подростков.
3. Выборки подростков, студентов-психологов и курсантов различаются по следующим переменным: Интер и ЭТ значимо ниже у подростков; ЗПО значимо выше у студентов-психологов, при этом различий между подростками и курсантами не выявлено; ИПО значимо ниже у курсантов, при этом различий между подростками и студентами-психологами не выявлено.

Результаты пост-хок-теста представлены на рис. 1—10.

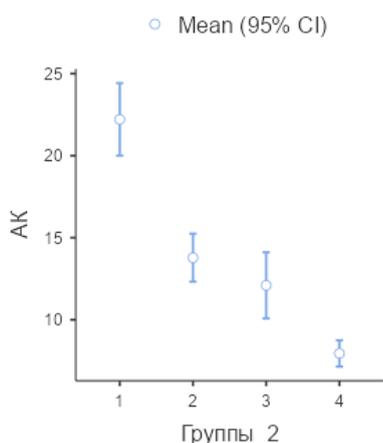

Рис. 1. Различия средних по антисоциальной креативности

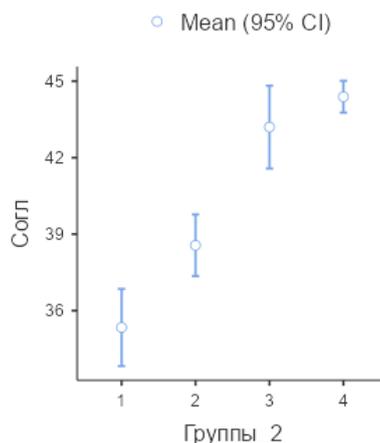

Рис. 2. Различия средних по согласию

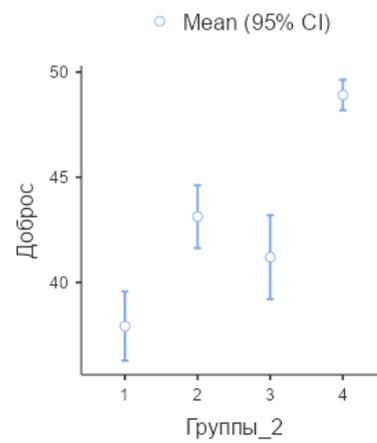

Рис. 3. Различия средних по добросовестности

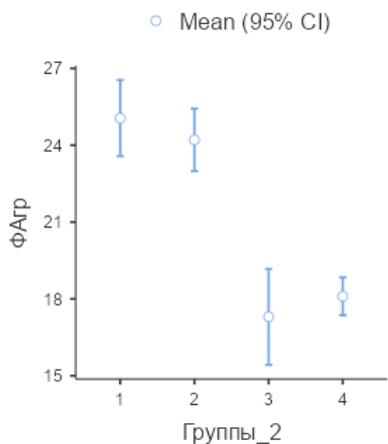

Рис. 4. Различия средних по физической агрессии

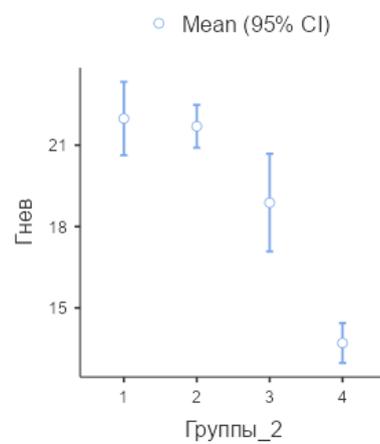

Рис. 5. Различия средних по гневу

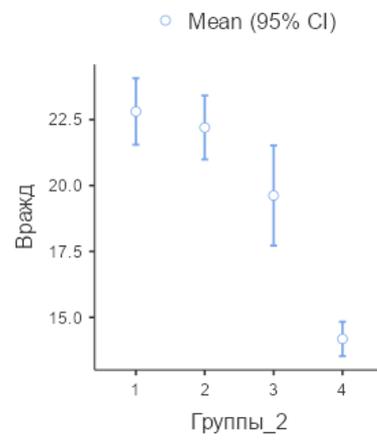

Рис. 6. Различия средних по враждебности

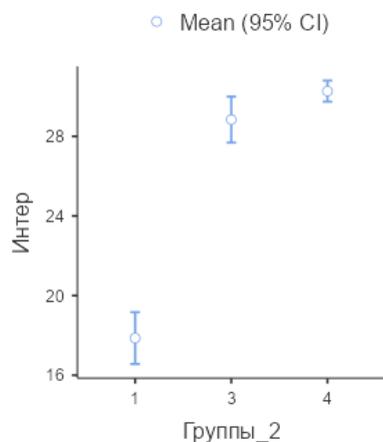

Рис. 7. Различия средних по интернализации

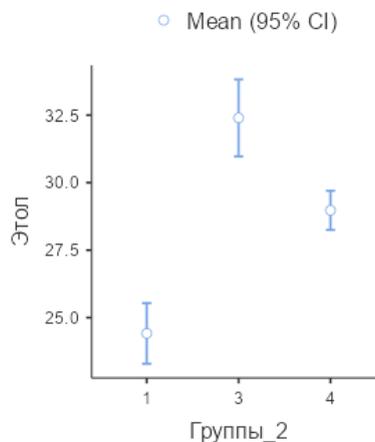

Рис. 8. Различия средних по этнической толерантности

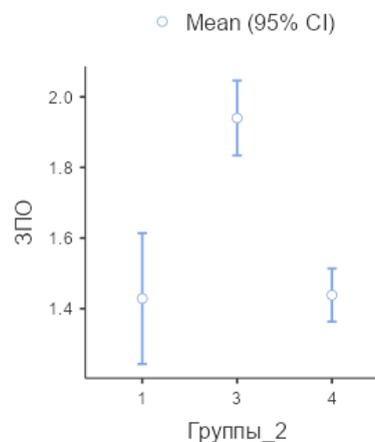

Рис. 9. Различия средних по интересу к положению в стране и мире

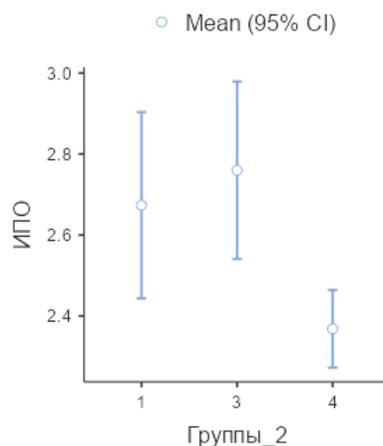

Рис. 10. Различия средних по источникам информации о положении в стране и мире

Примечание.: 1 — выборка подростков 2024 г., 2 — выборка кадетов 2018 г., 3 — выборка студентов-психологов 2023 год, 4 — выборка курсантов 2023 г.

Результаты корреляционного анализа по критерию Спирмена показали, что в генеральной совокупности все использованные в исследовании переменные шкал опросников значимо коррелируют друг с другом (табл. 2): АК — положительно с компонентами агрессии и отрицательно — с Согл, Доброс, Интер и ЭТ; компоненты агрессии — отрицательно с Согл, Доброс, Интер и ЭТ; Согл, Доброс, Интер и ЭТ положительно коррелируют друг с другом. ЗПО положительно коррелирует с ЭТ, гневом, враждебностью и АК, и отрицательно — с Доброс. ИПО отрицательно коррелирует с Интер, Согл, Доброс и положительно — с гневом, враждебностью, АК.

В выборке подростков 2024 года исследования выявлены значимые корреляции: АК — положительные с ФАгр и отрицательные — с Интер и ЭТ; Вражд — отрицательные с Интер

и положительные — с Доброс; ФАгр — отрицательные с Интер, Гнева — отрицательные с Согл; положительные ЗПО — с Гневом.

Таблица 2

**Корреляционная матрица переменных в генеральной совокупности и подростков
2024 г. (критерий Спирмена)**

Пере- менные	Интер	ЭТ	Согл	Доброс	ФАгр	Гнев	Вражд	АК
ЭТ	0,440***	-	-	-	-	-	-	-
Согл	0,580***	0,280***	-	-	-	-	-	-
Доброс	0,525***	0,192***	0,486***	-	-	-	-	-
ФАгр	-0,428***/ -0,382**	-0,384***	-0,488***	-0,363***	-	-	-	-
Гнев	-0,397***	-0,180**	-0,493***/ -0,320*	-0,480***	0,573***	-	-	-
Вражд	-0,407***/ -0,309*	-0,200***	-0,469***	-0,462***/ 0,351*	0,530***	0,688***	-	-
АК	-0,464***/ -0,462***	-0,283***/ -0,307*	-0,556***	-0,506***	0,593***/ 0,324*	0,571***	0,614***	-
ЗПО	0,001	0,145*	-0,058	-0,199***	-0,074	0,277***/ 0,405**	0,243***	0,118*
ИПО	-0,150**	0,052	-0,128*	-0,284***	0,031	0,230***	0,236***	0,257***

Примечание: «*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$; жирным шрифтом выделены значимые корреляционные связи, выявленные в выборке подростков 2024 года исследования.

Контекстные особенности проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред

Регрессионный анализ в генеральной совокупности показал, что 39% дисперсии значений АК объясняется враждебностью, 14% добавляет физическая агрессия, 5% — интернализация ($\beta = 0,458; 0,394; -0,319; p < 0,01$ соответственно), 1% — согласие ($\beta = -0,169; p < 0,05$). Регрессионный анализ в выборке подростков 2024 года показал, что 26% дисперсии значений АК объясняется интернализацией ($\beta = -0,669; p < 0,01$).

Сила связи между переменными проверялась с помощью линейной регрессии, которая с контролем выборок исследования показала, что связь между некоторыми переменными неодинакова. Коэффициенты линейной регрессии приведены в табл. 3—5. По результатам линейной регрессии в выборке подростков 2024 года сила связи согласия с антисоциальной креативностью значительно слабее, чем в выборках кадетов и курсантов, но не отличается от студентов-психологов; сила связи интернализации и антисоциальной креативности значимо сильнее по сравнению с курсантами, но не отличается по силе от студентов-психологов; связь моральной идентичности и согласия значимо сильнее по сравнению со взрослыми выборками.

Таблица 3

**Коэффициенты линейной регрессии переменных согласие, выборки
и влияния их взаимодействия на антисоциальную креативность**

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Антисоциальная креативность	-	< 0,001	1,295	16,60
Согласие (центрированная переменная)	-0,085	0,473	0,158	- 0,718
Выборки				
2-1	-1,2023	< ,001	1,474	-6,645
4-1	-1,4894	< ,001	1,387	-8,747
3-1	-1,0901	< ,001	-5,646	-5,646
Взаимодействие Согласия_центр. и выборки (2019—2023)				
Согл_центр. * (2-1)	-0,4171	0,004	0,190	-2,914
Согл_центр. * (4-1)	-0,3137	0,025	0,184	-2,255
Согл_центр. * (3-1)	-0,1793	0,280	0,220	-1,081

Примечание: 1 — выборка подростков 2024 года; 2 — кадеты 2018 года; 4 — курсанты 2023 года; 5 — студенты-психологи 2023 года.

Таблица 4

**Коэффициенты линейной регрессии переменных интернализация, выборки
и влияния их взаимодействия на антисоциальную креативность**

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Антисоциальная креативность	-	< 0,001	2,046	6,865
Интернализация (центрированная переменная)	-0,599	< 0,001	0,186	-4,405
Выборки				
4-1	-0,656	0,010	2,108	-2,597
3-1	-0,178	0,501	2,234	-0,674
Взаимодействие Интернализация_центр, и выборки (2023—2024)				
Интер_центр. * (4-1)	0,408	0,011	0,218	2,563
Интер_центр. * (3-1)	0,255	0,222	0,286	1,225

Примечание: 1 — выборка подростков 2024 года; 4 — курсанты 2023 года; 5 — студенты-психологи 2023 года.

Таблица 5

**Коэффициенты линейной регрессии переменных интернализация, выборки
и влияния их взаимодействия на согласие**

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Согласие	-	< ,001	1,509	23,252
Интернализация (центрированная переменная)	-0,0451	0,751	0,137	-0,318

Выборки				
4-1	1,4197	<,001	1,555	5,350
3-1	1,2637	<,001	1,648	4,487
Взаимодействие Интернализации_центр. и выборок (2023—2024)				
Интер центр. * (4-1)	0,4769	0,004	0,160	2,869
Интер центр. * (3-1)	0,8449	<,001	0,210	3,868

Примечание: 1 — выборка подростков 2024 года; 4 — курсанты 2023 года; 5 — студенты-психологи 2023 года.

Обсуждение результатов

Возрастные особенности проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред

Для выявления возрастных особенностей проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, проводился анализ различий в уровне переменных антисоциальной креативности по выборкам: а) кадеты-курсанты и б) подростки-студенты. Были выявлены следующие различия: уровни переменных антисоциальной креативности значимо выше у подростков 2024 года и кадетов 2018 года по сравнению с более старшей по возрасту выборкой курсантов и студентов-психологов, обследованных в 2023 г. Несмотря на то, что между выборками подростков, к которым относятся и кадеты, имеются различия по уровню этой переменной, тенденция к сохранению различий между ними и молодежной частью выборок сохраняется, таким образом, что склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении в виде лжи, шуток и нанесения вреда в виде мести выше у подростков. Полученный результат подтверждает гипотезу о наличии возрастных особенностей в антисоциальной креативности, которые являются постоянными в разных социополитических контекстах, и согласуется с ранее полученными данными на курсантах и подростках (Мешкова и др., 2020; Бочкова, 2023) и подростках-делинквентах и осужденных взрослого возраста (Szabó et al., 2022).

Контекстные особенности проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред

Выборка подростков 2024 года и кадеты 2019 года различаются по уровню антисоциальной креативности так, что склонность у подростков к проявлению антисоциальной креативности выше, чем у кадетов в 2018 г., что подтверждает первую гипотезу о различиях в уровне антисоциальной креативности в разных социально-политических контекстах. Однако в выявленных различиях в уровне антисоциальной креативности прослеживается интересная тенденция: в выборках, не имеющих отношения к силовым структурам (подростки 2024 года и студенты-психологи 2023 года), склонность проявления антисоциальной креативности выше по сравнению с кадетами и курсантами, причем у курсантов она самая низкая. Отличительной особенностью курсантов стало сочетание высоких показателей добросовестности и моральной идентичности с низкими показателями гнева и враждебности. Иными словами, организованные и дисциплинированные люди, для которых значимы качества морального человека, с пониженным уровнем готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении, не переживающие чувства несправедливости и неудовлетворенности желаний, наименее склонны к поведению, в котором может реализоваться антисоциальная креативность. Кадеты 2018 года отличаются от подростков 2024 года более развитыми чертами со-

гласия и добросовестности, т. е. они более дисциплинированы и организованы, в большей степени склонны к сотрудничеству и менее эгоцентричны. Согласно регрессионному анализу, в общей выборке главным предиктором антисоциальной креативности является враждебность, у подростков 2024 года моральная идентичность стала главным и единственным предиктором. По результатам линейной регрессии связь антисоциальной креативности по силе меньшая с сотрудничеством и большая с моральной идентичностью в выборках, не имеющих отношения к силовым структурам. Иными словами, выборка подростков 2024 года имеет больше сходства со студентами-психологами по связям антисоциальной креативности с другими переменными. В данном случае можно говорить о контексте профессиональной специфики: у обучающихся в кадетском корпусе или в вузе МВД могут целенаправленно развиваться положительные характеристики, которые в конечном итоге способствуют снижению склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим, чего не наблюдается у обучающихся в обычных школе и вузе. Пример с чертой «Согласие» иллюстрирует, что у кадетов и курсантов она в большей степени может контролировать поведение, наносящее вред, притом что по компонентам агрессии кадеты и подростки 2024 года не имеют значимых различий. Здесь стоит отметить, что при сравнении кадетов 2018 года и школьников 2024 года, как и при сравнении курсантов и студентов-психологов 2024 года следует учитывать ограничение, которое состоит в отмеченной выше профессиональной специфике. С одной стороны, это ограничение не позволяет выявить изменения в психологических характеристиках, которые имеют место в разных социально-политических условиях вне профессиональной специфики, для чего требуется продолжение исследований или проведение лонгитюдных исследований. С другой стороны, оно позволяет выявить те психологические характеристики, на которые стоит обратить внимание при профилактике антисоциальной креативности у обычных подростков и подростков с девиантным поведением. В данном случае, основываясь на выявленных у курсантов и кадетов психологических характеристиках, опосредующих более низкую антисоциальную креативность по сравнению с выборками, не имеющими отношения к силовым структурам, акцент в профилактике следует уделять развитию сотрудничества и кооперации, снижению эгоцентризма, развитию организованности и дисциплинированности. По полученным результатам видно, что высокая моральная идентичность у подростков 2024 года без сочетания с высоко развитыми чертами «Согласие» и «Добросовестность» обеспечивает снижение склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, в меньшей степени, чем у кадетов 2018 года, имеющих более высоко развитые личностные черты.

Что касается моральной идентичности и, в частности, значимости в идентичности обладания качествами морального человека, то здесь следует провести аналогию по результатам двух исследований, проведенных ранее. Во-первых, у юношей-курсантов 2023 года уровень моральной идентичности значимо выше по сравнению с курсантами 2019 года, но никакой корреляционной связи с антисоциальной креативностью выявлено не было (Мешкова и др., 2024). Во-вторых, у студентов-психологов в январе 2022 г. уровень моральной идентичности был значимо ниже, чем у подростков, обследованных в апреле 2022 г. (Мешкова, 2023). Можно говорить о том, что в контексте 2024 г. и нескольких предыдущих лет в условиях СВО у подростков, как и у студентов/курсантов активизируется моральная идентичность. Моральная идентичность, в данном случае та ее часть, которая включает значимость обладания качествами морального человека, являясь частью социальной идентичности, активизиру-

ется под влиянием ситуации (Aquino, Reed, 2002) и под влиянием социально-политических условий последних лет (Мешкова и др., 2024). Анализ связи между моральной идентичностью и чертой «Согласие» показал, что у подростков нет связи между этими переменными, в то время как у взрослой части выборки эта связь — положительная, т. е. значимость в идентичности качеств морального человека сопровождается соответствующим поведением в виде сотрудничества и кооперации с окружающими людьми. Таким образом, полученные результаты косвенно подтверждают гипотезу о том, что в разных социально-политических контекстах существуют различия в связях как антисоциальной креативности с личностными характеристиками, так и между личностными характеристиками.

Отдельного внимания заслуживают результаты корреляционного анализа связи антисоциальной креативности и ответов на вопросы анкеты. Если рассматривать молодежные выборки 2023 года, то отсутствие интереса к положению в стране и мире сочетается со склонностью к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, с неорганизованностью, недисциплинированностью, повышенным уровнем готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении, с переживанием несправедливости и неудовлетворенности желаний, готовностью интерпретировать любые стимулы как негативные. У подростков 2024 года отсутствие интереса сочетается только с повышенным уровнем готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении. Что касается источника информации, то здесь интересно выяснить характеристики личности, получающей информацию из официальных источников. Прежде всего это касается взрослой части генеральной совокупности, поскольку никаких корреляций в выборке подростков выявлено не было. Получающие информацию из официальных источников: а) менее склонны к поведению, в котором воплощается антисоциальная креативность, к негативным чувствам и к интерпретации любых стимулов как негативных и б) более организованны и дисциплинированы, более склонны к сотрудничеству и кооперации, для них в большей степени значимы качества морального человека в собственной идентичности. Результаты исследования показывают, что подростки 2024 года, как и курсанты, в отличие от студентов-психологов, внимательно следят за обстановкой в стране и мире; при этом курсанты в большей степени опираются на официальные источники информации, а подростки и студенты-психологи — на социальные сети и ближайшее окружение. В условиях текущего социально-политического контекста снижению антисоциальной креативности может способствовать грамотная пропаганда в СМИ, без истерик и не вызывающая реакции гнева, не формирующая образ врага. Профилактика антисоциальной креативности в современных условиях должна обязательно проводиться и в социальных сетях, и в образовательных учреждениях и опираться на активизацию моральной идентичности у подрастающей личности. Что касается активизации моральной идентичности у подростков и молодежи, то, принимая во внимание, что используемый для диагностики моральной идентичности инструментарий был разработан для выявления личности, склонной к волонтерству (Aquino, Reed, 2002), важным мероприятием, способствующим снижению антисоциальной креативности, может стать и вовлечение в волонтерское движение.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В разных социально-политических контекстах у подростков склонность проявления антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям в межличностном

взаимодействии, различается: в контексте СВО она выше, чем в относительно спокойных доковидных условиях.

2. Склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям (ложь, злые шутки, оригинальные способы мести) свойственна подросткам в большей степени, чем молодежи. Такая тенденция сохраняется в разных социально-политических условиях (при сравнении доковидного контекста и продолжающегося контекста СВО) и в разных профессиональных контекстах (при сравнении выборов силовых структур и гражданских выборов, не имеющих отношения к силовым структурам). При этом у представителей разных профессиональных контекстов свои особенности: уровень антисоциальной креативности ниже у представителей силовых структур.

3. В текущем социально-политическом контексте у подростков и молодежи, не имеющей отношения к силовым структурам, уровень антисоциальной креативности в большей степени опосредуется таким компонентом моральной идентичности, как значимость обладания качествами морального человека: чем выше значимость, тем ниже склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред. Профилактические мероприятия в социальных сетях и образовательных учреждениях по снижению антисоциальной креативности должны опираться на активизацию моральной идентичности. При этом не менее важно уделить внимание развитию сотрудничества и кооперации, снижению эгоцентризма, развитию организованности и дисциплинированности как личностных характеристик, способствующих наибольшему снижению антисоциальной креативности.

4. В мониторинге профессионально важных качеств и при отборе в силовые структуры важно учитывать следующие характеристики: наличие черт согласия и добросовестности, эмоциональный и когнитивный компоненты агрессии, уровень моральной идентичности. Интервенции с упором на данные характеристики в кадетских корпусах будут способствовать снижению склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям.

Заключение

В фокусе настоящего исследования находились подростки, обследованные в 2024 г. в условиях продолжающейся несколько лет специальной военной операции. Результаты показали, что склонность к проявлению антисоциальной креативности, связи с личностными характеристиками и связи самих характеристик имеют особенности у молодежи и подростков в разных социально-политических условиях и в то же время схожие закономерности, если принимать во внимание профессиональную специфику, в данном случае принадлежность к силовым и гражданским профессиям. Исследование имеет ограничения, поскольку сравнивались результаты срезов, в которых участниками были представители двух профессиональных специализаций, не уравниваемых по полу. Кроме того, обследование 2023—2024 годов расширено по количеству переменных, что позволило лишь косвенно их сравнить с 2018 годом. Однако привлечение профессионального контекста в исследование, ориентированное на поиск особенностей антисоциальной креативности в разных социально-политических условиях, показало преимущество в выявлении тенденций феномена и определении направления профилактических мероприятий и интервенций для подростков и людей гражданских профессий. Более того, учитывая обозначенные характеристики, можно говорить о том, что молодежь из выборки силовых структур в большей степени адаптирована к текущему социально-политическому контексту и выявленные связи и закономерности будут полезны при пси-

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
Особенности антисоциальной креативности
и ее профилактики у подростков в современном
социально-политическом контексте
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Features of Malevolent Creativity
and its Prevention in Adolescents
in the Modern Socio-Political Context
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32

хологической работе как с обычными подростками, так и с подростками с девиантным поведением: важной составляющей в профилактике антисоциальной креативности является целенаправленная работа по развитию черт личности с опорой на моральные качества.

Литература

1. Бочкова М.Н. Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2023130310
2. Ениколопов С.Н., Бочкова М.Н., Мешкова Н.В., Мешков И.А. Адаптация опросника моральной идентичности на российской выборке [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 3. С. 115–134. doi:10.17759/psyedu.2023150308
3. Мешкова Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 100–108. doi:10.17759/jmfp.2023120111
4. Мешкова Н.В., Бочкова М.Н., Кравцов О.Г. Антисоциальная креативность и личностные характеристики юношей в разных социально-политических условиях: связь и взаимодействие [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Том 47. № 1. С. 88–105. doi:10.11621/LPJ-24-04
5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т., Кравцов О.Г., Бочкова М.Н., Мешков И.А. Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 1. С. 59–71. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72
6. Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306
7. Aquino K.F., Reed A. The Self-importance of Moral Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(6). P. 1423–1440. doi:10.1037/0022-3514.83.6.1423
8. Bedu-Addo P., Mahama I., Amoako B., Amos P., Antwi T. Neglectful Parenting and Personality Traits as Predictors of Malevolent Creativity among Ghanaian Tertiary Education Students // Creative Education. 2023. Vol. 14. P. 232–244. doi:10.4236/ce.2023.142016
9. Cui X., Zhang X., Zhang H. The impact of parenting style on malevolent creativity based on Chinese university students: a latent profile analysis // Frontiers in Psychol. 2024. Vol. 15. doi:10.3389/fpsyg.2024.363778
10. Hennessey B.A., Amabile T.M. Creativity // Annual Review of Psychology. 2010. Vol. 61. P. 569–598. doi:10.1146/annurev.psych.093008.100416
11. Hunter S.T., Walters K., Nguyen T., Manning C., Miller S. Malevolent Creativity and Malevolent Innovation: A Critical but Tenuous Linkage // Creativity Research Journal. 2021. Vol. 34(9). doi:10.1080/10400419.2021.1987735
12. Kapoor H., Kaufman J.C. The evil within: The AMORAL model of dark creativity // Theory & Psychology. 2022. Vol. 32(3). P. 467–490. doi:10.1177/09593543221074326

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
Особенности антисоциальной креативности
и ее профилактики у подростков в современном
социально-политическом контексте
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Features of Malevolent Creativity
and its Prevention in Adolescents
in the Modern Socio-Political Context
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32

13. Li W., Zhang L., Qin Z., Chen J., Liu C. Childhood Trauma and Malevolent Creativity in Chinese College Students: Moderated Mediation by Psychological Resilience and Aggression // *Journal of Intelligence*. 2022. Vol. 10(4). P. 97. doi:10.3390/jintelligence10040097
14. Lubart T. The 7 C's of Creativity // *Journal of Creative Behavior*. 2017. Vol. 51. P. 293–296. doi:10.1002/jocb.190
15. Rhodes M. An analysis of creativity // *The Phi Beta Kappan*. 1961. Vol. 42(7). P. 305–310.
16. Sternberg R.J., Karami S. An 8P theoretical framework for understanding creativity and theories of creativity // *Journal of Creative Behavior*. 2022. Vol. 56(1). P. 55–78. doi:10.1002/jocb.516
17. Szabó E., Körmendi A., Kurucz G., Cropley D., Olajos T., Pataky N. Personality Traits as Predictors of Malevolent Creative Ideation in Offenders // *Behavioral Sciences*. 2022. Vol. 12(7). doi:10.3390/bs12070242
18. Tromp C., Sternberg R. Dynamic Creativity: A Person × Task × Situation Interaction Framework // *The Journal of Creative Behavior*. 2022. Vol. 56(4). P. 553–565. doi:10.1002/jocb.551
19. Woodman R.W., Schoenfeldt L.F. An interactionist model of creative behavior // *The Journal of Creative Behavior*, 1990. Vol. 24(4). P. 279–290. doi:10.1002/j.2162-6057.1990.tb00549.x

References

1. Bochkova M.N. Osobennosti svyazi antisotsial'noi kreativnosti i ponimaniya sobstvennykh ehmotсии [Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2023130310 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Enikolopov S.N., Bochkova M.N., Meshkova N.V., Meshkov I.A. Adaptatsiya oprosnika moral'noi identichnosti na rossiiskoi vyborke [Adaptation of the Moral Identity Questionnaire on the Russian Sample] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 115–134. doi:10.17759/psyedu.2023150308 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Meshkova N.V. Sotsial'naya kreativnost' i sotsial'nyi kontekst: perspektivy issledovaniya [Social Creativity and Context: Perspectives of Research] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 100–108. doi:10.17759/jmfp.2023120111 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Meshkova N.V., Bochkova M.N., Kravtsov O.G. Antisotsial'naya kreativnost' i lichnostnye kharakteristiki yunoshei v raznykh sotsial'no-politicheskikh usloviyakh: svyaz' i vzaimodeistvie [Malevolent Creativity and Personal Features of Young People in Different Socio-Political Conditions: Relationship and Interaction] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*, 2024. Vol. 47, no. 1, pp. 88–105. doi:10.11621/LPJ-24-04 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtsev V.T., Kravtsov O.G., Bochkova M.N., Meshkov I.A. Vozrastnye i polovye osobennosti lichnostnykh prediktorov antisotsial'noi kreativnosti [Age and Gender Characteristics of Personality Predictors for Antisocial Creativity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 59–71. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Meshkova N.V., Shapoval V.A., Gerasimenko E.A., Potarykina M.S., Meshkov I.A. Lichnostnye osobennosti i antisotsial'naya kreativnost' na primere kadetov i sotrudnikov MVD [Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen] [Elektronnyi

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
Особенности антисоциальной креативности
и ее профилактики у подростков в современном
социально-политическом контексте
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Features of Malevolent Creativity
and its Prevention in Adolescents
in the Modern Socio-Political Context
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32

resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306 (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Aquino K.F., Reed A. The Self-importance of Moral Identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 6, pp. 1423–1440. doi:10.1037/0022-3514.83.6.1423

8. Bedu-Addo P., Mahama I., Amoako B., Amos P., Antwi T. Neglectful Parenting and Personality Traits as Predictors of Malevolent Creativity among Ghanaian Tertiary Education Students. *Creative Education*, 2023. Vol. 14, pp. 232–244. doi:10.4236/ce.2023.142016

9. Cui X., Zhang X., Zhang H. The impact of parenting style on malevolent creativity based on Chinese university students: a latent profile analysis. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15. doi:10.3389/fpsyg.2024.363778

10. Hennessey B.A., Amabile T.M. Creativity. *Annual Review of Psychology*, 2010. Vol. 61, pp. 569–598. doi:10.1146/annurev.psych.093008.100416

11. Hunter S.T., Walters K., Nguyen T., Manning C., Miller S. Malevolent Creativity and Malevolent Innovation: A Critical but Tenuous Linkage. *Creativity Research Journal*, 2021. Vol. 34, no. 9. doi:10.1080/10400419.2021.1987735

12. Kapoor H., Kaufman J.C. The evil within: The AMORAL model of dark creativity. *Theory & Psychology*, 2022. Vol. 32, no. 3, pp. 467–490. doi:10.1177/09593543221074326

13. Li W., Zhang L., Qin Z., Chen J., Liu C. Childhood Trauma and Malevolent Creativity in Chinese College Students: Moderated Mediation by Psychological Resilience and Aggression. *Journal of Intelligence*, 2022. Vol. 10, no. 4, pp. 97. doi:10.3390/jintelligence10040097

14. Lubart T. The 7 C's of Creativity. *Journal of Creative Behavior*, 2017. Vol. 51, pp. 293–296. doi:10.1002/jocb.190

15. Rhodes M. An analysis of creativity. *The Phi Beta Kappan*, 1961. Vol. 42, no. 7, pp. 305–310.

20. Sternberg R.J., Karami S. An 8P theoretical framework for understanding creativity and theories of creativity. *Journal of Creative Behavior*, 2022. Vol. 56, no. 1, pp. 55–78. doi:10.1002/jocb.516

21. Szabó E., Körmendi A., Kurucz G., Croypley D., Olajos T., Pataky N. Personality Traits as Predictors of Malevolent Creative Ideation in Offenders. *Behavioral Sciences*, 2022. Vol. 12, no. 7. doi:10.3390/bs12070242

22. Tromp C., Sternberg R. Dynamic Creativity: A Person × Task × Situation Interaction Framework. *The Journal of Creative Behavior*, 2022. Vol. 56, no. 4, pp. 553–565. doi:10.1002/jocb.551

23. Woodman R.W., Schoenfeldt L.F. An interactionist model of creative behavior. *The Journal of Creative Behavior*, 1990. Vol. 24, no. 4, pp. 279–290. doi:10.1002/j.2162-6057.1990.tb00549.x

Информация об авторах

Мешкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий, отдел клинической психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва,

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
Особенности антисоциальной креативности
и ее профилактики у подростков в современном
социально-политическом контексте
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15–32

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Features of Malevolent Creativity
and its Prevention in Adolescents
in the Modern Socio-Political Context
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15–32

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail:
enikolopov@mail.ru

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии, независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail:
boschkova.m84@gmail.com

Мешков Иван Андреевич, магистр психологии, независимый исследователь, г. Москва, Рос-
сийская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail:
ivan_meshkov1985@gmail.com

Information about the authors

*Natalya V. Meshkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Theoretical Founda-
tions of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology
and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshko-
vanv@yandex.ru*

*Sergey N. Enikolopov, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Clinical Psychology,
Mental Health Research Centre, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>,
e-mail: enikolopov@mail.ru*

*Margarita N. Bochkova, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com*

*Ivan A. Meshkov, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com*

Получена 07.09.2024

Received 07.09.2024

Принята в печать 20.10.2024

Accepted 20.10.2024

К проблеме разработки концепции организации социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибалт В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Современное детство и взросление протекают в условиях новой социальной ситуации развития. Стремительное развитие цифровых технологий, банализация Интернета в практике повседневной жизни детей и подростков предоставляют не только новые возможности для самореализации, но и сталкивают с новыми угрозами и рисками в цифровой среде. Такие социально значимые проблемы, как кибербуллинг, сексуальный онлайн груминг, интернет-зависимость и другие проявления отклоняющегося онлайн-поведения, ставят перед специалистами сложные задачи выстраивания работы с клиентами не только в офлайн-, но и в онлайн-режиме. В связи с этим необходимо осмысление новых аспектов профессиональной деятельности, связанных с необходимостью оказания помощи в интернет-среде. В статье представлена концепция организации социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет, основанная на эмпирически проверенной авторской модели компетенций специалиста по работе с онлайн-рисками и ресурсами и разработанная на основе схемы деятельности, предложенной У. Энгстрёмом. Опираясь на типологию онлайн-рисков, обосновывается цель и задачи, профилактическая направленность деятельности специалистов по социальной и психолого-педагогической работе с подростками, описываются организационные аспекты такой работы.

Ключевые слова: онлайн-риски, социальная и психолого-педагогическая работа, направление деятельности, абилитационная модель профилактики, компетенции специалистов, работа с подростками в сети Интернет.

Для цитаты: Богданович Н.В., Делибалт В.В. К проблеме разработки концепции организации социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 33–49. DOI:10.17759/psylaw.2024140403

To the Problem of Developing the Concept of Organising Social and Psychological-Pedagogical Work with Adolescents on the Internet

Natalia V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Modern childhood and adulthood take place in a new social situation of development. The rapid development of digital technologies and the banalisation of the Internet in the practice of everyday life of children and adolescents provide not only new opportunities for self-realisation, but also confront new threats and risks in the digital environment. Such socially significant problems as cyberbullying, online sexual grooming, Internet addiction and other manifestations pose complex tasks for professionals to build work with clients not only offline but also online. In this regard, it is necessary to comprehend new aspects of professional activity related to the need to provide assistance in the Internet environment. The article presents the concept of organisation of social and psychological-pedagogical work with adolescents in the Internet, based on the empirically verified author's model of competences of a specialist in working with online risks and resources and developed on the basis of the scheme of activities proposed by U. Engeström. Engeström. Based on the typology of online risks, the aim and objectives, preventive orientation of the activity are substantiated, and the organisational aspects of such work are described.

Keywords: online risks, social and psychological-pedagogical work, direction of activity, habilitation model of prevention, competences of specialists, work with adolescents on the Internet.

For citation: Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. To the Problem of Developing the Concept of Organising Social and Psychological-Pedagogical Work with Adolescents on the Internet. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49. DOI:10.17759/psylaw.2024140403 (In Russ.).

Введение

Современное общество постоянно сталкивается с различными вызовами и угрозами, которые часто связаны со все возрастающим проникновением интернет-технологий в повседневную жизнь [2; 3; 5; 16]. Эти вызовы обусловлены как постоянной потребностью быть в курсе новых тенденций и явлений (например таких, как искусственный интеллект и его вклад в автоматизацию разных процессов), так и появлением разных рисков, в том числе связанных с отклоняющимся поведением в сети Интернет [12; 17; 18; 21; 22]. Несмотря на то, что происходит бурное обсуждение таких негативных явлений, как кибербуллинг, группы смерти, фэйки, треш-контент и пропаганда разных экстремистских групп, в должностные обязанно-

сти специалистов разного профиля пока не включена работа с данными явлениями. При этом в ходе научных исследований уже доказано, что они оказывают влияние на развитие современных детей и подростков и есть запрос на помощь со стороны самих детей и подростков, их родителей, а также смежных специалистов (например, учителей).

Обозначенные проблемы требуют обоснования и разработки концепции организации социальной и психолого-педагогической работы специалистов системы образования, центров «Подростки России» и других учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений с подростками в сети Интернет.

Методология и методы исследования

В статье используется теоретическая методология, включающая анализ исследований, посвященных онлайн-рискам, деятельностная теория Ю. Энгестрема [10; 11] для описания концепции организации социальной и психолого-педагогической работы специалистов с подростками в онлайн-пространстве в соответствии со следующими пунктами:

- возможные запросы к специалисту;
- цель, задачи и направление деятельности специалиста;
- нормативно-правовая база деятельности;
- клиентские группы;
- теоретическое обоснование деятельности;
- компетенции специалистов;
- организация социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет;
- межведомственное взаимодействие;
- методическое обеспечение;
- материально-технологическое обеспечение;
- оценка эффективности деятельности.

Результаты и их обсуждение

Возможные запросы к специалисту. По результатам исследования Г.У. Солдатовой, В.Н. Шляпникова, М.А. Журиной (2015) [22], можно выделить основные запросы к специалисту для работы с онлайн-рисками: так, коммуникационные риски составляют 35% обращений, технические — 31% обращений, контентные — 14%, потребительские риски — 11%, а чрезмерная увлеченность Интернетом — 9%.

Соответственно, авторы выделяют следующие типы запросов к специалистам в контексте столкновения с онлайн-рисками и их предупреждения.

1. Коммуникативные риски:

- кибербуллинг (травля в Интернете);
- шантаж распространением информации о подростке (в том числе ложной);
- сексуальное домогательство (груминг, секстинг и т. д.);
- вовлечение в социально опасные группы (суицидальной, экстремистской и т.д. направленности);
- общение с целью узнать личную информацию (в том числе о родителях, включая данные их платежных карточек и т. д.).

2. Технические риски:

- повреждение устройств, имеющейся на них информации и программного обеспечения;

- кража персональных данных в результате действия вредоносных программ;
 - взлом аккаунтов с целью использования в своих целях (в том числе с рассылкой сообщений с просьбой о деньгах);
 - с помощью вредоносных программ мошенники могут вымогать у пользователей деньги, запугивая их угрожающими сообщениями.
3. Контентные риски:
- столкновение с порнографией (материалами сексуального характера);
 - просмотр агрессивного контента (жестокость, насилие, агрессия);
 - пропаганда наркотиков, алкоголя, сигарет, самоубийств, опасных способов похудения.
4. Потребительские риски:
- фишинг («выуживание» персональных данных);
 - кража денежных средств;
 - приобретение некачественной или контрафактной продукции.
5. Чрезмерная увлеченность Интернетом:
- интернет-зависимость и чрезмерное использование цифровых устройств;
 - игровая зависимость;
 - предотвращение зависимости.

Таким образом, *цель деятельности специалиста* можно обозначить как оказание социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетним при столкновении с онлайн-рисками и для их предотвращения, а также обеспечение подростков (а также их родителей и специалистов, работающих с ними) необходимыми для полноценного развития ресурсами в сети Интернет.

При анализе деятельности данного рода специалиста [см.: 10] можно выделить следующие *задачи*:

- проведение мониторинга рисков и ресурсов социальной среды развития подростков, включая использования сети Интернет;
- разработка индивидуальной программы социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетнему, в том числе при участии необходимых для этой помощи смежных специалистов (включая межведомственное взаимодействие), самого несовершеннолетнего и его законных представителей;
- прогнозирование результатов социальной и психолого-педагогической помощи на основании оценки потребностей, личностных ресурсов и рисков несовершеннолетнего, принимая во внимание его жизненную ситуацию;
- взаимодействие со смежными специалистами (в том числе в рамках межведомственного взаимодействия) по вопросам социальной и психолого-педагогической помощи в интересах несовершеннолетнего в форме консультирования и диспетчерской деятельности;
- выбор технологий помощи несовершеннолетнему и его семье и обеспечение им доступа к этим технологиям;
- подбор эффективных методов и методик социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетнему в соответствии с его актуальным состоянием, уровнем развития, возрастом, образованием, социальным статусом;
- определение готовности несовершеннолетнего к участию в индивидуальных и групповых программах в рамках программы помощи и мотивирование его и его окружения (например, семьи) к участию в ней;

- консультирование и просвещение несовершеннолетнего, его законных представителей, специалистов образовательных, социозащитных и медицинских организаций по вопросам онлайн-рисков и ресурсов сети Интернет;
- развитие и поддержание обмена профессиональными технологиями с другими специалистами по социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетнему в сети Интернет;
- оценка эффективности социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетнему;
- оценка степени риска возникновения проблем у несовершеннолетнего после окончания работы и разработка рекомендаций по его сопровождению после завершения индивидуального программы помощи;
- документирование хода социальной и психолого-педагогической помощи несовершеннолетнему и составление отчета по ее результатам для целей аудита, передача их в соответствующие инстанции.

Направление деятельности. Акцент в деятельности данного специалиста должен ставиться на профилактику, понимаемую как направление деятельности специалистов системы профилактики (согласно ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [25]), целью которой является «...предупреждение отклонений в развитии и поведении через создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам» [7; 8].

Нормативно-правовая база. Работа специалиста по социальной и психолого-педагогической работе с подростками в сети Интернет имеет нормативно-правовую базу, которая, с одной стороны, относится к **профилактике безнадзорности и правонарушений и межведомственному взаимодействию** (Федеральный закон №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Федеральный закон №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года вместе с “Планом мероприятий на 2021—2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года”» [24; 25; 19]), с другой стороны — к **информационной безопасности** (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г, no. 1105-р «Об утверждении “Концепции информационной безопасности детей в РФ”»; Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14; 20; 27; 26; 23]).

Клиентские группы. С кем, собственно, должен работать данный специалист? В первую очередь, конечно, это подростки и их семьи (родители или лица их замещающие). Общественные тенденции показывают, что такая работа должна начинаться намного раньше подросткового возраста, поскольку это один из важных этапов превенции. Также необходимо учесть, что ограничиваться только работой с родителями недостаточно, порой нужно работать ком-

плексно с окружением несовершеннолетнего — как с его расширенной семьей (братья и сестры, дедушки и бабушки и т. д., которые могут играть даже большее значение в его киберсоциализации, чем родители), так и со сверстниками (одноклассниками, друзьями и т. д.). Особую клиентскую группу составляют специалисты, работающие с данными подростками (учителя, психологи, социальные педагоги, медики, юристы и т. д.), так как исследования показывают, что взрослое окружение нередко отстает в развитии цифровых компетенций, что, конечно, требуется преодолевать.

Теоретическое обоснование деятельности. В основу деятельности специалиста по социальной и психолого-педагогической работе с подростками в сети Интернет положена биопсихосоциальная модель, которая предполагает, что развитие человека (подростка в частности) происходит под действием различных факторов. Поэтому, с одной стороны, помощь должна быть основана на сборе информации из различных источников, с другой стороны эта помощь не должна ограничиваться работой одного специалиста (необходимо выстраивать межведомственное взаимодействие). Кроме того, специалист должен руководствоваться абилитационной моделью профилактики, которая предполагает не только устранение (нивелирование действия) факторов риска, но и опору на ресурсы личности и социума (или формирование таких ресурсов) для решения проблем.

Разработанная нами ранее модель специалиста основывается на концепции деятельности финского ученого Ю. Энгестрёма, которая в свою очередь является переосмыслением отечественной культурно-исторической концепции и психологической теории деятельности. Ее эвристический потенциал связан с тем, что «...деятельностная концепция экспансивного обучения и развития Ю. Энгестрёма направлена на исследование и моделирование деятельности в прикладном аспекте для решения практических задач различного рода организаций и профессиональных сообществ» [11], что как раз требуется для разработки модели нового типа специалиста.

Компетенции. В своей предыдущей статье, основываясь на модели деятельности специалиста, мы предложили следующую модель компетенций [9; 10], в соответствии с которой специалист, работающий с подростками в том числе в интернет-среде, должен быть способен и готов:

- проводить мониторинг социальной среды (включая Интернет), в том числе оценку рисков, уязвимостей и ресурсов развития, и формировать просоциальную развивающую среду для детей, подростков и взрослых (в особенности для лиц с девиантным поведением) (**предметная компетентность**);
- выстраивать помощь с учетом развития трудной жизненной и юридически значимой ситуации (с учетом Российского законодательства, в том числе касательно среды Интернета) (**правовая просвещенность**);
- к содержательному взаимодействию со специалистами других организаций (в том числе другой ведомственной подчиненности) с целью организации комплексной помощи клиенту (**межведомственная компетентность**);
- рефлексивно относиться к своей деятельности и обмениваться методиками, программами и технологиями, доказавшими свою эффективность (**коммуникативная компетентность**);
- к разработке, модификации и применению научно обоснованных методик, программ и технологий социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет (**технологическая (цифровая) компетентность**);

- к развитию своей профессиональной компетентности (в том числе через получение супервизии), а также к саморазвитию и самообразованию (*личностная компетентность*).

Организация социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет. Для работы с подростками в сети Интернет необходимо для начала провести комплексный мониторинг социальной ситуации развития подростка. Сбор такой информации позволяет специалисту понять, какие потребности есть у подростка и как он их реализовывает онлайн и офлайн. При этом специалисту необходимо владеть современными данными (и постоянно их обновлять) о тенденциях в использовании интернет-технологий (например о новых способах общения, играх и т. д.) и владеть интернет-фольклором (слэнгом, характеристиками интернет-субкультур) для распознавания увлечений подростка и тех преимуществ и опасностей, которые они несут с собой. Поэтому предполагается обмен такой информацией сделать через портал общения таких специалистов, где будет вики-словарь (заполняемый самими специалистами разных центров), банк диагностики (где будут анализироваться основные данные об изменениях в социальной ситуации развития), банк технологий, программ и методик (где будет организован взаимообмен информацией) и форум для общения, где можно обсуждать разные тенденции и получать супервизорскую помощь от коллег.

В соответствии с данными мониторинга проводится межведомственный консилиум, куда специалист приглашает всех коллег (в том числе не работающих в данной организации), которые имеют отношение к проблеме подростка. На данный консилиум (на том или ином этапе работы) могут привлекаться родители и даже сам подросток, если их участие будет способствовать разрешению проблемы. Решение консилиума закрепляется документально, где каждый участник закрепляет за собой свои действия по разрешению проблемы и согласовываются сроки. Таким образом, вырабатывается индивидуальный план сопровождения случая, который может быть скорректирован на последующих консилиумах.

В ходе выполнения своей части плана специалист подбирает технологии, программы и методы помощи из банка технологий и адаптирует их под конкретный случай, а возможно, и разрабатывает необходимую программу (технологию, методику). В соответствии с определенными рисками необходимо расставить приоритеты среди мишеней помощи. Иногда важно осуществлять диспетчерскую деятельность (не функцию по перенаправлению клиента, а именно создание условий (в том числе мотивирования)) для предоставления необходимой помощи (медицинской, правовой и т. д.). Для такой деятельности специалисту необходимо иметь карту социальных сервисов, которую необходимо постоянно обновлять.

Предполагается, что работа данного специалиста не сводится только к контактам офлайн с анализом онлайн-активности. Существует ряд технологий, позволяющих определять различные риски девиантного или виктимного поведения подростков с последующей реализацией программы помощи (в том числе коррекция уже сформированного отклоняющегося онлайн-поведения). Но в таких разработках подчеркивается, что только работой онлайн деятельность специалиста не ограничивается, так как человек существует и в офлайн-реальности, а значит, можно и нужно с ним выходить на контакт, вовлекая в том числе в просоциальные виды деятельности (как по месту жительства, учебы, так и на базе подростковых центров).

Еще одна сторона деятельности такого специалиста состоит в онлайн-консультировании для того, чтобы люди могли и сами к нему обращаться за помощью. Здесь акцент делается не только на самих подростках (хотя они в приоритете), но и на их окружение (родителей или лиц их замещающих, родственников, одноклассников, специалистов, работающих с ними и т. д.).

Таким образом, в деятельности специалиста по социальной и психолого-педагогической работе с подростками в сети Интернет можно выделить несколько сценариев:

1. мониторинг офлайн → помощь офлайн и онлайн (с привлечением смежных специалистов);
2. мониторинг онлайн → помощь онлайн и офлайн (тоже с привлечением смежных специалистов);
3. обращение к специалисту самого подростка и/или его окружения → помощь онлайн и офлайн (тоже с привлечением смежных специалистов);
4. организация онлайн-мероприятий с последующим сопровождением нуждающихся в социальной и психолого-педагогической помощи (в том числе с привлечением смежных специалистов). Возможна разработка и методическое обеспечение иных сценариев помощи.

Взаимодействие с внешними организациями (межведомственное взаимодействие). В связи с тем, что работа с подростками в сети Интернет связана как с решением проблем широкого масштаба (начиная с технических, заканчивая юридическими), специалист должен иметь алгоритмы взаимодействия с различными организациями. Еще большую значимость такое взаимодействие имеет на этапе разработки программ помощи (онлайн и офлайн), в частности на консилиуме специалистов. Чем более комплексной и адресной будет данная помощь, тем более эффективной она будет, а, значит, больше возможностей обеспечить благополучие подростков (не только тех, кто нуждается в помощи, но и их окружения, которое может быть подвержено вторичной травматизации).

Уже на этапе мониторинга взаимодействие должно включать как можно больше специалистов различных субъектов профилактики (в соответствии с 120 ФЗ [26]), что позволяет определить более точную стратегию оказания помощи конкретному подростку.

При необходимости блокировки ненадлежащего контента нужно контактировать с администраторами сайта (социальной сети, каналов в мессенджерах и т. д.). Возможно возникнет необходимость в повышении технической грамотности специалиста при взаимодействии с новыми технологиями.

В рамках юридически значимых ситуаций, в которых существует риск жизни и здоровью несовершеннолетних, а также есть признаки нарушения закона, необходимо обращаться в правоохранительные органы.

Методическое обеспечение. Организация полноценной деятельности специалистов по социальной и психолого-педагогической работе с подростками в сети Интернет требует ряда методических разработок.

Многие задачи решено бы создание площадки (портала) для общения специалистов системы профилактики, где можно было бы организовать:

- банк методик и технологий;
- автоматизированное место работы специалиста (с автоматической обработкой методик сбора данных), включающее в себя базу данных о современном детстве (подростничестве) для совместных научных разработок и моделей (в рамках исследования девиантного поведения онлайн);
- форум для обсуждения правовых вопросов с привлечением юристов;
- карту социальных ресурсов для определения насыщенности социальными сервисами того или иного населенного пункта (региона в целом);

- форум для обмена опытом решения различных проблем для профессионального сообщества, анализа и систематизации типовых и нестандартных запросов, обсуждения кейсов из реальной практики;
 - ресурс для развития профессиональных компетенций, где специалист мог бы найти материал для самообразования и повысить свою квалификацию;
- Отметим, что необходима система методической поддержки работы психологов и других специалистов.

Вышесказанное обобщает модель методического обеспечения специалиста (рис. 1).

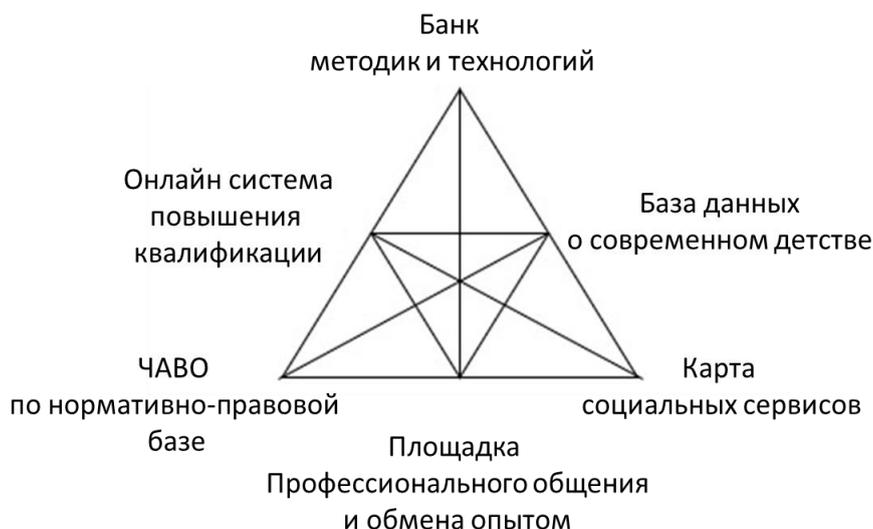

Рис. 1. Модель методического обеспечения профессиональной деятельности специалиста по социальной и психолого-педагогической работе с подростками в сети Интернет

Имеющиеся методические разработки. Существующие в настоящее время методические разработки можно условно разделить на офлайн-, онлайн- и смешанные технологии. Наш анализ показывает, что сейчас работа с интернет-рисками большей частью идет в офлайн-режиме [6].

Офлайн-технологии чаще всего предусматривают разную степень интерактивности (лекции, дискуссии, тренинги) в обсуждении вопросов безопасности в интернет-пространстве. Чаще всего аудиторией таких программ являются родители или учащиеся старших классов, хотя классные часы разработаны для всех классов (с 1-го по 11-й) (например, см.: [15]).

Онлайн-технологии различаются большим разнообразием — здесь можно найти как квесты, квизы (тесты), кроссворды, так и специально разработанные игры, виртуальные цифровые помощники и т. д.

В принципе на данный момент для работы с подростками могут быть использованы все возможности Интернета, с использованием как компьютера, так и мобильного устройства. В **социальных сетях** создаются различные группы, в которых подросток может получить помощь.

Бурно развиваются **чат-боты** (например Сабинушка, Лейка, Асечка, Зигмунд, Псайко, Психаи, Парри, Куки или всякие другие, которые имеют специальные базы данных и активно учатся научно обоснованному психологическому консультированию).

Существуют специализированные **порталы**, которые ставят перед собой различные цели: от мониторинга отклоняющегося поведения несовершеннолетних до организации межведомственного взаимодействия. Существуют так называемые порталы, целью которых является помощь подросткам, их родителям и специалистам, работающим с ними онлайн. Так, например, портал «Дети России онлайн» [13] представляет проекты Фонда развития Интернета и на нем можно ознакомиться с исследованиями по проблемам восприятия и использования ИКТ детьми и подростками, их социализации в развивающемся информационном обществе, быть в курсе новостей, можно посмотреть различные видео, позаниматься на тренажере по курсу «Кибербезопасность» для средней школы и т. д.

Для мобильных устройств создаются **приложения**, которые решают различные задачи, эти приложения можно использовать в том числе для работы с подростками. Так, например, есть приложения, которые помогут подростку спланировать время, расслабиться (релаксационные) и т. д.

Отдельно можно выделить онлайн-консультирование. Это не только использование различных дистантных форм связи, таких как электронные письма, мессенджеры, переписка в социальных сетях и видеосвязь. Но также разрабатываются системы аватаров для более простого установления контакта, например с маленькими детьми [2].

Онлайн-технологии в большей или меньшей степени автоматизированы. Можно сказать, что, например, просмотр мультфильма или фильма, прохождение онлайн-тестирования не требуют присутствия специалиста, однако тогда и эффект такой технологии остается неизвестным. Иногда обсуждение становится важной частью содействия изменениям.

Сейчас уже разрабатываются **игровые технологии**, через которые предполагается развитие саморегуляции и различных свойств личности. Но это может быть и использование уже существующих и зарекомендовавших себя игр, правда, здесь необходимы исследования для определения мишеней воздействия в данных играх [1].

Не меньшее значение имеют технологии-**события**, когда активность клиента при поддержке специалиста позволяет ему повысить самооценку, найти свои способы самореализации.

Однако можно сделать вывод о том, что на данный момент существует мало технологий помощи для активного вмешательства в противоправные действия несовершеннолетних, хотя уже разрабатывается онлайн «уличная работа», которая позволит «вытянуть» молодежь из околэкстремистских движений.

Для организации деятельности специалистов по социальной и психолого-педагогической помощи подросткам в сети Интернет необходимо иметь алгоритмы действий в разных случаях (например: [17]), на основе которых специалист выстраивает карту межведомственного взаимодействия, в том числе вовлекая самого подростка в процесс оказания помощи, определяя его ответственность в разрешении трудной жизненной ситуации.

Материально-технологическое обеспечение. Для этой работы специалисту важно иметь доступ к современному компьютерному оборудованию с выходом в Интернет, с комплектом лицензионного и свободно распространяемого программного обеспечения, в том числе отечественного производства (состав определяется в программах и подлежит обновлению при необходимости). При необходимости в работе может быть использовано дополнительное оснащение (веб-камера, гарнитура и т. д.).

Существенной частью деятельности специалиста по социальной и психолого-педагогической помощи подросткам в сети Интернет является работа с различного рода базами данных, специальными методиками мониторинга (желательно автоматизированными) и

площадками общения. В связи с этим необходимо постоянное взаимодействие с технической поддержкой (оптимально с программистами разного профиля, так как быстро изменяющаяся интернет-реальность требует регулярных изменений в программном обеспечении).

Оценка эффективности. Оценка эффективности социальной и психолого-педагогической работы с подростками в сети Интернет может заключаться как в количественных, так и в качественных показателях. К количественным традиционно относят статистику — количество случаев, программ помощи (например, утвержденных на консилиуме индивидуальных планов сопровождения случая); а также результаты мониторинга, в том числе данные психодиагностики (показатели до и после вмешательства, а также отсроченные результаты) и т. д. Качественные показатели включают в себя как отчеты по сопровождению случая, отчеты о работе специалиста за год, так и анализ эффективности практик (в виде статей и выступлений на различных форумах и конференциях); отзывы клиентов (подростков и их родителей и т. д.); специалистов-смежных специальностей (тех, с которыми осуществлялось сотрудничество, и тех, кто не был привлечен к совместной работе, но работал с данными подростками) и т. д.

Выводы и заключение

В данный момент существуют острая необходимость работы специалистов с онлайн-рисками:

- есть запросы как собственно от несовершеннолетних, так и от их родителей (либо лиц их замещающих) и специалистов, с ними работающих, на основе которых сформулирована цель и задачи для данных специалистов;
- существует нормативно-правовая база для деятельности специалистов данного профиля;
- обоснована модель компетенций, которая позволяет развернуть определенную концепцию организации деятельности данных специалистов;
- описано методическое и материальное обеспечение работы;
- детализирована оценка эффективности.

В дальнейшем предполагается создание системы научного, методического и профессионального сопровождения деятельности специалистов по работе с подростками в сети Интернет, что позволит быстро развернуть комплексную помощь в решении возникающих онлайн-рисков и проблем и способствовать высокой эффективности этой помощи.

Литература

1. *Алимова Д.Х., Богданович Н.В.* Визуальная новелла как метод развития общительности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11, no. 4. С. 196–206. doi:10.17759/psylaw.2021110414
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25, no. 3. С. 101–115. doi:10.17759/pse.2020250309
3. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16, no. 4. С. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410
4. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10, no. 3. С. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310

Богданович Н.В., Делибалт В.В.
К проблеме разработки концепции организации
социальной и психолого-педагогической работы
с подростками в сети Интернет
Психология и право. 2024. Том 14, no. 4. С. 33–49

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
To the Problem of Developing the Concept
of Organising Social and Psychological-Pedagogical
Work with Adolescents on the Internet
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49

5. *Богданович Н.В., Вихристюк О.В., Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г.* Навигатор профилактики. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся. М.: МГППУ, 2022.
6. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14, no. 2. С. 45–66. doi:10.17759/psylaw.2024140204
7. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10, no. 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201
8. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность: Сборник материалов. Том 1 / Сост. В.В. Рубцов, А.А. Шведовская; ред. В.В. Рубцов, А.А. Марголис, И.В. Вачков, О.В. Вихристюк, Н.В. Дворянчиков, Т.В. Ермолова, Ю.М. Забродин, Н.Н. Толстых, А.В. Хаустов, А.Б. Холмогорова, А.А. Шведовская. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 458–473. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/covid19challenges2020/contents/Bogdanovich_Delibalt (дата обращения: 18.09.2024).
9. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Цифровые компетенции психологов в области профилактики девиантного поведения [Электронный ресурс] // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 282–296. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2022/contents/Bogdanovich_Delibalt (дата обращения: 18.09.2024).
10. *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В.* Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций специалиста по работе с подростками [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13, no. 3. С. 72–92. doi:10.17759/psylaw.2023130306
11. *Ветошкина Л.П., Горюнова Л.Н.* Основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгелста [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2013. Том 9, no. 1. С. 13–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2013_n1/59616 (дата обращения: 18.09.2024).
12. Дети и преступления с использованием интернет-технологий: Монография / Под ред. В.Д. Бадмаевой, Е.Г. Дозорцевой. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2024. 207 с.
13. Дети России онлайн: сайт проектов Фонда Развития Интернет. 2023. URL: <http://detionline.com/> (дата обращения: 18.09.2024).
14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.) [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 18.09.2024).
15. Конкурс классных часов по безопасности в Интернете и информационной безопасности [Электронный ресурс] // Российский учебник. URL: <https://rosuchebnik.ru/metodicheskaja>

Богданович Н.В., Делибалт В.В.
К проблеме разработки концепции организации
социальной и психолого-педагогической работы
с подростками в сети Интернет
Психология и право. 2024. Том 14, no. 4. С. 33–49

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
To the Problem of Developing the Concept
of Organising Social and Psychological-Pedagogical
Work with Adolescents on the Internet
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49

romosch/materialy/type-vneurochnaya-deyatelnost_konkurs-safety-web-contest/ (дата обращения: 18.09.2024).

16. *Микляева А.В.* Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2024. Том 15, no. 2. С. 5–11. doi:10.17759/sps.2024150201 (дата обращения: 18.09.2024).

17. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие / Под. ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой [Электронный ресурс]. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 100 с. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022 (дата обращения: 18.09.2024).

18. Подросток в Интернете. Методические рекомендации по оценке рисков отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России» / Сост. Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, П.Д. Азыркин [Электронный ресурс]. М.: Федеральный центр развития программ социализации подростков, Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 120 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ti2024> (дата обращения: 18.09.2024).

19. Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и Плана мероприятий на 2021-2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/110952/> (дата обращения: 18.09.2024).

20. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении «Концепции информационной безопасности детей в РФ» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/> (дата обращения: 18.09.2024).

21. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В.* Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие: Коллективная монография. М.: Акрополь, 2022. 356 с.

22. *Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А.* Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23, no. 3. С. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304

23. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 18.09.2024).

24. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 18.09.2024).

25. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 18.09.2024).

26. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 18.09.2024).

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
К проблеме разработки концепции организации
социальной и психолого-педагогической работы
с подростками в сети Интернет
Психология и право. 2024. Том 14, no. 4. С. 33–49

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
To the Problem of Developing the Concept
of Organising Social and Psychological-Pedagogical
Work with Adolescents on the Internet
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49

27. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 18.09.2024).

References

1. Alimova D.KH., Bogdanovich N.V. Vizual'naya novella kak metod razvitiya obshchitel'nosti [Visual Novel Genre as a Method of the Sociability Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 196–206. doi:10.17759/psylaw.2021110414 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: dve real'nosti ili odna? [Online and Offline Behavior: Two Realities or One?] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 101–115. doi:10.17759/pse.2020250309 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and Offline Behavior: Does one Predict Another?] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Chelovek v tsifrovom obshchestve: ob'yasnitel'nyi potentsial odnoi sotsial'no-psikhologicheskoi teorii [Living in a Digital Society: from the Point of View of One Social Psychological Perspective] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Bogdanovich N.V., Vikhristyuk O.V., Dvoryanchikov N.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G. Navigator profilaktiki. Metodicheskie materialy po priznakam deviatsii, deistviyam spetsialistov sistemy obrazovaniya v situatsiyakh sotsial'nykh riskov i profilaktike deviantnogo povedeniya obuchayushchikhsya. Moscow: MGPPU Publ., 2022. (In Russ.).
6. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Deviantnoe onlain-povedenie: ot klassifikatsii vidov k analizu programm i tekhnologii pomoshchi [Deviant Online Behavior: From the Classification of Types to an Analysis of Assistance Programmes and Technologies] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 2, pp. 45–66. doi:10.17759/psylaw.2024140204 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatelnosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatelnosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. In Rubtsov V.V., Margolis A.A., Vachkov I.V., Vikhristyuk O.V., Dvoryanchikov N.V., Ermolova T.V., Zabrodin Yu.M., Tolstykh N.N., Khaustov A.V., Kholmogorova A.B., Shvedovskaya A.A. (Eds.). *Vyzovy pandemii COVID-19: psikhicheskoe zdorov'e, distantsionnoe obrazovanie, internet-bezopasnost': Sbornik materialov*. Tom 1. Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2020, pp. 458–473. URL:

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
К проблеме разработки концепции организации
социальной и психолого-педагогической работы
с подростками в сети Интернет
Психология и право. 2024. Том 14, no. 4. С. 33–49

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
To the Problem of Developing the Concept
of Organising Social and Psychological-Pedagogical
Work with Adolescents on the Internet
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49

https://psyjournals.ru/nonserialpublications/covid19challenges2020/contents/Bogdanovich_Delibalt (Accessed 18.09.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Tsifrovye kompetentsii psikhologov v oblasti profilaktiki deviantnogo povedeniya [Digital Competencies of Psychologists in the Field of Prevention of Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. In Rubtsov V.V., Sorokova M.G., Radchikova N.P. *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2022): Sbornik statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 17–18 noyabrya 2022 g. = Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2022): collection of Articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with Internaoscowtional Participation. November 17–18, 2022.* Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2022, pp. 282–296. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2022/contents/Bogdanovich_Delibalt (Accessed 18.09.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Internet-riski i resursy: model' kompetentsii spetsialista po rabote s podrostkami [Internet Risks and Resources: Competency Model for a Specialist in Working with Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 72–92. doi:10.17759/psylaw.2023130306 (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Vetoshkina L.P., Goryunova L.N. Osnovnye idei deyatelnostnoi kontseptsii ekspansivnogo obucheniya i razvitiya Yu. Engestrema [Fundamentals of Engestrom's Activity-Theoretical Concept of Expansive Learning and Development] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2013. Vol. 9, no. 1, pp. 13–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2013_n1/59616 (Accessed 18.09.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G. (Eds.). *Deti i prestupleniya s ispol'zovaniem internet-tekhnologii: Monografiya.* Moscow: FGBU "NMITS PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2024. 207 p. (In Russ.).

13. *Deti Rossii onlain: sait proektov Fonda Razvitiya Internet.* 2023. URL: <http://detionline.com/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).

14. Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF No. 646 ot 5 dekabrya 2016 g.) [Doctrine of Information Security of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Sovet Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii.* URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).

15. Konkurs klassnykh chasov po bezopasnosti v Internete i informatsionnoi bezopasnosti [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii uchebnik. URL: https://rosuchebnik.ru/metodicheskajapomosch/materialy/type-vneurochnaya-deyatelnost_konkurs-safety-web-contest/ (Accessed 18.09.2024).

16. Miklyaeva A.V. Tsifrovoye obshchestvo i tsifrovaya sotsializatsiya: perspektivy sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 5–11. doi:10.17759/sps.2024150201 (Accessed 18.09.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).

17. Dvoryanchikov N.V., Rubtsova O.V. (Eds.). *Otklonyayushcheesya onlain-povedenie podrostkov i molodykh vzroslykh v sotsial'nykh setyakh: Uchebnoe posobie.* [Elektronnyi resurs]. Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2022. 100 p. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022 (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).

18. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Azyrkin P.D. (Eds.). *Podrostok v Internetе. Metodicheskie rekomendatsii po otsenke riskov otklonyayushchegosya povedeniya v Internetе v ramkakh seti podrostkovykh tse ntrov “Podrostki Rossii”* [Elektronnyi resurs]. Moscow: Federal’nyi tsentr razvitiya programm sotsializatsii podrostkov, Izdatel’stvo FGBOU VO MGPPU, 2024. 120 p. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ti2024> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
19. Rasporyazhenie Pravitel’stva RF ot 22.03.2017 No. 520-r (red. ot 18.03.2021) “Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh na period do 2025 goda i Plana meropriyatii na 2021–2025 gody po realizatsii Kontseptsii razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh na period do 2025 goda” [Elektronnyi resurs]. *Pravitel’stvo Rossii = The Russian Government*. URL: <http://government.ru/docs/all/110952/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
20. Rasporyazhenie Pravitel’stva RF ot 28 aprelya 2023 g. No. 1105-r “Ob utverzhdenii “Kontseptsii informatsionnoi bezopasnosti detei v RF” [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
21. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. *Rozhdennye tsifrovymi: semeinyi kontekst i kognitivnoe razvitie: Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Akropol’, 2022. 356 p. (In Russ.).
22. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N., Zhurina M.A. *Evolyutsiya onlain-riskov: itogi pyatiletnei raboty linii pomoshchi “Deti onlain”* [The evolution of online-risks: the results of helpline "KIDS ONLINE" five years work] [Elektronnyi resurs]. *Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 3, pp. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304 (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Federal’nyi zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii” [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
24. Federal’nyi zakon ot 24.07.1998 g. No. 124-FZ “Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *Konsul’tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
25. Federal’nyi zakon ot 24 iyunya 1999 g. No. 120-FZ “Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
26. Federal’nyi zakon ot 27.07.2006 g. No. 152-FZ “O personal’nykh dannykh” [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).
27. Federal’nyi zakon ot 29 dekabrya 2010 g. No. 436-FZ “O zashchite detei ot informatsii, prichinyayushchei vred ikh zdorov’yu i razvitiyu” [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://base.garant.ru/12181695/> (Accessed 18.09.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
К проблеме разработки концепции организации
социальной и психолого-педагогической работы
с подростками в сети Интернет
Психология и право. 2024. Том 14, no. 4. С. 33–49

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
To the Problem of Developing the Concept
of Organising Social and Psychological-Pedagogical
Work with Adolescents on the Internet
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 33–49

Делибальт Варвара Васильевна, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Information about the authors

Nataliya V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Получена 18.10.2024
Принята в печать 18.11.2024

Received 18.10.2024
Accepted 18.11.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности

Духновский С.В.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Злоказов К.В.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

В статье с привлечением эмпирического материала раскрываются вопросы информационно-психологической уязвимости и психологической устойчивости в контексте утомленности сотрудников органов внутренних дел. Цель исследования – выявление взаимосвязи утомленности с психологической устойчивостью и информационно-психологической уязвимостью сотрудников и установлений различий в выраженности данных параметров у сотрудников, имеющих различный уровень утомленности. Респондентами выступили 271 сотрудник органов внутренних дел. Среди обследованных 97 курсантов пятого курса очной формы обучения и 89 слушателей первоначальной подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России, а также 85 действующих сотрудников со стажем служебной деятельности от 3 до 7 лет, проходивших повышение квалификации в СПбУ МВД России. Использовали психодиагностических методик: Субъективная оценка уровня утомленности личности, Шкала психологической устойчивости личности и Шкала информационно-психологической уязвимости. Установлено, что повышение утомленности сопровождается повышением информационно-психологической уязвимости и снижением психологической устойчивости. Установлено, что в группе сотрудников с низким уровнем утомленности показатели информационно-психологической уязвимости находятся на низком уровне, тогда как психологической устойчивости – на высоком. У обследованных с высоким уровнем утомленности показатели уязвимости выражены на высоком уровне, а устойчивости – на низком. Тогда как в группе субъектов с умеренным уровнем утомленности, показатели информационно-психологической уязвимости и устойчивости выражены на среднем уровне.

Ключевые слова: служебная деятельность, тонус, активность, устойчивость, уязвимость, внимание, работоспособность, память.

Духновский С.В., Злоказов К.В.
Информационно-психологическая уязвимость
сотрудников органов внутренних дел с разным
уровнем устойчивости и утомленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 50–67

Dukhnovsky S.V., Zlokazov K.V.
Information and Psychological Vulnerability
of Employees of Internal Affairs Bodies
with Different Levels of Stability and Fatigue
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 50–67

Для цитаты: *Духновский С.В., Злоказов К.В.* Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 50–67. DOI:10.17759/psylaw.2024140404

Information and Psychological Vulnerability of Employees of Internal Affairs Bodies with Different Levels of Stability and Fatigue

Sergey V. Dukhnovsky

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Kirill V. Zlokazov

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

The article with the involvement of empirical material reveals issues of information-psychological vulnerability and psychological stability in the context of fatigue of employees of internal affairs bodies. The purpose of the study is to identify the relationship between fatigue and psychological stability and information-psychological vulnerability of employees and to establish differences in the severity of these parameters among employees with different levels of fatigue. The respondents were 271 employees of the internal affairs bodies. Among the surveyed 97 cadets of the fifth year of full-time education and 89 students of the initial training of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as 85 current employees with service experience from 3 to 7 years who underwent advanced training at the SPBU MVD of Russia. We used psychodiagnostic techniques: Subjective assessment of the level of personality fatigue, Scale of psychological stability of the personality and Scale of information and psychological vulnerability. It has been established that an increase in fatigue is accompanied by an increase in information and psychological vulnerability and a decrease in psychological stability. It was found that in a group of employees with a low level of fatigue, indicators of information and psychological vulnerability are at a low level, while psychological stability is at a high level. In those surveyed with a high level of fatigue, vulnerability indicators are expressed at a high level, and resilience - at a low level. Whereas in the group of subjects with a moderate level of fatigue, indicators of information and psychological vulnerability and resilience are expressed at an average level.

Keywords: service activity, tone, activity, resilience, vulnerability, attention, performance, memory.

For citation: Dukhnovsky S.V., Zlokazov K.V. Information and Psychological Vulnerability of Employees of Internal Affairs Bodies with Different Levels of Stability and Fatigue. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 50–67. DOI:10.17759/psylaw.2024140404 (In Russ.).

Введение

Внимание к информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации обусловлено значимостью поддержания общественного порядка и безопасности в условиях специальной военной операции и вызванными ею угрозами. Кроме того, в развернутой странами коллективного Запада антироссийской пропагандистской кампании сотрудники органов внутренних дел выступают объектами деструктивного воздействия. Целями этого воздействия является деморализация личного состава органов внутренних дел, обесценивание их деятельности в общественном сознании. Достижению целей способствует современное информационное пространство. Оно позволяет распространять видео- и текстовые фрагменты, содержащие недостоверную и эмоционально окрашенную информацию, на неограниченную по охвату аудиторию. Это способствует, во-первых, развитию негативно-враждебного отношения, как к конкретным сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей, так и органам, организациям и подразделениям системы МВД России; во-вторых — снижению доверия к органам внутренних дел Российской Федерации как наиболее крупному сегменту системы государственных правоохранительных органов. Следует подчеркнуть, что информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел может сказываться на решении потенциальных кандидатов относительно поступления на службу (учебу), побуждать к увольнению, в том числе до достижения выслуги лет, дающей право на пенсию.

Актуальность исследования подкрепляется отсутствием целостных научных представлений о сущности информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел, факторах ее возникновения, регуляции и условиях проявления. В научной литературе преобладает рассмотрение отдельных феноменов информационно-психологической уязвимости, что говорит об отсутствии целостного представления о данном явлении, в том числе и в юридической психологии. Недостаточность операционализации конструкта «информационно-психологическая уязвимость» выражается в отсутствии надежных (соответствующих психометрическим требованиям) инструментов для ее оценки, особенно у сотрудников органов внутренних дел, методов ее предупреждения и профилактики.

В рамках нашего подхода «информационно-психологическая уязвимость» рассматривается как психологическое явление, содержательно отличающееся от других индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, проявляющихся в профессиональной деятельности (например виктимность, стресс-уязвимость и др.). Полагаем, что информационно-психологическую уязвимость необходимо рассматривать в контексте оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Так, напряженность оперативно-служебной деятельности может приводить к утомленности сотрудника, повышая тем самым его уязвимость к различным информационным и информационно-психологическим воздействиям, тогда как условием, препятствующим этому, выступает психологическая устойчивость.

В научных представлениях о надежности субъекта профессионального труда психологическая устойчивость, равно как и утомленность рассматривались в тесной связи с качеством

и продуктивностью деятельности, выступали в виде комплексных показателей негативного воздействия деятельности на сотрудника органа внутренних дел [17]. Способность сохранять психологическую устойчивость и противодействовать утомлению характеризовала уровень профессиональной подготовленности субъектов профессий риска [16]. Считая устойчивость и утомленность характеристиками субъекта труда, сказывающимися на эффективности его деятельности [15], авторы изучают причинно-следственные отношения между ними и информационно-психологической уязвимостью. Тем самым проверяется предположение о независимости информационно-психологической уязвимости от смежных по своему воздействию на сотрудника органа внутренних дел явлений его профессиональной деятельности, а также конкретизируется психологическая специфика информационно-психологической уязвимости.

Целью исследования является выявление взаимосвязи утомленности с психологической устойчивостью и информационно-психологической уязвимостью сотрудников органов внутренних дел и установление различий в выраженности данных параметров у сотрудников, имеющих различный уровень утомленности.

Результатами исследования является концептуализация сущности информационно-психологической уязвимости сотрудника органа внутренних дел Российской Федерации, отграничение ее характеристик от проявлений психологической устойчивости и утомленности. Исследование отношений между психологической устойчивостью, утомленностью и информационно-психологической уязвимостью обогащает представление об их влиянии на субъекта труда, конкретизирует их значение как в объективном, так и субъективном измерении трудовой деятельности.

Теоретические предпосылки и обзор исследований. Проблема информационно-психологической уязвимости преимущественно поднималась в исследованиях информационно-психологической устойчивости и безопасности сотрудников органов внутренних дел. Так, Е.Г. Барановым предложено рассмотрение сущности и содержания понятия «информационно-психологическая устойчивость» [2], А.Г. Караяни проанализировано данное понятие применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел [14], М.В. Виноградовым, О.А. Ульяниной описаны психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел [5], А.А. Астаховой, Ю.А. Кошкарновой устойчивость к деструктивным информационным воздействиям рассматривается в рамках профессионального мастерства сотрудников органов внутренних дел [1], М.Б. Владимировой описаны механизмы и защита от информационного воздействия [6] и др.

Обзор исследований показал, что информационно-психологическая уязвимость как самостоятельный феномен является малоизученным и нуждается в дополнительном теоретическом обосновании и эмпирических исследованиях. Отметим, что в зарубежных научных исследованиях вопросы «информационно-психологической уязвимости» раскрываются в нескольких предметных областях. Так, в исследованиях групп и сообществ информационно-психологическая уязвимость рассматривается в виде неустойчивости представлений членов группы под воздействием отдельных членов группы или внешних факторов. Уязвимость характеризует неспособность членов группы сохранять свои представления (в том числе ценности, убеждения, цели, решения) и проявляется в изменчивости группового мнения (конформность) [27]. Изучение подверженности членов группы внешнему воздействию показывает, что сила влияния обратно пропорциональна степени эмоциональной сплоченности ее членов и их отождествления с группой. При этом отождествление подразумевает не только

социальную идентификацию с группой, но и принятие ее ценностей. Исследователи подчеркивают стабилизирующую роль ценностей группы в противодействии информационному воздействию, показывая, что максимальный эффект достигается тогда, когда предписанные группе (формальные) и сформированные группой (неформальные) ценности одинаково признаются членами группы [36].

Наиболее близкими проблеме информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел выступают исследования методов когнитивной войны (cognitive warfare) [28]. В терминах когнитивной войны уязвимость может быть определена как способность субъекта подвергаться внешнему воздействию, целенаправленно влияющему на его ценности, убеждения, установки [29]. Психологическое воздействие выражается в распространении информации, содержащей неверные сведения (дезинформация), формирующей негативное эмоциональное состояние (гнев, страх) или искажающей базовые ценности (религиозные, социальные, этнические и иные) [34].

Отдельное предметное поле составляют исследования восприятия негативной информации. Уязвимость рассматривается как неспособность субъекта критически оценивать информацию, отделяя истинную от ложной, регулировать воздействие эмоционально значимой информации на собственные представления, чувства и поведение [31]. Изучаются предпосылки подверженности информационному воздействию, процесс восприятия и переработки неверной информации, решения и поступки, вызванные информационным влиянием. Показано, что информационная уязвимость приводит к снижению способности восприятия негативной, но значимой для субъекта информации, не критичностью и нарушением осмысления [35], сочетающимися с распространением данной информации на окружающих [33]. К предпосылкам подверженности информационному воздействию относят индивидуально-психологические характеристики субъекта (интровертированность, импульсивность, подозрительность, эмоциональная нестабильность) [32; 37], когнитивные особенности (интуитивный стиль мышления, неосведомленность), характеристики ценностно-мотивационной сферы, предрасполагающие к принятию подобной информации (ценности, убеждения, установки) [30].

В целом, анализ зарубежных исследований показывает, что информационно-психологическая уязвимость разрабатывается в междисциплинарном предметном поле, охватывающем социальные, когнитивные и индивидуально-психологические аспекты восприятия, переработки и использования информации субъектом труда. Уязвимость рассматривается в виде негативного психологического состояния, характеризующегося изменениями не только содержания информации (субъективных представлений, отношений), но и ее восприятия (оценки) и переработки (сопоставления, сравнения, категоризации, обобщения). Показано, что дезинформирование и манипулирование психоэмоциональным состоянием относятся к наиболее часто применяемым средствам воздействия на личный состав правоохранительных органов стран-объектов когнитивной войны [28], а изменение представлений и ценностей используется в качестве основного средства воздействия на общественное сознание [13; 22].

Вопросам утомления (утомляемости) посвящены исследования В.А. Бодрова [3], В.П. Зинченко, А.Б. Леоновой [12], Л.В. Куликова [18], А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской [19]; Н.Б. Масловой, И.А. Блощинского, В.Н. Максименко [21] и др. Влияние утомляемости на аспекты работоспособности изучались Б.Б. Величковским [4], В.В. Захаровым, Н.Н. Яхно

[10], Б.В. Зейгарник [11], А.Р. Лурией [20], Л.А. Огородниковой [23], С.Я. Рубинштейн [24], В.О. Ушаковой [25], Л.В. Черемошкиной, Т.Н. Осининой [26] и др.

Укажем, что несмотря на наличие отдельных исследований, отношения информационно-психологической уязвимости и психологической устойчивости в контексте утомленности сотрудников органов внутренних дел нуждаются в дополнительном теоретическом обобщении и эмпирическом анализе. Актуальными являются вопросы взаимосвязи информационно-психологической уязвимости и психологической устойчивости с утомленностью сотрудников, существования различий в выраженности уязвимости у сотрудников, имеющих различный уровень утомленности. Ответы на поставленные вопросы определяют цель нашего эмпирического исследования.

Основными понятиями исследования выступают: информационно-психологическая уязвимость, психологическая устойчивость и утомленность.

Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел в статье рассматривается в двух аспектах:

а) информационном, характеризующем негативные аспекты восприятия, оценки и использования информации сотрудником в оперативно-служебной деятельности. Уязвимость в работе с оперативно-служебной информацией приводит к ошибкам ее восприятия (например к неполноте, неточности), к трудностям оценки (например к преувеличению, преуменьшению), проблемам использования в деятельности (например к избыточности, игнорированию);

б) психологическом, раскрывающем негативное влияние индивидуально-психологического состояния на восприятие, оценку и применение информации в оперативно-служебной деятельности. Уязвимость способствует появлению у сотрудника трудностей и ошибок в работе с информацией, влиянию информации на эмоциональное состояние сотрудника (например, изменения настроения посредством переживания страха, гнева, печали), усилению субъективной значимости информации (проявление интереса или безразличия).

При рассмотрении психологической устойчивости личности будем придерживаться позиции, представленной в исследованиях Л.В. Куликова [18]. Так, *психологическая устойчивость* — это качество личности, позволяющее преодолевать трудности, возникающие как в обыденной жизни, так и в служебной деятельности.

Под *утомленностью* понимаем неблагоприятное психическое состояние, сопровождаемое субъективным переживанием снижения устойчивости и концентрации внимания, производительности, качества и надежности запоминания и воспроизведения информации, низкой работоспособностью [8].

Анализируя содержание уязвимости, устойчивости и утомленности, сформулируем ряд предположений, базирующихся на существующих представлениях об их психологической сущности. Во-первых, полагаем, что информационно-психологическая уязвимость взаимосвязана с психологической устойчивостью. Так, чем более психологически устойчив сотрудник, тем меньше риск негативного воздействия информации, с которой он сталкивается (тем ниже его информационно-психологическая уязвимость), в том числе и в процессе решения оперативно-служебных задач. В частности полагаем, что психологическая устойчивость влияет на полноту восприятия, объективную оценку и уместное применение новой информации сотрудником. Снижение психологической устойчивости нарушает восприятие новой информации, способствует появлению ошибок в оценке информации, выражается в игнорировании либо избыточном использовании новой информации в осуществляемой деятельности. В слу-

чае поступления дезинформации очевидно, что психологическая неустойчивость еще более исказит ее, мешает ее верифицировать, будет использоваться при принятии решений.

Во-вторых, считаем, что информационно-психологическая уязвимость пропорциональна утомленности сотрудника. Поскольку оперативно-служебная деятельность в силу своей специфики (например интенсивности труда, психоэмоционального напряжения и ответственности) сопровождается существенным вовлечением психологических ресурсов, невозможность их восстановления закономерно приводит к состоянию утомленности. Соответственно, утомленность будет снижать психологическую устойчивость сотрудников органов внутренних дел, повышая их информационно-психологическую уязвимость.

Материалы и методы

Респондентами выступили 271 сотрудник органов внутренних дел. Среди обследованных — 97 курсантов пятого курса очной формы обучения и 89 слушателей первоначальной подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России, а также 85 действующих сотрудников (стаж службы — от 3 до 7 лет), проходивших повышение квалификации в СПБУ МВД России. Укажем, что достоверных (значимых) различий между обследованными группами (курсанты, слушатели первоначальной подготовки и сотрудники, проходившие повышение квалификации) по показателям использованных методик установлено не было. Поэтому они были объединены в одну общую выборку.

Цель эмпирического исследования — выявление взаимосвязи утомленности с психологической устойчивостью и информационно-психологической уязвимостью сотрудников органов внутренних дел и установление различий в выраженности данных параметров у сотрудников, имеющих различный уровень утомленности.

В исследовании проверяются три **гипотезы**.

1. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел взаимосвязана с их психологической устойчивостью и утомленностью.

2. Существуют различия в выраженности информационно-психологической уязвимости у сотрудников ОВД с разным уровнем психологической устойчивости и утомленности.

3. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников ОВД варьируется в зависимости от уровня их психологической устойчивости и утомленности.

Методы исследования. Сбор данных проводился методом стандартизированного самоотчета (опросника). Применялись:

а) шкала «Информационно-психологическая уязвимость» (С.В. Духновский, А.С. Цимбал), позволяющая оценить потенциальную возможность субъекта стать жертвой информационно-психологического воздействия (прямого и/или косвенного), включая его неспособность избежать негативного влияния информации там, где оно объективно и/или субъективно было предотвратимо. Представленная шкала содержит семь пунктов, оценка которых говорит об уровне выраженности измеряемого качества в континууме «устойчивость—уязвимость». Статистическая оценка характеристик распределения ответов демонстрирует удовлетворительные результаты согласованности (ср. знач. = 27,5; станд. отклон. = 7,86; согласованность утверждений шкалы (α Кронбаха) = 0,84; корреляция между утверждениями = 0,51);

б) опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (С.В. Духновский, Э.К. Шелепина) [8]. Применяли для выявления уровня утомленности сотрудника как проявления его доминирующего состояния в результате интеллектуальной, эмоциональной и/или физической нагрузки, как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности,

выражающегося в изменении когнитивной сферы человека (памяти и внимания) и приводящего к снижению его работоспособности. Анализ распределения ответов показывает удовлетворительные результаты согласованности (ср. знач. = 38,5; станд. отклон. = 14,6; согласованность утверждений шкалы (α -Кронбаха) = 0,81; корреляция между утверждениями = 0,43).

в) шкала «Психологическая устойчивость» из опросника «Переживание психологического кризиса личностью» (С.В. Духновский [9]). Статистическая оценка распределения ответов показывает удовлетворительные результаты (ср. знач. = 26,3; станд. отклон. = 4,74; согласованность утверждений шкалы (α -Кронбаха) = 0,83; корреляция между утверждениями = 0,61).

Методами обработки результатов выступили метод дескриптивной статистики, а также статистические процедуры, обеспечивающие проверку исследовательских гипотез — корреляционный анализ, критерий сравнения, расчет общей линейной модели (general linear model, GLM). Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета «SPSS 23.0».

Результаты и обсуждение

Результаты эмпирического доказательства выдвинутых нами гипотез приводятся последовательно.

Гипотеза 1. Для проверки гипотезы о существовании взаимосвязи утомленности с психологической устойчивостью и информационно-психологической уязвимостью использовали процедуру корреляционного анализа. В результате были выявлены значимые взаимосвязи между ними (табл. 1).

Таблица 1

Интеркорреляции показателей «информационно-психологическая уязвимость», «утомленность» и «психологическая устойчивость»

Показатели	Уязвимость	Утомленность	Устойчивость
Информационно-психологическая уязвимость	1	0,45	-0,41
Утомленность	0,45	1	0,42
Психологическая устойчивость	-0,41	0,42	1

Примечание: коэффициенты корреляции — на уровне $p \leq 0,01$.

Данные табл. 1 показывают следующее. Выявлена прямая взаимосвязь показателя утомленности с показателем информационно-психологическая уязвимости (0,45 при $p \leq 0,01$) и обратная — с показателем психологической устойчивости (-0,45 при $p \leq 0,01$). Таким образом, неблагоприятное изменение психического состояния в сочетании с субъективным переживанием ухудшения памяти, внимания и работоспособности (показатель утомленности), сопровождается:

- повышением способности субъекта стать жертвой негативного влияния информации, включая прямое и/или косвенное информационно-психологическое воздействие (показатель информационно-психологической уязвимости);
- снижением стойкости, уравновешенности и самодостаточности (показатель психологической устойчивости).

Кроме того, установлена взаимосвязь между показателями шкал «Информационно-психологическая уязвимость» и «Психологическая устойчивость» (-0,41, при $p \leq 0,01$). Соответственно, повышение уязвимости сопровождается снижением устойчивости. Наличие данной взаимосвязи может служить одним индикаторов конструктивной валидности шкалы «Информационно-психологическая уязвимость».

Таким образом, предположение о наличии взаимосвязи показателей информационно-психологической уязвимости, психологической устойчивости и утомленности нашло свое эмпирическое подтверждение. Соответственно, повышение утомленности сотрудника в результате интенсивности и напряженности служебной деятельности сопровождается повышением его информационно-психологической уязвимости и снижением психологической устойчивости личности.

Гипотеза 2. Для проверки гипотезы о существовании различий в выраженности психологической устойчивости информационно-психологической уязвимости у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности был проведен сравнительный анализ. На основании данных, полученных по опроснику «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ), выборка была разделена на три группы:

- а) с *повышенным* уровнем утомленности ($n = 61$ человек, $65,37 \pm 4,1$ балла);
- б) с *умеренным* уровнем утомленности ($n = 102$ человека, $42,4 \pm 3,9$ баллов);
- в) с *низким* уровнем утомленности ($n = 108$ человек, $65,37 \pm 4,1$ баллов).

Затем были установлены различия между данными группами (применяли t-критерий Стьюдента) по шкалам «Информационно-психологическая уязвимость» и «Психологическая устойчивость». Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Информационно-психологической уязвимость и психологическая устойчивость
у сотрудников с разным уровнем утомленности**

Показатели уязвимости и устойчивости	Уровни утомленности		
	Низкий ($n = 108$)	Средний ($n = 102$)	Повышенный ($n = 61$)
Информационно-психологическая уязвимость	14,5±3,2	20,3±3,5	27,1±3,8
Психологическая устойчивость	32,1±1,4	28,4±2,3	21,9±2,0

Данные табл. 2 показывают наличие достоверных различий в выраженности показателей информационно-психологической уязвимости и психологической устойчивости между группами сотрудников с разным уровнем утомленности (значения t-критерия находятся в диапазоне от 1,89 до 1,95). Так, по мере увеличения утомленности имеет место снижение значений показателя по шкале «Психологическая устойчивость» и увеличение значений по шкале «Информационно-психологическая уязвимость». Установлено, что показатели информационно-психологической уязвимости в группе сотрудников с высоким уровнем утомленности достоверно выше, чем в группе с низким и средним уровнем, тогда как показатель психологической устойчивости достоверно выше в группе обследованных с низким уровнем утомленности, чем с высоким и средним.

Гипотеза 3. Эмпирическая проверка гипотезы о вариативности состояния информационно-психологической уязвимости в зависимости от уровня психологической устойчивости и утомленности осуществлялась методом обобщенных линейных моделей (General linear model). Использование метода позволяет оценить прямое влияние психологической устойчивости и утомленности на уязвимость, а также эффект их сочетания.

Для проведения оценки значения показателей уязвимости, устойчивости и утомленности были преобразованы в ранги. Основанием преобразования выступило их квартильное распределение: в первый квартиль вошли значения, составившие диапазон от 0 до 25%, второй — от 26—50%, третий — от 51—75%, четвертый — от 76—100%. Необходимость перевода

обусловлена разным диапазоном измерения используемых в исследовании методик (для уязвимости размах составил 35 баллов, утомленности — 61, устойчивости — 17 баллов). После преобразования диапазоны сравнялись, а диапазон степеней свободы (df) снизился до 16. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Зависимость информационно-психологической уязвимости от влияния психологической устойчивости и утомленности

Показатели уязвимости и устойчивости	Статистики модели				
	SS	df	F-крит.	p	η^2
Модель	247,3	15	39,75	< 0,001	0,67
Психологическая устойчивость	75,4	3	60,57	< 0,001	0,38
Утомление	7,62	3	6,12	< 0,001	0,059
Психологическая устойчивость и утомление	36,16	9	9,68	< 0,001	0,229

Примечание: характеристики модели $R^2 = 0,67$; свободный член (intercept) $df = 293$, $F = 1960$, $p < 0,001$; проверка допустимости: дисперсии гомогенны (крит. Ливена $p > 0,05$), распределение соответствует нормальному (крит. Колмогорова—Смирнова, $p > 0,05$); сокращения: SS — сумма квадратов отклонений, df — количество степеней свободы, p — оценка вероятности ошибки, η^2 — значение эффекта.

Графически результаты представлены на рис. 1.

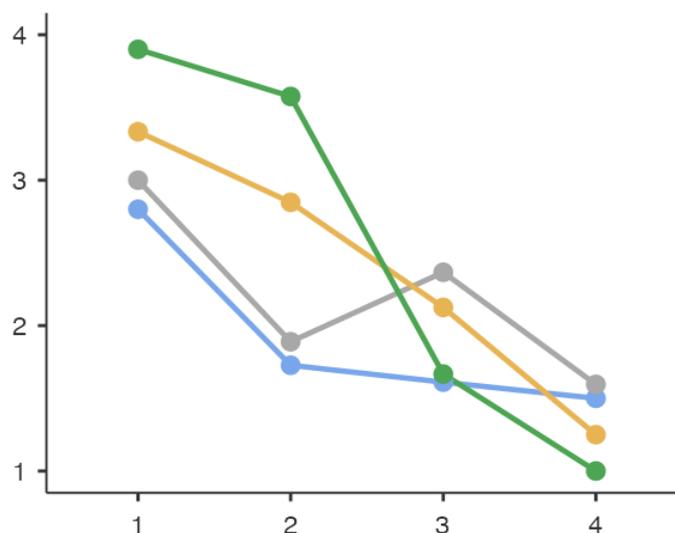

Рис. 1. Состояние информационно-психологической уязвимости сотрудников с разным уровнем психологической устойчивости и утомленности:

По оси ординат (Y) отложены значения информационно-психологической уязвимости (где высокие значения — безопасность, низкие — уязвимость); по оси абсцисс (X) — значения утомления (где высокие значения — утомление, низкие — работоспособность).

Уровни психологической устойчивости обозначены разным цветом: голубым (1) — низкая устойчивость; серым (2) — пониженная устойчивость; желтым (3) — средняя устойчивость; зеленым (4) — высокая устойчивость.

Уровни психологической устойчивости представлены в 95% доверительных интервалах (confidence interval).

Результаты анализа влияния психологической устойчивости и утомленности на информационно-психологическую уязвимость свидетельствуют, во-первых, о возможности их сочетающегося (совокупного) воздействия, объясняющего 67% изменений состояния уязвимости.

Этот факт подтверждает предположение об отграничении (независимости) информационно-психологической уязвимости от смежных феноменов (психологической устойчивости, утомленности). По-видимому, информационно-психологическая уязвимость может быть рассмотрена в виде самостоятельного психологического явления, а ее изучение должно осуществляться в более широком предметном поле, учитывающем не только индивидуально-психологические характеристики, но и когнитивные особенности восприятия и переработки информации.

В пользу данного вывода свидетельствуют различия в уровне уязвимости участников, оценившим ее максимально высоко (и средне оценившим свою психологическую устойчивость (группы 1 и 2 на графике)) и участникам, оценившим ее низко (группы 3 и 4). На среднем и высоком уровне утомления информационно-психологической защищенность снижается, что может быть объяснено не только эмоциональной нестабильностью, но и трудностями в работе с оперативно-служебной информацией. Кроме когнитивных особенностей, различия в уровне уязвимости могут быть объяснены особенностями ценностно-мотивационной сферы сотрудника. Данный вывод поддерживается различием в устойчивости у лиц с разным уровнем утомления и может объясняться мотивационной направленностью и ценностными ориентациями, обеспечивающими сопротивление негативному воздействию утомления и информации.

Интерпретация результатов исследования. В ходе эмпирического исследования были проверены гипотезы об отношениях между информационно-психологической уязвимостью сотрудника органа внутренних дел, уровнем его психологической устойчивости и состоянием утомленности. Необходимость исследования обусловлена как практическими соображениями предупреждения и профилактики деструктивного информационного воздействия на представления, переживания и решения сотрудников органов внутренних дел, так и неполнотой научных знаний об этом явлении.

Отталкиваясь от предположения об информационно-психологической уязвимости как свойстве сотрудника органа внутренних дел, определяющей возможность подвергнуться негативному воздействию, эмпирическое исследование проверяло роль психологической устойчивости и утомления в этом процессе.

Посредством метода общей линейной модели (general linear model) были установлены отношения между уязвимостью, психологической устойчивостью и утомленностью. Выявлено, что уязвимость подвержена их сочетающемуся влиянию, а ее рост зависит от недостатка психологической устойчивости ($\beta = 1,76$, $df = 270$, $t = -12,391$ при $p < 0,001$) при нарастании утомления ($\beta = 0,57$, $df = 270$, $t = -3,944$ при $p < 0,001$). Анализируя результаты, следует принять во внимание преобладающее влияние психологической устойчивости на уязвимость в сравнении с утомлением (F-крит. (устойчивость) = 60,57, $p < 0,001$ и F-крит. (утомление) = 6,12, $p < 0,001$).

С практической точки зрения это свидетельствует о целесообразности повышения информационно-психологической безопасности посредством совершенствования психологической устойчивости как более сильного регулятора по сравнению с утомлением. При этом важно

отметить, что влияние психологической устойчивости и уровня утомления не является сопряженным, поскольку при их низких уровнях показатели уязвимости также находятся в низких диапазонах, однако при превышении средних значений утомления ($M \pm 0,5\sigma$) уязвимость психологически неустойчивых вырастает, хотя у высокоустойчивых остается на практически том же уровне.

Заслуживают внимания факты влияния утомления на информационно-психологическую уязвимость. Так установлено, что *в группе сотрудников с низким уровнем утомленности* показатели информационно-психологической уязвимости находятся на низком уровне, тогда как психологической устойчивости — на высоком. *В группе обследованных с высоким уровнем утомленности* показатели уязвимости выражены на высоком уровне, а устойчивости — на низком. *В группе субъектов с умеренным уровнем утомленности* показатели информационно-психологической уязвимости и устойчивости выражены на среднем уровне. Данный факт указывает на значение психоэмоциональной регуляции в информационно-психологической уязвимости сотрудников разной степени утомления и нуждается в дополнительном изучении.

Практическая значимость выводов обосновывается характером деятельности сотрудника органов внутренних дел, связанной с получением и обработкой значительных объемов информации. Высокий темп деятельности, заставляющий интенсивно использовать информационно-коммуникационные средства для решения служебных задач, повышает восприимчивость сотрудников органов внутренних дел к различным источникам данных. Учитывая, что современные средства передачи информации характеризуются слиянием текстового, визуального и аудиального способов кодирования информации (креолизацией), это задействует эмоциональное восприятие и снижает критичность оценки. Данная особенность объясняет применение креолизованных текстов в операциях информационного воздействия [29], интерес ученых и практиков к их психолингвистическому анализу [7].

С учетом новых сведений о роли психологической устойчивости и утомления, можно заключить, что противодействие информационно-психологической уязвимости нуждается в комплексном изучении, как ее психоэмоциональных, так и когнитивных факторов, влияющих на сотрудника органа внутренних дел.

Результаты расширяют представление об информационно-психологической уязвимости как самостоятельном психологическом образовании, лишь отчасти обусловленном психологической устойчивостью и утомлением, обосновывают необходимость изучения механизмов восприятия информации сотрудником органов внутренних дел, ее переработки и оценки, применения и распространения.

Выводы

1. Показано, что информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел может быть представлена как возможная подверженность воздействию информации, способной негативно влиять на оперативно-служебную деятельность и психологическое благополучие.

2. Эмпирически установлено сочетающееся и разнонаправленное влияние психологической устойчивости и утомленности на информационно-психологическую уязвимость сотрудников. Психологическая устойчивость в целом способствует сохранению информационно-психологической безопасности сотрудника с разным уровнем утомленности. Повышение

утомленности сопровождается повышением информационно-психологической уязвимости и снижением психологической устойчивости.

3. Показано, что повышенная информационно-психологическая уязвимость имеет место у сотрудников с повышенной утомленностью — на фоне их неблагоприятного психического состояния, выражающегося в усталости, слабости, снижении ресурса сил, в сочетании с переживанием ухудшения памяти, внимания, снижения работоспособности и психологической устойчивости личности. Повышение информационно-психологической уязвимости сопровождается снижением способности противостоять трудностям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохранять здоровье и работоспособность, в том числе и в пространстве служебной деятельности (психологическую устойчивость).

Литература

1. Астахова А.А., Кошкарлова Ю.А. Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющим профессионального мастерства [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Том 8. № 3 (28). С. 25–27. doi:10.26140/anip-2019-0803-0004
2. Баранов Е.Г. Информационно-психологическая устойчивость: сущность и психологическое содержание // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Том 10. № 1. С. 58–64.
3. Бодров В.А. Профессиональное утомление. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Институт психологии РАН, 2009. 560 с.
4. Величковский Б.Б. Когнитивные эффекты умственного утомления [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 108–122. doi:10.11621/vsp.2019.01.108
5. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 18–29. doi:10.17759/psylaw.2020100102
6. Владимирова М.Б. Информационное воздействие: механизмы и защита // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 64–70.
7. Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста // Политическая наука. 2017. № 2. С. 126–137.
8. Духновский С.В., Шелепина Э.К. Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение [Электронный ресурс] // Российский девиантологический журнал. 2024. № 2. С. 144–160. doi:10.35750/2713-0622-2024-2-144-160
9. Духновский С.В. Психология отношений личности: Монография. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2014. 380 с.
10. Захаров В.В., Яхно Н.Н. Нарушения памяти. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003. 160 с.
11. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Юрайт, 2024. 367 с.
12. Зинченко В.П., Леонова А.Б. Психометрика утомления. М.: Издательство Московского университета, 1977. 109 с.
13. Злоказов К.В., Караяни А.Г., Прокурова Н.С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны [Электронный ресурс] // Психопеда-

гоика в правоохранительных органах. 2022. Том 27. № 3 (90). С. 246–256. doi:10.24412/1999-6241-2022-390-246-256

14. *Караяни А.Г.* К вопросу об информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2022): Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 года. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 282–287.

15. *Крук В.М.* Психология надежности специалиста: история и современность [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. С. 150–158. doi:10.18384/2224-0209-2011-1-531

16. *Крук В.М., Федотов А.Ю.* Психологические особенности овладения специалистом технологией саморегуляции в рамках обеспечения профессиональной надежности // Психология обучения. 2021. № 2. С. 47–54.

17. *Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.* Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2020100213

18. *Куликов Л.В.* Психология настроения. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. 234 с.

19. *Леонова А.Б., Величковская С.Б.* Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний: Сборник статей. Выпуск 4 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. С. 326–343.

20. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. СПб: Питер, 2023. 384 с.

21. *Маслов Н.Б., Блощинский И.А., Максименко В.Н.* Нейрофизиологическая картина генеза утомления, хронического утомления и переутомления человека-оператора // Физиология человека. 2003. Том 29. № 5. С. 123–133.

22. *Никитина Л.Н., Коноплева А.А., Чудина-Шмидт Н.В.* Детерминанты формирования радикального сознания молодежи [Электронный ресурс] // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (2). С. 195–207. doi:10.35750/2713-0622-2023-2-195-207

23. *Огородникова Л.А.* Подходы к исследованию памяти в отечественной и зарубежной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2012. Том 2. № 2. С. 308–312.

24. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. СПб: Издательство Института психотерапии, 2009. 224 с.

25. *Ушаков В.О.* Исследование динамики функционирования механизмов мнемических способностей при усложнении мнемической задачи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 3. С. 149–163.

26. *Черемошкина Л.В., Осинина Т.Н.* Память: закономерности воспроизведения учебного материала: Монография. М.: Юрайт, 2019. 235 с.

27. *Cialdini R.B., Goldstein N.J.* Social influence: compliance and conformity // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015

28. *Deppe C.* Disinformation in Cognitive Warfare, Foreign Information Manipulation And Interference, And Hybrid Threats // The Defence Horizon Journal. 2023. October 17. doi:10.5281/zenodo.10005172

29. *Di Pietro R., Raponi S., Caprolu M., Cresci S.* New Dimensions of Information Warfare. Switzerland: Springer, 2021. 251 p. doi:10.1007/978-3-030-60618-3

30. Ecker U.K.H., Lewandowsky S., Cook J., Schmid P., Fazio L.K., Brashier N., Kendeou P., Vraga E.K., Amazeen M.A. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // *Nature Reviews Psychology*. 2022. Vol. 1(1). P. 13–29. doi:10.1038/s44159-021-00006-y
31. Hasson U. Believe it or not: On the possibility of suspending belief // *Psychological Science*. 2005. Vol 16(7). P. 566–571. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.01576.x
32. Lai K., Xiong X., Jiang X., Sun, M., He L. Who falls for rumor? Influence of personality traits on false rumor belief // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 152. doi:10.1016/j.paid.2019.109520
33. Leeuwen F. van, Parren N., Miton H., Boyer P. Individual Choose-to-Transmit Decisions Reveal Little Preference for Transmitting Negative or High-Arousal Content // *Journal of Cognition and Culture*. 2018. Vol. 18(1). P. 124–153. doi:10.1163/15685373-12340018.
34. Lin Y.Y. China's Cognitive Warfare Strategy and Taiwan's Countermeasures // *National Defence Journal*. 2021. Vol. 36(1). P. 1–22.
35. Simoes E., Sokolov A.N., Hahn M., Fallgatter A.J., Brucker S.Y., Wallwiener D., Pavlova M.A. How Negative Is Negative Information // *Frontiers in Neuroscience*. 2021. Vol. 15. doi:10.3389/fnins.2021.742576.
36. Spears R. Social Influence and Group Identity // *Annual Review of Psychology*. 2021. Vol. 72(1). P. 367–390. doi:10.1146/annurev-psych-070620-111818
37. Wolverton C., Stevens D. The impact of personality in recognizing disinformation // *Online Information Review*. 2019. Vol. 44(1). P. 181–191. doi:10.1108/oir-04-2019-0115

References

1. Astakhova A.A., Koshkarova Yu.A. Formirovanie psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov organov vnutrennikh del k destruktivnym informatsionnym vozdeistviyam kak so-stavlyayushchim professional'nogo masterstva [The formation of the psychological stability of employees of internal affairs bodies to destructive informational influences as a component of professional skill] [Elektronnyi resurs]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 3 (28), pp. 25–27. doi:10.26140/anip-2019-0803-0004 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Baranov E.G. Informatsionno-psikhologicheskaya ustoichivost': sushchnost' i psikhologicheskoe sodержanie [Informational and psychological stability of personality: the nature and psychological content]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2017. Vol. 10, no. 1, pp. 58–64. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Bodrov V.A. Professional'noe utomlenie. Fundamental'nye i prikladnye problemy. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2009. 560 p. (In Russ.).
4. Velichkovsky B.B. Kognitivnye efekty umstvennogo utomleniya [Cognitive effects of mental fatigue] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 1, pp. 108–122. doi:10.11621/vsp.2019.01.108 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Psikhologicheskie aspekty informatsionnogo vozdeistviya na sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological Aspects of Information Impact on Employees of Internal Affairs Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 18–29. doi:10.17759/psylaw.2020100102 (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Vladimirova M.B. Informatsionnoe vozdeistvie: mekhanizmy i zashchita [Informational influence: mechanisms and protection]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 5 (360), pp. 64–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Voroshilova M.B., Zlokazov K.V. Psikholingvisticheskie metody issledovaniya kreolizovannogo teksta [Psycholinguistic methods for creolized text analysis]. *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2017, no. 2, pp. 126–137. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Dukhnovsky S.V., Shelepina E.K. Oprosnik “Sub”ektivnaya otsenka urovnya utomlennosti lichnosti”: razrabotka, psikhometricheskaya kharakteristika, primeneniye [Subjective Assessment of Personal Fatigue Questionnaire: development, psychometric characterisation, application] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*, 2024, no. 2, pp. 144–160. doi:10.35750/2713-0622-2024-2-144-160 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Dukhnovsky S.V. Psikhologiya otnosheniĭ lichnosti: Monografiya. Kurgan: Izdatel’stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 380 p. (In Russ.).
10. Zakharov V.V., Yakhno N.N. Narusheniya pamyati. Moscow: GEOTAR-MED, 2003. 160 p. (In Russ.).
11. Zeigarnik B.V. Patopsikhologiya. Moscow: Yurait, 2024. 367 p. (In Russ.).
12. Zinchenko V.P., Leonova A.B. Psikhometrika utomleniya. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, 1977. 109 p. (In Russ.).
13. Zlokazov K.V., Karayani A.G., Prokurova N.S. Radikalizatsiya predstavlenii molodezhi o roli religii v obshchestve metodami kognitivnoi voyny [Radicalization of Youth Vision of the Role of Religion in Society by Methods of Cognitive Warfare] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2022. Vol. 27, no. 3 (90), pp. 246–256. doi:10.24412/1999-6241-2022-390-246-256 (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Karayani A.G. K voprosu ob informatsionno-psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. *Aktual’nye problemy psikhologii pravookhranitel’noi deyatel’nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil’evskie chteniya-2022): Materialy mezh-dunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022 goda*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., 2022, pp. 282–287. (In Russ.).
15. Kruk V.M. Psikhologiya nadezhnosti spetsialista: istoriya i sovremennost’ [Psychology of expert’s reliability: history and modernity] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Region University*, 2011, no. 1, pp. 150–158. doi:10.18384/2224-0209-2011-1-531 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Kruk V.M., Fedotov A.Yu. Psikhologicheskie osobennosti ovladeniya spetsialistom tekhnologii samoregulyatsii v ramkakh obespecheniya professional’noi nadezhnosti [Psychological features of mastering the expert technology of self-control within ensuring professional reliability]. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, 2021, no. 2, pp. 47–54. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu. Psikhologicheskoe obespechenie stressoustoichivosti kak elementa professional’noi nadezhnosti spetsialista silovykh struktur [Psychological Support of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2020100213 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Kulikov L.V. Psikhologiya nastroyeniya. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. 234 p. (In Russ.).

19. Leonova A.B., Velichkovskaya S.B. Differentsial'naya diagnostika sostoyanii snizhennoi rabotosposobnosti. In Prokhorov A.O. (Ed.). *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii: Sbornik statei*. Vypusk 4. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii Publ., 2002, pp. 326–343. (In Russ.).
20. Luriya A.R. *Osnovy neiropsikhologii*. Saint Petersburg: Piter, 2023. 384 p. (In Russ.).
21. Maslov N.B., Bloschinskii I.A., Maksimenko V.N. Neurofiziologicheskaya kartina geneza utomleniya, khronicheskogo utomleniya i pereutomleniya cheloveka-operatora [A neurophysiological picture of the genesis of fatigue, chronic fatigue, and overfatigue in human operators]. *Fiziologiya cheloveka = Fiziologiya Cheloveka*, 2003. Vol. 29, no. 5, pp. 123–133. (In Russ.).
22. Nikitina L.N., Konopleva A.A., Chudina-Schmidt N.V. Determinanty formirovaniya radikal'nogo soznaniya molodezhi [Determinants of the formation of the radical consciousness of youth] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*, 2023, no. 3 (2), pp. 195–207. doi:10.35750/2713-0622-2023-2-195-207 (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Ogorodnikova L.A. Podkhody k issledovaniyu pamyati v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii [Approaches to Research Memory and Mnemonic Abilities in Domestic and Foreign Psychology]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012. Vol. 2, no. 2, pp. 308–312. (In Russ., abstr. in Engl.).
24. Rubinshtein S.Ya. Eksperimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2009. 224 p. (In Russ.).
25. Ushakov V.O. Issledovanie dinamiki funktsionirovaniya mekhanizmov mnemicheskikh sposobnostei pri uslozhenii mnemicheskoi zadachi [On the Dynamics of Memory Abilities with the Increased Difficulty of the Memory Task]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 149–163. (In Russ., abstr. in Engl.).
26. Cheremoshkina L.V., Osinina T.N. Pamyat': zakonomernosti vosproizvedeniya uchebnogo materiala: Monografiya. M.: Yurait, 2019. 235 p. (In Russ.).
27. Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: compliance and conformity. *Annual Review of Psychology*, 2004. Vol. 55, pp. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015
28. Deppe C. Disinformation in Cognitive Warfare, Foreign Information Manipulation And Interference, And Hybrid Threats. *The Defence Horizon Journal*, 2023. October 17. doi:10.5281/zenodo.10005172
29. Di Pietro R., Raponi S., Caprolu M., Cresci S. New Dimensions of Information Warfare. Switzerland: Springer, 2021. 251 p. doi:10.1007/978-3-030-60618-3
30. Ecker U.K.H., Lewandowsky S., Cook J., Schmid P., Fazio L.K., Brashier N., Kendeou P., Vraga E.K., Amazeen M.A. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction. *Nature Reviews Psychology*, 2022. Vol. 1, no. 1, pp. 13–29. doi:10.1038/s44159-021-00006-y
31. Hasson U. Believe it or not: On the possibility of suspending belief. *Psychological Science*, 2005. Vol 16, no. 7, pp. 566–571. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.01576.x
32. Lai K., Xiong X., Jiang X., Sun, M., He L. Who falls for rumor? Influence of personality traits on false rumor belief. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 152. doi:10.1016/j.paid.2019.109520
33. Leeuwen F. van, Parren N., Miton H., Boyer P. Individual Choose-to-Transmit Decisions Reveal Little Preference for Transmitting Negative or High-Arousal Content. *Journal of Cognition and Culture*, 2018. Vol. 18, no. 1, pp. 124–153. doi:10.1163/15685373-12340018.

Духновский С.В., Злоказов К.В.
Информационно-психологическая уязвимость
сотрудников органов внутренних дел с разным
уровнем устойчивости и утомленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 50–67

Dukhnovsky S.V., Zlokazov K.V.
Information and Psychological Vulnerability
of Employees of Internal Affairs Bodies
with Different Levels of Stability and Fatigue
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 50–67

34. Lin Y.Y. China's Cognitive Warfare Strategy and Taiwan's Countermeasures. *National Defence Journal*, 2021. Vol. 36, no. 1, pp. 1–22.
35. Simoes E., Sokolov A.N., Hahn M., Fallgatter A.J., Brucker S.Y., Wallwiener D., Pavlova M.A. How Negative Is Negative Information. *Frontiers in Neuroscience*, 2021. Vol. 15. doi:10.3389/fnins.2021.742576.
36. Spears R. Social Influence and Group Identity. *Annual Review of Psychology*, 2021. Vol. 72, no. 1, pp. 367–390. doi:10.1146/annurev-psych-070620-111818
37. Wolverton C., Stevens D. The impact of personality in recognizing disinformation. *Online Information Review*, 2019. Vol. 44, no. 1, pp. 181–191. doi:10.1108/oir-04-2019-0115

Информация об авторах

Духновский Сергей Витальевич, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра юридической психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ СПбУ МВД РФ), г. Санкт-Петербург; Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, начальник, научно-исследовательский отдел, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ СПбУ МВД РФ), г. Санкт-Петербург; Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Information about the authors

Sergey V. Dukhnovsky, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Legal Psychology, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Kirill V. Zlokazov, PhD in Psychology, Docent, Head, Research Department, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Получена 19.08.2024
Принята в печать 23.10.2024

Received 19.08.2024
Accepted 23.10.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект

Суслов Ю.Е.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Российская Федерация (ФКУ НИИ ФСИН России); Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Фёдоров А.Ф.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация; Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярева (ФГБОУ ВО «КГТА им. В.А. Дегтярева»), г. Ковров, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2261-6511>, e-mail: zimbur79@mail.ru

Беспалова А.В.

Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярева (ФГБОУ ВО «КГТА им. В.А. Дегтярева»), г. Ковров, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2840-7642>, e-mail: allashuvalova@yandex.ru

Актуальные данные официальной статистики свидетельствуют о неуклонном снижении преступлений, совершенных в нашей стране. Отмечается общий гуманистический вектор развития отечественной правоохранительной системы и, в частности, системы исполнения наказаний, выражающийся в уменьшении числа лиц, как привлеченных к уголовной ответственности, так и осужденных к реальному лишению свободы на определенный срок, созданию и развитию института пробации, как системы поддержки освободившихся из мест лишения свободы. Вместе с тем проблема преступности в целом и повторной преступности в частности не теряет своей актуальности. В представленной работе проводится анализ данных научных исследований, посвященных изучению повторной преступности. Особый акцент сделан на группе осужденных, неоднократно отбывавших наказание в местах лишения свободы или ранее отбывавших наказание в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Через призму исследования данной выборки с психологических позиций анализируется вопрос эффективности системы исправления лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: исправление, наказание, молодежь, осужденные, повторная преступность, преступное поведение, преступность, рецидив, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

Суслов Ю.Е., Фёдоров А.Ф., Беспалова А.В.
Современные проблемы повторной преступности.
Социально-психологический аспект
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 68–84

Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bepalova A.V.
Modern Problems of Repeated Criminality.
Socio-Psychological Aspect
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 68–84

Для цитаты: Суслов Ю.Е., Фёдоров А.Ф., Беспалова А.В. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 68–84. DOI:10.17759/psylaw.2024140405

Modern Problems of Repeated Criminality. Socio-Psychological Aspect

Yuri E. Suslov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow; Russian State Social University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X> e-mail: zimburu@mail.ru

Alexander F. Fedorov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia; Kovrov State Technological Academy named after V.A. Degtyarev, Kovrov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2261-6511>, e-mail: zimbur79@mail.ru

Alla V. Bepalova

Kovrov State Technological Academy named after V.A. Degtyarev, Kovrov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2840-7642>, e-mail: allashuvalova@yandex.ru

Current data of official statistics show a steady decline in the number of crimes committed in our country. There is a general humanistic vector of development of the domestic law enforcement system and, in particular, the system of execution of punishments, which is expressed in the reduction in the number of persons both criminally prosecuted and sentenced to real imprisonment for a certain period of time, the creation and development of the institute of probation as a system of support for those released from prison. At the same time, the problem of crime in general and repeat crime in particular does not lose its relevance. The presented work analyzes the data of scientific research devoted to the study of repeat crime. Special emphasis is made on the group of convicts who repeatedly served their sentences in places of deprivation of liberty or previously served their sentences in educational colonies of the criminal-executive system of the Russian Federation. Through the prism of the study of this sample, the issue of the effectiveness of the system of correction of persons who have committed crimes is analyzed from a psychological point of view.

Keywords: correction, punishment, youth, convicts, repeated criminality, criminal behavior, criminality, recidivism, penal system of the Russian Federation.

For citation: Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bepalova A.V. Modern Problems of Repeated Criminality. Socio-Psychological Aspect. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 68–84. DOI:10.17759/psylaw.2024140405 (In Russ.).

Введение

Обращаясь к проблеме преступности, основной задачей мы видим выражение ее не только в конкретных цифрах официальной статистики и в их динамике, но в первую очередь считаем необходимым через цифровое выражение проблематики выйти на более общий, а потому более значимый, по нашему мнению, уровень понимания анализируемого феномена, отра-

жающего духовно-нравственное состояние нашего общества. В текущих условиях современного мира обращение к данному вопросу представляется крайне важным, в особенности если рассматривать его через призму вовлечения в противоправную деятельность молодежи. Нельзя не учитывать того факта, что представители криминального мира, занимающие высшее положение в преступной иерархии, целенаправленно проводят работу по вовлечению молодежи в противоправную деятельность, о чем свидетельствует перехваченная переписка между представителями криминального сообщества в местах лишения свободы: «Уделяйте максимальное внимание тем, кто заезжает на Централ впервые, доводите, поясняйте молодежи, ведь это Наша смена в будущем и от того, как им будет все преподнесено, зависит многое — всегда это помните!» [5].

Рассматривая преступность как явление, отражающее текущее состояние общества, нельзя не согласиться с профессором В.А. Номоконовым, исследующим философию преступности, в том, что в основе нее лежит бездуховность, так как без духовного наполнения человеческая жизнь во всем ее многообразии мертва [14].

Закономерно возникает необходимость в определении понятия «преступность». Как объект исследования, преступность — сравнительно самостоятельное социальное явление, состоящее из количественно-качественных характеристик и подчиняющееся статистическим закономерностям [9]. Ю.М. Антонян определяет преступность как сумму всех фактов преступного поведения конкретных личностей [1]. Преступное поведение, совокупным выражением которого является преступность, по своей природе многогранно и включает в себя как минимум четыре важных аспекта: юридический — как действия, запрещенные государством; моральный — как поведение, нарушающее принятые ненормативные регуляторы; социальный — как действия, которые нарушают установленные традициями и обычаями правила поведения; психологический — как поведение, приносящее удовлетворение за счет причинения боли и ущерба другим [19]. Подобная детализация данного феномена, на наш взгляд, крайне важна, так как не только отражает сложную неоднородную сущность преступности, но и показывает, какие именно границы преступает человек, совершая противоправные деяния. Это, в свою очередь, позволит выявить то, что побуждает к подобным действиям, выявить мотивацию, которая может различаться принципиально, но при этом находить выражение в форме преступного поведения. Например, мотивация может быть протестной, оппозиционной, при полном социально-бытовом благополучии, а может выражаться в острой необходимости, граничащей с выживанием. Например, чтобы удовлетворить свои витальные потребности, при общей асоциальной или антисоциальной направленности личности. Понимание этого позволит установить причины совершения подобных поступков и, как следствие, будет способствовать определению наиболее важных направлений путей решения данной проблемы. Именно по этой причине к феномену преступности обращено внимание представителей как медицинской, биологической, юридической, педагогической, философской, так и психологической наук. Уточним, что в самой проблеме преступности отдельным вопросом выделяется повторная преступность. Повторная преступность представляет собой совокупность преступлений, совершенных лицами, к которым уже применялись уголовное наказание или иные меры уголовно-правового характера за ранее совершенные ими преступления.

Материалы и методы исследования

В исследовании применялись:

- метод анализа отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме исследования. Результаты применения данного метода позволили выработать научные представления о природе (причинах и условиях) повторной преступности и их динамике;
- метод анализа официальных статистических данных различных правоохранительных ведомств (МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации) России, а также официальных статистических данных правоохранительных органов зарубежных стран. Данный метод позволил описать, условно, объективное состояние повторной преступности в Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

В силу юридических и психологических особенностей данного феномена выделение повторной преступности из преступности вообще вполне обоснованно именно с психологической точки зрения, так как неоднократное совершение преступлений относительно объективно отражает устойчивую асоциальную или антисоциальную направленность личности, что подразумевает пропреступную систему убеждений, взглядов, ценностей и т. д. Можно утверждать, что лица, многократно совершающие преступления, являются основой преступности. Также это можно рассматривать в целом как своеобразный социальный феномен. Важно отметить, что они, являясь носителями устойчивых преступных установок, криминальной субкультуры, транслируя и распространяя ее в обществе, заражают его. По этой причине к исследованию этой проблемы объективно не снижается не только теоретический, но и практический интерес. Для подробного изучения повторной преступности необходимо обратиться к исследованиям, отражающим практику применения права к лицам, совершившим преступления, описав, таким образом, актуальный «правовой фон», на котором рассматриваемая проблема будет представлена более рельефно.

Так, в исследовании О.Р. Афанасьевой и М.В. Гончаровой, посвященном изучению преступности, на основе анализа данных о практике осуждения в России в период с 2007 по 2017 г., было выявлено, что каждый пятнадцатый гражданин был осужден. Авторы отмечают, что в связи с общей тенденцией гуманизации уголовного законодательства за указанный период отмечается снижение осужденных лиц, в том числе лиц, осужденных к реальному лишению свободы на определенный срок. Вместе с тем доля лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, снизилась незначительно. Авторы делают, на наш взгляд, вполне обоснованный вывод об уже сформированном «классе преступников», прошедших школу «тюремного воспитания». И, как следствие, исследователи задаются вопросом об эффективности применения наказания в виде лишения свободы [2]. В дополнение к выводу авторов добавим, что данные тенденции отражаются на «качественном» составе контингента, содержащегося в исправительных учреждениях. Он стал сложнее, поскольку, как было отмечено выше, в исправительных колониях и тюрьмах сконцентрировались в основном те из осужденных, кто избрал для себя преступный образ жизни.

Сделанные выводы отчасти корреспондируются с выводами, отраженными в исследовании С.Л. Бабаяна и В.А. Анфиногенова, примерно того же временного периода. Исследователи на примере лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, установили, что совершавшие преступления повторно в достаточно высокой доле не были заняты трудом или учебой [3]. Закономерно возникает вопрос о способах получения ими средств на удовлетворение своих потребностей, которыми пользовались данные лица до

осуждения. И с высокой степенью уверенности можно предположить об их незаконном характере, итогом которого и стало осуждение.

Исследование, проведенное в 2013 г. А.В. Звоновым и С.А. Пичугиным, включало в себя опрос сотрудников правоохранительных органов и судей на предмет причин совершения повторных преступлений, по их субъективному мнению. В качестве основных причин респонденты высказали: отрицательные морально-психологические качества осужденного, вера в безнаказанность (указали 65,6% опрошенных); материальная нужда, низкий уровень доходов, зарплаты (50,6%); влияние окружающих лиц, в том числе криминальной среды (48,1%) [7].

Н.С. Артемьев и А.Н. Бурчихин отмечают, что на преступное поведение рецидивистов оказывают влияние такие факторы, как сильное социально-экономическое расслоение в обществе, ослабление нравственного влияния института семьи, недооценка общественной опасности рецидивной преступности, связанной, по мнению авторов, с нарушением преемственности поколений сотрудников правоохранительных органов, распространением в обществе и, в особенности в молодежной среде, воровских традиций и обычаев.

Сопоставим выводы ученых-исследователей относительно причин преступности и данных официальной статистики государственных органов, занимающихся правоохранительной деятельностью. Так, характеризуя состояние преступности в нашей стране, следует обратиться к сведениям официальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [15].

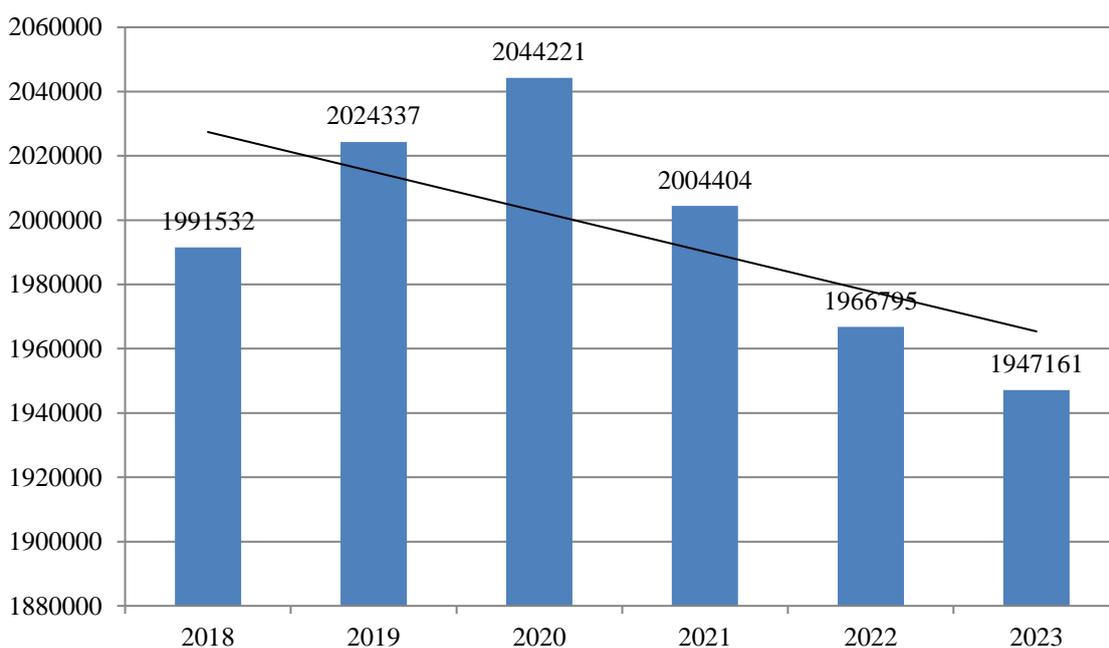

Рис. 1. Всего зарегистрировано преступлений в период с 2018 по 2023 г.

Из данных, приведенных на рис. 1, становится видно, что динамика количества зарегистрированных преступлений в период с 2018 по 2022 г. имеет вид перевернутой параболы, у которой пик приходится на 2020 год а далее отмечается значительное снижение описываемого показателя. Похожие изменения согласуются со сведениями, также отражающими отдельные аспекты преступности, а именно в отношении лиц, к которым применены меры уголовного наказания.

В.О. Коваленкова и Р.М. Жиляев в своей работе отмечают тенденции к ежегодному сокращению общего числа осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС). Данное обстоятельство исследователи объясняют гуманизацией уголовной политики в нашей стране и расширением сферы применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. Также исследователи отмечают, что число лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в среднем не превышает 3,15% от общей численности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях [10]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что оставшая часть осужденных представляет собой группу, более сложную в плане криминальной зараженности и общей преступной ориентации.

Проведем более детальный анализ статистических данных, характеризующих состояние преступности.

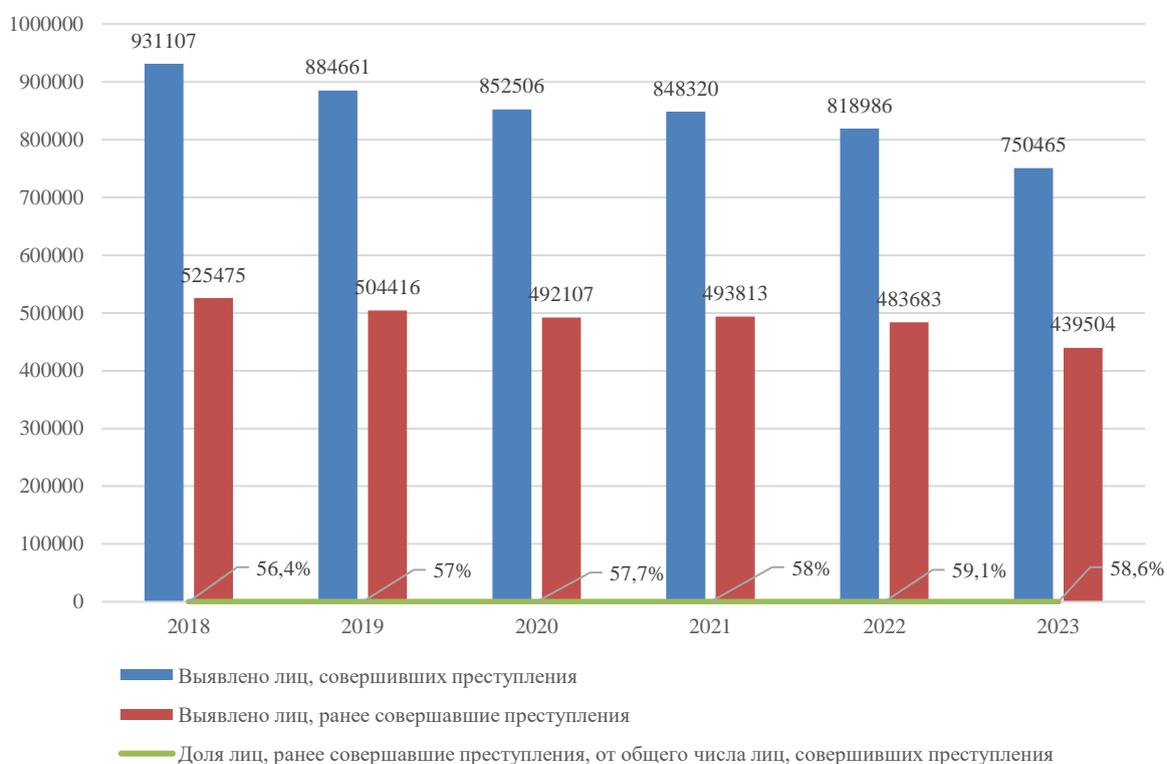

Рис. 2. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, лиц, ранее совершавших преступления, и их доля от общего числа лиц, совершивших преступления

Сопоставляя данные, представленные на рис. 2, можно сделать вывод о том, что суждения, высказанные в представленных выше исследованиях, подтверждаются. В частности — вывод об усложнении качественного состава преступников. При тенденции к снижению общего числа лиц, совершивших преступления, доля тех из них, кто ранее уже совершал преступления, из года в год сохраняется на стабильном уровне выше среднего.

В качестве характеристики лиц, ранее совершавших преступления [11] (рис. 3), отметим, что выявляется достаточно типичная ситуация, в которой более половины представителей обсуждаемой группы не имели постоянного источника дохода. Данный показатель можно интерпретировать как минимум с двух сторон, а именно: следует отметить, что часть данных

лиц находились в условиях отсутствия возможности трудоустроиться, трудиться и получать в достаточной мере средства для удовлетворения своих минимальных потребностей, в частности витальных, обуславливающих саму возможность жить в физическом понимании. Фактор безработицы, относительно личности, имеет объективно-субъективный характер, так как, безусловно, оказывает влияние на рост преступности, в частности на рост корыстных преступлений [6]; но в то же время решение добывать средства преступным путем принимается человеком, как правило, осознанно, а следовательно, лежит в плоскости мировосприятия, системы допустимого и недопустимого в картине мира самого субъекта.

Рис. 3. Доля лиц, ранее совершивших преступления, не имеющих постоянного источника дохода; доля лиц, совершавших преступления в состоянии алкогольного опьянения; доля лиц, совершавших преступления в состоянии наркотического опьянения, от общего числа лиц, совершивших преступления в период с 2018 по 2023 г

Весьма показательными в плане характеристики лиц, неоднократно совершавших преступления, являются данные о доли преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Практически неизменным является то обстоятельство, что в подобном состоянии совершалась треть преступлений. Также следует при интерпретации представленных цифр отталкиваться от вероятных обстоятельств, в которых преступления были совершены. Весьма интересна дискуссия о том, считать ли наличие алкогольного опьянения обстоятельством, отягчающим преступление. Ряд правоведов считают, что нахождение в состоянии алкогольного опьянения не отягчает преступление, так как умысел на его совершение, по их мнению, у преступника уже имелся, а алкоголь лишь снял внутренние ограничения, страх его совершения. Вместе с тем другие исследователи данного вопроса считают иначе, относя состояние алкогольного опьянения на момент совершения преступления к обстоятельствам его отягчающим [16].

Отметим, что в каждом конкретном случае наличие данного обстоятельства следует рассматривать предметно, индивидуально и в комплексе с иными факторами, которые могут носить объективный, субъективный и объективно-субъективный характер. Мы придерживаемся мнения о том, что наличие алкогольного либо наркотического опьянения должно усиливать ответственность за совершенное преступление. Так как в контексте особенностей лич-

ности лиц, неоднократно совершавших преступления, наличие у них алкогольной зависимости или «статуса» алкоголя как приоритетной формы проведения досуга свидетельствует об увеличении вероятности совершения ими преступлений. С практикой употребления наркотических веществ прослеживается аналогичная ситуация. Кроме того, как показывают исследования, осознавая у себя наличие «проблем с алкоголем», выражающихся, в том числе, в правонарушениях разной степени социальной опасности, лишь ничтожная часть из них обращаются за квалифицированной помощью [12]. Таким образом, зная о наличии у себя такой криминогенной привычки или даже заболевания, люди не обращаются за специальной помощью с целью избавиться от присущей им вредной привычки/заболевания. Это следует рассматривать как самостоятельное решение оставаться потенциально опасным для общества в период нахождения в состоянии опьянения.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что фактор личности является одной из составляющих явления преступности. Подчеркнем, что личность преступника является именно одним из факторов преступности в дополнение к тем условиям, в которых данная личность находится или в которых формировалась.

Размышляя о личностных истоках формирования преступного поведения, обратимся к результатам исследования несовершеннолетних делинквентов Е.И. Ильянской, которые позволили выявить ряд важных психологических аспектов вхождения человека в «преступность», формирования у него преступного поведения, к которым, как было установлено, относятся потребность в острых ощущениях, наличие травматического опыта, низкий уровень психологического благополучия, ощущение одиночества и т. д.; в особенности нам представляется важным в этом исследовании вывод о том, что различные формы отклоняющегося поведения для несовершеннолетних обеспечивают личностную самореализацию, что позволяет поддерживать необходимый уровень самооценки [8].

Отметим интересные результаты исследования Н.А. Цветковой, посвященного изучению рецидивной женской преступности [18]. В заключение своей работы исследователь делает выводы, с которыми мы не можем не согласиться. Так, в основе совершения женщинами повторных преступлений лежит совокупность негативных социально-психологических факторов, носящих объективно-субъективный характер, к которым относятся проблемы трудоустройства после отбывания наказания за первое совершенное преступление, трудности решения проблем, связанных с местом жительства и т. д. Кроме того, к субъективным факторам следует отнести и особенности личности самих исследуемых женщин в их судьбе, приведшие к повторному совершению преступления, к ним можно отнести и повышенный уровень делинквентности (выше среднего, по результатам исследования), неспособность сказать «нет» в социальных ситуациях, когда предлагается участие в сомнительном деле, в котором отражаются дефекты умения установления социальных контактов, в результате, как мы можем предположить, конформизма или наличия «внутренней готовности» к правопослушному поведению и т. д.

В дополнение к данным результатам отметим, что в 2021 г. один из соавторов публикации принимал участие в исследовании, респондентами которого выступали лица, неоднократно совершавшие преступления, неоднократно осужденные и неоднократно отбывавшие наказание в местах лишения свободы. При этом их путь в местах лишения свободы начинался в несовершеннолетнем возрасте в воспитательных колониях [4; 11; 13]. Указанная последней характеристика имела принципиально важный характер, так как позволяла выявить, во-первых, мотивы совершения первого преступления в несовершеннолетнем возрасте, и, во-

вторых, установить основные мотивы совершения последующих преступлений, которые фиксировались после освобождения.

Остановимся на отдельных сторонах полученных результатов. Так, более половины опрошенных (53,2%) на момент проведения исследования имели 2—3 судимости. 73,9% респондентов находились в возрастном диапазоне от 26 до 45 лет. Это период наибольшей продуктивной трудовой и интеллектуальной активности человека, однако в данном случае имеющийся потенциал реализован не на созидание, а на разрушение в широком смысле этого слова. Дополнительный и показательный штрих, указывающий на потери для общества в трудовом ресурсе, указывает тот факт, что 76,6% имеют среднее образование (профессиональное, специальное или техническое).

Важной особенностью исследования являлось то, что осужденным предложили самим проанализировать причины, которые повлияли на совершение ими первого преступления. Согласно полученным ответам, 38,2% к таковым отнесли нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в момент совершения преступления, 38,1% — неблагоприятное материальное положение, 34,8% — негативное влияние окружения.

И именно те же самые факторы привели их к совершению повторного преступления (неблагоприятное материальное положение / отсутствие работы — 42,2%, нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в момент совершения преступления — 36%, негативное влияние окружения — 31,1%).

Приведенные данные исследований, как теоретического, так и практического характера, отражают окружающую действительность нашего общества в контексте рассматриваемой проблематики.

Вместе с тем проблема повторной преступности актуальна и для других стран.

Так, в исследовании D. Yukhnenko, L. Farouki, S. Fazel был осуществлен обзор рецидивной преступности за 6 лет в 33 странах (станы Западной и Восточной Европы, Азии и т. д.) [25]. На основании полученных данных исследователи, взяв за точку отсчета рецидивной преступности временной интервал в 2 года, определили, что показатель повторной преступности варьируется от 17,6 до 54,9% в разных странах. Указывая на сложность объективной оценки данного феномена, основанной на данных статистической отчетности официальных государственных органов, неизбежно содержащих в себе определенные ошибки по тем или иным причинам, авторы вместе с тем отметили ряд совпадений уровня повторной преступности в разных странах в зависимости от характера совершенного преступления. Так, по сравнению с лицами, осужденными за насильственные преступления, лица, осужденные за имущественные преступления, имели более высокий уровень рецидивизма. Лица, осужденные за преступления, связанные с наркотиками, имели сопоставимые показатели рецидивизма с лицами, осужденными за насилие. У лиц, осужденных за сексуальные преступления и нарушения правил дорожного движения, наблюдался более низкий уровень рецидивизма по сравнению с лицами, осужденными за насильственные преступления [25].

В Соединенных Штатах Америки исследователи отмечают, что в течение первых трех лет после освобождения 68% снова совершают преступления и данный показатель увеличивается до 79% и 83% через пять и девять лет после освобождения соответственно. В качестве причин повторной преступности также отмечаются проблемы с трудоустройством, жильем, возможностью добывать себе пропитание, отсутствием или утерей (в силу длительности отбывания наказания и изоляции от общества) трудовых навыков, недостаточной социальной поддержкой и т. д. [1]. При этом в данную категорию входит потенциально наиболее продуктивная с точки зрения возраста часть общества. 51% вышедших на свободу находились в

возрастном диапазоне от 25 до 39 лет. 32% освобожденных отбывали наказание за преступления, связанные с наркотиками, 30%, — за преступления против собственности, 26% — за насильственные преступления и 13% — за нарушения общественного порядка [20].

Статистика рецидивов преступлений в Ирландии за 2019 год показывает, что 44,6% лиц, освобожденных из-под стражи, совершили повторное преступление в течение года после освобождения. В группу риска совершения повторного преступления в течение года входят молодые люди в возрасте младше 25 лет. В 2019 г. 53,3% лиц, совершивших повторные преступления, были младше 25 лет [23].

В Швейцарии было проведено изучение уголовных преступлений, совершенных в период с 1984 по 2014 г. лицами, родившимися в один год (1966 год). За 30 лет был изучен их криминальный путь. Всего в исследовании было изучено 8690 человек [24]. Все эти лица совершали преступления. В первые 9 лет повторно совершили преступления 38%. Из тех, кто совершил повторное преступление, в последующие 9 лет уже 51% совершили третье преступление. Исследователи отметили одну из закономерностей в совершении повторного преступления. Чем за более количество нарушенных статей законодательства изначально осужден человек, тем выше риск совершения им повторного преступления в будущем. Так, если человек впервые был осужден по одной статье уголовного законодательства, то уровень рецидива составляет 37% в течение 9 лет после отбытия наказания за первое преступление. Данный показатель возрастает до 75% в случае, когда человек был впервые осужден по трем статьям уголовного законодательства. Также отмечается, что осужденные за более тяжкие преступления после освобождения чаще совершают повторные преступления.

Отмечается, что чем раньше по возрасту совершено первое преступление, тем выше риски совершения данными лицами повторного преступления. Так, уровень рецидива у лиц, совершивших первое преступление в 18 лет — 49%, в 22 года — 33%, в 26 лет — 29%.

Что касается пола, то у мужчин уровень первого рецидива после девяти лет составляет 40%, у женщин — 26%.

В Австралии, согласно официальным данным, уровень повторной преступности составляет от 35% до 41% в течение двух лет после освобождения. Примерно 25% совершают повторное преступление в течение 3 месяцев после освобождения. В данном исследовании подтверждается закономерность, отмеченная швейцарскими исследователями: чем раньше по возрасту совершено первое преступление, тем выше риск повторного преступления [22].

Выводы

Таким образом, на основании сравнительного анализа данных о повторной преступности, как в России в разные временные периоды, так и за рубежом, в качестве основных причин, способствующих совершению преступлений, в том числе повторно (два и более раз), можно выделить:

- отсутствие постоянного места работы;
- неорганизованный досуг, как у несовершеннолетних, так и у взрослых, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы;
- криминальная субкультура. Данная причина взаимосвязана в предыдущей. Как известно, природа не терпит пустоты и поэтому имеющееся неорганизованное свободное время, несформированные социально одобряемые формы поведения, заполняются хаотично и нередко деструктивными формами, в том числе и теми, которые носят явно делинквентный характер;

- социальная стигматизация со стороны окружения — стереотипное негативное восприятие лиц, ранее отбывавших наказание, ожидание от них противоправных действий;
- личностная делинквентность как внутренняя готовность к противоправному поведению;
- наличие аддикций. В первую очередь речь идет об алкогольной и наркотической зависимости, способствующих или даже побуждающих к совершению преступлений.

Приведенные данные можно трактовать двояко, так как, с одной стороны, мы отмечаем (основываясь на ответах респондентов) относительно устойчивые условия, в которых находится человек и в которых он совершает преступления. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что описываемые условия и их влияние могут быть нивелированы действиями делинквентной личности, т. е. эта сторона потенциального преступления находится в зоне ответственности самого человека.

Несмотря на то, что, согласно законодательству, официально, формально подготовка к освобождению лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, начинается не позднее, чем за 6 месяцев до окончания срока лишения свободы, в реальности она начинается с первой минуты нахождения осужденного в местах лишения свободы.

В исправительных учреждениях лицам, совершившим преступления, прививается дисциплина соблюдения режима дня, труда, отдыха, самообслуживания, что на самом деле является одним из оснований нормального, социально приемлемого и одобряемого поведения. Также оказывается медицинская помощь, оформляются документы, которые должны быть у осужденного на момент освобождения из мест лишения свободы, но которые могли у него отсутствовать. Оформляются льготы и пенсии, на которые он имеет по закону право и прочее. Кроме того, регулярно проводятся мероприятия воспитательного и психологического характера, способствующие личностному росту осужденного. То есть системно в социальном, правовом, медицинском, личностном плане проводится восстановление приемлемого уровня функционирования человека в обществе. Понятно, что данная работа, проводимая сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, направлена на решение актуальных проблем осужденных, хотя последние могут этого и не осознавать, тем самым профилируя и упреждая вероятности совершения повторных преступлений после освобождения. Конечно, остается еще много нерешенных вопросов относительно последующей ресоциализации осужденных после освобождения из мест лишения свободы.

С психологической точки зрения, анализируя приведенные данные исследований, проведенных как юристами, психологами, так и педагогами, мы видим, что лица, неоднократно совершавшие преступления и неоднократно отбывавшие наказание в местах лишения свободы, после освобождения возвращаются в условия такие же или подобные тем, при которых и совершали преступления. В качестве предположения, объясняющего данное обстоятельство, можно выдвинуть идею о том, что в период нахождения в местах лишения свободы многие значимые для осужденного вопросы решаются не им самим, а ответственным сотрудником. Это отчасти способствует формированию привычки к тому, что вопросы подобного рода решаются сами собой, без усилий, либо с минимальными их затратами. После освобождения разрешать эти задачи приходится самому осужденному, к чему он может быть не готов. Это приводит к тем причинам, которые, по мнению опрошенных осужденных, неоднократно совершавших преступления и отбывавших наказание в местах лишения свободы, приводило их к совершению преступлений снова.

Таким образом, ключевым при работе с лицами, совершающими преступления, становится развитие интернального локуса контроля. Пройдя систему исполнения наказаний, осужденный должен понять, что во многом он ответственен за свою жизнь и что решать насущ-

ные вопросы необходимо научиться самому, причем законными и социально приемлемыми способами.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Что такое преступность [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2019. Том 13. № 4. С. 461–467. doi:10.24411/2686-9764-2019-00002
2. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.* Повторное преступление как одно из возможных негативных последствий осуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 273–276.
3. *Бабаян С.Л., Анфиногенов В.А.* Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4 (44). С. 4–9.
4. *Бовин Б.Г., Суслов Ю.Е., Кочин А.А., Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Алимов А.А.* Анализ рецидивной преступности среди лиц, освобожденных по концу срока отбывания наказания из воспитательных колоний: аналитический обзор. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. 54 с.
5. *Борисов Е.А.* Распространение криминальной субкультуры АУЕ* среди молодежи: ключевые факторы, угрозы, меры противодействия // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 16–21.
6. *Ботвин И.В.* Преступность лиц без постоянного источника дохода: региональные особенности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Том 3 (69). № 4. С. 57–66.
7. *Звонов А.В., Пичугин С.А.* Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 11–14.
8. *Ильянкова Е.И.* Личностные особенности несовершеннолетних с делинквентным поведением [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 234–242. doi:10.35750/2071-8284-2023-3-234-242
9. *Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В.* Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 158–164.
10. *Коваленкова В.О., Жиляев Р.М.* К вопросу об изменении численности лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ (по результатам исследования, проведенного в 2016-2018 гг.) // 25-летний опыт применения Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: Сборник материалов круглого стола в рамках XII Пермского конгресса ученых-юристов, Пермь, 29 октября 2022 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 62–66.
11. *Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Новиков А.В.* Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в воспитательных колониях [Электронный ресурс] // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 1А. С. 309–318. doi:10.34670/AR.2022.82.85.029

* 17 августа 2020 года Верховный суд Российской Федерации признал АУЕ экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории страны.

12. *Малыхина Т.А.* Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 70–81.
13. *Москвитина М.М.* К вопросу о повторной преступности // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.): В 2 т. Т. 2. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 270–272.
14. *Номоконов В.А.* «Философия преступления» или «Преступная философия»? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 4 (35). С. 26–34.
15. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 05.06.2024).
16. *Решетникова Г.А.* Совершение преступления в состоянии опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Том 31. № 6. С. 1059–1064. doi:10.35634/2412-9593-2021-31-6-1059-1064
17. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 05.06.2024).
18. *Цветкова Н.А.* Некоторые социально-психологические аспекты профилактики рецидивной женской преступности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2 (213). С. 45–51.
19. *Щербаков Г.В., Лаврентьева И.В.* Понятие преступного поведения: поиск различных направлений и несколько основных результатов исследований в области психологии преступного поведения [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1. С. 6–17. doi:10.33463/2072-8336.2019.1 (46).006-017
20. *Alper M., Duros M.R., Markman J.* 2018 Update on Prisoner Recidivism: A 9-Year Follow-Up Period (2005-2014). Special Report NCJ 250975. Washington, DC: US Department of Justice, 2018.
21. *Butler L.* A Second Chance: The Impact of Unsuccessful Reentry and the Need for Reintegration Resources in Communities [Электронный ресурс] // Community Policing Dispatch. 2022. Vol. 15(4). URL: https://cops.usdoj.gov/html/dispatch/04-2022/reintegration_resources.html (дата обращения: 10.06.2024).
22. *Payne J.* Recidivism in Australia: findings and future research. 2007 [Электронный ресурс] // Australian Institute of Criminology. URL: <https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2020-05/rpp080.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).
23. Prison Re-offending Statistics 2019 [Электронный ресурс] // Central Statistics Office. URL: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-pros/prisonre-offendingstatistics2019/detailsof1-yearcustodialre-offending/> (дата обращения: 08.07.2024).
24. Statistique des condamnations pénales, 1984—2014. Récidive sur le long terme de Suisses nés la même année [Электронный ресурс] // Bundesamt für Statistik. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/crime-criminal-justice/recidivism/analysis.assetdetail.350339.html> (дата обращения: 07.07.2024).
25. *Yukhnenko D., Farouki L., Fazel S.* Criminal recidivism rates globally: A 6-year systematic review update // Journal of Criminal Justice. 2023. Vol. 88. doi:10.1016/j.jcrimjus.2023.102115

References

1. Antonyan Yu.M. Chto takoe prestupnost' [What is crime] [Elektronnyi resurs]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2019. Vol. 13, no. 4, pp. 461–467. doi:10.24411/2686-9764-2019-00002 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Afanaseva O.R., Goncharova M.V. Povtornoie prestuplenie kak odno iz vozmozhnykh negativnykh posledstviy osuzhdeniya [Repeated crime as one of the possible negative consequences of conviction]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, pp. 273–276. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Babayan S.L., Anfinogenov V.A. Analiz povtornoii prestupnosti osuzhdennykh k nakazaniyam i meram ugovolno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva i mery po ee profilaktike [Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 4 (44), pp. 4–9. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Bovin B.G., Suslov YU.E., Kochin A.A., Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Alimov A.A. Analiz retsidivnoi prestupnosti sredi lits, osvobozhdennykh po kontsu sroka otbyvaniya nakazaniya iz vospitatel'nykh kolonii: analiticheskii obzor. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2021. 54 p. (In Russ.).
5. Borisov E.A. Rasprostranenie kriminal'noi subkul'tury AUE* sredi molodezhi: klyuchevye faktory, ugrozy, mery protivodeistviya [Dissemination of the AUE* criminal subculture among young people: key factors, threats, measures]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2020, no. 1 (85), pp. 16–21. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Botvin I.V. Prestupnost' lits bez postoyannogo istochnika dokhoda: regional'nye osobennosti [Crime persons without a permanent source of income: regional features]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2017. Vol. 3 (69), no. 4, pp. 57–66. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Zvonov A.V., Pichugin S.A. Analiz prichin i uslovii soversheniya povtornykh prestuplenii osuzhdennymi k nakazaniyam i inym meram ugovolno-pravovogo kharaktera, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva [Causes and circumstances analysis of repeat offenses of the offenders sentenced to the measures without isolation]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 2 (22), pp. 11–14. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Ilyankova E.I. Lichnostnye osobennosti nesovershennoletnikh s delinkventnym povedeniem [Personality characteristics of minors with delinquent behavior] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (99), pp. 234–242. doi:10.35750/2071-8284-2023-3-234-242 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Klishkov V.B., Pasyukov V.V., Stebeneva E.V. Prestupnost' i ee osnovnye kharakteristiki na sovremennom etape [Crime and its main features today]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (68), pp. 158–164. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Kovalenkova V.O., Zhilyaev R.M. K voprosu ob izmenenii chislennosti lits, nakhodyashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noi sistemy, v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 03.07.2016 № 323-FZ (po rezul'tatam issledovaniya, provedennogo v 2016-2018 gg.). *25-letnii opyt primeneniya Ugolovnogo i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksov Rossiiskoi Federatsii:*

problemy i perspektivy razvitiya: Sbornik materialov kruglogo stola v ramkakh XII Permskogo kongressa uchenykh-yuristov, Perm', 29 oktyabrya 2022 goda. Perm: Permskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2022, pp. 62–66. (In Russ.).

11. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Novikov A.V. Prichiny i usloviya soversheniya povtornykh prestuplenii nesovershennoletnimi, ranee otbyvavshimi nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh [Reasons and conditions for the commission of repeated crimes by minors who previously served sentences in educational colonies] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022. Vol. 12, no. 1A, pp. 309–318. doi:10.34670/AR.2022.82.85.029 (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Malykhina T.A. Problemy preduprezhdeniya prestuplenii, sovershaemykh v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya [Problems of prevention of crimes committed under the influence of alcohol]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 2 (89), pp. 70–81. (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Moskvitina M.M. K voprosu o povtornoii prestupnosti. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchetom realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam ispolneniya ugolovnykh nakazanii (Ryazan', 17–18 noyabrya 2022 g.): V 2 t. T. 2.* Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2022, pp. 270–272. (In Russ.).

14. Nomokonov V.A. “Filosofiya prestupleniya” ili “Prestupnaya filosofiya”? [“Philosophy of crime” or “Criminal philosophy”?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 4 (35), pp. 26–34. (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Pokazateli prestupnosti Rossii [Elektronnyi resurs]. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki.* URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed 05.06.2024). (In Russ.).

16. Reshetnikova G.A. Sovershenie prestupleniya v sostoyanii op'yaneniya kak obstoyatel'stvo, otyagchayushchee nakazanie [Commission of a crime in a state of intoxication as an aggravating circumstance] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2021. Vol. 31, no. 6, pp. 1059–1064. doi:10.35634/2412-9593-2021-31-6-1059-1064 (In Russ., abstr. in Engl.).

17. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.* URL: <https://мвд.пф/ folder/101762> (Accessed 05.06.2024). (In Russ.).

18. Tsvetkova N.A. Nekotorye sotsial'no-psikhologicheskie aspekty profilaktiki retsidivnoi zhenskoii prestupnosti [Some socio-psychological aspects of recurrent female crime prevention]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2020, no. 2 (213), pp. 45–51. (In Russ., abstr. in Engl.).

19. Shcherbakov G.V., Lavrent'eva I.V. Ponyatie prestupnogo povedeniya: poisk razlichnykh napravlenii i neskol'ko osnovnykh rezul'tatov issledovaniy v oblasti psikhologii prestupnogo povedeniya [Criminal conduct notion: in search of different approaches and several main results of researches in the sphere of psychology of criminal conduct] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2019, no. 1, pp. 6–17. doi:10.33463/2072-8336.2019.1 (46).006-017 (In Russ.).

20. Alper M., Duros M.R., Markman J. 2018 Update on Prisoner Recidivism: A 9-Year Follow-Up Period (2005-2014). Special Report NCJ 250975. Washington, DC: US Department of Justice, 2018.
21. Butler L. A Second Chance: The Impact of Unsuccessful Reentry and the Need for Reintegration Resources in Communities. *Community Policing Dispatch*, 2022. Vol. 15, no. 4. URL: https://cops.usdoj.gov/html/dispatch/04-2022/reintegration_resources.html (Accessed 10.06.2024).
22. Payne J. Recidivism in Australia: findings and future research. 2007. *Australian Institute of Criminology*. URL: <https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2020-05/rpp080.pdf> (Accessed 07.07.2024).
23. Prison Re-offending Statistics 2019. *Central Statistics Office*. URL: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-pros/prisonre-offendingstatistics2019/detailsof1-yearcustodialre-offending/> (Accessed 08.07.2024).
24. Statistique des condamnations pénales, 1984—2014. Récidive sur le long terme de Suisses nés la même année. *Bundesamt für Statistik*. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/crime-criminal-justice/recidivism/analysis.assetdetail.350339.html> (Accessed 07.07.2024).
25. Yukhnenko D., Farouki L., Fazel S. Criminal recidivism rates globally: A 6-year systematic review update. *Journal of Criminal Justice*, 2023. Vol. 88. doi:10.1016/j.jcrimjus.2023.102115

Информация об авторах

Суслов Юрий Евгеньевич, кандидат психологических наук, начальник, отдел психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); доцент, факультет политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (ФГБУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X> e-mail: zimburu@mail.ru

Фёдоров Александр Фёдорович, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва; доцент, кафедры менеджмента, Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярева (ФГБОУ ВО «КГТА им. В.А. Дегтярева»), г. Ковров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2261-6511>, e-mail: zimbur79@mail.ru

Беспалова Алла Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярева (ФГБОУ ВО «КГТА им. В.А. Дегтярева»), г. Ковров, Российская Федерация, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2840-7642>, e-mail: lallashuvalova@yandex.ru

Information about the authors

Yury E. Suslov, PhD in Psychology, Head, Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor, Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X> e-mail: zimburu@mail.ru

Alexander F. Fedorov, PhD in Psychology, Docent, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia; Associate Professor, Management Department, Kov-

Суслов Ю.Е., Фёдоров А.Ф., Беспалова А.В.
Современные проблемы повторной преступности.
Социально-психологический аспект
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 68–84

Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bespalova A.V.
Modern Problems of Repeated Criminality.
Socio-Psychological Aspect
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 68–84

rov State Technological Academy named after V.A. Degtyarev, Kovrov, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-2261-6511>, e-mail: zimbur79@mail.ru

Alla V. Bespalova, PhD in Psychology, Associate Professor, Management Department, Kovrov
State Technological Academy named after V.A. Degtyarev, Kovrov, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0009-0008-2840-7642>, e-mail: allashuvalova@yandex.ru

Получена 02.07.2024

Received 02.07.2024

Принята в печать 30.09.2024

Accepted 30.09.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

О внедрении психотехнических достижений в правореализационную практику

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Петров В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Кокурин А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (ФГБОУ ВО «МГЮА имени О.Е. Кутафина»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению психотехнических достижений, которые используются или рассматриваются как перспективные в современной правореализационной практике. На основе проведенного историко-сравнительного анализа научных подходов и контент-анализа публикаций за последние 5 лет в отечественных журналах с базовым профилем «Юридическая психология» осуществлена классификация традиционных и инновационных психотехнических средств по четырем специфичным группам: 1) интерактивные психотехники, 2) организационно-психологические техники, 3) информационно-технические приемы и психотехники, 4) аналитические психотехники. Материал статьи актуализирует дальнейшую научную рефлексию по направлениям совершенствования форм и методов реализации достижений юридической психологии в правореализационной деятельности. Показаны перспективы развития юридической психологии в области разработки и применения психотехнических средств.

Ключевые слова: личность преступника, психодиалогика, психотехнология, интерактивные техники, аналитические психотехники, организационно-психологические техники, информационно-технические психологические средства.

Для цитаты: Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В. О внедрении психотехнических достижений в правореализационную практику [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104. DOI:10.17759/psylaw.2024140406

On the Introduction of Psychotechnical Achievements in Law Enforcement Practice

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin

Moscow State University of Psychology & Education; Moscow State University of Law named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

The article is dedicated to examining psychotechnical advancements that are currently utilized or considered promising in modern law enforcement practices. Based on a historical-comparative analysis of scientific approaches and a content analysis of publications from the past five years in domestic journals with a core focus on "Legal Psychology" a classification of traditional and innovative psychotechnical tools has been developed into four specific groups: (1) interactive psychotechnics, (2) organizational-psychological techniques, (3) informational-technical methods and psychotechnics, and (4) analytical psychotechnics. The material of the article highlights the need for further scientific reflection on improving the forms and methods of implementing the achievements of legal psychology in law enforcement activities. The article also outlines prospects for the development of legal psychology in the creation and application of psychotechnical tools.

Keywords: the personality of the criminal, psychodialogics, psychotechnology, interactive techniques, analytical psychotechniques, organizational and psychological techniques, information and technical psychological means.

For citation: Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V. On the Introduction of Psychotechnical Achievements in Law Enforcement Practice. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104. DOI:10.17759/psylaw.2024140406 (In Russ.).

Введение

В условиях возникновения новых угроз гражданам, обществу и государству при развитии технического прогресса (например из-за высоких технологий, ведущих к росту краж персональных данных, составлению личных профилей для мошенничества, созданию криминальных сообществ в закрытой части Интернета и т. д.) преступность приобретает характер трансграничности и демонстрирует новые тренды качественных и количественных изменений. Борьба с ней требует современных подходов, обеспечивающих как совершенствование законодательства, так и внедрение в правореализационную практику действенных психотехнологий, базирующихся на научных достижениях, в том числе в области применения аппаратно-программных средств (видео- и иные системы распознавания, геномная экспертиза, искусственный интеллект и др.).

Введение приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 новой номенклатуры научных специальностей, а в последующем и принятие паспортов по ним в области юриспруденции и психологии ориентирует на расширение междисциплинарных научных исследований и разработку комплексного методического инструментария, востребованного правореализационной практикой. В какой мере указанные императивы стали получать поддержку со стороны ученых при разработке теории, методов и при совершенствовании психопрактики, может свидетельствовать анализ трендов поддержания психотехнических традиций и активность по обоснованию инноваций, которые просматриваются в содержании диссертаций, монографий, а также публикаций в отечественных журналах, прежде всего с профильным разделом «Юридическая психология».

Анализ публикаций свидетельствует, что юридические психологи стремятся отвечать на новые запросы правореализационной деятельности, а также способствовать повышению компетентности юристов в области современных психотехнических средств в борьбе с преступностью. Это нашло отклик в расширении публикаций прежде всего по таким отраслям юридической психологии, как криминальная, судебная и пенитенциарная.

В публикациях за последние три года широко представлены психологические портреты и авторские классификации личности преступников, совершивших разные виды уголовно-наказуемых деяний. Это следует рассматривать как продолжение традиции, заложенной видными отечественными учеными (Ю.М. Антонян, В.Л. Васильев, С.Н. Ениколопов, Э.П. Котова, А.Н. Пастушеня, А.Р. Ратинов, О.Д. Ситковская, Л.Б. Филонов и др.). В качестве научных новаций можно считать увеличение масштаба исследований по вопросам преступности экстремистской и террористической направленности, рецидива преступных деяний среди несовершеннолетних, а также касающихся личности преступников, совершивших деяния с использованием современных интернет-технологий (Ю.В. Белевитина, И.Б. Бовина, Е.В. Васько, Р.Р. Гайфутдинов, Е.А. Дядченко, Е.Г. Дозорцева, А.В. Забарин, Д.Д. Завьялова, П.Н. Казберов, А.В. Кокурин, Л.Н. Костина, Ю.Г. Касперович, М.И. Марьин, О.Ю. Михайлова, Д.Д. Перфильева, В.Е. Петров, В.М. Поздняков, Н.Е. Романова, В.А. Соснин, Д.В. Социвко, Р.В. Чиркина и др.). Однако при имеющихся авторских подходах, как отмечается в ряде публикаций [8; 50; 58], в центр внимания недостаточно выносятся психотехническая составляющая, крайне важная для профдеятельности сотрудников оперативных, следственных и иных подразделений правоохранительных органов. На наш взгляд, это связано с тем, что учеными, даже в рамках диссертационных исследований, не осуществляется полноценное обоснование психотехнических инноваций в контексте доказательной парадигмы.

На актуальность устранения выше отмеченного узкого места в современных исследованиях обращено внимание в ряде публикаций ученых. Так, отечественным юристом Л.Ф. Ивановой [18] в статье «Исторические этапы внедрения психологических знаний в криминалистику» отмечается актуальность дальнейшего развития теории криминалистической психологии и ее психотехнических средств. В зарубежном учебнике «Криминальная психология», подготовленном английским ученым Дэвидом Кантером и выдержавшим несколько изданий, актуализирована значимость дальнейшего синтеза знаний в психологии, раскрывающих причины преступного поведения, способы взаимодействия с преступниками и помощи жертвам [22]. В отечественном учебнике «Криминалистика», неоднократно переиздававшемся, одним из авторов настоящей статьи [40] представлена объемная глава «Нетрадиционные методы в раскрытии и расследовании преступлений: генезис и перспективы», в которой аргументировано, что скепсис юристов в отношении расширенного применения психотехнических инноваций

связан прежде всего с их недостаточной теоретической обоснованностью, а также валидностью в ракурсе динамичной реальности и действующих процессуальных норм.

В последние годы в трудах ряда видных отечественных психологов [6; 7; 15; 52; 53; 54] с учетом экспериментальных исследований осуществлялась валидизация ряда психотехнических средств, в том числе предназначенных и для применения в правореализационной деятельности. Несомненный интерес представляют и публикации, где изначально предметом исследования выступали научные основы реализации психологической [26; 34] и юридической деятельности [23; 29], а также теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве [15; 20; 48].

Учитывая, что юристами все активнее обосновывается возможность применения нейросетей и искусственного интеллекта в правотворчестве и правоприменении [13; 33; 38], а также до сих пор в научном юридическом сообществе не сформировался консенсус в отношении понятия «психотехнология» и по процессуальной стороне применения разноплановых психотехнических достижений в правореализационной практике [35; 55], нами и было проведено настоящее исследование.

Цель и методы исследования

Цель исследования состояла в оценке современных тенденций и выявлении перспективных психотехнических достижений в правореализационной деятельности. В рамках исследования применялись историко-сравнительный анализ научных подходов и контент-анализ публикаций за последние 5 лет в отечественных журналах с базовым профилем «Юридическая психология».

Результаты исследования и их обсуждение

В действующих отечественных нормативных правовых актах, а также в многочисленных диссертациях юристов указывается, что критериями для применения нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений и соответственно приглашения разного рода специалистов, сведущих в узкоспециальных отраслях знаний, должны выступать по используемым ими средствам:

- экономичность и доступность применения;
- оперативность в использовании, в том числе в особых условиях;
- информативность и доказательность по получаемым сведениям.

Согласно профессору А.М. Столяренко [46, с. 306], *профессиональная психотехника* — это психологические действия, методы, приемы и средства, направленные на изучение личности преступника и преступных групп, а также иных психических явлений в криминальной сфере с целью обеспечения противодействия преступности. Психотехническую грамотность юристов предлагается рассматривать как неотъемлемое слагаемое их профессионализма [41]. Однако и в недавно изданных учебниках «Криминальная психология», рекомендованных УМО ВО для обучения будущих юристов [45], а также в реализуемых спецкурсах на факультетах повышения квалификации правоохранительных ведомств использование достижений психологии представлено преимущественно в иллюстративном плане, но без раскрытия масштаба применения и имеющихся научных проблем перспективного плана.

В рамках проведенного нами исследования на основе анализа отечественных и зарубежных публикаций имеющиеся психотехнические достижения были сведены в четыре группы: 1) интерактивные психотехники, 2) аналитические психотехники, 3) организационно-психо-

логические техники, 4) информационно-технические психологические средства. Рассмотрим их содержание и востребованность в применении подробнее.

1. Интерактивные техники — психотехники, приемы и способы получения психологически значимой информации для субъектов правоохранительной деятельности (в первую очередь оперативно-розыскной и следственной), а также по коммуникации и воздействиям в иных правозначимых реалиях (в адвокатской, прокурорской, судебной и пенитенциарной сферах). В основе психотехник указанной группы лежит оптимизация взаимодействия субъектов правоохранения и участников уголовного и уголовно-исполнительного процесса. Спектр раскрываемых в публикациях интерактивных психотехник и приемов простирается от установления психологического контакта до реализации продуктивной коммуникации со свидетелями, подозреваемыми, подсудимыми, осужденными и иными лицами.

Анализ публикаций свидетельствует, что учеными продолжены исследования по совершенствованию технологии «Когнитивное интервью», модель которого впервые обоснована в середине 1980-х годов американскими психологами Р.Е. Гейзелеманом и Р. Фишером. Конструктивным является предложение А.М. Ахмеда [60] о целесообразности сочетания интервью и метода нарративного анализа. Именно подобный подход позволяет установить ведущие конструкты (дискриминация, тюрьма, стигматизация), которые дают возможность прогнозировать рецидив преступной деятельности среди бывших заключенных. В отечественных публикациях дискутируются особенности «проникновения в личность» допрашиваемого лица, приемы установления психологического контакта, преодоление смысловых, межвозрастных и иных коммуникативных барьеров [17; 25; 30; 37; 47].

В публикациях многопланово обсуждаются нормативно допустимые приемы психического воздействия в уголовном процессе с созданием таких ситуаций, где обнаруживается скрываемая и значимая для раскрытия преступления информация [4; 9; 42]. Доказывается, что система вопросов, выстроенных определенным образом, может выявить помимо мотивации преступника факты и обстоятельства (как правило, конкретные детали), которые могут быть известны только лицу, причастному к совершению преступления. Специалисты говорят о допустимости воздействия в том случае, когда лицо, дающее показания, остается свободным в выборе линии своего поведения. Наиболее часто приводятся такие психотехники и приемы, как: учёт и использование эмоциональных реакций человека; разноплановая трактовка психологически значимой информации, временное попустительство уловкам (например, различные редакции одного и того же по существу вопроса, неоднозначные высказывания могут попасть на различную мотивационную почву допрашиваемого лица); постановка мыслительных задач, активизация мыслительной деятельности лиц, имеющих отношение к раскрытию преступления; демонстрация осведомленности и опора на опыт; синхронизация действий участников оперативной и следственной деятельности; убеждение в бесполезности противодействия; особая система предъявления доказательств (например, наиболее значимые для раскрытия преступления аспекты можно «подать» в момент наибольшей психической активности допрашиваемого лица, но с неожиданной стороны). Считаются допустимыми приемы психологического воздействия, основанные на эффекте «блокировки» возможных уклонений допрашиваемого лица от дачи правдивых показаний (например, следователь «блокирует» уловки допрашиваемого лица, демонстрирует их бесперспективность и тем самым подводит к даче правдивых показаний). В публикациях упоминаются и психотехники уникального порядка. Так, китайскими учеными Цзяньхун Лю и Гуанчжэнь Ву [66] описана психотехника «процедурной справедливости», базирующаяся на значимом социальном воздействии в сообществах. В основе данной психотехники, правовая допустимость которой

критикуется, лежит феноменология страха, которая и заставляет граждан быть активными помощниками представителей правопорядка, содействовать в раскрытии преступлений.

Анализ содержания современных отечественных пособий по психотехникам и приемам профобщения сотрудников правоохранительных органов позволяет констатировать, что они раскрыты в них многопланово, в том числе с учетом различий в отечественной и зарубежной практике [3; 14]. Из зарубежных метаанализов по профессиональной коммуникации видно, что сегодня важен выход ученых на разработку методологии и технологии эффективной психодialogики в профессиональном общении юристов [67]. Отметим, что подобная ориентация в научных разработках отечественных юридических психологов пока не получила должного развития, хотя филологами для преподавания будущим юристам профессиональной риторики издано учебное пособие «Юридическая диалогика» [1], а на юридических факультетах гражданских вузов в последние годы стали реализовываться программы соответствующих спецкурсов. Представляется, что в контексте паспорта новой научной специальности 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности», утвержденной приказом Министерства образования и науки от 24.02.2021 № 118, разработки по проблеме психодialogики в профессиональной деятельности юриста являются крайне значимыми, как в научном плане, так и при психологическом сопровождении правоохранительной практики.

2. Аналитические психотехники. Из анализа зарубежных и отечественных публикаций видно, что центральное место в них продолжает отводиться совершенствованию технологии психологического портретирования (profiling). Учитывая, что психологическое профилирование реализуется в процессе составления прежде всего психологического портрета неустановленного преступника, то используются разноплановые психотехники и приемы, позволяющие выйти на психотип преступника [2; 19; 65]. Кроме того, психотехника профилирования основывается на непосредственном наблюдении за подозреваемыми, а также анализе любой относимой к ним информации, в том числе обработанной с использованием методов психографологии, психолингвистики, психосемантики и других наук. Отметим, что сегодня особый акцент специалистами по профайлингу преступников делается на обеспечении достоверности, конгруэнтности и непротиворечивости получаемой и интерпретируемой криминально-значимой информации, в том числе и с соотносением ее с личностью потерпевшего и иных лиц, проходящих по уголовному делу [51].

Аналитические психотехники связаны и с получением метаданных по разноплановой статистической и криминологической информации, в том числе с прогнозированием криминальной обстановки и динамики делинквентного поведения [11; 62]. Особое внимание отечественными учеными уделяется возможностям анализа, как конкретного (криминального) случая, так и закономерностей поведения личности в рецидиве [27; 59]. Интересен подход Джаны Макфарлейн Хорн [63], которая, указывая на актуальность медийной теории фрейминга Роберта Энтмана, использует его различные средства анализа в системе «преступник, причины преступления, виктимизации и наказания». Психотехнические приемы состоят в том, чтобы оценить, какие фреймы и как используются в каждом информационно-криминальном средстве. Криминальный образ преступника может быть построен на основе описаний совершенного деяния, представленного в интернет-сообщениях (например при совершении мошеннических действий).

Психотехнический подход к анализу преступника востребован и в области корпоративной безопасности. В публикациях раскрывается портретирование на основе анализа активности в медиасфере, при краудсорсинге (сбор информации из социальных сетей) и др. [21; 39].

Зарубежными учеными стали активнее проводиться исследования ранней преступной карьеры и ее связи с преступностью взрослых. Так, американские исследователи Дэниэль М. Каркин и Пол Е. Трейси [61], изучая возможности использования факторов времени, вида, тяжести преступлений несовершеннолетних и особенности судебного решения в качестве предвестников траектории криминальной карьеры, констатировали, что, во-первых, даже молодые люди из категории с низким уровнем риска с большей вероятностью подвергались повторным арестам, если получали наказание в виде лишения свободы, а во-вторых, необходимо не только направлять ресурсы системы правосудия на исправительную работу в местах лишения свободы, но и подключать к ней специалистов из разнообразных учреждений и служб. Нами поддерживается позиция американских ученых, так как проведенная в декабре 2022 г. Специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, показала, что эта категория спецконтингента, хотя и сокращается численно, но продолжает являться одной из наиболее сложных для организации процесса исправления.

3. Организационно-психологические техники. Они ориентируют на особую (психологически обоснованную) организацию расследования преступления на основе включения элементов психологического знания в юридико-правовую действительность. В связи с этим в публикациях предлагаются к использованию как достаточно известные подходы (психологический анализ уголовного дела, психологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов), так и относительно новые психотехники (психологическое моделирование криминального события, отдельных следственных действий). Так, при допросах предлагается шире использовать методы активизации памяти и мышления (например задействование ассоциативных механизмов, использование «мягкого гипноздействия»), в оперативно-розыскной деятельности — психотехники нейро-лингвистического программирования [8; 32; 44], а в профилактической деятельности деструктивных организаций антиобщественной направленности — методы «социально-психологического давления» [57].

4. Информационно-технические психологические средства. Они направлены на раскрытие преступлений на основе синтеза достижений техники и психологии. Так, развитие информационных технологий предоставило возможности применения в оперативно-розыскной и следственной деятельности специальных поисковых кибер-программ, систем искусственного интеллекта [64]. Более многопланово стали использоваться средства видеофиксации (например для просмотра в замедленном режиме), приборы дистанционной биометрии для оценки хода и результатов беседы. Визуализация места происшествия может восполняться на основе технологии виртуальной или дополненной реальности [16].

В публикациях обсуждаются перспективы метода «Компьютерный психосемантический анализ» (далее — КПСА). В основе данного метода лежит психозондирование — выявление субъективной значимости для обследуемого человека групп слов близких по смыслу, но неконтролируемых сознательно, так как идет маскированное их предъявление и одновременно регистрация реакций на них. Человек, который проходит тест психозондирования, благодаря программе компьютера включается в своеобразную игру с нажатием на специальную кнопку, находящуюся в руке, после обнаружении на мониторе какого-либо стимула. В инструкции по прохождению данного теста обследуемому сообщается, что будут фиксироваться его внимательность и ловкость реагирования. Однако реальностью психозондирования является то, что на экране монитора компьютера тестируемый отчетливо видит лишь хаотично расположенные цифры, которые программа «накладывает сверху» слов-стимулов. Учитывая, что время диспозиции каждого слайда крайне короткое, мозг человека, не осознает информацию, скрытую за цифрами, но ее фиксирует и это заставляет человека реагировать на наличие

скрытого изображения, но с учетом эмоций из личного опыта, накопленного в прошлом. В целом, за время тестирования (обычно 15—20 минут) человеку предъявляется порядка полутора тысяч слов-стимулов и ведется автоматическая фиксация времени реакции на каждое из них. Компьютерная программа позволяет осуществить дифференциацию по времени реагирования человека на значимые и малозначимые лично для него слова-стимулы, а в итоге выявить нефальсифицируемые отклики подсознания тестируемого на экспертно-значимую информацию [43].

В качестве позитивного опыта применения КПСА на практике приведем использование специального программно-аппаратурного комплекса MinReader в экспертной деятельности, реализованной в ГНЦ имени В.П. Сербского. Так, сотрудники данного центра [49] на основе компьютерной программы психозондирования обследуемым предъявляли слайды, которые несли в себе потенциально значимые стимулы объектов аномального сексуального влечения и соответствующих форм активности, типичных для определенных «сексуальных аномалий» (значимые стимулы: гомосексуальные, гомосексуальные педофильные, гомосексуальные эфебофильные; садистического характера; гетеросексуальные, гетеросексуальные педофильные, гетеросексуальные эфебофильные). Учитывая, что комплекс MinReader позволяет заранее заготовленные слова или фразы предъявлять, варьируя время экспозиции слайдов (слов или изображений) и контролируя межстимульный интервал между ними, а специальный математический аппарат программы позволяет преобразовывать результаты тестирования в доступную для понимания и интерпретации форму-отчет, то анализ полученных данных позволяет делать заключение о предрасположенности обследуемого к значимой группе слов, характеризующих отношение человека к определенной сфере жизнедеятельности и по возможным особенностям поведения в ней.

Все больше востребованы и психотехнологии раскрытия преступления на основе оценки причастности к нему тех или иных лиц через специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа (далее — СПФИ), в том числе с применением психотехнических средств нейтрализации противодействий обследуемых [10; 12; 56]. Предпринимаются попытки комплексного применения фМРТ и МРТ — совместимого полиграфа [26].

К классу организационно-психологических техник относятся и методики СПФИ, предназначенные для профессионального психологического отбора на службу в правоохранительные органы и при мониторинге профессиональных деструкций среди личного состава. Анализ публикаций последних лет свидетельствует о совершенствовании психотехнологий [5; 28; 51]. Конструктивным представляется и использование возможностей нейросетей для прогнозирования рисков отчисления среди обучающихся в вузах правоохранительных органов [31].

В контексте проведенного анализа психотехнических достижений отметим, что нами поддерживается позиция А.Л. Каткова, считающего, что «...сила действенности современных психотехнологий обусловлена их высокой технологичностью, базированием на своевременном выявлении, понимании, знании и результативности использования последовательностей, закономерностей протекания психических процессов, поведения личности в различных жизненных ситуациях и различных условиях, а также высоким уровнем исполнения» [24].

Выводы

1. Наличие во многих учебниках по криминалистике и оперативно-розыскной деятельности разделов «Нетрадиционные методы в раскрытии и расследовании преступлений», где во всё большем объеме представляются разноплановые психотехнологии, отражает факт инновационного развития юридической психологии как науки и области практики. Представляет-

ся, что с учетом материала, представленного в данной статье, в перспективе может исчезнуть и стереотипный юридический шаблон «нетрадиционные».

2. Проведенный анализ отечественного и зарубежного опыта свидетельствует о сложившихся четырех направлениях внедрения в правореализационную практику психотехнических разработок, многие из которых доказали свою эффективность в раскрытии и расследовании прежде всего преступлений, которые по способу совершения и сокрытия следов преступных деяний востребуют именно применение достижений психологии.

3. Перспективным для решения современных задач в области правоохранения следует считать выход юридических психологов на разработку психотехнологий с использованием возможностей систем «Искусственный интеллект» и «Большая дата».

Литература

1. *Абрамова Н.А.* Юридическая диалогика: Учебное пособие. М.: НОРМА, 2017. 192 с.
2. *Абрамовский А.А.* Применение профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 42–46. doi:10.34076/22196838_2022_1_42
3. *Аврамцев В.В.* Психология профессионального общения юриста: Учебное пособие. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. 125 с.
4. *Антонян Ю.М., Эминов В.Е.* Криминологическое исследование: Монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. 368 с.
5. *Арефьева О.В.* Восприятие визуальных стимулов обследуемым в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2023. № 1 (62). С. 84–94. doi:10.33463/2072-8336.2023.1(62).084-093
6. *Барабанщиков В.А., Королькова О.А., Лободинская Е.А.* Восприятие микроэкспрессий лица в условиях кажущегося движения и маскировки. М.: Когито-Центр, 2021. 179 с.
7. *Барабанщиков В.А., Суворова Е.В.* Восприятие целого и части аудиовидеоизображений мультимодальных эмоциональных состояний человека [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 4. С. 4–21. doi:10.17759/exppsy.2022150401
8. *Белоусов А.Д.* Психотехнологии НЛП для расследования преступлений: Сборник авторских научно-методических материалов. М.: Проспект, 2024. 352 с.
9. *Боруленков Ю.П., Дмитриева Л.А.* Психологическое воздействие как инструмент юридического познания и доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13). С. 148–154.
10. *Варламов В.А., Варламов Г.В.* Противодействие полиграфу и пути их нейтрализации. М.: ПЭР СЭ Пресс, 2005. 231 с.
11. *Гаврина Е.Е.* Психология криминального поведения у сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 76–83.
12. *Гольцов А.Т.* Детектор лжи в уголовном судопроизводстве США // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 72–85.
13. *Дворянсков И.В.* Цифровизация уголовного закона: возможности и перспективы // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 25–26 апреля 2024 г.). Кострома: Костромской государственный университет, 2024. С. 145–150.

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.
О внедрении психотехнических достижений
в правореализационную практику
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.
On the Introduction of Psychotechnical Achievements
in Law Enforcement Practice
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104

14. Дмитриева Л.А. Психология профессионального общения в следственной деятельности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 192 с.
15. Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В., Хавыло А.В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе [Электронный ресурс] // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 104–117. doi:10.22204/2587-8956-2021-104-02-104-117
16. Енгальчев В.Ф., Пискунова Е.В. Цифровые технологии фиксации следов преступления: правовые и психологические аспекты // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2013. № 1 (7). С. 33–39.
17. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 33–39.
18. Иванова Л.Ф. Исторические этапы внедрения психологических знаний в криминалистику [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Том 20. № 2. С. 42–51. doi:10.14529/law200207
19. Иванова Л.Ф. Проблемы и перспективы развития метода криминалистического профилирования при расследовании преступлений неочевидного характера [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Том 21. № 1. С. 37–46. doi:10.14529/law210106
20. Исаева Л.М. Проблемные вопросы и современные методы использования специальных знаний в правоохранительной деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Том XV. № 3. С. 236–241.
21. Исмагилов А.А. Психологические аспекты изучения личности преступника при расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-1. С. 138–140. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-1-138-140
22. Кантер Д. Криминальная психология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021. 368 с.
23. Карпов А.А., Смирнов Д.А. О юридической технике в контексте психологических теорий деятельности (на примере норм трудового права) [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 174–176. doi:10.47643/1815-1337_2023_1_174
24. Катков А.Л. Психотехнологии. Базисное руководство. М.: Издательские решения, 2024. 800 с.
25. Климов И.А. Интер-энциклопедия: когнитивное интервью [Электронный ресурс] // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Том 13. № 4. С. 114–127. doi:10.19181/inter.2021.13.4.6
26. Козлов В.В. К проблеме интегративных психотехнологий // Психология XXI столетия. Новые возможности: Сборник по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 13–15 мая 2016) / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль: ЯрГУ, ЯГПУ, МАПН, 2016. С. 98–99.
27. Кокурин А.В., Петров В.Е. Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (35). С. 111–123. doi:10.17803/2311-5998.2017.35.7.111-123
28. Костина Е.В., Поздняков В.М., Деулин Д.В. Изучение тенденций в результатах профессионально-психологического отбора кандидатов (абитуриентов) на службу в органы внутренних дел [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2024. № 2 (67). С. 129–141. doi:10.33463/2072-8336.2024.2(67).129-141

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.
О внедрении психотехнических достижений
в правореализационную практику
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.
On the Introduction of Psychotechnical Achievements
in Law Enforcement Practice
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104

29. *Краснова Т.В.* Принципы построения модели психологического анализа интересов для решения задач алгоритмизации правоприменения (на примере семейно-правовых споров) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 124–133. doi:10.17759/psylaw.2022120311
30. *Крепышев А.М., Алексеев Ю.Г.* Основные принципы и условия применения метода когнитивного интервью [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 179–181. doi:10.47643/1815-1337_2022_4_179
31. *Курдин Д.А.* Психологическое прогнозирование рисков отчисления среди курсантов образовательных организаций ФСИН России: Дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2023. 204 с.
32. *Латыпова А.Р., Спиридонова П.И., Шевнина С.С.* Определение психологических аспектов личности преступника: основные вопросы и проблематика [Электронный ресурс] // Образование и право. 2020. № 4. С. 364–368. doi:10.24411/2076-1503-2020-10456
33. *Лукашенко Д.В.* Нейротехнологии и искусственный интеллект в области информационной безопасности ФСИН России // Естественные и технические науки. 2024. № 7 (194). С. 13–15.
34. *Мальцева Т.В.* Особенности использования психологических технологий в работе психолога органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4. С. 88–93. doi:10.24412/2658-638X-2021-4-88-93
35. *Майорова В.А.* Эффективность психотехнологии профессионального общения юриста [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 4. С. 118–121. doi:10.37882/2500-3682.2023.04.25
36. *Орлов В.А., Карташов С.И., Малахов Д.Г., Ковальчук М.В., Александров Ю.И., Холодный Ю.И.* Исследования в парадигме сокрытия информации: оценка фМРТ-данных на групповом уровне [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2024. Том 17. № 1. С. 86–107. doi:10.17759/exrpsy.2024170106
37. *Осорина М.В., Устинова В.А.* Как вербализовать «неявное знание» в процессе психологического интервьюирования: продуктивные идеи из смежных практик // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 42–63.
38. *Пашенцев Д.А.* Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 35–49. doi:10.21638/spbu14.2020.103
39. *Петров В.Е., Кокурин А.В., Кокурина И.В.* Анализ психологических аспектов влияния средств массовой информации на криминально-виктимное поведение личности // Наука, образование и инновации: Сборник статей Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г., г. Уфа): В 5 ч. Ч. 4. Уфа: МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2016. С. 179–183.
40. *Поздняков В.М.* Нетрадиционные методы в раскрытии и расследовании преступлений: генезис и перспективы // Криминалистика: Учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Бертовского. М.: Проспект, 2023. С. 79–101.
41. *Поздняков В.М.* Психологическая культура юриста и ее развитие на разных уровнях вузовского образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2 (53). С. 75–77.
42. *Свободный Ф.К., Лаврешкин Н.В.* Опознавание лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 197–208. doi:10.17759/psylaw.2022120316
43. *Смирнов И., Безносюк Е., Журавлев А.* Психотехнологии. Компьютерный психосемантический анализ на неосознаваемом уровне. М.: Прогресс, 2006. 416 с.

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.
О внедрении психотехнических достижений
в правореализационную практику
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.
On the Introduction of Psychotechnical Achievements
in Law Enforcement Practice
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104

44. Смирнов В.П. Психологические аспекты профессиональной деятельности следователей и государственных обвинителей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2. С. 237–241.
45. Соболевников В.В. Криминальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 379 с.
46. Столяренко А.М. Психологическая системология. Теория, исследования, практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 391 с.
47. Сухарев А.В., Чулисова А.П. От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 70–87.
48. Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: Сборник статей. Выпуск 4. М.: РГУП, 2020. 172 с.
49. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е. Обеспечение качества комплексной сексолого-психиатрической экспертизы (требования к объему и полноте сексологического исследования). Методические рекомендации // Судебно-психиатрическая экспертиза: методические и аналитические материалы. М.: Институт проблем управления здравоохранением, 2010. С. 95–112.
50. Ушатиков А.И., Ганишина И.С. Использование знаний по прикладной криминальной психологии в деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 104–108.
51. Филатов А.В. Записки профайлера. Искусство менталиста. М.: АСТ, 2023. 272 с.
52. Хавыло А.В., Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В. Прогностическая модель и перспективы использования в судебно-экспертной практике исследований мимических реакций на вопросы различной сложности // Эксперт-криминалист. 2020. № 4. С. 26–28.
53. Хавыло А.В., Леонова Е.В., Енгальчев В.Ф., Никуличева Е.О., Еремينا И.И. Компьютерные методы оценки общей мимической активности при восприятии субъективно значимой информации (в контексте задач судебной психологической экспертизы) // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2021. Том 4. № 1. С. 12–22.
54. Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф. Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165. doi:10.17759/psylaw.2023130212
55. Ханналов Р.Р. К вопросу о применении понятия «психологическая технология» в оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. 2019. № 1. С. 17–22. doi:10.7256/2454-0692.2019.1.20286
56. Холодный Ю.И., Малахов Д.Г., Орлов В.А., Карташов С.И., Александров Ю.И., Ковальчук М.В. Изучение нейрокогнитивных процессов в парадигме сокрытия информации [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 3. С. 17–39. doi:10.17759/exppsy.2021140302
57. Шалагин А.Е., Сидукова М.Г. Профилактика деятельности деструктивных организаций антиобщественной направленности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Том 6. № 1 (11). С. 73–77.
58. Щербаков Г.В., Лаврентьева И.В. Психология преступного поведения: взгляд зарубежных ученых // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 6–11.

59. Эриашвили Н.Д. Личность террориста как объект криминологического учения [Электронный ресурс] // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 50–56. doi:10.24412/2687-0185-2021-4-50-56
60. Ahmed A.M. Prison, Stigma, Discrimination and Personality as Predictors of Criminal Recidivism: Preliminary Findings // Journal of Social and Development Science. 2015. Vol. 6(2). P. 20–29. doi:10.22610/jsds.v6i2.838
61. Carkin D.M., Tracy P.E. Prediction of Adult Criminal Careers from Early Delinquency Offense Characteristics in the 1958 Philadelphia Birth Cohort // The Criminology, Criminal Justice, Law & Society. 2017. Vol. 18(1). P. 71–87. doi:10.21202/1993-047X.12.2018.1.112-131
62. Gendreau P., Little T., Goggin C. A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: what works! // Criminology. 1996. Vol. 34(4). P. 575–607. doi:10.1111/j.1745-9125.1996.tb01220.x
63. Horn J.M. Accident, scandal, disaster: the media framing of corporate crime // Crime, Law and Social Change. 2024. Vol. 81(2). P. 203–229. doi:10.1007/s10611-023-10111-z
64. James M., Whelan C.T. Ransomware through the lens of state crime: Conceptualizing ransomware groups as cyber proxies, pirates, and privateers // State Crime Journal. 2023. Vol. 12(1). P. 4–28. doi:10.13169/statecrime.12.1.0001
65. Kocsis R.N., Cooksey R. Criminal Psychological Profiling of Serial Arson Crimes // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2002. Vol. 46(6). P. 631–656. doi:10.1177/0306624X02238159
66. Liu J., Wu G. Procedural Fairness and Fear of Crime: Extending the Procedural Justice Theoretical Model Under the Chinese Context // Crime & Delinquency. 2023. doi:10.1177/00111287221150422
67. Schriver K. What we know about expertise in professional communication // Past, present, and future contributions of cognitive writing research to cognitive psychology / V.W. Berninger (Ed.). New York: Psychology Press, 2012. P. 275–312.

References

1. Abramova N.A. Yuridicheskaya dialogika: Uchebnoe posobie. Moscow: NORMA, 2017. 192 p. (In Russ.).
2. Abramovskii A.A. Primenenie profailinga pri raskrytii i rassledovanii prestuplenii [The application of profiling in the detection and investigation of crimes] [Elektronnyi resurs]. Elektronnoe prilozhenie k “Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu” = Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal, 2022, no. 1, pp. 42–46. doi:10.34076/22196838_2022_1_42 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Avramtsev V.V. Psikhologiya professional’nogo obshcheniya yurista: Uchebnoe posobie. Nizhny Novgorod: NIU RANKHiGS Publ., 2018. 125 p. (In Russ.).
4. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie: Monografiya. Moscow: Norma: NITS INFRA-M, 2019. 368 p. (In Russ.).
5. Aref’eva O.V. Vospriyatie vizual’nykh stimulov obsleduemym v ramkakh spetsial’nogo psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniem poligrafa [‘Perception of visual stimuli by the subject in the framework of a special psychophysiological study using a polygraph] [Elektronnyi resurs]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology, 2023, no. 1 (62), pp. 84–94. doi:10.33463/2072-8336.2023.1(62).084-093 (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Barabanshchikov V.A., Korolkova O.A., Lobodinskaya E.A. Vospriyatie mikroekspressii litsa v usloviyakh kazhushchegosya dvizheniya i maskirovka [Perception of facial expressions during masking and apparent motion]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2021. 179 p. (In Russ.).
7. Barabanshchikov V.A., Suvorova E.V. Vospriyatie tselogo i chasti audiovideoizobrazhenii mul'timodal'nykh emotsional'nykh sostoyanii cheloveka [Part-Whole Perception of Audio-videoimages of Multimodal Emotional States of a Person] [Elektronnyi resurs]. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 4, pp. 4–21. doi:10.17759/exppsy.2022150401 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Belousov A.D. Psikhotekhnologii NLP dlya rassledovaniya prestuplenii: Sbornik avtorskikh nauchno-metodicheskikh materialov. Moscow: Prospekt, 2024. 352 p. (In Russ.).
9. Borulenkov Yu.P., Dmitrieva L.A. Psikhologicheskoe vozdeistvie kak instrument yuridicheskogo poznaniya i dokazyvaniya [Psychological impact as an instrument of legal knowledge and proof]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2014, no. 2 (13), pp. 148–154. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Varlamov V.A., Varlamov G.V. Protivodeistvie poligrafu i puti ikh neutralizatsii. Moscow: PER SE Press, 2005. 231 p. (In Russ.).
11. Gavrina E.E. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 76–83. (In Russ.).
12. Golzov A.T. Detektor lzhi v ugovolnom sudoproizvodstve SSHA [“Lie Detector” in the USA Criminal Procedure]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 4, pp. 72–85. (In Russ.).
13. Dvoryanskov I.V. Tsifrovizatsiya ugovolnogo zakona: vozmozhnosti i perspektivy [Digitalization of the criminal law: opportunities and prospects]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti na sovremennom etape: sbornik trudov III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kostroma, 25–26 aprelya 2024 g.)*. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2024, pp. 145–150. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Dmitrieva L.A. Psikhologiya professional'nogo obshcheniya v sledstvennoi deyatel'nosti. Moscow: YUNITI-DANA, 2022. 192 p. (In Russ.).
15. Engalychev V.F., Leonova E.V., Khavylo A.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya intellektual'nykh sistem mashinnogo zreniya v sudebnoi psikhologicheskoi ekspertize [Potential Use of Intelligent Machine Vision Systems in Forensic Psychological Examination] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshche-stvennye nauki = Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 2 (104), pp. S. 104–117. doi:10.22204/2587-8956-2021-104-02-104-117 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Engalychev V.F., Piskunova E.V. Tsifrovye tekhnologii fiksatsii sledov prestupleniya: pravovye i psikhologicheskie aspekty. *Byulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii sodeistviya pravosudiyu = Bulletin of International Union of Assistance of Justice*, 2013. № 1 (7). S. 33–39.
17. Enikolopov S.N. Vrazhdebnost' v klinicheskoi i kriminal'noi psikhologii [Hostility in Clinical and Criminal Psychology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2007, no. № 1 (2), pp. 33–39. (In Russ.).
18. Ivanova L.F. Istoricheskie etapy vnedreniya psikhologicheskikh znaniy v kriminalistiku [Historical stages of introducing psychological knowledge in forensics] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yu-zhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2020. Vol. 20, no. 2, pp. 42–51. doi:10.14529/law200207 (In Russ., abstr. in Engl.).

19. Ivanova L.F. Problemy i perspektivy razvitiya metoda kriminalisticheskogo profilirovaniya pri rassledovanii prestuplenii neochevidnogo kharaktera [Problems and prospects for the development of the method of forensic profiling in the investigation of crimes of a non-obvious nature] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 37–46. doi:10.14529/law210106 (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Isaeva L.M. Problemnye voprosy i sovremennye metody ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problem issues and modern methods of using special knowledge in law enforcement]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2019. Vol. XV, no. 3, pp. 236–241. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Ismagilov A.A. Psikhologicheskie aspekty izucheniya lichnosti prestupnika pri rassledovanii prestuplenii [Psychological aspects of studying the personality of the criminal in the investigation of crimes] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 5-1, pp. 138–140. doi:10.24412/2500-1000-2022-5-1-138-140 (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Canter D. Kriminal'naya psikhologiya [Criminal Psychology]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2021. 368 p. (In Russ.).
23. Karpov A.A., Smirnov D.A. O yuridicheskoi tekhnike v kontekste psikhologicheskikh teorii deyatel'nosti (na primere norm trudovogo prava) [About legal technique in the context of psychological theories of activity (on the example of labor law norms)] [Elektronnyi resurs]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*, 2023, no. 1 (217), pp. 174–176. doi:10.47643/1815-1337_2023_1_174 (In Russ., abstr. in Engl.).
24. Katkov A.L. Psikhotekhnologii. Bазисnoe rukovodstvo. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2024. 800 p. (In Russ.).
25. Klimov I.A. Inter-entsiklopediya: kognitivnoe interv'yuu [INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview]. *Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*. 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 114–127. doi:10.19181/inter.2021.13.4.6 (In Russ., abstr. in Engl.).
26. Kozlov V.V. K probleme integrativnykh psikhotekhnologii. In Kozlov V.V. (Ed.). *Psikhologiya XXI stoletiya. Novye vozmozhnosti: Sbornik po materialam ezhegodnogo Kongressa "Psikhologiya XXI stoletiya" (Yaroslavl', 13–15 maya 2016)*. Yaroslavl: YarGU, YAGPU, MAPN, 2016, p. 98–99. (In Russ.).
27. Kokurin A.V., Petrov V.E. Psikhologo-kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, osuzhdennykh za sovershenie prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti [Psychological and Criminological Characteristics of the Personalities of the Internal Affairs Bodies Employees Convicted of Corruption Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 7 (35), pp. 111–123. doi:10.17803/2311-5998.2017.35.7.111-123 (In Russ., abstr. in Engl.).
28. Kostina E.V., Pozdnyakov V.M., Deulin D.V. Izuchenie tendentsii v rezul'tatakh professional'no-psikhologicheskogo otbora kandidatov (abiturientov) na sluzhbu v organy vnutrennikh del [The Study of Trends in the Results of Professional and Psychological Selection of Candidates (Applicants) for Service in the Internal Affairs Bodies] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2024, no. 2 (67), pp. 129–141. doi:10.33463/2072-8336.2024.2(67).129-141 (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Krasnova T.V. Printsipy postroeniya modeli psikhologicheskogo analiza interesov dlya resheniya zadach algoritimizatsii pravoprimereniya (na primere semeino-pravovykh sporov) [Principles of Model Construction of Psychological Analysis of Interests for Solving Problems of Algorithmi-

zation of Law Enforcement (on the Example of Family Law Disputes)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 124–133. doi:10.17759/psylaw.2022120311 (In Russ., abstr. in Engl.).

30. Krepyshev A.M., Alekseev Yu.G. Osnovnye printsipy i usloviya primeneniya metoda kognitivnogo interv'yuu [The basic principles and conditions for the application of the cognitive interview method] [Elektronnyi resurs]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2022, no. 4 (208), pp. 179–181. doi:10.47643/1815-1337_2022_4_179 (In Russ.).

31. Kurdin D.A. Psikhologicheskoe prognozirovanie riskov otchisleniya sredi kursantov obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii: Diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2023. 204 p. (In Russ.).

32. Latypova A.R., Spiridonova P.I., Shevnina S.S. Opredelenie psikhologicheskikh aspektov lichnosti prestupnika: osnovnye voprosy i problematika [Determination of the psychological aspects of the personality of the criminal: key issues and problems] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i parvo = Education and Law*, 2020, no. 4, pp. 364–368. doi:10.24411/2076-1503-2020-10456 (In Russ., abstr. in Engl.).

33. Lukashenko D.V. Neirotekhologii i iskusstvennyi intellekt v oblasti informatsionnoi bezopasnosti FSIN Rossii [Neurotechnology and artificial intelligence in the field of information security of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki = Natural and Technical Sciences*, 2024, no. 7 (194), pp. 13–15. (In Russ., abstr. in Engl.).

34. Maltseva T.V. Osobennosti ispol'zovaniya psikhologicheskikh tekhnologii v rabote psikhologa organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Specific features of the use of psychological technologies in the work of the psychologist of the internal affairs of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 2021, no. 4, pp. 88–93. doi:10.24412/2658-638X-2021-4-88-93 (In Russ., abstr. in Engl.).

35. Maiorova V.A. Effektivnost' psikhotekhologii professional'nogo obshcheniya yurista [Efficiency of psychotechnology of professional communication of a lawyer] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 118–121. doi:10.37882/2500-3682.2023.04.25 (In Russ., abstr. in Engl.).

36. Orlov V.A., Kartashov S.I., Malakhov D.G., Kovalchuk M.V., Aleksandrov Yu.I., Kholodnyi Yu.I. Issledovaniya v paradigme sokrytiya informatsii: otsenka fMRT-dannykh na gruppovom urovne [Research in the Information Concealment Paradigm: Assessment of fMRI-Data at the Group Level] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2024. Vol. 17, no. 1, pp. 86–107. doi:10.17759/exppsy.2024170106 (In Russ., abstr. in Engl.).

37. Osorina M.V., Ustinova V.A. Kak verbalizovat' "neyavnoe znanie" v protsesse psikhologicheskogo interv'yuirovaniya: produktivnye idei iz smezhnykh praktik [How to Verbalize Tacit Knowledge During a Psychological Interview: the Resourceful Ideas from Other Domains]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = Peterburgskii Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, no. 16, pp. 42–63. (In Russ., abstr. in Engl.).

38. Pashentsev D.A. Osobennosti pravoprimeneniya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Features of law enforcement in the conditions of digitalization of social relations] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, no. 1, pp. 35–49. doi:10.21638/spbu14.2020.103 (In Russ., abstr. in Engl.).

39. Petrov V.E., Kokurin A.V., Kokurina I.V. Analiz psikhologicheskikh aspektov vliyaniya sredstv massovoi informatsii na kriminal'no-viktimnoe povedenie lichnosti. *Nauka, obrazovanie i*

innovatsii: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (28 oktyabrya 2016 g., g. Ufa): V 5 ch. Ch. 4. Ufa: MTSII "OMEGA SAINS" Publ., 2016, pp. 179–183. (In Russ.).

40. Pozdnyakov V.M. Netraditsionnye metody v raskrytii i rassledovanii prestuplenii: genezis i perspektivy. In Bertovskiy L.V. (Ed.). *Kriminalistika: Uchebnik dlya bakalavrov*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2023, pp. 79–101. (In Russ.).

41. Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskaya kul'tura yurista i ee razvitie na raznykh urovnyakh vuzovskogo obrazovaniya [A Lawyer's Psychological Culture and its Development on Different Levels of Higher Education]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*, 2013, no. 2 (53), pp. 75–77. (In Russ., abstr. in Engl.).

42. Svobodny F.K., Lavreshkin N.V. Opoznanie litsa po fotografii v usloviyakh neosoznavaemogo vospriyatiya [Identification of a Person from a Photo in Conditions of Unconscious Perception] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 197–208. doi:10.17759/psylaw.2022120316 (In Russ., abstr. in Engl.).

43. Smirnov I., Beznosyuk E., Zhuravlev A. Psikhotehnologii. Komp'yuternyi psikhosemanticheskii analiz na neosoznavaemom urovne. Moscow: Progress, 2006. 416 p. (In Russ.).

44. Smirnov V.P. Psikhologicheskie aspekty professional'noi deyatel'nosti sledovatelei i gosudarstvennykh obvinitelei [Psychological aspects of the professional activities of investigators and public prosecutors]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 2, pp. 237–241. (In Russ., abstr. in Engl.).

45. Sobolnikov V.V. Kriminal'naya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2020. 379 p. (In Russ.).

46. Stolyarenko A.M. Psikhologicheskaya sistemologiya. Teoriya, issledovaniya, praktika. Moscow: YUNITI-DANA, 2011. 391 p. (In Russ.).

47. Sukharev A.V., Chulisova A.P. Ot metodologii k praktike: etnofunksional'naya paradigma v kriminal'noi psikhologii. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2009, no. 4, pp. 70–87. (In Russ., abstr. in Engl.).

48. Teoreticheskie i prikladnye aspekty ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v ugovnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: Sbornik statei. Vypusk 4. Moscow: RGUP Publ., 2020. 172 p. (In Russ.).

49. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E. Obespechenie kachestva kompleksnoi seksologo-psikhiatricheskoi ekspertizy (trebovaniya k ob'em i polnote seksologicheskogo issledovaniya). Metodicheskie rekomendatsii. *Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza: metodicheskie i analiticheskie materialy*. Moscow: Institut problem upravleniya zdravookhraneniem, 2010, pp. 95–112. (In Russ.).

50. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. Ispol'zovanie znaniy po prikladnoi kriminal'noi psikhologii v deyatel'nosti psikhologa-praktika ugovno-issledovatel'noi sistemy [Use of knowledge of criminal applied psychology of in activity of the psychologist of penal system]. *Ugovno-issledovatel'noe pravo = Penal Law*. 2014, no. 2 (18), pp. 104–108. (In Russ., abstr. in Engl.).

51. Filatov A.V. Zapiski profailera. Iskusstvo mentalista. Moscow: AST, 2023. 272 p. (In Russ.).

52. Khavylo A.V., Engalychev V.F., Leonova E.V. Prognosticheskaya model' i perspektivy ispol'zovaniya v sudebno-ekspertnoi praktike issledovaniy mimicheskikh reaktsii na voprosy razlichnoi slozhnosti [A Predictive Model and Prospects of the Use of Studies of Mimic Reactions to Questions of Diverse Complexity in the Judicial and Expert Practice]. *Ekspert-kriminalist = Forensics Analyst*, 2020, no. 4, pp. 26–28. (In Russ., abstr. in Engl.).

53. Khavylo A.V., Leonova E.V., Engalychev V.F., Nikulicheva E.O., Eremina I.I. Komp'yuternye metody otsenki obshchei mimicheskoi aktivnosti pri vospriyatii sub'ektivno znachimoi informatsii (v kontekste zadach sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy) [Computer methods for assessing general mimic activity during perception of subjectively significant information (in the context of forensic psychological examination tasks)]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki = Herald of the Kaluga State University. Series 1. Psychological Science. Pedagogical Sciences*, 2021. Vol. 4, no. 1, pp. 12–22. (In Russ., abstr. in Engl.).
54. Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F. Perspektivy ispol'zovaniya psikhofiziologicheskikh metodov dlya otsenki stressoustoichivosti v situatsii professional'nogo psikhologicheskogo otbora [Prospects for the Use of Psychophysiological Methods to Assess Stress Resistance in a Situation of Professional Psychological Selection] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165. doi:10.17759/psylaw.2023130212 (In Russ., abstr. in Engl.).
55. Khannalov R.R. K voprosu o primeneniі ponyatiya “psikhologicheskaya tekhnologiya” v operativno-rozysknoi deyatel'nosti [On the issue of using the “psychological technology” notion in intelligence operations] [Elektronnyi resurs]. *Politseiskaya deyatel'nost' = Police Activity*, 2019, no. 1, pp. 17–22. doi:10.7256/2454-0692.2019.1.20286 (In Russ., abstr. in Engl.).
56. Kholodny Yu.I., Malakhov D.G., Orlov V.A., Kartashov S.I., Aleksandrov Yu.I., Kovalchuk M.V. Izuchenie neirokognitivnykh protsessov v paradigme sokrytiya informatsii [Study of Neurocognitive Processes in a Paradigm of Information Concealment] [Elektronnyi resurs]. *Ekspериментальная psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2021. Vol. 14, no. 3, pp. 17–39. doi:10.17759/exppsy.2021140302 (In Russ., abstr. in Engl.).
57. Shalagin A.E., Sidukova M.G. Profilaktika deyatel'nosti destruktivnykh organizatsii anti-obshchestvennoi napravlenosti [Prevention of the Activities of Destructive Organizations of Anti-social Orientation]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA*, 2021. Vol. 6, no. 1 (11), pp. 73–77. (In Russ., abstr. in Engl.).
58. Shcherbakov G.V., Lavrenteva I.V. Psikhologiya prestupnogo povedeniya: vzglyad zarubezhnykh uchenykh [Psychology of criminal behavior: views of foreign scientists]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2016, no. 4, pp. 6–11. (In Russ., abstr. in Engl.).
59. Eriashvili N.D. Lichnost' terrorista kak ob'ekt kriminologicheskogo ucheniya [Identity of terrorist as object of criminological training] [Elektronnyi resurs]. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal*, 2021, no. 4, pp. 50–56. doi:10.24412/2687-0185-2021-4-50-56 (In Russ., abstr. in Engl.).
60. Ahmed A.M. Prison, Stigma, Discrimination and Personality as Predictors of Criminal Recidivism: Preliminary Findings. *Journal of Social and Development Science*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 20–29. doi:10.22610/jsds.v6i2.838
61. Carlin D.M. Tracy P.E. Prediction of Adult Criminal Careers from Early Delinquency Offense Characteristics in the 1958 Philadelphia Birth Cohort. *The Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2017. Vol. 18, no. 1, pp. 71–87. doi:10.21202/1993-047X.12.2018.1.112-131
62. Gendreau P., Little T., Goggin C. A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: what works! *Criminology*, 1996. Vol. 34, no. 4, pp. 575–607. doi:10.1111/j.1745-9125.1996.tb01220.x
63. Horn J.M. Accident, scandal, disaster: the media framing of corporate crime. *Crime, Law and Social Change*, 2024. Vol. 81, no. 2, pp. 203–229. doi:10.1007/s10611-023-10111-z

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.
О внедрении психотехнических достижений
в правореализационную практику
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.
On the Introduction of Psychotechnical Achievements
in Law Enforcement Practice
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104

64. James M., Whelan C.T. Ransomware through the lens of state crime: Conceptualizing ransomware groups as cyber proxies, pirates, and privateers. *State Crime Journal*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 4–28. doi:10.13169/statecrime.12.1.0001
65. Kocsis R.N., Cooksey R. Criminal Psychological Profiling of Serial Arson Crimes. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2002. Vol. 46, no. 6, pp. 631–656. doi:10.1177/0306624X02238159
66. Liu J., Wu G. Procedural Fairness and Fear of Crime: Extending the Procedural Justice Theoretical Model Under the Chinese Context. *Crime & Delinquency*, 2023. doi:10.1177/00111287221150422
67. Schriver K. What we know about expertise in professional communication. In V.W. Berninger (Ed.). *Past, present, and future contributions of cognitive writing research to cognitive psychology*. New York: Psychology Press, 2012, pp. 275–312.

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент, кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (ФГБОУ ВО «МГЮА им. О.Е. Кутафина»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor, Department of Criminology and Criminal Executive

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.
О внедрении психотехнических достижений
в правореализационную практику
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 85–104

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.
On the Introduction of Psychotechnical Achievements
in Law Enforcement Practice
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 85–104

Law, Moscow State University of Law named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Получена 07.10.2024
Принята в печать 07.11.2024

Received 07.10.2024
Accepted 07.11.2024

Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия осужденных мужского и женского пола

Шарипова Ф.А.

Российский университет дружбы народов (ФГБОУ ВПО РУДН), г. Москва, Российская Федерация; Ташкентский государственный юридический университет (ТГЮУ), г. Ташкент, Республика Узбекистан

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6315-2801> e-mail: sharipova.fc@gmail.com

В статье приводятся данные исследования копинг-стратегий и психологического благополучия личности осужденных мужского и женского пола, половая специфика их проявлений. Было обследовано 109 человек (53 мужчины и 56 женщин), находящихся во временной изоляции в Колонии исполнения наказания Ташкентской области Зангиатинского района, комплексом методик: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хофболла в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, «Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду и коллег в адаптации М.В. Соколовой, «Шкала психологического благополучия» К. Риффа в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко. Была выявлена половая специфика проявления копинг-стратегий и благополучия личности: у мужчин выше, чем у женщин, параметр субъективного благополучия «напряженность» и социально направленные копинг-стратегии (вступление в контакт и поиск социальной поддержки), при этом ниже параметр психологического благополучия цели в жизни. Для выявления общего и специфичного также были рассмотрены факторы мужской и женской выборки. Факторный анализ показал наличие трех сходных факторов: фактора «Управление средой, своим личностным ростом и социальным окружением», фактора «Ассоциально-манипулятивное поведение» и фактора «Социально-деятельностная направленность» а также двух специфических факторов. У мужчин это факторы «Социальный копинг» и «Деструктивный копинг», у женщин — факторы «Автономия» и «Эмоциональное состояние».

Ключевые слова: осужденные, заключенные, изоляция, копинг-стратегии, психологическое благополучие, субъективное благополучие, стресс, субъективный копинг.

Благодарности: автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования Министерство внутренних дел Республики Узбекистан, а также своего научного руководителя, кандидата психологических наук, доцента Пилишвили Т.С.

Для цитаты: Шарипова Ф.А. Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия осужденных мужского и женского пола [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 105–114. DOI:10.17759/psylaw.2024140407

Coping Strategies and Psychological Well-Being of Male and Female Prisoners

Farangis A. Sharipova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; Tashkent State University of Law,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6315-2801>, e-mail: sharipova.fc@gmail.com

The article presents the results of a study of coping strategies and psychological well-being among male and female prisoners. The study involved 109 people (53 men and 56 women), prisoners of the Execution Colony of Punishments in Tashkent, region Zangiata. In this study we have used complex of three methods: “The Strategic Approach to Coping Scale (SACS)” originally constructed by Stevan E. Hobfoll (Russian adaptation by N.E. Vodopyanova and E.S. Starchenkova), “The Scale of Subjective Well-Being” originally constructed by A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche (Russian adaptation by M.V. Sokolova), “Psychological Well-being scale” originally constructed by C. Ryff (Russian adaptation by T.D. Shevelenkov and P.P. Fesenko). Based on these results it is concluded that male prisoners in comparison with female prisoners experience tension and lack of life goals, are more focused on social coping strategies, such as Seeking Social Support and Social Joining. To identify the general and specific factors were also conducted factor analysis. Three general factors are “Environment and self management”, “Antisocial manipulation”, “Social activity”. The specific male factors are “Social coping”, “Destructive coping”. The specific female factors are “Autonomy”, “Emotional status”.

Keywords: prisoners, convicts, isolation, coping strategies, psychological well-being, subjective well-being, stress, subjective coping.

Acknowledgements: the author is grateful thanks the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan for assistance in collecting data for the study and his supervisor PhD Pilishvili T.S.

For citation: Sharipova F.A. Coping Strategies and Psychological Well-Being of Male and Female Prisoners. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 105–114. DOI:10.17759/psylaw.2024140407 (In Russ.).

Введение

В данной работе затрагивается актуальная проблема специфики переживания и ощущения собственного благополучия, психологического и субъективного, а также копинг-стратегий, которые человек применяет, попав в стрессогенную ситуацию временной изоляции. Нахождение в местах лишения свободы не проходит для человека без ощутимых последствий и существенным образом меняет как самоощущение личности, так и ее поведенческие паттерны. В современном обществе особое значение приобретает проблема повышения качества жизни человека. При этом данная тенденция затрагивает не только социально адаптированную часть общества, но и тех, кто в силу своего антисоциального поведения попадает в колонию для осужденных [3; 9]. Важное значение имеет понимание специфики переживания лишения свободы и временной изоляции у женщин и мужчин для создания фокусных программ реабилитации и реадaptации осужденных.

Опираясь на работу В.И. Лебедева, анализировавшего параметры временной изоляции личности, мы склонны относить тюремное заключение к экстремальным условиям жизни. В частности, имеют место быть следующие психогенные факторы: групповая изоляция, монотонность, изменение восприятия пространственной структуры, одиночество, информационная истощаемость, угроза для жизни и здоровья, десинхронизация ритмов сна и бодрствования [1; 2; 3; 4; 8].

Поскольку, по классификации М.Ю. Кондратьева, заключение относится к виду принудительной изоляции [10], заключение вызывает психическую дезадаптацию, снижается способность к переадаптации в изменяющихся условиях, что непосредственно проявляется в обострении негативных личностных качеств и реакций. «Уже само пребывание в местах лишения свободы разрушает неимоверно психологическое благополучие личности, изолированной от общества» [1, с. 34].

Осужденный лишается определенных прав и преимуществ, и среди них основным выступает, конечно, лишение свободы. Последнее связано с тем, что у осужденного ограничены возможности удовлетворения ряда потребностей. Наиболее важным фактором выступает то, что в изоляции человек лишен возможности планировать свое поведение, снижается психологическое благополучие, возникают новые модели поведения [13; 17; 19].

Кроме того, по мнению Э. Лимблинг, вынужденное безделье может инициировать нисходящую спираль, в которой негативные эмоции и возникающие в результате модели мышления подпитывают друг друга, ухудшая психологическое состояние осужденных и приводя к эпизодам насилия, членовредительства и самоубийства [22; 23].

Говоря о копинг-стратегиях, необходимо помнить о таком аспекте, как эффективность. Процесс выбора стратегии и стиля не может оцениваться эмоционально и быть по своей природе либо плохими, либо хорошими. Скорее их можно назвать менее уместными в определенной актуальной ситуации. По мнению М.А. Холодной, важно говорить о копинг-стратегиях как о «продуктивных» и «непродуктивных» [14]. Однако критерий продуктивности может быть как ситуативным, т. е. оцениваться по наличию позитивного для личности эффекта, так и объективным, основанным на имеющихся научных исследованиях о конструктивных способах решения проблем. К конструктивным способам решения проблем относят копинг-стратегии, нацеленные на поиск пути к поставленным целям, обращение за помощью к другим людям, продумывание и переработка проблемы, изменение в самом себя и изменение своего отношения к проблеме. Неконструктивными способами решения являются использование психологических защит, импульсивное поведение, избегание, пассивность в решении проблемной ситуации, проявление агрессии в отношении проблемной ситуации и ее элементов [11; 12; 15].

В нашей работе в качестве ситуативной оценки продуктивности копинг-стратегий осужденных выступают показатели субъективного и психологического благополучия, в качестве объективного выступает показатель общего индекса конструктивности копинг-стратегий.

Таким образом, «...копинг-стратегии — актуальные эмоциональные, когнитивные, поведенческие, ситуативно обусловленные биопсихосоциальными факторами ответы личности на воспринимаемую угрозу — функционируют в качестве способа управления стрессором» [8].

Благополучие можно рассматривать с точки зрения гедонистического подхода — как достижение удовольствия и избегание неудовольствия через реализацию целей и потребностей личности, а также эвдемонистического подхода — как творческого развития собственной индивидуальности и удовлетворенности за счет самореализации личности [11; 12; 13; 14].

Было обследовано 109 человек (53 мужчины и 56 женщин), находящихся во временной изоляции в Колонии исполнения наказания Ташкентской области Зангиатинского района. Это лица, осужденные сроком от 8 до 25 лет, отбывающие срок наказания от 4 лет на момент проведения исследования. Для анализа модели поведения личности в тюремном заключении мы исследовали копинг-стратегии преодоления стрессовой ситуации. В частности, диагностировались выраженность в поведении ассертивных, осторожных, импульсивных, прямых, асоциальных, агрессивных действий, действий с целью вступления в социальный контакт, поиска социальной поддержки, действия избегания. Диагностика копинг-стратегий проводилась методикой «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хофболла в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой.

Аспект переживания заключения мы исследовали с точки зрения ощущения благополучия, а именно субъективного благополучия: напряженность и чувствительность, признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику, изменения настроения, значимость социального окружения, самооценка здоровья, удовлетворенность повседневной деятельностью [7] — и психологического благополучия: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цели в жизни [13]. Для исследования благополучия личности применены методики «Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду и коллег в адаптации М.В. Соколовой, «Шкала психологического благополучия» К. Риффа в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко.

В целом, исследованная выборка характеризуется ведущей ролью копинг-стратегий вступления в социальный контакт ($23,2 \pm 3,4$), поиска социальной поддержки ($23 \pm 3,1$) и ассертивных действий ($21,3 \pm 3$), что соответствует среднему уровню выраженности. Слабее всего проявлен копинг агрессивных действий ($13,8 \pm 3,5$), что соответствует верхней границе низкого уровня. Большинство респондентов (88,4%) имеют средний уровень общего индекса конструктивности копинг-стратегий. Что касается специфики переживания психологического благополучия, то средний балл по группе находится на низком уровне ($302 \pm 12,9$). Низкие значения имеют такие параметры психологического благополучия, как цели в жизни ($46,6 \pm 6,2$), позитивные отношения ($48,7 \pm 6$), управление средой ($50,8 \pm 5$). Средний уровень наблюдается по таким параметрам, как автономия ($51,6 \pm 7,2$), личностный рост ($54,2 \pm 5,3$) и самопринятие ($50,3 \pm 7$). Что касается субъективного благополучия, то наиболее выраженными компонентами являются самооценка здоровья ($17,6 \pm 2,5$), признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику ($16,8 \pm 3,1$) и удовлетворенность деятельностью ($15,2 \pm 2,9$). Менее всего проявлено изменение настроения ($11,9 \pm 1,9$). Общий показатель субъективного благополучия — выше среднего уровня ($89,4 \pm 8,9$).

Сравнительный анализ по полу методом непараметрического критерия Манна—Уитни показал, что у мужчин выше, чем у женщин, выражен такой параметр субъективного благополучия, как напряженность ($U_{0,023} = 1132$ при $m_{\text{муж.}} = 62,64$, $m_{\text{жен.}} = 48,86$, где «U» — критерий Манна—Уитни, «m» — средний ранг выборки) и социально направленные копинг-стратегии: вступление в социальный контакт ($U_{0,002} = 1003,5$ при $m_{\text{муж.}} = 65,07$, $m_{\text{жен.}} = 46,61$) и поиск социальной поддержки ($U_{0,023} = 1111,5$ при $m_{\text{муж.}} = 63,03$, $m_{\text{жен.}} = 48,5$). При этом у мужчин ниже, чем у женщин, выражен такой параметр психологического благополучия, как цели в жизни ($U_{0,022} = 1126,5$ при $m_{\text{муж.}} = 48,25$, $m_{\text{жен.}} = 62,24$). Результаты представлены на рис. 1.

Таким образом, у мужчин-осужденных сильнее выражено субъективное переживание тяжести выполняемой работы, потребность в уединении, потеря перспектив и убеждений, определяющих смысл жизни. Интересно, что в ситуации временной изоляции у осужденных

социальные копинг-стратегии преобладают именно у мужчин. Вероятно, это связано с проявлением компенсаторных механизмов, однако данный вопрос требует отдельного исследования.

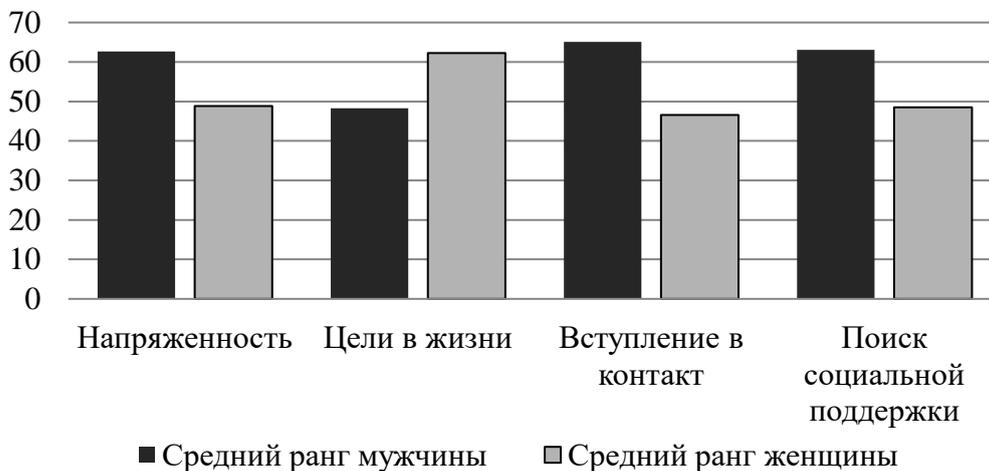

Рис. 1. Значимые различия осужденных — мужчин и женщин

Для уточнения половой специфики нами был проведен факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс. И у мужчин, и у женщин были выделены 5 факторов (представлены в табл. 1). Общим для тех и других может считаться фактор «Управление средой, своим личностным ростом и социальным окружением», в который у мужчин входят параметры управления средой (0,83), личностного роста (0,8), позитивных отношений (0,76) и целей в жизни (–0,63), а у женщин — целей в жизни (–0,78), управления средой (0,77), личностного роста (0,77), позитивных отношений (0,62), а также общий индекс конструктивности копинг-стратегий (0,71).

Вторым фактором, который можно считать общим, является фактор «Асоциально-манипулятивное поведение», в который у мужчин вошли асоциальный копинг (0,82), манипулятивный копинг непрямыми действиями (0,73) и общий индекс конструктивности копинг-стратегий (–0,63), а у женщин — те же асоциальный копинг (0,81), непрямые действия (0,78), а также импульсивные действия (0,71) и агрессивные действия (0,66).

Третьим общим фактором является «Социально-деятельностная направленность». У мужчин в него вошли значимость социального окружения (0,74), удовлетворенность деятельностью (0,71), а также изменение настроения (0,66). У женщин в фактор «Социально-деятельностная направленность» вошли значимость социального окружения (0,74), удовлетворенность деятельностью (0,83), а также самооценка здоровья (0,77).

Специфическим фактором в мужской выборке является «Социальный копинг», включивший в себя вступление в социальный контакт (0,73), осторожные действия (0,68) и поиск социальной поддержки (0,61). Также специфичен пятый фактор — «Деструктивное поведение», включающий в себя признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (0,73) и агрессивные действия (–0,67).

Что касается специфических факторов женской выборки, то это фактор «Автономия», который включает в себя параметры автономии (–0,69) и самопринятия (0,66), а также фактор «Эмоциональное состояние», включающий в себя напряженность (0,85) и изменение настроения (–0,56).

Таблица 1

Факторы мужской и женской выборок осужденных

Параметры	Осужденные-мужчины	Осужденные-женщины
<i>Фактор «Управление средой, своим личностным ростом и социальным окружением»</i>		
Управления средой	0,83	0,77
Личностный рост	0,8	0,77
Позитивные отношения	0,76	0,62
Цели в жизни	-0,63	-0,78
Общий индекс конструктивности		0,71
<i>Фактор «Асоциально-манипулятивное поведение»</i>		
Общий индекс конструктивности	-0,63	
Асоциальный копинг	0,82	0,81
Непрямые действия	0,73	0,78
Импульсивные действия		0,71
Агрессивные действия		0,66
<i>Фактор «Социально-деятельностная направленность»</i>		
Значимость социального окружения	0,74	0,74
Удовлетворенность деятельностью	0,71	0,83
Изменение настроения	0,66	
Значимость социального окружения		0,74
<i>Фактор «Социальный копинг»</i>		
Вступление в социальный контакт	0,73	
Осторожные действия	0,68	
Поиск социальной поддержки	0,61	
<i>Фактор «Деструктивное поведение»</i>		
Признаки, психиатрической симптоматики	0,73	
Агрессивные действия	-0,67	
<i>Фактор «Автономия»</i>		
Автономия		-0,69
Самопринятие		0,66
<i>Фактор «Эмоциональное состояние»</i>		
Напряженность		0,85
Изменение настроения		-0,56

Подводя итоги, можно сказать, что нами были выявлены качественные и количественные различия в поведенческом аспекте и аспекте проживания ситуации вынужденной временной изоляции осужденных мужчин и женщин в колонии.

Женщины в заключении являются более целеустремленными, лучше регулируют свое эмоциональное состояние напряженности. Имеется специфическая дихотомия переживания личностной автономии и принятия себя, а также состояния напряженности и лабильности настроения.

Мужчины в тюремном заключении в большей мере стремятся к социально ориентированным стратегиям копинга, испытывают большую напряженность и потерю целей и смысла жизни. Имеется специфическая дихотомия склонности к агрессивным действиям либо проявлению психиатрической симптоматики.

Наряду с карательной, устрашающей и защитно-предупредительной функцией наказание имеет и ресоциализирующую функцию, направленную на социальное восстановление правонарушителя [16; 19; 20]. Реабилитационная программа должна быть индивидуализированной, поэтому важно знать некоторые характеристики осужденных (например, когнитивные, эмоциональные, личностные навыки) и реализовывать программы, включающие мероприятия, адаптированные к этим особенностям. Перспективой дальнейшего исследования является понимание специфики переживания лишения свободы и временной изоляции у женщин и мужчин для создания фокусных программ реабилитации и реадaptации осужденных, например:

- создание Т-групп на базе исправительных учреждений в виде психологического консультационного круга с ведущим;
- создание условий для моделирования статусно-ролевых позиций (психодрама, тренинговые упражнения на принятие иных ролей) с целью адаптации и снижения психологического дискомфорта.

Литература

1. Аминев Г.А. Инструментарий пенитенциарного психолога. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2017. 168 с.
2. Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2000. 136 с.
3. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: Редакционно-издательский центр консорциума «Социальное здоровье России», 1994. 198 с.
4. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишённого свободы. М.: Высшая школа МООП, 2016. 41 с.
5. Золотарева А.А. Психометрический анализ новой шкалы апатии [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 2. С. 191–209. doi:10.17323/1813-8918-2020-2-191-209
6. Золотарева А.А. Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110101
7. Кулик А.А., Наумов В.А. Взаимосвязь психологического благополучия и личностных ресурсов на разных возрастных этапах [Электронный ресурс] // Человеческий капитал. 2021. № 6 (150). С. 103–113. doi:10.25629/hs.2021.06.11
8. Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: Юнити-Дана, 2002. 407 с.
9. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 15.04.2024).
10. Социальная психология: словарь / Ред. М.Ю. Кондратьев. М.; СПб: ПЕР СЭ, 2005. 175 с.
11. Сучкова Е.Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 101–112. doi:10.17759/psylaw.2018080208
12. Сучкова Е.Л. Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 132–143. doi:10.17759/psylaw.2019090110

13. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 490 с.
14. Холодная М.А., Александровский А.А. Интеллектуальные способности и стратегия совладания // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 4. С. 59–68.
15. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 2016. 320 p.
16. Goodman F.R., Disabato D.J., Kashdan T.B., Kauffman S.B. Measuring well-being: A comparison of subjective well-being and PERMA // The Journal of Positive Psychology. 2018. Vol. 13(4). P. 321–332. doi:10.1080/17439760.2017.1388434
17. Lambert L., Passmore H.-A., Holder M. Foundational frameworks of positive psychology: Mapping well-being orientations // Canadian Psychology. 2015. Vol. 56(3). P. 311–321. doi:10.1037/cap0000033
18. Lanciano T., Leonardis L. de, Curci A. The Psychological Effects of Imprisonment: The Role of Cognitive, Psychopathic and Affective Traits // Europe's Journal of Psychology. 2022. Vol. 18(3). P. 262–278. doi:10.5964/ejop.3995
19. Leban L., Cardwell S.M., Copes H. Adapting to Prison Life: A Qualitative Examination of the Coping Process among Incarcerated Offenders // Justice Quarterly. 2016. Vol. 33(6). P. 1–27 doi:10.1080/07418825.2015.1012096
20. Mefoh P.C., Okafor A.E., Ezeah E.L., Odo V.O. Relationship between Coping Strategies and Psychological Wellbeing of Enugu (Nigerian) Prison Inmates // European Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 47(3). P. 270–277.
21. Taris T.W., Kompier M. Challenges in longitudinal designs in occupational health psychology // Scandinavian Journal of Work, Environment & Health. 2017. Vol. 29(1). P. 1–4. doi:10.5271/sjweh.697
22. Tartarini F. Prisoners' rehabilitation and wellbeing: a psychosocial perspective // A Modern Guide to Wellbeing Research / B.A. Searle, J. Pykett, M.J. Alfaro-Simmonds (Eds.). Edward Elgar Publishing, 2021. P. 110–128. doi:10.4337/9781789900163.00017
23. Wooldredge Jh., Smith P. The Oxford Handbook of Prison an Imprisonment. Oxford University Press, Sheridan Books Inc., 2018. 745 p.

References

1. Aminev G.A. Instrumentarii penitentsiarnogo psikhologa. Ufa: Ufimskii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2017. 168 p. (In Russ.).
2. Baburin S.V. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya adaptatsii i dezadaptatsii zaklyuchennykh: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2000. 136 p. (In Russ.).
3. Belicheva S.A. Osnovy preventivnoi psikhologii. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr konsortsiума "Sotsial'noe zdorov'e Rossii", 1994. 198 p. (In Russ.).
4. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psikhicheskie sostoyaniya cheloveka, lishennogo svobody. Moscow: Vysshaya shkola MOOP Publ., 2016. 41 p. (In Russ.).
5. Zolotareva A.A. Psikhometricheskii analiz novoi shkaly apatii [Psychometric Analysis of the New Apathy Scale] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 191–209. doi:10.17323/1813-8918-2020-2-191-209 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Zolotareva A.A. Rol' apatii v formirovanii muzhskogo depressivnogo sindroma u zaklyuchennykh [The Role of Apathy in the Formation of Depression Syndrome in Male Prisoners] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110101 (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Kulik A.A., Naumov V.A. Vzaimosvyaz' psikhologicheskogo blagopoluchiya i lichnostnykh resursov na raznykh vozrastnykh etapakh [Relationship of psychological well-being and personal resources at different age stages] [Elektronnyi resurs]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2021, no. 6 (150), pp. 103–113. doi:10.25629/HC.2021.06.11 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Lebedev V.I. Psikhologiya i psikhopatologiya odinochestva i gruppovoi izolyatsii. Moscow: Yuniti-Dana, 2002. 407 p. (In Russ.).
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2021 g. No. 1138-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noi sistemy RF na period do 2030 g." [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (Accessed 15.04.2024). (In Russ.).
10. Kondratyev M.Yu. (Ed.). Sotsial'naya psikhologiya: slovar'. Saint Petersburg; Moscow: PER SE, 2015. 176 p. (In Russ.).
11. Suchkova E.L. Kontseptsiya issledovaniya psikhologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [The concept of research of psychology of group legal consciousness of convicts] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 101–112. doi:10.17759/psylaw.2018080208 (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Suchkova E.L. Napravleniya raboty po korrektsii soderzhaniya psikhologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [Activity areas on the correction of the psychology content of the convict's group sense of justice] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 132–143. doi:10.17759/psylaw.2019090110 (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp. Moscow: Izdatel'stvo Instituta isikhoterapii, 2002. 490 p. (In Russ.).
14. Kholodnaya M.A., Aleksapol'sky A.A. Intellektual'nye sposobnosti i strategiya sovladaniya [Intellectual abilities and coping strategies]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2010. Vol. 31, no. 4, pp. 59–68. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 2016. 320 p.
16. Goodman F.R., Disabato D.J., Kashdan T.B., Kauffman S.B. Measuring well-being: A comparison of subjective well-being and PERMA. *The Journal of Positive Psychology*, 2018. Vol. 13, no. 4, pp. 321–332. doi:10.1080/17439760.2017.1388434
17. Lambert L., Passmore H.-A., Holder M. Foundational frameworks of positive psychology: Mapping well-being orientations. *Canadian Psychology*, 2015. Vol. 56, no. 3, pp. 311–321. doi:10.1037/cap0000033
18. Lanciano T., Leonardis L. de, Curci A. The Psychological Effects of Imprisonment: The Role of Cognitive, Psychopathic and Affective Traits. *Europe's Journal of Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 262–278. doi:10.5964/ejop.3995
19. Leban L., Cardwell S.M., Copes H. Adapting to Prison Life: A Qualitative Examination of the Coping Process among Incarcerated Offenders. *Justice Quarterly*, 2016. Vol. 33, no. 6, pp. 1–27. doi:10.1080/07418825.2015.1012096
20. Mefoh P.C., Okafor A.E., Ezeah E.L., Odo V.O. Relationship between Coping Strategies and Psychological Wellbeing of Enugu (Nigerian) Prison Inmates. *European Journal of Social Sciences*, 2015. Vol. 47, no. 3, pp. 270–277.
21. Taris T.W., Kompier M. Challenges in longitudinal designs in occupational health psychology. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 2017. Vol. 29, no. 1, pp. 1–4. doi:10.5271/sjweh.697

Шарипова Ф.А.
Особенности копинг-стратегий и психологического
благополучия осужденных мужского и женского пола
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 105–114

Sharipova F.A.
Coping Strategies and Psychological
Well-Being of Male and Female Prisoners
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 105–114

22. Tartarini F. Prisoners' rehabilitation and wellbeing: a psychosocial perspective. In Searle B.A., Pykett J., Alfaro-Simmonds M.J. (Eds.). *A Modern Guide to Wellbeing Research*. Edward Elgar Publishing, 2021, pp. 110–128. doi:10.4337/9781789900163.00017

23. Wooldredge Jh., Smith P. *The Oxford Handbook of Prison and Imprisonment*. Oxford University Press, Sheridan Books Inc., 2018. 745 p.

Информация об авторах

Шарипова Фарангис Абдурашид кизи, аспирант, филологический факультет, кафедра психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (ФГБОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация; психолог, Ташкентский государственный юридический университет (ТГЮУ), г. Ташкент, Республика Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6315-280>, e-mail: sharipova.fc@gmail.com

Information about the authors

Farangis A. Sharipova, Postgraduate Student, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; Psychologist, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6315-2801>, e-mail: sharipova.fc@gmail.com

Получена 27.02.2024
Принята в печать 18.05.2024

Received 27.02.2024
Accepted 18.05.2024

Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и психологических защит личности у наркозависимых осужденных

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ажимов В.В.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике (МОПР УФСИН России по УР), г. Ижевск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3939-6327>, e-mail: azhimov@list.ru

Актуальность выбранной темы обусловлена важностью изучения аддиктивных установок, склонностью к поиску острых ощущений и психологических защит личности у наркозависимых осужденных, которые учитываются при составлении психологических характеристик в местах лишения свободы и, в дальнейшем, оцениваются в динамике при отбывании осужденными уголовного наказания. Эмпирическое исследование проведено на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике. В нем приняли участие 114 осужденных с наркотической зависимостью и 108 осужденных, не имеющих наркотической зависимости. Выявленные различия характеризуют выборку наркозависимых осужденных как лиц, у которых сохраняется высокая потребность и готовность к употреблению наркотических веществ даже в условиях отбывания уголовного наказания. Значимые взаимосвязи между аддиктивными установками, поиском острых ощущений и психологическими защитами свидетельствуют о существующем риске деструктивного поведения осужденных. Изучение заявленных показателей позволит пенитенциарным психологам составить адекватный прогноз поведения наркозависимых осужденных в исправительном учреждении. Перспективами исследуемой проблемы является разработка психокоррекционной программы с учетом выявленных показателей и ее использование в профессиональной деятельности пенитенциарных психологов.

Ганишина И.С., Марьин М.И., Ажимов В.В.
Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности
к поиску острых ощущений и психологических
защит личности у наркозависимых осужденных
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 115–132

Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V.
The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity
to Search for Thrills and Psychological Defenses
of Personality in Drug-addicted Convicts
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 115–132

Ключевые слова: наркозависимые осужденные, аддиктивные установки, поиск острых ощущений, психологические защиты личности, поведение, пенитенциарная психология.

Для цитаты: Ганишина И.С., Марьин М.И., Ажимов В.В. Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и психологических защит личности у наркозависимых осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 115–132. DOI:10.17759/psylaw.2024140408

The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity to Search for Thrills and Psychological Defenses of Personality in Drug-addicted Convicts

Irina S. Ganishina

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia; Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Vasilii V Azhimov

Federal Penitentiary Service for the Udmurt Republic, Izhevsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3939-6327>, e-mail: azhimov@list.ru

The relevance of the chosen topic is due to the importance of studying addictive attitudes, a tendency to search for thrills and psychological defenses of personality in drug-addicted convicts, which are taken into account when compiling psychological characteristics in places of deprivation of liberty, and, further, are evaluated in dynamics when serving a criminal sentence by convicts. The empirical study was conducted on the basis of the FKU IK-1 of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Udmurt Republic. 114 convicts with drug addiction and 108 convicts without drug addiction took part in it. The revealed differences characterize the sample of drug-addicted convicts as persons who still have a high need and willingness to use narcotic substances, even in conditions of serving a criminal sentence. Significant interrelations between additive attitudes, thrill seeking and psychological defenses indicate the existing risk of destructive behavior of convicts. The study of the stated indicators will allow penitentiary psychologists to make an adequate forecast of the behavior of drug-addicted convicts in a correctional institution. The prospects of the problem under study are the development of a psychocorrection program taking into account the identified indicators and its use in the professional activities of penitentiary psychologists.

Keywords: drug-addicted convicts, addictive attitudes, search for thrills, psychological protection of personality, behavior, prison psychologists. penitentiary psychology.

For citation: Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V. The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity to Search for Thrills and Psychological Defenses of Personality in Drug-addicted Convicts. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 115–132. DOI:10.17759/psylaw.2024140408 (In Russ.).

Введение

Вопросы психологической работы с наркозависимыми осужденными сохраняют свою актуальность на протяжении двух последних десятилетий. Исследования российских и зарубежных авторов позволяют утверждать, что в разные годы в зависимости от региона доля наркозависимых преступников в местах отбывания наказаний колеблется от 20 до 50% от общего числа осужденных [8; 10; 22; 28; 29; 30; 31]. Личностные и поведенческие особенности наркозависимых осужденных являются объектом изучения психологов уголовно-исполнительной системы [10, с. 191].

Объектом изучения пенитенциарных психологов за последние годы становились характерологические, темпераментальные особенности [9], саморегуляция [7; 17], агрессивное и аутоагрессивное поведение [9; 11; 26], смысложизненные ориентации [14] особенности мотивационной сферы [2], классификация наркозависимых осужденных [16].

Проведенный теоретический анализ заявленной проблемы показал, что без направленного психокоррекционного воздействия наркозависимый осужденный в колонии строгого режима характеризуется как лицо, имеющее выраженную тягу к аддиктивному агенту, склонное к уходу от реального восприятия действительности и замене ее иллюзорным восприятием за счет высокого уровня функционирования психологических защит [1, с. 41]. Поэтому психологическое исследование аддиктивных установок наркозависимых осужденных, их склонности к поиску острых ощущений и выраженности психологических защит необходимо для точного прогноза поведения наркозависимых осужденных в исправительном учреждении.

В контексте исследования аддиктивных установок наркозависимых осужденных важно отметить, что Д.Н. Узнадзе разработал психологическую теорию установки [24, с. 137]. С.К. Бондырева предложила понятие «наркогенной установки», определяющей поведение наркомана [5], Е.В. Змановская ввела в научный обиход определение «аддиктивная установка» [13]. О.Н. Чащинова предположила, что основанием аддиктивной установки является любопытство [25, с. 191]. Аддиктивная установка напрямую связана с эмоциональным компонентом личностной сферы наркозависимых осужденных. С. Кулаков определяет наркотическую зависимость как болезнь эмоций [19, с. 23].

М. Цукерман описал общий паттерн поведения, связанный со склонностью к поиску острых ощущений и определил его как потребность в многообразных новых впечатлениях и переживаниях, стремление к социально-физическому риску для достижения этих впечатлений [21, с. 345]. С.Г. Лафи утверждает, что конечной целью поиска острых ощущений является самоутверждение, связанное с риском [20, с. 223].

Изучению психологических защит личности посвящены работы Ф.В. Бассина [4], В.С. Дмитриевой [12], Л.Ю. Субботиной [23]. Х.У. Арзамиева рассматривала психологические защиты как механизм адаптации к условиям отбывания наказания в местах лишения свободы [3]. Психологическим защитами личности наркоманов и осужденных, имеющих наркотическую зависимость, посвящены работы П.Д. Шабанова [27], Ю.В. Власовой [8]. Ю.М. Антоняна [2]. Т.И. Савельевой [22]. Р. Претлоу утверждает, что причиной любого аддиктивного поведения является такой механизм психологической защиты, как вытеснение

[30]. Авторы сходятся во мнении о том, что психологические защиты личности могут выполнять как конструктивную, так и деструктивную функции.

Для психологов пенитенциарной системы важно изучение аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений, уровня психологических защит личности у осужденных для понимания возможности стабилизации личности в различные периоды отбывания уголовного наказания.

Структура и методы исследования

Эмпирическое исследование аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и психологических защит наркозависимых осужденных проводилось нами на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике. Обследуемая группа составила 114 респондентов мужского пола, имеющих наркотическую зависимость, отбывающих наказания в исправительной колонии строгого режима; контрольная группа составила 108 осужденных, не имеющих наркотической зависимости.

Цель исследования — изучение аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и психологических защит у наркозависимых осужденных и осужденных, не имеющих наркотической зависимости.

В качестве **гипотезы исследования** было принято предположение о существовании различий в уровне аддиктивных установок, склонности к поиску острых ощущений и системах психологической защиты личности у наркозависимых осужденных и осужденных, не имеющих наркотической зависимости.

При проведении исследования были использованы следующие психологические методы: наблюдение, опрос, тестирование. Тестирование проводилось с использованием следующих психодиагностических методик: «Шкала аддиктивных установок», авторы: М.Х. Макмалан [18]; опросник «Склонность к поиску ощущений», автор: М. Цукерман [15]; методика «Индекс жизненного стиля», авторы: Р. Плучек, Г. Келлерман, Г. Конте [6]. Полученные результаты были подвергнуты статистическому анализу с применением методов математической статистики U-критерия Манна—Уитни, корреляционному анализу, по Спирмену. Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерных программ SPSS Statistics 17.0 и Psychometric Expert 9.2.6.

Анализ результатов исследования осуществлялся в несколько этапов:

1-й этап — сравнение групп осужденных с применением критерия различия сдвигов Манна—Уитни;

2-й этап — оценка взаимосвязей по показателям методик в группе наркозависимых осужденных с применением корреляционного анализа, по Спирмену;

3-й этап — анализ полученных результатов.

Результаты исследования

В соответствии с задачами исследования изучены аддиктивные установки, уровень склонности к поиску острых ощущений и психологические защиты у наркозависимых осужденных в колонии строгого режима, в сравнении с осужденными, не имеющими наркотической зависимости.

Наркозависимые осужденные и осужденные, не имеющие наркотической зависимости, находятся в идентичных условиях отбывания наказания. Соответственно, выявленные в ходе проведенного исследования различия обусловлены приемом наркотиков до момента поступления в исправительное учреждение.

В таблице приведены результаты математико-статистического анализа по критерию Манна—Уитни в группах наркозависимых осужденных и осужденных, не имеющих наркотической зависимости.

Таблица

**Сравнение показателей методик в группах
 с применением критерия различия сдвигов U Манна—Уитни**

№ п/п	Показатель	Наркозависимые осужденные	Осужденные, не имеющие наркотической зависимости	U Манна—Уитни	p
1	Аддитивные установки	120,4	84,2	20	< 0,0001
2	Отрицание	6,97	6,81	5793	= 0,44
3	Подавление	4,05	2,81	4515,5	< 0,001
4	Регрессия	4,51	2,31	3046,5	< 0,0001
5	Компенсация	3,72	2,66	4148	< 0,0001
6	Проекция	7,61	5,59	3398	< 0,0001
7	Замещение	3,88	1,81	3367	< 0,0001
8	Рационализация	6,33	6,39	5884	= 0,56
9	Реактивные образования	2,93	3,47	5090	< 0,05
10	Поиск острых отношений	13,69	10,33	1929,5	< 0,0001
11	Непереносимость однообразия	10,5	8,8	4525	< 0,001
12	Поиск новых впечатлений	9,23	8,59	5553,5	= 0,24
13	Неадаптивное стремление к трудностям	12,29	10,49	4432,5	< 0,001

В результате исследования установлены различия в уровне аддиктивных установок между группами наркозависимых осужденных и осужденных, не имеющих наркотической зависимости.

Наркозависимые осужденные в колонии строгого режима имеют более выраженный уровень аддиктивных установок (120,4), чем осужденные, не имеющие наркотической зависимости (84,2). Показатель в 120,4 соответствует показателям лиц с хронической наркотической зависимостью. В местах лишения свободы, несмотря на отсутствие признаков физической зависимости, таких как «ломка», тем не менее сохраняется психологическая зависимость от наркотиков. У наркозависимых осужденных сохраняются потребность и мотивация на получение наркотического вещества и готовность к его употреблению.

Статистически значимые различия получены по следующим показателям психологической защиты: «Подавление», «Регрессия», «Компенсация», «Проекция», «Замещение», «Реактивные образования» (см. табл.). При этом уровень психологической защиты «Реактивные образования» в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, выше, чем в группе наркозависимых осужденных, и статистически значим. Особенность психологической защиты «Реактивные образования» заключается в предупреждении выражения неприемлемых желаний путем подчеркивания противоположного отношения и поведения. Во многом поэтому осужденные, не имеющие наркотической зависимости, в условиях отбывания уголовного наказания демонстрируют правопослушное поведение.

В ходе исследования установлено, что в обеих группах осужденных максимально выражена психологическая защита «Отрицание». Соответственно, для обеих групп осужденных в условиях отбывания ими уголовного наказания характерно игнорирование негативной информации, связанной с фактом их нахождения в местах лишения свободы.

В группе наркозависимых осужденных отмечается высокий уровень такой психологической защиты личности, как «Проекция». Данный факт характеризует девиантное поведение наркозависимых осужденных в местах лишения свободы как детерминированное сверхценными идеями несправедливости, преследования, собственной ущербности или непонимания со стороны окружения. В свою очередь, это может привести к проявлениям агрессивности, конфликтности и импульсивности.

Значимые различия в уровне выраженности таких психологических защит, как «Регрессия», «Компенсация», «Замещение», представляют наркозависимых осужденных как склонных к следующим формам девиантного поведения: зависимое поведение (регрессия), агрессивность, дерзость, высокомерие, необоснованные амбиции (компенсация), склонность к деструктивным насильственным действиям, жестокость, аморальность, самоповреждающее поведение и суициды (замещение).

Таким образом, группа наркозависимых осужденных в местах лишения свободы выглядит как более склонная к поведенческим девиациям различного характера.

Оценивая различия в выборках в показателях методики «Склонность к поиску острых ощущений» статистически значимые различия в группах выявлены по показателям «Поиск острых ощущений», «Непереносимость однообразия», «Неадаптивное стремление к трудностям» (см. табл.).

Высокие показатели по шкале «Поиск острых ощущений» характеризуют наркозависимых осужденных как склонных к импульсивности и необоснованной оптимистичности.

Высокие показатели по шкале «Непереносимость однообразия» характеризуют наркозависимых осужденных как склонных к повышенной и нецеленаправленной активности, им свойственны неумная жажда деятельности, высокий уровень речевой активности, раздражительность в ситуации монотонной деятельности. Для них характерно желание активной деятельности в моменте времени. В случае если такая потребность не удовлетворяется, то происходит рост напряжения, за которым может следовать аффективная эмоциональная разрядка.

Высокий показатель по шкале «Неадаптивное стремление к трудностям» характеризует выборку наркозависимых осужденных как определенного рода «правдоискателей» — потенциальных инициаторов конфликтов. Такие люди могут быть агрессивны, конфликтны, социально дезадаптированы.

Корреляционный анализ

Для выявления внутренних взаимосвязей показателей по психодиагностическим методикам был проведен корреляционный анализ с применением рангового коэффициента корреляции Спирмена. Установлено, что существуют значимые взаимосвязи психологических защит, уровня аддиктивных установок и склонности к поиску острых ощущений в выборке наркозависимых осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима.

На рис. 1 отражены взаимосвязи между показателями методик, полученными в группе наркозависимых осужденных.

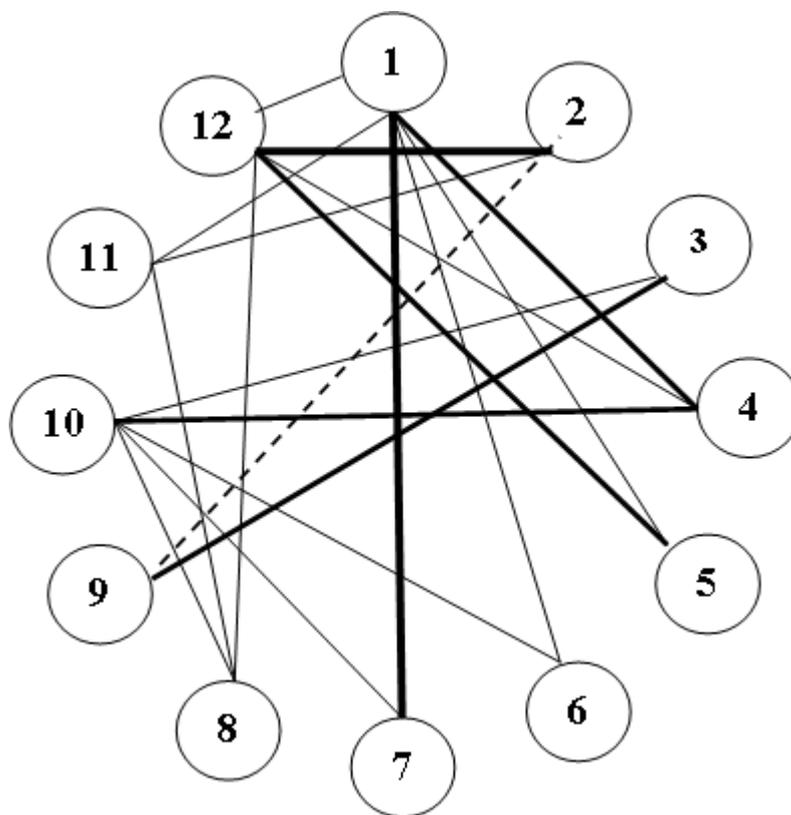

Рис. 1. Структурограмма корреляционных связей аддиктивных установок, психологических защит и шкал по методике «Склонность к поиску острых ощущений» у наркозависимых осужденных: 1 — аддиктивные установки; 2 — отрицание; 3 — подавление; 4 — регрессия; 5 — компенсация; 6 — проекция; 7 — замещение; 8 — рационализация; 9 — поиск острых ощущений; 10 — непереносимость однообразия; 11 — поиск новых впечатлений; 12 — неадаптивное стремление к трудностям;

- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$;
- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$;
- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$;
- - - - - — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$;
- — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$;
- — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

Диагностировано, что в группе наркозависимых осужденных наблюдаются следующие закономерности: аддиктивные установки имеют положительные взаимосвязи со следующими психологическими защитами: «Регрессией» ($r_s = 0,291$, $p < 0,005$), «Компенсацией» ($r_s = 0,193$, $p < 0,05$), «Проекцией» ($r_s = 0,199$, $p < 0,05$), «Замещением» ($r_s = 0,399$, $p < 0,0001$).

Аддиктивные установки имеют положительные взаимосвязи с показателями опросника «Склонность к поиску острых ощущений», такими как «Поиск новых впечатлений» ($r_s = 0,231$, $p < 0,05$) и «Неадаптивное стремление к трудностям» ($r_s = 0,236$, $p < 0,05$).

Выявлено, что присутствуют следующие положительные взаимосвязи между психологическими защитами и показателями опросника «Склонность к поиску острых ощущений»: «Отрицание» имеет положительные взаимосвязи с «Поиском новых впечатлений» ($r_s = 0,230$,

$p < 0,05$) и «Неадаптивным стремлениям к трудностям» ($r_s = 0,372, p < 0,0001$); «Подавление» имеет положительные взаимосвязи с «Поиском острых ощущений» ($r_s = 0,278, p < 0,005$) и «Непереносимостью однообразия» ($r_s = 0,223, p < 0,05$); «Регрессия» имеет положительные взаимосвязи с «Непереносимостью однообразия» ($r_s = 0,273, p < 0,005$) и «Неадаптивным стремлением к трудностям» ($r_s = 0,237, p < 0,05$); «Компенсация» имеет положительную взаимосвязь с «Неадаптивным стремлением к трудностям» ($r_s = 0,289, p < 0,005$).

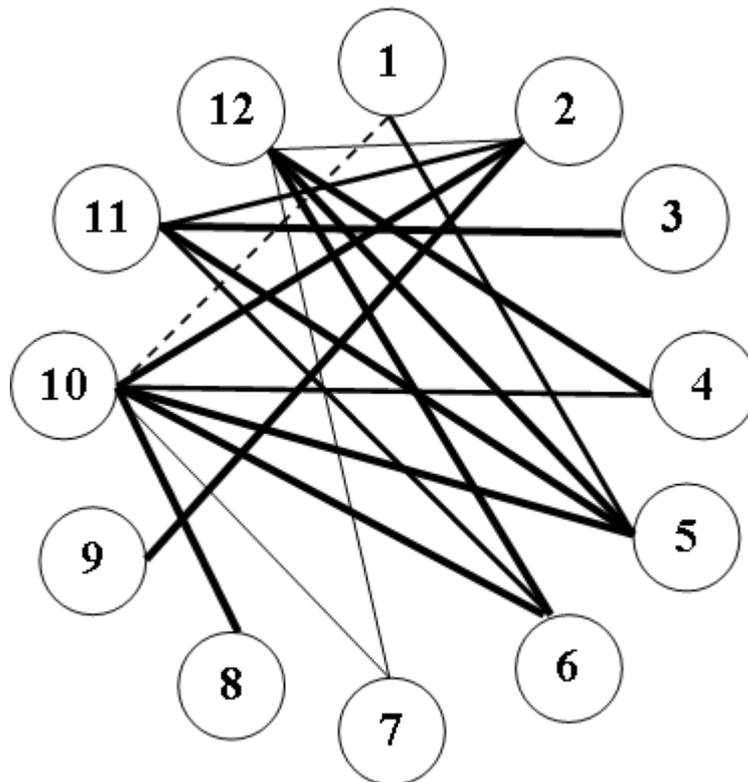

Рис. 2. Структурограмма корреляционных связей аддиктивных установок, психологических защит и шкал по методике «Склонность к поиску ощущений» осужденных, не имеющих наркотической зависимости: 1 — аддиктивные установки; 2 — подавление; 3 — регрессия; 4 — компенсация; 5 — проекция; 6 — замещение; 7 — рационализация; 8 — реактивные образования; 9 — поиск острых ощущений; 10 — непереносимость однообразия; 11 — поиск новых впечатлений; 12 — неадаптивное стремление к трудностям;

- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$;
- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$;
- — положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$;
- - - - - — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$;
- — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$;
- — отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

В группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, присутствуют положительные взаимосвязи между психологическими защитами и показателями опросника «Склонность к поиску острых ощущений». Показатель «Поиск острых ощущений» имеет положительную взаимосвязь с «Подавлением» ($r_s = 0,343, p < 0,001$). Показатель «Непере-

носимость однообразия» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,465$, $p < 0,001$), с «Компенсацией» ($r_s = 0,297$, $p < 0,01$), с «Проекцией» ($r_s = 0,419$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,408$, $p < 0,001$), с «Рационализацией» ($r_s = 0,241$, $p < 0,05$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,368$, $p < 0,001$). Показатель «Поиск новых впечатлений» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,263$, $p < 0,01$), с «Регрессией» ($r_s = 0,401$, $p < 0,001$), с «Проекцией» ($r_s = 0,364$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,299$, $p < 0,01$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,230$, $p < 0,01$). Показатель «Неадаптивное стремление к трудностям» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,244$, $p < 0,05$), с «Регрессией» ($r_s = 0,330$, $p < 0,001$), с «Компенсацией» ($r_s = 0,390$, $p < 0,001$), с «Проекцией» ($r_s = 0,610$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,339$, $p < 0,001$) с «Рационализацией» ($r_s = 0,234$, $p < 0,05$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,505$, $p < 0,001$).

Аддиктивные установки имеют положительную взаимосвязь с «Проекцией» ($r_s = 0,280$, $p < 0,01$) и отрицательную взаимосвязь с «Непереносимостью однообразия» ($r_s = -0,196$, $p < 0,05$).

В группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, присутствуют положительные взаимосвязи между психологическими защитами и показателями опросника «Склонность к поиску ощущений». Показатель «Поиск острых ощущений» имеет положительную взаимосвязь с «Подавлением» ($r_s = 0,343$, $p < 0,001$). Показатель «Непереносимость однообразия» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,465$, $p < 0,001$), с «Компенсацией» ($r_s = 0,297$, $p < 0,01$), с «Проекцией» ($r_s = 0,419$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,408$, $p < 0,001$), с «Рационализацией» ($r_s = 0,241$, $p < 0,05$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,368$, $p < 0,001$). Показатель «Поиск новых впечатлений» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,263$, $p < 0,01$), с «Регрессией» ($r_s = 0,401$, $p < 0,001$), с «Проекцией» ($r_s = 0,364$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,299$, $p < 0,01$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,230$, $p < 0,01$). Показатель «Неадаптивное стремление к трудностям» имеет положительные взаимосвязи с «Подавлением» ($r_s = 0,244$, $p < 0,05$), с «Регрессией» ($r_s = 0,330$, $p < 0,001$), с «Компенсацией» ($r_s = 0,390$, $p < 0,001$), с «Проекцией» ($r_s = 0,610$, $p < 0,001$), с «Замещением» ($r_s = 0,339$, $p < 0,001$) с «Рационализацией» ($r_s = 0,234$, $p < 0,05$), с «Реактивными образованиями» ($r_s = 0,505$, $p < 0,001$).

Всего в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, общее количество взаимосвязей между показателями методик составляет 21; 20 из них — положительные и одна — отрицательная. Между аддиктивными установками и показателями психологических защит личности — одна положительная взаимосвязь, между аддиктивными установками и показателями методики «Склонность к поиску острых ощущений» — одна отрицательная взаимосвязь. Между психологическими защитами и показателями методики «Склонность к поиску острых ощущений» — 19 положительных взаимосвязей.

Обсуждение результатов

Для обеих групп осужденных характерен высокий уровень функционирования таких психологических защит личности, как «Отрицание», «Рационализация», «Проекция». Задача таких защит — функциональное снижение тревоги, связанной с психотравмирующей ситуацией лишения свободы.

Установлено, что условия отбывания уголовного наказания в колонии строгого режима отличаются жесткой регламентацией поведения, безукоснительным выполнением режимных требований и распорядка дня, а также риском получения взысканий за поведение, отклоня-

ющееся от нормативного образца. Такие условия определяются дисциплинарными последствиями для осужденных при выражении ими своих эмоций, особенно негативных, и характеризуются сложностями в получении положительных эмоций для осужденных извне. Такое положение обуславливает общую для обеих групп осужденных потребность в поиске новых впечатлений. Однако для наркозависимых осужденных потребность в получении и отражении эмоций является витальной потребностью, связанной и их заболеванием. По сравнению с осужденными, не имеющими наркотической зависимости, наркозависимые осужденные характеризуется следующими особенностями: сохраняющейся в местах лишения свободы потребностью и готовностью к принятию наркотических веществ; неадекватным восприятием ситуации отбывания наказания, связанной, по их мнению, с несправедливым отношением к ним, непониманием со стороны других осужденных и администрации учреждения, а также с претензией на определенные личностные достижения; выраженными личностными особенностями: импульсивностью, агрессивностью, дерзостью, конфликтностью, с одной стороны, и с конформностью, зависимым поведением и инфантильностью — с другой.

По результатам корреляционного анализа в исследуемых группах осужденных выявлены следующие особенности.

1. Высокий уровень аддиктивных установок у наркозависимых осужденных взаимосвязан с высоким уровнем функционирования психологических защит личности, по типу самооправдания, перекладывания ответственности на внешние обстоятельства, инфантильных реакций, замещения актуальных потребностей аддиктивными. Также высокий уровень аддиктивных установок в местах лишения свободы провоцирует наркозависимых осужденных к поиску острых ощущений для получения эмоций, как положительных, так и отрицательных, и удовлетворения потребности в эмоциональном реагировании на сложившиеся обстоятельства.

2. Количество взаимосвязей аддиктивных установок с психологическими защитами личности в группе наркозависимых осужденных выше, чем в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости. В группе наркозависимых осужденных таких положительных корреляций четыре, в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости — одна. Для наркозависимых осужденных потребность в изменении своего состояния посредством употребления психоактивных веществ в условиях отбывания наказания остается очень значимой. Соответственно, психологические защиты личности функционируют более выражено, снижая тревогу и искусно оправдывая любое поведение, направленное на удовлетворение аддиктивной потребности.

3. Выявлены различия во взаимосвязях аддиктивных установок и показателей склонности к поиску острых ощущений в группах исследуемых. В группе наркозависимых осужденных выявлены две положительные взаимосвязи, в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости — одна отрицательная взаимосвязь. В местах лишения свободы наркозависимые осужденные с целью удовлетворения аддиктивной потребности, в отсутствие собственно самого аддиктивного агента (наркотика), в качестве замещения прибегают к поиску новых впечатлений и неадаптивному стремлению к трудностям. Такое поведение гарантирует им получение сильных эмоций, которые выступают заместителями эмоций, получаемых при приеме наркотических веществ.

4. Наблюдаются существенные различия в количестве взаимосвязей между психологическими защитами личности и показателями склонности к поиску острых ощущений в группах осужденных. В группе наркозависимых осужденных количество взаимосвязей равно 13, при-

чем 12 из них — положительные, одна — отрицательная. В группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, количество взаимосвязей между психологическими защитами личности и показателями склонности к поиску острых ощущений равно 19, все они положительные. В местах лишения свободы получение острых ощущений для наркозависимых осужденных напрямую не связано с удовлетворением аддиктивной потребности. Несмотря на тот факт, что получение острых ощущений в колонии строгого режима имеет санкционные последствия, для наркозависимых осужденных они важны, при этом они не вызывают такой тревоги, как прием наркотиков в условиях режимного учреждения. Соответственно, психологические защиты личности менее функциональны при получении наркозависимыми осужденными острых ощущений. При высоком уровне отрицания в систему восприятия наркозависимых осужденных допускаются только позитивные сигналы со стороны окружающих, негативные блокируются. Поэтому, при высоком уровне отрицания потребность в поиске острых ощущений снижается.

5. Значимые взаимосвязи по показателям методик характеризуют выборку наркозависимых осужденных таким образом, что если уровень аддиктивных установок повышается, сильнее функционируют психологические защиты личности и увеличивается склонность к поиску острых ощущений. Соответственно, нереализованная потребность в эмоциональном насыщении своей жизни провоцирует наркозависимых осужденных к поиску острых ощущений в местах лишения свободы, выбору социально одобряемых (разрешенных) или деструктивных поведенческих способов получения эмоциональной разрядки. Психологические защиты личности используются наркозависимыми осужденными для сознательного или бессознательного оправдания своего деструктивного поведения.

6. Оценивая корреляции в группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, важно обратить внимание на следующие моменты.

В группе осужденных, не имеющих наркотической зависимости, — большее количество взаимосвязей между психологическими защитами личности и показателями склонности к поиску острых ощущений. Данный факт показывает, что для осужденных, не имеющих наркотической зависимости, потребность в острых ощущениях в условиях отбывания ими уголовного наказания находится под запретом. В прошлом удовлетворение потребности в острых ощущениях в схожих условиях имело негативные последствия. Поэтому при возрастании потребности в острых ощущениях психологические защиты осужденных, не имеющих наркотической зависимости, функционируют активно, снижая тревогу, связанную с удовлетворением данной потребности.

У осужденных, не имеющих наркотической зависимости, такой показатель склонности к поиску острых ощущений, как «Непереносимость однообразия», имеет отрицательную взаимосвязь с аддиктивными установками. Мы можем интерпретировать данный факт следующим образом. Осужденные, не имеющие наркотической зависимости, которым свойственен высокий уровень непереносимости однообразия, характеризуются как лица с превалирующим позитивным настроением, их отличает повышенная активность, оптимистичность, словоохотливость, жажда деятельности. В условиях отбывания уголовного наказания они выглядят высокоадаптированными, их эмоциональный фон ровный, стабильный, они мало подвержены депрессивным реакциям и, в силу данных причин, потребность в изменении своего эмоционального состояния посредством приема психоактивных веществ у них не выражена.

Согласно результатам исследования, группы осужденных различаются в показателях аддиктивных установок, уровне психологических защит личности и уровне склонности к поис-

ку острых ощущений. Корреляции в группах между показателями методик имеют существенные различия, связанные со средовыми условиями и психологическими особенностями участников исследования.

Заключение

По результатам проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы.

1. Отбывание уголовного наказания, связанного с лишением свободы, предполагает жесткое следование осужденными режимным требованиям и диктует запрет на выражение и отреагирование определенных эмоций, характеризуется минимумом эмоциональных положительно окрашенных стимулов. Такие факторы, как распорядок дня в исправительном учреждении, режимные требования, одинаковая одежда установленного образца, ежедневные стандартные мероприятия (утренняя физическая зарядка, проверка наличия осужденных, обыск при выводе в промышленную зону учреждения и т. д.) не предполагают положительных сенсорных ощущений и эмоциональной разрядки у осужденных. Для наркозависимых осужденных в условиях отсутствия аддиктивного агента получение сильных эмоций, как положительной, так и отрицательной направленности, становится замещающей потребностью.

2. Аддиктивные установки наркозависимых осужденных свидетельствуют о сохранившейся потребности и готовности к принятию наркотического вещества в условия отбывания ими уголовного наказания.

3. Высокий уровень аддиктивных установок, поиск острых ощущений, непереносимость однообразия и неадаптивное стремление к трудностям характеризуют выборку наркозависимых осужденных как лиц, стремящихся к удовлетворению эмоциональной потребности в сенсорных стимулах и ощущениях, влекущих эмоциональное переживание, способное привести к эмоциональной разрядке напряжения, вызванного пребыванием в условиях пенитенциарной и системы при отсутствии аддиктивного агента.

4. Выраженное функционирование психологических защит у наркозависимых осужденных оберегает и защищает их психику от разрушительного действия факта осознания своего заболевания и помогает в перекладывании ответственности за свою жизнь на внешние события и обстоятельства. Уход от осознания факта пагубного воздействия своей зависимости способствует самооправданию деструктивного и аддиктивного поведения в местах лишения свободы.

5. Существующие взаимосвязи в поиске острых ощущений, аддиктивных установок и психологических защит личности у наркозависимых осужденных свидетельствуют о центрации мотивационной сферы на эмоциональных переживаниях и интенсивных ощущениях. В условиях пенитенциарной системы реализация удовлетворения данной потребности существенно снижена и фактор удовлетворения данной потребности может провоцировать деструктивное поведение наркозависимых осужденных.

6. Аддиктивная установка наркозависимых осужденных в условиях отбывания наказания, связанного с лишением свободы, увеличивает склонность к поиску острых ощущений, увеличивает уровень применения психологических защит. Такая триада характеризует наркозависимых осужденных как лиц, которые в удовлетворении своих эмоциональных потребностей способны к различным поведенческим девиациям, искусно оправдывая свое поведение различными внешними факторами.

7. Сохраняющаяся у наркозависимых осужденных установка на принятие наркотического вещества является объектом психокоррекционной работы пенитенциарных психологов. В процессе психокоррекционной работы с пенитенциарным психологом у наркозависимого осужденного удовлетворяется потребность в эмоциональных переживаниях и интенсивных ощущениях, что, в свою очередь, является существенным фактором профилактики деструктивного поведения в местах лишения свободы.

Перспективами проведенного исследования является разработка программ индивидуального психологического сопровождения и программы групповой психокоррекционной работы. Полученные результаты определяют направление методов и приемов психологической коррекции в практической деятельности пенитенциарного психолога.

Литература

1. Ажимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И. Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 37–52. doi:10.17759/psylaw.2023130404
2. Антонян Ю.М. Мотивация поведения осужденных. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 143 с.
3. Арзамиева Х.У. Психологические защиты как механизмы социально-психологической адаптации осужденных к местам лишения свободы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 1. С. 9–14.
4. Бассин Ф.В., Бурлакова М.К., Волков В.Н. Проблема психологической защиты // Психологический журнал. 1988. Том 9. № 3. С. 78–86.
5. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Наркотизм (природа и преодоление): Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 432 с.
6. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб: СПб НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
7. Власова Н.В., Лановая А.М. Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215
8. Власова Ю.В. Динамика психологических защитных механизмов личности наркозависимого после освобождения из мест лишения свободы в процессе психокоррекции: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2006. 29 с.
9. Ганишина И.С., Ажимов В.В. Акцентуации характера вновь прибывших наркозависимых осужденных как психологические предикторы их суицидального риска [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2023. № 3 (64). С. 124–131. doi:10.33463/2072-8336.2023.3(64).124-131
10. Ганишина И.С., Марьин М.И. Организация психологического сопровождения наркозависимых осужденных. Ульяновск: Зебра. 2019. 191 с.
11. Григорьева А.А., Гавриченко А.А. Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 116–122. doi:10.17759/psylaw.2020100110
12. Дмитриева В.С. О проблеме психологических защит личности // Актуальные исследования. 2021. № 45 (72). С. 121–123.

Ганишина И.С., Марьин М.И., Ажимов В.В.
Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности
к поиску острых ощущений и психологических
защит личности у наркозависимых осужденных
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 115–132

Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V.
The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity
to Search for Thrills and Psychological Defenses
of Personality in Drug-addicted Convicts
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 115–132

13. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
14. Ильиных Н.А. Концептуальная модель формирования смысложизненных ориентаций ту-бинфицированных осужденных молодежного возраста // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М.: Сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 года. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 57–60.
15. Исакова О.П. Психологические основы профилактики наркозависимости (вдали от пропасти и рядом с нею). СПб: Каро, 2004. 107 с.
16. Калашиникова М.М., Ковалева О.А. О значимости психологической классификации наркозависимых осужденных в пенитенциарной практике // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. Том 2. Рязань, 2022. С. 165–169.
17. Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203
18. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
19. Кулаков С.А. Руководство по реабилитации аддиктов. 4-е изд. Издательские решения, 2020. 468 с.
20. Лафи С.Г., Меркулова М.С. Готовность к риску как фактор эффективности руководства // Омские социально-гуманитарные чтения: Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции. Омск: Омский государственный технический университет, 2010. С. 221–225.
21. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
22. Савельева Т.И. Психодинамика аддиктивного поведения осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009. 26 с.
23. Субботина Л.Ю. Психология защитных механизмов личности: Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 164 с.
24. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб: Питер, 2001. 416 с.
25. Чащинова О.Н. Психологические особенности наркозависимых осужденных // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1 (35). С. 190–198.
26. Черемисова И.В., Фецул Ю.И. Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2023. Том 17. № 4 (64). С. 427–435. doi:10.46741/2686-9764.2023.64.4.010
27. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомания: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб: Лань, 2000. 368 с.
28. Murray J. Addiction to Conviction: The Impact of Drugs on Crime Rates // Net News Ledger. May 15, 2023. URL: <https://www.netnewsledger.com/2023/05/15/addiction-to-conviction-the-impact-of-drugs-on-crime-rates/> (дата обращения: 25.02.2024).
29. Plojovic S., Dimitrijevic S., Maksimovic A., Zejnelagic S., Hurem A., Muraspahic M. Misuse of Psychologically Active Substances of Convicts being in Prisons and their Treatment // Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences. 2016. Vol. 4(1). P. 172–180. doi:10.3889/oamjms.2016.001

30. Pretlow R. A Unified Theory of Addiction // *Qeios: Open Science*. 2023. doi:10.32388/WSGEQ1.5

31. Tomaz V., Moreira D., Souza C.O. Criminal reactions to drug-using offenders: A systematic review of the effect of treatment and/or punishment on reduction of drug use and/or criminal recidivism // *Frontiers in Psychiatry*. 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsy.2023.935755

References

1. Azhimov V.V., Ganishina I.S., Maryin M.I. Psikhologicheskaya korrektsiya lichnostnykh osobennostei narkozavisimykh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody [The Psychological Correction of Personal Characteristics of Convicts Addicted to Drugs Serving Sentences in Places of Detention] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 37–52. doi:10.17759/psylaw.2023130404 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Antonyan Yu.M. Motivatsiya povedeniya osuzhdennykh. Moscow: YUNITI-DANA, 2017. 143 p. (In Russ.).
3. Arzamiyeva Kh.U. Psikhologicheskie zashchity kak mekhanizmy sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii osuzhdennykh k mestam lisheniya svobody. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava = Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava*, 2018, no. 1, pp. 9–14. (In Russ.).
4. Bassin F.V., Burlakova M.K., Volkov V.N. Problema psikhologicheskoi zashchity. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1988. Vol. 9, no. 3, pp. 78–86. (In Russ.).
5. Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Narkotizm (priroda i preodolenie): Uchebnoe posobie. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ., 2006. 432 p. (In Russ.).
6. Vasserman L.I., Eryshev O.F., Klubova E.B. Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya. Saint Petersburg: SPb NIPNI imeni V.M. Bekhtereva Publ., 2005. 50 p. (In Russ.).
7. Vlasova N.V., Lanovaya A.M. Osobennosti samoregulyatsii muzhchin s alkogol'noi zavisimost'yu [Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol Dependence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Vlasova Yu.V. Dinamika psikhologicheskikh zashchitnykh mekhanizmov lichnosti narkozavisimogo posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody v protsesse psikhokorrektsii: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2006. 29 p. (In Russ.).
9. Ganishina I.S., Azhimov V.V. Aktsentuatsii kharaktera vnov' pribyvshikh narkozavisimykh osuzhdennykh kak psikhologicheskie prediktory ikh suitsidal'nogo riska [Accentuations of the character of newly arrived drug-addicted convicts as psychological predictors of suicidal risk] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2023, no. 3 (64), pp. 124–131. doi:10.33463/2072-8336.2023.3(64).124-131 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Ganishina I.S., Maryin M.I. Organizatsiya psikhologicheskogo soprovozhdeniya narkozavisimykh osuzhdennykh. Ulyanovsk: Zebra. 2019. 191 p. (In Russ.).
11. Grigoryeva A.A., Gavrichenkova A.A. Upotreblenie podrostkami psikhoaktivnykh veshchestv pri raznykh vidakh autoagressivnogo povedeniya [Use of Psychoactive Substances by Adolescents in Different Types of Auto-Aggressive Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 116–122. doi:10.17759/psylaw.2020100110 (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Dmitrieva V.S. O probleme psikhologicheskikh zashchit lichnosti [About the problem of psychological protection of personality]. *Aktual'nye issledovaniya = Aktual'nye Issledovaniya*, 2021, no. 45 (72), pp. 121–123. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2004. 288 p. (In Russ.).
14. Ilinykh N.A. Kontseptual'naya model' formirovaniya smyslozhiznennykh orientatsii tubinfitsirovannykh osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta. *K 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora pedagogicheskikh nauk, professora Litvishkova V.M.: Sbornik materialov kruglogo stola, Ryazan', 17 fevralya 2023 goda*. Ryazan: FKU NIIIT Publ., 2023, pp. 57–60. (In Russ.).
15. Isakova O.P. Psikhologicheskie osnovy profilaktiki narkozavisimosti (vdali ot propasti i ryadom s neyu). Saint Petersburg: Karo, 2004. 107 p. (In Russ.).
16. Kalashnikova M.M., Kovaleva O.A. O znachimosti psikhologicheskoi klassifikatsii narkozavisimyykh osuzhdennykh v penitentsiarnoi praktike. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennoe ehtape s uchetom realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam ispolneniya ugolovnykh nakazanii*. Tom 2. Ryazan, 2022, pp. 165–169. (In Russ.).
17. Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Osobennosti samoregulyatsii u osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya pri retsideve [Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Kornilova T.V. Psikhologiya riska i prinyatiya reshenii. Moscow: Aspekt Press, 2003. 286 p. (In Russ.).
19. Kulakov S.A. Rukovodstvo po reabilitatsii addiktov. 4th ed. Izdatel'skie resheniya, 2020. 468 p. (In Russ.).
20. Lafi S.G., Merkulova M.S. Gotovnost' k risku kak faktor ehffektivnosti rukovodstva. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya: Materialy III Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2010, pp. 221–225. (In Russ.).
21. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. (Eds.). Psikhologiya. Slovar'. Moscow: Politizdat, 1990. 494 p. (In Russ.).
22. Savelyeva T.I. Psikhodinamika addiktivnogo povedeniya osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2009. 26 p. (In Russ.).
23. Subbotina L.Yu. Psikhologiya zashchitnykh mekhanizmov lichnosti: Uchebnoe posobie. Yaroslavl: YarGU Publ., 2013. 164 p. (In Russ.).
24. Uznadze D.N. Psikhologiya ustanovki. Saint Petersburg: Piter, 2001. 416 p. (In Russ.).
25. Chashchinova O.N. Psikhologicheskie osobennosti narkozavisimyykh osuzhdennykh. *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog = Chelovecheskii Faktor: Sotsial'nyi Psikholog*, 2018, no. 1 (35), pp. 190–198. (In Russ.).
26. Cheremisova I.V., Feshchuk Yu.I. Osobennosti proyavlenii agressivnogo povedeniya osuzhdennykh muzhskogo pola razlichnogo sotsial'nogo statusa [Describing manifestation of aggressive behavior of male convicts of various social status] [Elektronnyi resurs]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023. Vol. 17, no. 4 (64), pp. 427–435. doi:10.46741/2686-9764.2023.64.4.010 (In Russ., abstr. in Engl.).

Ганишина И.С., Марьин М.И., Ажимов В.В.
Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности
к поиску острых ощущений и психологических
защит личности у наркозависимых осужденных
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 115–132

Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V.
The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity
to Search for Thrills and Psychological Defenses
of Personality in Drug-addicted Convicts
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 115–132

27. Shabanov P.D., Shtakelberg O.Yu. *Narkomaniya: patopsikhologiya, klinika, reabilitatsiya*. Saint Petersburg: Lan', 2000. 368 p. (In Russ.).
28. Murray J. Addiction to Conviction: The Impact of Drugs on Crime Rates. *Net News Ledger*, May 15, 2023. URL: <https://www.netnewsledger.com/2023/05/15/addiction-to-conviction-the-impact-of-drugs-on-crime-rates/> (Accessed 25.02.2024).
29. Plojovic S., Dimitrijevic S., Maksimovic A., Zejnelagic S., Hurem A., Muraspahic M. Misuse of Psychologically Active Substances of Convicts being in Prisons and their Treatment. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 2016. Vol. 4, no. 1, pp. 172–180. doi:10.3889/oamjms.2016.001
30. Pretlow R. A Unified Theory of Addiction. *Qeios: Open Science*, 2023. doi:10.32388/WSGEQ1.5
31. Tomaz V., Moreira D., Souza C.O. Criminal reactions to drug-using offenders: A systematic review of the effect of treatment and/or punishment on reduction of drug use and/or criminal recidivism. *Frontiers in Psychiatry*, 2023. Vol. 14. doi:10.3389/fpsy.2023.935755

Информация об авторах

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, начальник, кафедра юридической психологии и педагогики, факультет психологии и probation, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация; старший научный сотрудник, отдел психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, Центр исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ажимов Василий Владимирович, старший психолог, Межрегиональный отдел психологической работы, Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Удмуртской Республике (УФСИН России по Удмуртской Республике), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: azhimov@list.ru

Information about the authors

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Professor, Head, Department of Legal Psychology & Pedagogy, Faculty of Psychology and Probation, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia; Senior Researcher, Department of Psychological Support for the Professional Activities of Employees of the Penitentiary System, Center for Research on the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for the Professional Activities of Employees of the Penitentiary System, Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Ser-

Ганишина И.С., Марьин М.И., Азимов В.В.
Взаимосвязь аддиктивных установок, склонности
к поиску острых ощущений и психологических
защит личности у наркозависимых осужденных
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 115–132

Ganishina I.S., Maryin M.I., Azhimov V.V.
The Relationship of Addictive Attitudes, Propensity
to Search for Thrills and Psychological Defenses
of Personality in Drug-addicted Convicts
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 115–132

vice, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Azhimov V.V., Senior Psychologist, Interregional Department of Psychological Work, Federal Penitentiary Service of Russia for the Udmurt Republic, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035> e-mail: azhimov@list.ru

Получена 12.06.2024

Принята в печать 29.08.2024

Received 12.06.2024

Accepted 29.08.2024

Особенности ностальгических переживаний женщин, содержащихся в следственном изоляторе

Вартанян Г.А.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Солдатова Е.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Лиханов М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Барцева К.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Цветкова Е.Ю.

Следственный изолятор № 5 (ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

С целью изучения особенностей ностальгических переживаний в ситуации изоляции обследованы 78 женщин, содержащихся в следственном изоляторе. Используются следующие методики: опросник ВОЗ склонности к ностальгии, авторский опросник содержания ностальгии, опросник «Большая пятерка BFI-2-S», опросник «Темная триада», опросник благополучия WHO5, методика диагностики субъективного благополучия личности, тест смысложизненных ориентаций, опросник тревожности и методика диагностики симптомов кризиса. Выявлена ценность ностальгии, склонность к ней, значимость воспоминаний из прошлого. Женщины демонстрируют высокий уровень тревожности, низкий локус-контроля «Я», локус-контроля «Жизнь», общий показатель осмысленности жизни, высокие показатели экстраверсии и добросовестности и низкие — доброжелательности, нейротизма и открытости опыту при относительно высоком уровне субъективного благополучия. Установлена взаимосвязь ценности ностальгии с уровнем субъективного благополучия, локусом-контроля «Я» и доброжелательностью; склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия, тревожностью и нейротизмом. Согласно регрессионному анализу, вклад в особенности

*Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.*
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

*Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.*
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

ностальгических переживаний вносят субъективное благополучие, доброжелательность, locus-контроля «Жизнь» и осмысленность жизни. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности.

Ключевые слова: ностальгия, социальная изоляция, жизнестойкость, ностальгические переживания.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости в ситуации изоляции».

Для цитаты: *Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В., Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.* Особенности ностальгических переживаний женщин, содержащихся в следственном изоляторе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140409

Peculiarities of Nostalgic Experiences of Women in a Pre-Trial Detention Center

Gayane A. Vartanyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Elena L. Soldatova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Maxim V. Likhanov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Ksenia V. Bartseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Elena Yu. Tsvetkova

Pre-Trial Detention Center No 5, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

The purpose of the study is to study the peculiarities of women's nostalgic experiences in a situation of isolation. 78 women in a pre-trial detention center were studied using the following methods: WHO nostalgia questionnaire, author's nostalgia content questionnaire, Big Five BFI-2-S, dark triad, WHO5 well-being questionnaire, method for diagnosing subjective well-being of a person, test of life-meaning orientations, an anxiety questionnaire and a method for diagnosing crisis symptoms. The value of nostalgia and the tendency towards it, as well as the significance of memories from the past, have been revealed. Women demonstrate a high level of anxiety, low locus of control of Self, locus of control of Life, a general

indicator of meaningfulness of life, high rates of extraversion and conscientiousness and low rates of agreeableness, neuroticism, openness to experience, with a relatively high level of subjective well-being. The data showed a relationship between the value of nostalgia and the level of subjective well-being, locus of control of the self and agreeableness, as well as the tendency to nostalgia with the level of subjective well-being, anxiety and neuroticism. According to regression analysis, the characteristics of nostalgic experiences are influenced by subjective well-being, goodwill, as well as the locus of control “life” and “life process”. Probably, nostalgia can act as an adaptation resource for the individual.

Keywords: nostalgia, social isolation, hardiness, nostalgic experiences.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation (RSCF), project number 23-18-00142.

For citation: Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V., Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu. Peculiarities of Nostalgic Experiences of Women in a Pre-Trial Detention Center. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140409 (In Russ.).

Введение

Проблема жизнестойкости личности в ситуации изоляции и сопутствующего ей кризиса особенно остро проявляется в пенитенциарной системе. В широком смысле социальная изоляция заключается в исключении из привычного социального окружения, однако принудительная (вынужденная) социальная изоляция в учреждениях пенитенциарной системы сопровождается рядом особенностей самой системы. В частности формированием своеобразных норм поведения и групповых ценностей, спецификой принятия в неформальную группу нового члена, спецификой складывающегося типа взаимоотношений и их интенсивностью, легкостью возникновения конфликтов и сложностью их разрешения, особой иерархией членов общества и системы, различными видами социальной депривации (сенсорной, культурной, органической, сексуальной и т. д.) и возникновением на этом фоне различных девиаций. Принудительная социальная изоляция является одним из факторов стрессогенности, вносящим вклад в изменения личности и, как следствие, в характер взаимоотношений в группе в пенитенциарном учреждении [3; 4]. Принудительная социальная изоляция является экстремальным условием, приводящим к невротизации личности, возникновению конфликтов и, в свою очередь, к развитию деструктивных форм поведения [1]. Кроме того, принудительная социальная изоляция в пенитенциарной системе подразумевает специфический только для этого вида изоляции частичный или полный разрыв значимых социальных связей. Данный факт является проблемой, поскольку рядом исследований обнаружено, что социальная изоляция повышает риск совершения повторных преступлений [15; 14], а также наряду с переживанием одиночества взаимосвязана с более высоким уровнем агрессии у лиц, совершивших сексуализированные преступления [7].

В ситуации изоляции и кризиса важное значение приобретают адаптационные ресурсы личности. Адаптация к условиям пенитенциарной системы — активный, сознательный, внутренне мотивированный и регулируемый процесс, успешность которого зависит от комплекса объективных и субъективных факторов. Критическими периодами в динамике адаптации личности на различных этапах отбывания наказания являются арест, вступление приговора суда в законную силу, перемещение в исправительное учреждение, первые шесть ме-

саяцев пребывания в исправительном учреждении, шесть месяцев до освобождения и освобождение из исправительного учреждения [1]. Особое место занимает период изоляции в следственном изоляторе, что объясняется критическими факторами, вносящими вклад в адаптацию личности в данный период. К таким факторам относятся: сам факт изоляции и заключения под стражу, связанные с этим правоограничения, обстоятельства расследования, обстановка в камере, психологическая обстановка в следственном изоляторе в целом — все это является новыми, стрессовыми, переживаниями (вне зависимости от криминального опыта) [там же]. Успешная адаптация в учреждениях пенитенциарной системы — важный фактор оптимизации жизнедеятельности в условиях изоляции. Как показывают исследования, негативная адаптация (адаптация в коллективе подозреваемых/обвиняемых/осужденных отрицательной направленности — нарушающих ПВП, поддерживающих нормы и ценности криминальной субкультуры) и дезадаптация (нарушения сна и аппетита, психоэмоциональное напряжение, напряжение отношений внутри коллектива, что приводит, например, к ауто- и гетероагрессивному поведению) приводят к ряду отрицательных последствий, в том числе деструктивному поведению, могут обуславливать дальнейшую криминализацию личности, а также дестабилизируют и дезорганизуют деятельность учреждения [2]. Большинство негативных событий в пенитенциарной системе связаны не только с индивидуально-психологическими и личностными особенностями подозреваемых, обвиняемых, осужденных, но являются также результатом проявления закономерностей, присущих жизнедеятельности группы в условиях вынужденной изоляции [1]. В частности, существуют специфические особенности проживания социальной изоляции в пенитенциарной системе в зависимости от типа совершенного преступления. Так, по результатам ряда исследований, лица, совершившие сексуализированные преступления, часто сообщают о социальной изоляции, связанной не только с самим фактом заключения, но и с социальной изоляцией внутри группы [15; 20], а также о трудностях в установлении и поддержании социальных контактов с другими людьми [21].

Наличие и поддержание близких отношений вносят существенный вклад в развитие и функционирование личности. Доказано, что сильные социальные связи снижают количество правонарушений [8; 10; 13; 19]. Принудительная изоляция от общества человека, совершившего преступление, определяется целями и задачами уголовного права, однако имеет ряд негативных последствий, связанных с изоляцией от привычного окружения и с резкой сменой условий жизни, ограничениями и невозможностью удовлетворения многих жизненных потребностей (физиологических, социальных и т. д.). При этом, несмотря на определенные негативные последствия, связанные с принудительной социальной изоляцией, она включена во все национальные уголовные кодексы, а попытки найти альтернативу не привели к желаемым результатам ни в одной стране мира.

Таким образом, возникает противоречие, связанное с разнообразными негативными последствиями принудительной социальной изоляции в пенитенциарной системе, с одной стороны, и необходимостью данного вида социальной изоляции как меры — с другой. Из указанного противоречия вытекает проблема исследования, заключающаяся в поиске психологических ресурсов, выполняющих поддерживающую, восполняющую, а возможно, и созидательную функции, необходимых для поддержания жизнестойкости и преодоления кризисной и стрессовой ситуации, связанной с принудительной социальной изоляцией.

Другими словами, необходим поиск альтернатив, способных помочь человеку справиться с фрустрацией и найти внутренние ресурсы для поддержания толерантности к неопределен-

ности и психологического благополучия в период социальной изоляции в условиях пенитенциарной системы. Одним из таких ресурсов может быть ностальгия как специфическое состояние, проявляющееся на эмоциональном уровне как тоска по утраченному прошлому и способствующее осмыслению ситуации и стремлению к лучшему будущему. Ностальгия позволяет возвращаться в прошлое через воспоминания, что может вызывать у человека позитивные и поддерживающие эмоции. Однако она может быть связана и с грустью (“bitter sweet emotion” — в зарубежной литературе [22]), что особенно ярко может проявляться в ситуации вынужденной изоляции, так как ностальгия часто связана с уже прошедшим событием или местом, куда нельзя вернуться. Еще М.Н. Гернет описывал состояние тоски, соотносящееся с ностальгией по дому и семье, особенно ярко переживаемой в праздничные и выходные дни (Гернет М.Н., 1925). В современных исследованиях показано, что ностальгия связана с поиском социальной поддержки [5], а экспериментально вызванная ностальгия увеличивает воспринимаемую способность эту поддержку оказывать [9]. Экспериментально вызванная ностальгия способствует субъективному адаптивному проживанию одиночества, увеличивая ощущение социальной поддержки и счастья [23; 24]. Кроме того, ностальгия повышает субъективную жизнеспособность [16; 17], ощущение принятия и принадлежности, самодостаточность [18]. Являясь ресурсом для облегчения автономии и изоляции [11], ностальгия положительно коррелирует с оптимистичным отношением к будущему, оптимистичным отношением к здоровью и порождает оптимизм [6; 12]. Таким образом, обращение к ностальгии может иметь созидательную, поддерживающую функцию, позволяющую выдерживать фрустрацию и столкновение с неопределенностью, способствующую сохранению психологического благополучия, психического и соматического здоровья личности в период следственных действий, ожидания вынесения приговора и отбывания наказания.

Так как ностальгические переживания еще не изучались у людей, находящихся в ситуации вынужденной изоляции, целью настоящего исследования было изучить: 1) уровень склонности к ностальгии и содержание ностальгических переживаний у участников, находящихся в вынужденной изоляции (в заключении); 2) взаимосвязь конструкта ностальгии с личностными характеристиками участников; 3) вклад личностных особенностей в особенности ностальгических переживаний.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 78 женщин в возрасте от 18 до 67 лет ($M = 34,6$, $SD = 9,33$), содержащихся в следственном изоляторе г. Санкт-Петербурга. Респонденты имеют уголовно-процессуальный статус подозреваемых, обвиняемых и осужденных за преступления разной степени тяжести. Большинство женщин (41%) находятся в ситуации изоляции более года, 11% — от полугода до года, 18% — от месяца до полугода, 8% — меньше месяца.

Методы исследования

Эмпирические методы.

- Для изучения особенностей переживания ностальгии: опросник склонности к ностальгии (7 вопросов, оцениваемых по шкале Лайкерта; С. Routledge, J. Arndt, С. Sedikides, Т. Wildschut, 2008); авторский опросник содержания ностальгии (пилотный вариант для операционализации ностальгического опыта, разработанный группой экспертов; 11 закрытых вопросов).
- Для изучения личностных особенностей: опросник «Большая пятерка BFI-2-S» (в адаптации А.М. Мишкевич, С.А. Щebetenko, А.Ю. Калугина, 2022); опросник «Темная триада»

(D.L. Paulhus, 2013; в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой, 2015); опросник благополучия (World Health Organization, WHO5, C.W. Topp, S.D. Østergaard, S. Søndergaard, P. Bech, 2015); методика диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова, 2018); тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева (2000); опросник генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder scale, GAD — R.L. Spitzer, K. Kroenke, J.B.W. Williams, B. Lowe, 2006, адаптация А.А. Золотаревой, 2023); методика диагностики симптомов кризиса (Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова, 2013).

Методики находятся в свободном доступе в сети «Интернет».

Методы математики-статистической обработки данных.

Анализ полученных данных производился с помощью программ Microsoft Excel (первичные описательные статистики) и IBM SPSS Statistics (версия 23.0.0.0). Для математико-статистической обработки данных использовались: критерий Колмогорова—Смирнова для проверки нормальности распределения, ранговый коэффициент корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей между исследуемыми параметрами, множественный регрессионный анализ.

Процедура исследования и этапы сбора данных

Участие в исследовании было добровольным и конфиденциальным, с соблюдением необходимых этических норм и требований к проведению исследований с участием людей, в особенности уязвимых групп (в настоящем исследовании — находящихся в заключении). Перед началом сбора данных нами была пройдена процедура рассмотрения проекта на заседании Этического комитета Санкт-Петербургского психологического общества и получено его одобрение (протокол № 24 от 06.07.2023 г.). Респондентам присваивался идентификационный код, данные обрабатывались в анонимном формате.

Сбор данных осуществлялся в три этапа, а именно: осведомление подозреваемых, обвиняемых и осужденных о проведении исследования и возможности участия в нем, предоставление необходимой информации об исследовании. На втором этапе с респондентами, выразившими предварительное желание участвовать, проводилась повторная беседа, подписывалось информированное согласие на добровольное участие в исследовании, а также в небольших группах выполнялись задания на изучение когнитивных функций (материалы данной части в настоящую статью не входят). Заполнение личностных опросников осуществлялось на последнем, третьем, этапе самостоятельно каждым респондентом в камере в удобное для него время. Предоставление обратной связи по результатам исследования не предполагалось.

Результаты

Особенности ностальгических переживаний. Женщины, находящиеся в принудительной социальной изоляции, отмечают ценность переживания ностальгии (47%) и склонность к ней (42%), а также значимость воспоминаний из прошлого (48%). Как правило, они обращаются к ностальгии не менее одного раза в день (46%, в том числе в день проведения обследования), ностальгируют в одиночестве (61%), связывают ее переживание с грустью (63%). В своих ностальгических переживаниях женщины чаще оперируют образными представлениями (54%, «В своих ностальгических воспоминаниях я обычно... представляю что-нибудь, не проговаривая»). Как правило, в своих ностальгических воспоминаниях респонденты возвращаются в разные локации (82%); в места, в которых они были с кем-то (79%); при этом чаще — это воспоминания о событиях, в которых присутствовали члены семьи (82%), друзья

(73%) или домашние животные (55%). В ностальгических воспоминаниях женщины обращаются к воспоминаниям, в которых они динамично передвигаются (50%); в их воспоминаниях присутствуют предметы, имеющие четкую форму и очертания (62%), и предметы, окрашенные в естественные цвета (85%, 15% отметили вариант «черно-белое» в вопросе «Обычно окружающее в моих ностальгических воспоминаниях...»). Обращение к ностальгическим воспоминаниям сопровождается преимущественно визуальными образами (69%, «Чаще всего во время воспоминаний о прошлом, я... представляю только визуальные образы»).

Таким образом, обращение к ностальгии с мысленным возвращением в разные места, связанные с выраженным социальным компонентом (семья, друзья), динамичные перемещения в воспоминаниях могут свидетельствовать, на наш взгляд, о потребности в социальной поддержке и включенности, которая в настоящее время не может быть удовлетворена. Эмоция грусти, сопутствующая обращению к ностальгии, представляется ожидаемой. Зрительные образы, вероятно, позволяют ретроспективно обратиться к значимым событиям, переживая их в деталях. Примечательным, на наш взгляд, является то, что в своих ностальгических переживаниях респонденты воспроизводят события прошлого, не дополняя их новыми аспектами (отражающими потребность или, напротив, вызывающими опасения). Ностальгия, таким образом, может быть поддерживающим ресурсом, взаимосвязанным с психоэмоциональным состоянием человека.

Изучая личностные особенности женщин в условиях принудительной изоляции, мы получили следующие результаты, представленные ниже.

Уровень субъективного благополучия и смысложизненные ориентации. Женщины, отвечая на краткий опросник WHO5, направленный на определение субъективного благополучия, дают ответы, демонстрирующие высокий уровень благополучия (среднее по методике WHO5 = 79,08 из возможных 100). При этом ситуация принудительной социальной изоляции, в которой они находятся, не способствует продемонстрированному уровню удовлетворенности. Полученные результаты могут быть связаны со стремлением продемонстрировать социально желательные ответы, что может отражать ограничения следственного изолятора, в котором находятся участники исследования (боязнь нарушения анонимности ответов, подчиненность администрации, сравнение с другими заключенными и т. д.).

Опросник диагностики субъективного благополучия личности Шамионова, Бесковой, включающий 5 шкал, показал средние результаты: по шкале эмоционального благополучия ($M = 3,44$, $SD = 0,33$), экзистенциально-деятельностного благополучия ($M = 3,49$, $SD = 0,36$), эго-благополучия ($M = 3,30$, $SD = 0,27$), гедонистического благополучия ($M = 3,31$, $SD = 0,42$) и социально-нормативного благополучия ($M = 3,39$, $SD = 0,20$), что больше соответствует уровню благополучия, ожидаемого от людей, находящихся в ситуации заключения.

При этом, женщины характеризуются низкими (ниже нормы у женщин) локусом-контроля «Я» ($M = 13,24$, $SD = 1,17$), локусом-контроля «Жизнь» ($M = 17,59$, $SD = 1,12$) и общим показателем осмысленности жизни ($M = 73,51$, $SD = 1,17$), что свидетельствует о представлениях о себе как о личностях, не обладающих достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле и контролировать события собственной жизни, отражает убежденность в невозможности контролировать свою жизнь и свободно принимать решения, а также потерю смысла жизни.

Тревожность и симптомы кризиса. Участники исследования характеризуется высоким уровнем тревожности ($M = 16,76$, $SD = 0,28$), превышающим показатели тревожности (14) у пациентов с диагностированным генерализованным тревожным расстройством (Kroenke et

al., 2007). При этом не выявлено выраженных симптомов кризиса ни по одному из двух показателей: «Опустошенность и потеря интереса» ($M = 2,57, SD = 0,23$) или «Раздражительность и конфликтность» ($M = 2,54, SD = 0,24$), что может объясняться как стремлением давать социально желательные ответы, так и недостаточно развитыми навыками рефлексии. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют о переживаемых чувствах волнения, о беспокойствах по незначительным поводам.

Личностные особенности. Женщины характеризуются более высокими (в сравнении с нормой) показателями экстраверсии ($M = 3,54, SD = 0,45$) и добросовестности ($M = 3,82, SD = 0,42$) и более низкими — доброжелательности ($M = 3,59, SD = 0,68$), нейротизма ($M = 2,96, SD = 0,47$) и открытости опыту ($M = 3,48, SD = 0,28$); показатели макиавеллизма ($M = 28,00, SD = 0,6$) нарциссизма ($M = 29,00, SD = 0,3$) и психопатии ($M = 22,00, SD = 0,5$) — в пределах нормы. Полученные результаты могут свидетельствовать о коммуникативности, инициативности, напористости и склонности к риску женщин, содержащихся в следственном изоляторе, а также о мотивированности и дисциплинированности, эгоцентричности и подозрительности.

Результаты корреляционного анализа. Как представлено на рисунке ниже, получены взаимосвязи ценности ностальгии («Насколько ностальгия ценна для вас») с уровнем субъективного благополучия (WHO5) ($r_s = ,224; p \leq ,05$), локусом-контроля «Я» ($r_s = ,226; p \leq ,05$) и доброжелательностью ($r_s = ,252; p \leq ,05$), а также склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s = ,314; p \leq ,05$), тревожностью ($r_s = ,372; p \leq ,05$) и нейротизмом ($r_s = ,283; p \leq ,05$).

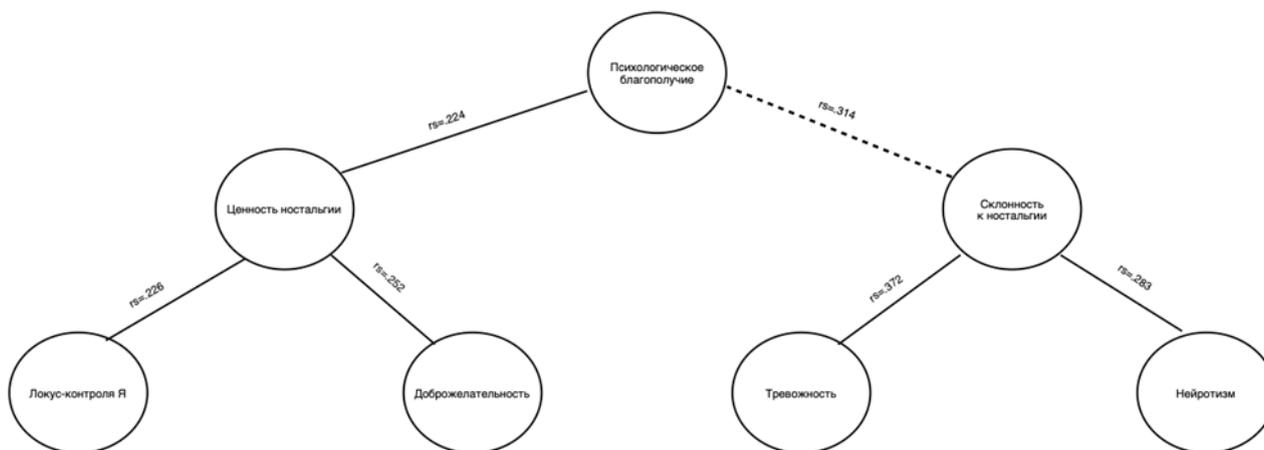

Рис. 1. Взаимосвязи особенностей ностальгических переживаний с личностными особенностями женщин, находящихся в принудительной изоляции: сплошная прямая — при $p \leq ,05$, прерывистая прямая — при $p \leq ,01$

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что обращение к ностальгическим воспоминаниям и переживаниям (ценность ностальгии и склонность к ней) потенциально может способствовать ощущению субъективного благополучия. Кроме того, ценность ностальгии может повышать веру в свои силы и возможности контролировать события собственной жизни, а также доверие к окружающим. При этом склонность предаваться ностальгическим воспоминаниям может потенциально повышать тревожность и снижать эмоцио-

нальную стабильность, в частности при столкновении с неудачами и жизненными трудностями.

Результаты регрессионного анализа. Первым шагом стала проверка общей гипотезы о том, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии. В качестве зависимых переменных выбраны конструкты, полученные по результатам авторского опросника, а именно: ценность ностальгии, склонность к ностальгии и частота ностальгических воспоминаний; в качестве независимых переменных выбраны все изучаемые личностные особенности. Согласно полученным результатам, ценность ностальгии и склонность к ней имеют высокую силу связи с личностными особенностями ($R = 0,648$, скорректированный $R^2 = 0,18$; $R = 0,628$, скорректированный $R^2 = 0,14$ соответственно), а частота ностальгических воспоминаний — среднюю силу связи с личностными особенностями ($R = 0,499$, скорректированный $R^2 = -0,05$). Таким образом, предположение о том, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии, является справедливым.

Следующим шагом стала проверка вклада каждого конструкта из ряда изучаемых личностных особенностей в особенности ностальгических переживаний. Коэффициент прогностической модели личностных особенностей, вносящих вклад в особенности ностальгических переживаний, представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Коэффициент прогностической модели вклада личностных особенностей
 в особенности ностальгических переживаний**

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		β	Стандартная ошибка			
Зависимая переменная: ценность ностальгии	Константа	-3,134	3,439		-0,911	0,366
	Субъективное благополучие (WHO5)	0,44	0,14	0,513	3,090	0,003
	Локус контроля «Жизнь»	-0,96	0,48	-0,385	-2,005	0,05
	Доброжелательность	0,122	0,52	0,319	2,324	0,024
Зависимая переменная: склонность к ностальгии	Константа	-2,562	3,840		-0,667	0,570
	Субъективное благополучие (WHO5)	0,42	0,16	0,458	2,699	0,009
	Процесс жизни	0,059	0,026	0,261	2,213	0,031

Из таблицы мы можем заключить, что ценность ностальгии выше, когда человек ощущает субъективное благополучие, просоциально и коллективно ориентирован, убежден, что спосо-

бен контролировать свою жизнь и свободно принимать решения. Склонность к ностальгии, в свою очередь, выше, когда человек ощущает субъективное благополучие и удовлетворен своей жизнью в настоящем и воспринимает ее как интересную, эмоционально насыщенную и наполненную смыслом. Остальные личностные характеристики не вносили значимого вклада в зависимые переменные.

Обсуждение результатов

В данном разделе представляется важным отметить такой дискуссионный аспект, как полученные результаты, не демонстрирующие комплиментарности. Так, для изучения субъективного благополучия мы использовали опросник благополучия (World Health Organization, WHO5) и методику диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова). Полученные данные, соответствующие высокому уровню по одной методике и среднему — по другой, мы связываем с тем, что опросник ВОЗ оценивает самочувствие участника за последние две недели, в то время как методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой требует субъективной оценки личности в целом, предполагает развитые навыки саморефлексии. Индекс благополучия WHO-5 является одним из наиболее широко используемых опросников, оценивающих субъективное благополучие, и имеет высокую внутреннюю согласованность. Результаты систематического обзора статей с использованием данного инструмента продемонстрировали, что метод может использоваться как в клинических, так и в научных исследованиях для оценки благополучия с течением времени или для сравнения благополучия между группами (Topp et al., 2015). Кроме того, на наш взгляд, вклад в полученные результаты мог также внести и процессуальный статус респондентов — осужденные и подозреваемые/обвиняемые, с большой долей вероятности влияющий на социально желательные тенденции в ответах на опросники. В дальнейшем важным представляется деление на группы по периоду пребывания в изоляции для сравнения всех изучаемых показателей в разных фазах адаптации к ситуации изоляции и кризиса (в настоящем исследовании это не представляется возможным из-за неравномерного распределения выборки).

Для изучения уровня тревожности нами были использованы опросник генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder scale, GAD) и методика диагностики симптомов кризиса (Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова). Мы также получили данные, соответствующие высокому уровню по одной методике и среднему — по другой. Мы предполагаем, что такие результаты могут быть связаны с тем, что по опроснику тревожности участникам также предлагается оценить, насколько часто за последние две недели их беспокоило ощущение тревоги и страха, как часто они не могли расслабиться и перестать волноваться, в то время как опросник симптомов кризиса предполагает оценить частоту указанных чувств и состояний в последнее время.

Кроме того, интересным представляется сопоставление полученных данных по методикам, оценивающим субъективное благополучие и тревожность участников. В обоих случаях респондентам следовало оценить свое самочувствие в последние две недели, таким образом, возможно, в этот период они чувствовали себя одновременно субъективно хорошо или привечно, но тревожно.

Ограничения и перспективы исследования

Первым ограничением является то, что настоящее исследование проведено на кросс-секционных данных (проведен только один замер) и не позволяет установить направление

эффекта (и причинно-следственные связи), поэтому приведенные выше результаты должны интерпретироваться с осторожностью. Например, справедливым может быть и эффект от конструкта «обращение к ностальгии» к субъективному благополучию и от субъективного благополучия к «обращению к ностальгии».

Вторым ограничением является место проведения исследования, а именно: режимное учреждение. Участники находятся в зависимом положении от сотрудников учреждений и этот статус может распространяться и на исследователей. К сожалению, данные исследования достаточно редки в науке и практике. Поэтому такие исследования требуют особого внимания с точки зрения соблюдения всех необходимых этических аспектов. В этой связи важным представляется обозначить ограничения исследования, связанные непосредственно с этим фактором. Наряду с ограничениями мы также предлагаем варианты их преодоления в будущем и некоторые перспективы дальнейших исследований.

1. **Согласие на участие в исследовании.** Несмотря на указание в беседе и информированном согласии информации о добровольности и конфиденциальности участия, а также о том, что оно не связано с текущими уголовно-процессуальными действиями, особенностями нахождения в следственном изоляторе и никак не может на них повлиять, сама ситуация потенциально может создавать, с одной стороны, этические дилеммы (манипулирование исследователем, злоупотреблением участниками), с другой стороны, может быть связана с большей долей отказов по сравнению со сбором данных на других выборках (не в пенитенциарной системе). Так, от большинства респондентов поступал запрос на прямую выгоду (запрос на оказание психологической помощи, предоставление характеристики в суд, помощь с содержанием в учреждении и т. д.), а большая доля отказов была связана с опасениями относительно использования результатов исследования в судебной системе (нами была проведена информирующая беседа и пройдены несколько этапов сбора данных со 130 респондентами, однако полностью прошли обследование 78 женщин — 60%). Одним из вариантов преодоления ограничения может быть дополнительное повторное обсуждение с потенциальными участниками целей исследования. Это требует дополнительных затрат, в том числе временных, однако позволяет избежать спорных ситуаций, указанных выше.

2. **Смена уголовно-процессуального статуса.** На этапе заполнения блока личностных опросников в камере в период следственных действий у респондента может поменяться уголовно-процессуальный статус. Получение назначенной меры уголовного наказания является стрессовой и психотравмирующей ситуацией вне зависимости от криминального опыта, в которой человек нуждается в особом внимании со стороны психологов учреждения ввиду высокой вероятности агрессивного и аутоагрессивного (в том числе суицидального) поведения. Поскольку изменение статуса сопряжено с сосредоточением на себе, своем состоянии, картине мира и дальнейшей жизни, респондент может отказываться от продолжения заполнения методик, заполнять их не так, как заполнил бы в другом состоянии, или испытать сильные эмоции в промежутках между выполнением инструментов (например, если они проводятся в разные дни) и показать, таким образом, противоречивые результаты в разных инструментах. К сожалению, предугадать изменение статуса и отбирать выборку в следственном изоляторе по этому принципу и, следовательно, избежать данного ограничения систематическим образом не представляется возможным. Однако видится полезным добавление короткого замера эмоционального состояния в каждую сессию сбора данных, если данные собираются в разные дни, для отслеживания текущего состояния участника.

3. Высокая вероятность социальной желательности и сопротивления давать искренние ответы. Данный аспект связан с негласным запретом на проявление эмоций в учреждениях пенитенциарной системы, а также с тем, что сама тема ностальгии вызывает большой эмоциональный отклик. Для снижения указанного ограничения психолог-исследователь при рекрутинге отдельно останавливался на инструкции к опросникам, а также отвечал на возникающие вопросы по теме исследования относительно феномена ностальгии и возможностях его использования в условиях принудительной изоляции в пенитенциарной системе.

Третье ограничение связано с возрастным и гендерным аспектом. Так, возрастной диапазон участников исследования имеет достаточно широкий разброс. Кроме того, исследование проведено с участием только женщин, в виду того, что на момент проведения обследования доступна была только эта выборка. В перспективе важным представляется учет возрастного и гендерного аспекта, что позволит получить новые инсайты об особенностях проживания ностальгии у людей, находящихся в ситуации изоляции.

Четвертое ограничение связано с периодом пребывания в ситуации изоляции. На наш взгляд, данный фактор потенциально может быть учтен в качестве переменной, однако по текущему набору респондентов разделить их на равные группы не представлялось возможным (в виду малого количества участников в отдельных группах, например тех, кто пребывает в следственном изоляторе меньше месяца). В перспективе учет этого аспекта представляется необходимым.

Пятое ограничение связано с учетом таких факторов, как процессуальный статус и вид совершенного преступления. На данном этапе исследования учет указанных факторов не входил в задачи исследования, однако он также представляется перспективным, поскольку тяжесть совершенного преступления может быть связана с личностными характеристиками (например, нейротизмом или психопатией).

Указанные выше ограничения, на наш взгляд, не снижают актуальности, теоретической и практической значимости работы.

Выводы

Результаты теоретического анализа литературы по проблеме исследования позволяют заключить, что принудительная (вынужденная) социальная изоляция в учреждениях пенитенциарной системы сопровождается рядом негативных последствий и является одним из факторов стрессогенности, приводящим к невротизации личности, возникновению конфликтов и, в свою очередь, к развитию деструктивных форм поведения. Протективным фактором может быть ностальгия как специфическое состояние личности.

Эмпирическое исследование показало, что женщины в условиях принудительной изоляции отмечают ценность ностальгии и склонность к ней, а также значимость воспоминаний из прошлого. Они обращаются к ностальгии не менее одного раза в день, в одиночестве и в период грусти. В ностальгических переживаниях они чаще оперируют образными представлениями. Женщины, находящиеся в следственном изоляторе, характеризуется высоким уровнем тревожности, низкими локусом-контроля «Я», локусом-контроля «Жизнь» и общим показателем осмысленности жизни, высокими показателями экстраверсии и добросовестности и низкими показателями доброжелательности, нейротизма и открытости опыту при выявленном высоком уровне субъективного психологического благополучия.

По результатам регрессионного анализа установлено, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии. В частности, показаны взаимосвязи ценности

ностальгии с уровнем субъективного благополучия, локусом-контроля «Я» и доброжелательностью, а также склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия, тревожностью и нейротизмом. Результаты подтверждают гипотезу о взаимосвязи ностальгии с личностными особенностями. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности, что требует дальнейших экспериментальных и лонгитюдных исследований для установления направления эффекта.

Заключение

В науке сложилась ситуация недостатка психологических исследований личности людей, столкнувшихся с ситуацией принудительной социальной изоляции, в частности содержащихся в учреждениях ограничения свободы. Одним из актуальных направлений исследований является изучение и поиск протективных факторов деструктивного поведения, поиск психологических ресурсов, имеющих созидательную и поддерживающую функции. Одним из таких ресурсов является изучение особенностей ностальгических переживаний. Исследование ностальгии и ее взаимосвязи с личностными особенностями женщин в условиях принудительной социальной изоляции является первым, из исследований, проведенных с участием заключенных в России. На наш взгляд, такие исследования помимо теоретической значимости, заключающейся в расширении теоретических знаний, имеют и практическую ценность, полезную для проведения психотерапевтических интервенций, релевантных снижению деструктивных проявлений в пенитенциарных учреждениях. Мы надеемся, что результаты нашего анализа литературы и эмпирического исследования будут стимулировать дальнейшее проведение подобных исследований в России.

Литература

1. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 682 с.
2. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 130–135.
3. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2012. 704 с.
4. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных: Учебное пособие. Рязань: РВИИ МВД РФ, 1993. 134 с.
5. Batcho K.I. Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept // History of Psychology. 2013. Vol. 16(3). P. 165–176. doi:10.1037/a0032427
6. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism // Cognition and Emotion. 2019. Vol. 33(3). P. 417–427. doi:10.1080/02699931.2018.1458705
7. Blake E., Gannon T.A. Loneliness in sexual offenders // Psychology of Loneliness / S.J. Bevin (Ed.). Nova Science Publishers Inc, US, 2011. P. 49–68.
8. Braithwaite J. Crime, shame and reintegration. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
9. Cheung W.-Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J., Vingerhoets A.J.J.M. Back to the Future: Nostalgia Increases Optimism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. Vol. 39(11). P. 1484–1496. doi:10.1177/0146167213499187
10. Farrington D.P. Developmental and life-course criminology: Key theoretical and empirical issues — The 2002 Sutherland award address // Criminology. 2003. Vol. 41(2). P. 221–225. doi:10.1111/j.1745-9125.2003.tb00987.x

11. Kelley N.J., Davis W.E., Dang J., Liu L., Wildschut T., Sedikides C. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2022. Vol. 102(3). doi:10.1016/j.jesp.2022.104379
12. Kersten M., Cathy R. C., Van Enkevort E.A. An exercise in nostalgia: Nostalgia promotes health optimism and physical activity // *Psychology & Health*. 2016. Vol. 31(10). P. 1166–1181. doi:10.1080/08870446.2016.1185524
13. Laub J.H., Sampson R.J. Understanding desistance from crime // *Crime and Justice*. 2001. Vol. 28. P. 1–69. doi:10.1086/652208
14. Marshall W.L. Intimacy, loneliness and sexual offenders // *Behaviour Research and Therapy*. 1989. Vol. 27(45). P. 491–504. doi:10.1016/0005-7967(89)90083-1
15. Marshall W.L. The role of attachments, intimacy, and loneliness in the etiology and maintenance of sexual offending // *Sexual and Relationship Therapy*. 2010. Vol. 25(1). P. 73–85. doi:10.1080/14681990903550191
16. Routledge C., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A.J.J.M., Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101(3). P. 638–652. doi:10.1037/a0024292
17. Routledge C., Roylance C., Abeyta A.A. Nostalgia as an existential intervention: Using the past to secure meaning in the present and the future // *Clinical Perspectives on Meaning/ Positive and Existential Psychotherapy* / Russo-Netzer P., Schulenberg S.E., Batthyany A. (Eds.). Springer, 2016. P. 343–362. doi:10.1007/978-3-319-41397-6_17
18. Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.-Y., Routledge C., Hepper E. G., Arndt J., Vail K., Zhou X., Brackstone K., Vingerhoets A.J.J.M. Nostalgia fosters self-continuity: Uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being) // *Emotion*. 2016. Vol. 16(4). P. 524–539. doi:10.1037/emo0000136
19. Thornberry T.P., Krohn M.D. The development of delinquency // *Handbook of Youth and Justice* / White S.O. (Ed.). Springer, 2001. P. 289–305. doi:10.1007/978-1-4615-1289-9_15
20. Ward T., Keenan T., Hudson S.M. Understanding cognitive affective, and intimacy deficits in sexual offenders: A developmental perspective // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol. 5(1). P. 41–62. doi:10.1016/S1359-1789(98)00025-1
21. Van den Berg C., Beijersbergen K., Nieuwbeerta P., Dirkzwager A. Sex Offenders in Prison: Are They Socially Isolated? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2017. Vol. 30(7). doi:10.1177/1079063217700884
22. Verplanken B. When bittersweet turns sour: Adverse effects of nostalgia on habitual worriers: Habitual worrying and nostalgia // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42(3). P. 285–289. doi:10.1002/ejsp.1852
23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91(5). P. 975–993. doi:10.1037/0022-3514.91.5.975
24. Zhou X., Sedikides C., Wildschut T., Gao D.-G. Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19(10). P. 1023–1029. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02194.x

References

1. Dmitriev Yu.A., Kazak B.B. Penitentsiarnaya psikhologiya: Uchebnik. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 682 p. (In Russ.).

2. Kleiberg Yu.A. Tipologiya destruktivnogo povedeniya. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2008, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.).
3. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya*. Moscow: Os'-89, 2012. 704 p. (In Russ.).
4. Sukhov A.N. *Kriminogennoe obshchenie v srede osuzhdennykh: Uchebnoe posobie*. Ryazan: RVSH MVD RF Publ., 1993. 134 p. (In Russ.).
5. Batcho K.I. Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept. *History of Psychology*, 2013. Vol. 16, no. 3, pp. 165–176. doi:10.1037/a0032427
6. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, no. 3, pp. 417–427. doi:10.1080/02699931.2018.1458705
7. Blake E., Gannon T.A. Loneliness in sexual offenders. In Bevin S.J. (Ed.). *Psychology of Loneliness*. Nova Science Publishers Inc, US, 2011, pp. 49–68.
8. Braithwaite J. *Crime, shame and reintegration*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
9. Cheung W.-Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J., Vingerhoets A.J.J.M. Back to the Future: Nostalgia Increases Optimism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013. Vol. 39, no. 11, pp. 1484–1496. doi:10.1177/0146167213499187
10. Farrington D.P. Developmental and life-course criminology: Key theoretical and empirical issues — The 2002 Sutherland award address. *Criminology*, 2003. Vol. 41, no. 2, pp. 221–225. doi:10.1111/j.1745-9125.2003.tb00987.x
11. Kelley N.J., Davis W.E., Dang J., Liu L., Wildschut T., Sedikides C. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 102, no. 3. doi:10.1016/j.jesp.2022.104379
12. Kersten M., Cathy R. C., Van Enkevort E.A. An exercise in nostalgia: Nostalgia promotes health optimism and physical activity. *Psychology & Health*, 2016. Vol. 31, no. 10, pp. 1166–1181. doi:10.1080/08870446.2016.1185524
13. Laub J.H., Sampson R.J. Understanding desistance from crime. *Crime and Justice*, 2001. Vol. 28, pp. 1–69. doi:10.1086/652208
14. Marshall W.L. Intimacy, loneliness and sexual offenders. *Behaviour Research and Therapy*, 1989. Vol. 27, no. 45, pp. 491–504. doi:10.1016/0005-7967(89)90083-1
15. Marshall W.L. The role of attachments, intimacy, and loneliness in the etiology and maintenance of sexual offending. *Sexual and Relationship Therapy*, 2010. Vol. 25, no. 1, pp. 73–85. doi:10.1080/14681990903550191
16. Routledge C., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A.J.J.M., Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 3, pp. 638–652. doi:10.1037/a0024292
17. Routledge C., Roylance C., Abeyta A.A. Nostalgia as an existential intervention: Using the past to secure meaning in the present and the future. In Russo-Netzer P., Schulenberg S.E., Batthyany A. (Eds.). *Clinical Perspectives on Meaning/ Positive and Existential Psychotherapy*. Springer, 2016, pp. 343–362. doi:10.1007/978-3-319-41397-6_17
18. Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.-Y., Routledge C., Hepper E. G., Arndt J., Vail K., Zhou X., Brackstone K., Vingerhoets A.J.J.M. Nostalgia fosters self-continuity: Uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being). *Emotion*, 2016. Vol. 16, no. 4, pp. 524–539. doi:10.1037/emo0000136

Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

19. Thornberry T.P., Krohn M.D. The development of delinquency. In White S.O. (Ed.). *Handbook of Youth and Justice*. Springer, 2001, pp. 289–305. doi:10.1007/978-1-4615-1289-9_15
20. Ward T., Keenan T., Hudson S.M. Understanding cognitive affective, and intimacy deficits in sexual offenders: A developmental perspective. *Aggression and Violent Behavior*, 2000. Vol. 5, no. 1, pp. 41–62. doi:10.1016/S1359-1789(98)00025-1
21. Van den Berg C., Beijersbergen K., Nieuwbeerta P., Dirkzwager A. Sex Offenders in Prison: Are They Socially Isolated? *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2017. Vol. 30, no. 7. doi:10.1177/1079063217700884
22. Verplanken B. When bittersweet turns sour: Adverse effects of nostalgia on habitual worriers: Habitual worrying and nostalgia. *European Journal of Social Psychology*, 2012. Vol. 42, no. 3, pp. 285–289. doi:10.1002/ejsp.1852
23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 91, no. 5, pp. 975–993. doi:10.1037/0022-3514.91.5.975
24. Zhou X., Sedikides C., Wildschut T., Gao D.-G. Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia. *Psychological Science*, 2008. Vol. 19, no. 10, pp. 1023–1029. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02194.x

Информация об авторах

Вартанян Гаянэ Аршалуисовна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Солдатова Елена Леонидовна, доктор психологических наук, профессор, и.о. заведующего, кафедра психологии труда и организационной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Лиханов Максим Владимирович, кандидат филологических наук, исполнитель по проекту, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximum.minimus@spbu.ru

Барцева Ксения Викторовна, младший научный сотрудник, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Цветкова Елена Юрьевна, майор внутренней службы, начальник, психологическая лаборатория, Следственный изолятор № 5 (ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

*Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.*
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

*Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.*
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

Information about the authors

Gayane A. Vartanyan, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Associate Professor, Department of Psychology of Health and Deviant Behaviour, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Elena L. Soldatova, Doctor of Psychology, Professor, Acting Head of the Department, Department of Labor and Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Maxim V. Likhanov, PhD in Philology, Executor of a Research Project, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Ksenia V. Bartseva, Junour Researcher, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Elena Yu. Tsvetkova, Internal Services Major, Head, Psychological Laboratory, Pre-Trial Detention Center No. 5, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

Получена 26.06.2024
Принята в печать 27.08.2024

Received 26.06.2024
Accepted 27.08.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Следствие по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е годы

Шкаревский Д.Н.

Военный университет имени князя Александра Невского (Военный университет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

В современных условиях обострения международных конфликтов изучение проблем суицидального поведения военнослужащих становится все более актуальным. В этом вопросе необходимо учитывать имеющийся исторический опыт. На сегодняшний момент комплексные исследования по данной теме отсутствуют. Цель статьи заключается в выявлении характерных черт следствия по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е гг. Источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы центральных и региональных архивов. Автор опирался на междисциплинарный методологический подход, разработанный в трудах П. Соломона. В статье сформулированы следующие выводы. Советское уголовное право предусматривало ответственность за доведение до самоубийства или содействие самоубийству и покушению на него. Данная норма не являлась серьезным сдерживающим фактором суицидального поведения. В 1930—1950-е гг. наблюдалось некоторое улучшение формальных показателей следствия по этим делам. Но его качество оставалось примерно на одном уровне, который вышестоящим руководством оценивался низко. Основными причинами этого являлись отсутствие стимулирования военных следователей и судебной перспективы по этим делам.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение военнослужащих, криминология, военная юстиция, советская юстиция, профилактика суицида.

Для цитаты: Шкаревский Д.Н. Следствие по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е годы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140410

The Investigation of Military Suicides in the 1930—1950 s.

Denis N. Shkarevsky

Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

In the current conditions of aggravation of international conflicts, the study of the problems of suicidal behavior of military personnel is becoming more and more relevant. It is necessary to take into account the available historical experience in this matter. To date, there are

no comprehensive studies on this topic. The purpose of the article is to identify the characteristic features of the investigation of suicide cases of servicemen in the 1930s - 1950s. The source base of the study was the unpublished documents of central and regional archives. The author relied on the interdisciplinary methodological approach developed in the works of P. Solomon. The article formulates the following conclusions. The Soviet criminal law provided responsibility for bringing to suicide or assisting suicide and attempted suicide. This norm was not a serious deterrent to suicidal behavior. In the 1930s-1950s there was some improvement in the formal indicators of investigations in these cases. Their quality remained at about the same level, which was evaluated low by higher authorities. The main reasons for this were the lack of incentives for military investigators and the lack of a judicial perspective on these cases.

Keywords: suicide, suicidal behavior of military personnel, criminology, military justice, Soviet justice, suicide prevention.

For citation: Shkarevsky D.N. The Investigation of Military Suicides in the 1930—1950 s. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140410 (In Russ.).

Введение

Современная суицидальная ситуация в РФ отличается неустойчивостью [1; 2; 3]. Это увеличивает актуальность суицидологии. Обычно количество самоубийств среди военнослужащих на фоне военных действий возрастает [18]. Поэтому изучение проблем военной суицидологии на современном этапе стало еще более актуальным.

Основное внимание исследователи уделяют изучению современного состояния суицидальной ситуации. Наиболее популярными направлениями научного поиска являются: ювенальная суицидология [8; 17; 20], самоубийства среди представителей различных социальных и профессиональных групп [4; 10; 11; 15], теоретические аспекты [12; 14; 19], влияние суицида на близких жертвы [5]. Исследования юристов в области суицидологии обладают спецификой. Существуют работы, предлагающие ввести уголовную ответственность за покушение на самоубийство в качестве сдерживающего фактора суицидального поведения военнослужащих [6]. Большинство криминологических работ имеют сходство с исследованиями теоретических аспектов этого явления [9].

Считается, что институционализация суицидологии относится к 1950-м гг. [11, с. 105]. Однако уже в 1930—1940-е гг. органы военной юстиции предпринимали попытки осмысления данного явления. Самостоятельные исследования по заявленной теме отсутствуют. В научной литературе встречаются лишь эпизодические упоминания об этих фактах [7; 13]. Настоящая статья призвана ликвидировать данный пробел. Ее цель состоит в том, чтобы выявить характерные черты следствия по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е гг. Исследование основано на принципах междисциплинарного подхода, заложенного П. Соломоном [21].

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Результаты и обсуждение

УК РСФСР в ст. 141 предусматривал ответственность за доведение до самоубийства или содействие (подговор) к самоубийству и покушению на него. УПК РСФСР ввел обязательное следствие по ст. 141 УК. Следствием по этим делам в отношении военнослужащих занимались органы военной прокуратуры.

Статистические сведения о самоубийствах среди военнослужащих отрывочны. По данным Т. Бушуевой, в 1927—1928 гг. уровень самоубийств в РККА составлял 11,5 на 10 тыс. военнослужащих [7, с. 198]. Коэффициент самоубийств военнослужащих в 1930-е гг. отличался неустойчивостью (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня самоубийств военнослужащих в 1930-е гг.¹

Год	Абсолютное значение	На 10 тыс. человек
1932 г.	588	9,7
1933 г.	554	6,3
1937 г.	782	6,5
1938 г.	832	5,5
1939 г.	1 171	5,8
1940 г.	1 980	6,2

Считается, что увеличение суицидов военнослужащих в 1930-е гг. связано с ростом численности армии. Представляется, что на этот процесс влияли и иные факторы, например чередование политико-правовых кампаний. Так, высокий уровень самоубийств начала 1930-х гг. объясняется проведением политико-правовой кампании против социально-чуждых элементов. Увеличение суицидов в 1937 г. совпадает с началом Большого террора.

О влиянии политико-правовых кампаний на количество самоубийств позволяет судить такой пример. «Красноармеец Л. — комсомолец, отличник учебы, занесенный на доску почета, 7 июня 1939 г. нечаянно забрызгал грязью красноармейца М. Последний вступил с ним в драку. Когда младший командир Е. бросится разнимать дерущихся, то Л. в пылу драки обругал его. Спустя полчаса придя в себя, Л. в разговоре с мл. комвзвода П. осудил свой поступок. Казалось бы, надо было наказать Л. и этим исчерпать инцидент. Но получилось не так. На протяжении 2 дней Л. 7 раз вызывали и “прорабатывали” по поводу совершенного им проступка и командир роты, и политрук, и секретарь комсомольской организации, и другие. Спустя 17 дней, когда Л. уже успокоился, его вызвали на бюро ВЛКСМ, где снова начали прорабатывать его, требуя, чтобы он дал “политическую оценку” своему поступку. Наконец, политрук С. внес предложение об исключении Л. из комсомола. Пока бюро обсуждало какое ему дать взыскание, Л. раздобыл винтовку и застрелился»². Таким образом, придание дисциплинарному проступку политического характера привело к суициду.

Цикличность суицидальной ситуации объясняется и чередой военных конфликтов. Например, в 1939 г. наибольшее количество самоубийств отмечалось в военных округах,

¹ Составлено по: РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3496. Л. 30; РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 549-578; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152

² РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 70-71

принимавших участие в локальных конфликтах³. В начале 1940-х гг. рост суицидов в 1,5 раза отмечался и на флоте⁴.

Органы военной юстиции неоднократно предпринимали попытки обобщения следственной практики по делам о суицидах военнослужащих. Главным недочетом признавались длительные сроки. Основная масса дел расследовалась в сроки свыше 10 дней.

Качество следствия оценивалось низко. Это объяснялось скромной квалификацией следователей и их нежеланием проводить следствие из-за «отсутствия судебной перспективы» дел. Следователи не проверяли совокупность причин и обстоятельств, приведших к самоубийству, не устанавливали ответственных за создание обстановки, повлекшей самоубийства, не делали «четкие выводы»⁵. Руководство отмечало «поверхностность расследования». Например, по делу о самоубийстве краснофлотца Северного флота К. следователь П. установил, что К. последние дни перед самоубийством нарушал требования воинской дисциплины и заявлял жалобы о болезни. На этом основании П. пришел к выводу о том, что «...К. стремился уклониться от военной службы путем симуляции болезни и неисполнения приказаний, а затем, поняв, что он может быть предан суду, покончил самоубийством. Между тем из материалов дела видно, что К. в прошлом был дисциплинированный боец. <...> Далее из этих материалов видно, что именно в последнее время у К. обострились отношения с женой. Ясно, что следователь подошел к делу односторонне и узко. <...> В результате причина самоубийства К. так и осталась невыясненной».

Главный прокурор ВМФ по поводу качества следствия отмечал: «Военные следователи и военные прокуроры часто забывают специфичность этих дел, заключающуюся в том, что сущность их не в судебной перспективе, а во вскрытии глубоких причин, приведших в данной войсковой части к самой возможности самоубийства. Забывают, что расследование этих дел имеет, в основном, профилактические задачи». Также он указывал, что «...в ряде случаев работники военных прокуратур перегибают... Принято думать, что за военное самоубийство обязательно кто-то должен нести ответственность»⁶.

Выявлению причин суицидов военнослужащих уделялось пристальное внимание. В 1933 г. среди них назывались: классово чуждое происхождение и моральное разложение, засоренность войск, семейные раздоры, пьянство, неустойчивость и неуравновешенность характера, нечуткое и невнимательное отношение, боязнь ответственности⁷. В этот период высокой была доля суицидов среди лиц начсостава. По Морским силам Балтийского моря в 1932 г. 80% суицидов приходилось на начсостав⁸.

В 1935 г. к выявлению мотивов стали подходить более дифференцированно. Так, на флоте основными причинами самоубийств назывались: «психические заболевания» (29,3%), «упаднические настроения на почве ссоры с семьей и ее необеспеченности» (17,6%), «ревность» (11,8%), «половое бессилие» (11,8%), «моральное разложение» (11,8%), «разоблачение принадлежности к социально-чуждым элементам» (5,9%), «неправильная дисциплинарная практика» (5,9%), «симуляция» (5,8%)⁹.

³ РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 67

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1с. Д. 8. Л. 6

⁵ РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 101.

⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3475. Л. 77-81

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 21. Д. 1. Л. 1

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3491. Л. 11

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3496. Л. 27об.-29об.

К 1940 г. выявленные причины самоубийств в РККА серьезно изменились (таблица 2). Среди самоубийц представители среднего, старшего и высшего начсостава составляли 30%, младшего начсостава 16,2%, рядового — 53,8%. Среди военнослужащих, покончивших самоубийством, члены и кандидаты в члены ВКП (б) составляли 12,3%, члены ВЛКСМ — 30,4%¹⁰.

Таблица 2

Причины самоубийств в РККА¹¹ (1940 г.)

Боязнь ответственности	17,2%
Болезнь	13,8%
Протест против воинской дисциплины	10,7%
Морально-бытовое разложение	8,2%
Семейные неурядицы	5,2%
Незаконные действия начальников и нечуткое отношение	3,7%

Основная масса уголовных дел по фактам суицида прекращалась. К ответственности по ст. 141 УК представители комначсостава не привлекались.

Обсуждение проблем суицидов военным руководством в ходе заседаний военных советов демонстрирует отсутствие системного комплексного подхода к изучению данного явления. Командование оперировало отдельными фактами и рассматривало их как результат недостатков в воспитательной и политической работе; стремление уклониться от несения военной службы¹².

В марте 1941 г. Прокурор СССР В. Бочков выделял следующие недостатки по делам о самоубийствах в РККА: «1. В значительном количестве случаев, лица привлеченные к ответственности за преступления и серьезные проступки, не отстранялись от несения караульной службы... 2. Зарегистрирован ряд фактов, когда причиной самоубийства являлся перегиб в “проработке” провинившегося... 3. В отдельных случаях толкали на самоубийство явно незаконные действия начальников. Сюда, например, можно отнести провокационные методы проверки бдительности часовых... 4. К молодым ... командирам предъявлялись со стороны командования повышенные требования... 5. Зарегистрированы десятки случаев бездушного отношения отдельных командиров и врачей к больным красноармейцам... 6. В ряде случаев самоубийства совершались военнослужащими в состоянии пьяного раздражения... 7. Одной из причин многочисленных случаев самоубийства среднего начальствующего состава является бытовое разложение. Подчас на самоубийство толкает половая распущенность, запутанность в связях с несколькими женщинами»¹³.

В период Великой Отечественной войны борьба с суицидами в армии оставалась актуальной. Судить о распространенности данного явления не представляется возможным ввиду секретности статистики. Можно предположить, что вследствие изменившихся условий выросло и количество самоубийств.

Сроки следствия по этим делам стали признаваться удовлетворительными. Но качество следствия оценивалось как оставляющее «желать лучшего». Военные следователи не проверяли все версии (самоубийство, убийство, несчастный случай), не устанавливали причины,

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152

¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152, РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 66

¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 590-597, Л. 628-633

¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 889. Л. 156

мотивы. Это связывалось с тем, что «...большинство военных следователей... смотрят на следствие... как на необходимую формальность». Осмотр мест происшествия производился «нецелеустремленно, поверхностно»¹⁴.

Анализ причин этих преступлений производился традиционно. Например, выделялись следующие: «боязнь ответственности», «морально-бытовое разложение», «ревность к женщине», «нервно-психические заболевания», «оскорбление и неосновательное подозрение со стороны начальника»¹⁵. Выделялись и региональные причины. Например, в Ленинграде: «малодушие в борьбе с переживаемыми трудностями в условиях блокады»¹⁶.

В качестве примера можно привести дело лейтенанта 103-го погранполка М., который свел счеты с жизнью 21.07.1944 г. в п. Нижние Оселки выстрелом из пистолета «ТТ» в голову. «Произведенным по данному делу следствием установлено, что лейтенант М. в конце июля 1944 г., будучи в г. Выборге, при выполнении оперативного задания имел намерение присвоить себе трофейный велосипед и другие вещи. С 6 по 20.07.1944 г. М. был прикомандирован для усиления работы в стрелковом взводе, где часто появлялся в нетрезвом виде, систематически вращался среди малоизвестных ему женщин. 15.07.1944 г. привел не знакомых ему женщин в расположение взвода, которых оставил у себя ночевать. 20.07.1944 г. л-т М. получил приказ принять пулеметный взвод и нести службу на КПП. В этот день М. явился на КПП в нетрезвом состоянии, где в присутствии окружающих его людей выражался нецензурными словами. В тот же день М. познакомился с гр-кой Д., проживавшей в п. Нижние Оселки, был у нее на квартире, предлагал ей сожительство с ним и грозил пистолетом, предупреждая, если она будет жить с кем-либо другим, то он ее застрелит. Лейтенант М. из имеющегося у него пистолета “ТТ” неоднократно открывал стрельбу по крысам. 21.07.1944 г. днем М., переходя дорогу в расположении взвода, увидел крысу, тут же вынул пистолет из кобуры, взвел курок и погнался за ней, но крыса скрылась в траве. Последний, не спуская курка, пистолет положил в кобуру. После этого М. и командир пулеметного взвода ст. л-т Л. пошли завтракать, где выпили по 100 гр. спирта. Когда М. выпил спирт, то поцеловал дно кружки и, обращаясь к Л., сказал: “Ну теперь встретимся на том свете и выпьем”. Ст. лейтенант Л. какого-либо значения этим словам М. не придавал. После завтрака М., оставшись у кухни, где с группой бойцов взвода шутил, в процессе шуток вынул из кобуры пистолет и со словами “вот моя мать, отец, брат и Маруся” выстрелил себе в голову». Таким образом, следствие по этим делам превращалось просто в реконструкцию и описание событий, предшествовавших самоубийству.

В послевоенный период ситуация с суицидами в вооруженных силах продолжала беспокоить руководство. В первые послевоенные годы среди самоубийц отмечалась высокая доля офицерского состава (44,4%), членов ВКП(б) и ВЛКСМ (55,5%)¹⁷. Следственная практика демонстрировала, что в 1950 г. среди самоубийц преобладали рядовые солдаты в возрасте 21—23 лет. Среди основных причин самоубийств и покушений на самоубийство традиционно преобладали: боязнь ответственности за совершенные преступления, «романическая почва», «в связи с различными заболеваниями», «по причине отказа в приеме в кандидаты ВКП(б)», «нежелание служить в Советской Армии», морально-бытовое разложение. Военные прокуроры требовали от командования отказаться от практики запугивания преданием

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 23. Л. 24об.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 9260. Оп. 1. Д. 26. Л. 151, 179

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 9260. Оп. 1. Д. 9. Л. 115

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 9262. Оп. 1. Д. 25. Л. 22-29

суду трибунала подчиненных и внимательнее относиться к жалобам солдат на состояние здоровья¹⁸.

Качество следствия продолжало критиковаться. Например, 11.02.1952 г. военный прокурор К. заявил: «Эти дела расследуются плохо, военные следователи, а также их помощники не умеют их расследовать»¹⁹. По-прежнему отмечалась масса недостатков следствия. Например, «необоснованное переложение расследования дел о самоубийствах на органы дознания». Военные следователи этими делами «не интересовались и на места происшествий не выезжали». Более половины дел расследовалась дознавателями. По-прежнему отмечался неумелый осмотр места происшествия. Сохранялись неточные и неясные формулировки вопросов при назначении экспертизы. Делались необоснованные выводы²⁰.

В сентябре 1949 г. Главный Военный Прокурор в директиве № с/001225 отметил, что «...военные следователи и прокуроры выявление причин и мотивов самоубийств сводили только к изучению личности самоубийц», оставляли в стороне выяснение обстановки и условий, порождающих эти явления. В результате «...лица, виновные в бездушно-бюрократическом отношении к людям... оставались безнаказанными».

Главный военный прокурор требовал исправить ситуацию. Но военные следователи и прокуроры «...не принимали мер к обеспечению полноты и всесторонности расследования». В качестве примера можно привести дело о самоубийстве слушателя Сартовальской школы усовершенствования офицерского состава войск МГБ капитана П., который застрелился 7.09.1950 г. в комнате культпросветработы школы из пистолета «ТТ». С 7 по 13.09.1950 г., не возбуждая дела, расследование производил ст. следователь контрразведки, а 18.09.1950 г. эти материалы были направлены к ВП в/МВД КФ ССР. Почти через месяц, 13.10. 1950 г. военный следователь ВП лейтенант Х. вынес постановление о возбуждении дела и принятии его к своему производству, указав в нем, что мотивы самоубийства не известны и необходимо произвести расследование. После этого он продержал это дело у себя в течение 3 суток и, не производя никаких следственных действий, прекратил его 15.10. 1950 г., записав в постановлении следующий вывод: «На основании собранного материала по делу установлено, что мотивами к самоубийству капитана П. явились ряд болезней, которыми он болел, в силу чего он пришел к МНИМОМУ убеждению, что не сможет сдать экзамены и не может быть СПОСОБНЫМ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ»²¹.

Информационные письма Главной военной прокуратуры в 1952 и 1953 гг. констатировали отсутствие положительных изменений по этим делам²².

Выводы

Изучение исторического опыта борьбы с суицидами может предотвратить повторение ошибок прошлого. Советский опыт показывает, что наличие нормы об уголовной ответственности является весьма слабым сдерживающим фактором суицидального поведения военнослужащих.

Анализ динамики самоубийств демонстрирует влияние внутривойсковых (проведение политико-правовых кампаний) и внешнеполитических (объявление военных действий) факторов на это явление.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 56. Л. 44

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 70. Л. 6

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 21. Д. 146. Л. 147

²¹ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 63. Л. 41-44

²² ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 23. Д. 224. Л. 20

Следствие по делам о суицидах военнослужащих в 1930—1950-е гг. оставалось примерно на одном уровне. Основными причинами этого являлись низкий уровень подготовки военных следователей и отсутствие у них стимулов для качественного проведения следствия. Данная категория дел ими оценивалась как «не перспективная». Соответственно следствие по ним проводилось поверхностно. Его основная цель состояла в прекращении уголовного дела, а не в выявлении основных причин, мотивов и факторов суицида.

Литература

1. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2018 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
2. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2019 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
4. Борисов Л. Суицид в уголовно-исполнительной системе: проблема или миф? // Преступление и наказание. 2007. № 10. С. 10–11.
5. Борисоник Е.В., Любов Е.Б. Клинико-психологические последствия суицида для семьи жертвы [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 3. С. 25–41. doi:10.17759/cpp.2016240303
6. Брусенцов С.Г., Лоба В.Е. Проблема суицида в российской армии: история, причины, методы предотвращения // Военная мысль. 2013. № 7. С. 37–44.
7. Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной Армии 1920—1934 гг. М.: МПГУ, 2020. 444 с.
8. Вихристюк О.В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2013. № 1. С. 100–108. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2013_n1/58059 (дата обращения: 12.04.2024).
9. Гилинский Я.И., Румянцева Г.А. Основные тенденции динамики самоубийств в России // Петербургская социология. 1997. № 1. С. 60–77.
10. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. С. 1–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63783 (дата обращения: 12.04.2024).
11. Дюндик Ю.Н. Правовые и педагогические аспекты военной суицидологии // Право и образование. 2005. № 1. С. 105–121.
12. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб: Диалект, 2004. 480 с.
13. Жарков В.В. РККА в 30-е гг. XX века: проблемы воинской дисциплины // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 240–245.
14. Журавлева Т.В. Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 35–49. doi:10.17759/psylaw.2018080203

15. Казберов П.Н. Проявления суицидов среди личного состава // Преступление и наказание. 2013. № 8. С. 6–7.
16. Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 108–119. doi:10.17759/psylaw.2020100308
17. Пичиков А.А., Попов Ю.В. Проблемы профилактики суицидального поведения у подростков: нарративный обзор литературы [Электронный ресурс] // Consortium Psychiatricum. 2022. Том 3. № 2. С. 5–13. doi:10.17816/CP166
18. Розанов В.А. Самоубийства в вооруженных силах — суицидологический анализ [Электронный ресурс] // Суицидология. 2020. Том 11. № 4 (41). С. 56–75. doi:10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-56-75
19. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415
20. Сенкевич Л.В., Донцов Д.А., Донцова М.В., Сокуренок М.Б., Павлова А.В., Пятаков Е.О. Представления о поведении в критических ситуациях в качестве суицидального фактора в юности [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2015. Том 12. № 3. С. 33–41. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n3/Senkevich_Dontsov_et_al (дата обращения: 12.04.2024).
21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

References

1. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossii, 2018 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
2. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossii, 2019 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
3. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossiiskoi Federatsii, 2021 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
4. Borisov L. Suitsid v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: problema ili mif? *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2007, no. 10, pp. 10–11. (In Russ.).
5. Borisonik E.V., Lyubov E.B. Kliniko-psikhologicheskie posledstviya suitsida dlya sem'i zhertvy [Clinical and psychological consequences for the families of suicide victim] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 25–41. doi:10.17759/cpp.2016240303 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Brusentsov S.G., Loba V.E. Problema suitsida v rossiiskoi armii: istoriya, prichiny, metody predotvrashcheniya. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2013, no. 7, pp. 37–44. (In Russ.).
7. Bushueva T.S. Obshchestvennye nastroyeniya v Krasnoi Armii 1920—1934 gg. Moscow: MPGU Publ., 2020. 444 p. (In Russ.).
8. Vikhristyuk O.V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na suitsidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnykh istochnikov) [Impact of Mass-media information on suicidal behavior of adolescents and youths (review of foreign sources)] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2013. Vol. 2, no. 1, pp. 100–108. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2013_n1/58059 (Accessed 12.04.2024) (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Gilinskiy Ya.I., Rumyantseva G.A. Osnovnye tendentsii dinamiki samoubiistv v Rossii. *Peterburgskaya sotsiologiya = Peterburgskaya Sotsiologiya*, 1997, no. 1, pp. 60–77. (In Russ.).
10. Debolsky M.G., Matveeva I.A. Suitsidal'noe povedenie osuzhdennykh, podozrevaemykh i obvinyaemykh v mestakh lisheniya svobody [Suicidal behavior of convicted, suspects and accused in penitentiary institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 1–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63783 (Accessed 12.04.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Dyundik Yu.N. Pravovye i pedagogicheskie aspekty voennoi suitsidologii. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2005, no. 1, pp. 105–121. (In Russ.).
12. Efremov V.S. Osnovy suitsidologii. Saint Petersburg: Dialekt, 2004. 480 p. (In Russ.).
13. Zharkov V.V. RKKa v 30-e gg. XX veka: problemy voinskoj distsipliny [The Red Army in the 30-s of the XX-th Century: Problems of Military Discipline]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2010, no. 1, pp. 240–245. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Zhuravleva T.V. Suitsid — osoznanniy vybor smerti: filosofskie i psikhologicheskie aspekty problem [Suicide — the conscious choice of death: the philosophical and psychological aspects of the problem] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 35–49. doi:10.17759/psylaw.2018080203 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Kazberov P.N. Proyavleniya suitsidov sredi lichnogo sostava. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2013, no. 8, pp. 6–7. (In Russ.).
16. Korsakov K.V. Suitsid v fokuse kriminologicheskoi nauki [Suicide in the Focus of Criminology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 108–119. doi:10.17759/psylaw.2020100308 (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Pichikov A.A., Popov Yu.V. Problemy profilaktiki suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov: narrativnyi obzor literatury [Problems with Suicidal Behavior Prevention in Adolescents: a Narrative Literature Review] [Elektronnyi resurs]. *Consortium Psychiatricum*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 5–13. doi:10.17816/CP166 (In Engl., abstr. in Russ.).
18. Rozanov V.A. Samoubiistva v vooruzhennykh silakh — suitsidologicheskii analiz [Suicides in the armed forces - a suicidological analysis] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2020. Vol. 11, no. 4 (41), pp. 56–75. doi:10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-56-75 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psikhologicheskaya otsenka suitsidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuitsidal'nykh lichnostnykh faktorov [Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415 (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Senkevich L.V., Dontsov D.A., Dontsova M.V., Sokurenko M.B., Pavlova A.V., Pyatakov E.O. Predstavleniya o povedenii v kriticheskikh situatsiyakh v kachestve suitsidal'nogo faktora v yunosti [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 33–41. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n3/Senkevich_Dontsov_et_al (Accessed 12.04.2024). (In Russ.).
21. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline. Moscow: ROSSPEN, 2008. 464 p. (In Russ.).

Шкаревский Д.Н.
Следствие по делам о самоубийствах
военнослужащих в 1930—1950-е годы
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 150–160

Shkarevsky D.N.
The Investigation of Military
Suicides in the 1930—1950 s.
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 150–160

Информация об авторах

Шкаревский Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель, 53 кафедра (ментальной безопасности), Военный университет имени князя Александра Невского (Военный университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

Information about the authors

Denis N. Shkarevsky, PhD in History, Docent, Senior Lecturer, Department 53 (Mental Security), Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

Получена 15.04.2024
Принята в печать 04.08.2024

Received 15.04.2024
Accepted 04.08.2024

Зарубежные исследования нейропсихологических и биологических основ агрессивного поведения

Шипкова К.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБОУ «НМИЦП и Н им. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>, e-mail: karina.shipkova@gmail.com

Шпорт С.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБОУ «НМИЦП и Н им. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-4121>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБОУ «НМИЦП и Н им. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Статья посвящена обзору современных зарубежных исследований нейропсихологических и биологических основ агрессивного поведения. Проанализированы данные эмпирических исследований о связи эволюции и инволюции агрессивного поведения с уровнем нейрокогнитивного функционирования индивидуума. Обсуждена специфичность нейропсихологической картины регуляторного дефицита у лиц, склонных к реактивной и проактивной агрессии. Освещен вопрос о роли мнестических нарушений в формировании агрессивного поведения. Представлены констелляции когнитивного, поведенческого и нейродинамического дефицита у лиц, склонных к разным типам агрессии. Обоснована значимость результатов исследования для понимания структурных компонентов управляющих функций. Описаны биологические основы агрессивного поведения и влияние агрессивной среды на формирование агрессивного паттерна поведения. Обозначена перспективность исследований взаимовлияния факторов, способствующих формированию агрессивного поведения и вариантов нейропсихологических синдромов нарушения управляющих функций.

Ключевые слова: агрессивное поведение, факторы агрессии, реактивная агрессия, проактивная агрессия, нейрокогнитивное функционирование, регуляторные функции, мозговые основы агрессии.

Для цитаты: Шипкова К.М., Шпорт С.В., Булыгина В.Г. Зарубежные исследования нейропсихологических и биологических основ агрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 161–175. DOI:10.17759/psylaw.2024140411

Foreign Studies of the Neuropsychological and Biological Bases of Aggressive Behavior

Karine M. Shipkova

V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>, e-mail: karina.shipkova@gmail.com

Svetlana V. Shport

V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-4121>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Vera G. Bulygina

V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

The paper analyzes the data of empirical studies on the relationship between the evolution and involution of aggressive behaviour and the level of neurocognitive functioning. The specificity of the neuropsychological picture of regulatory dysfunction in individuals prone to reactive and proactive aggression is discussed. The article raises the question of the role of memory disorders in the evolution of aggressive behaviour. The paper presents constellations of cognitive, behavioural and neurodynamic deficits in individuals vulnerable to different types of aggression. The review shows that the significance of the research results in understanding the structural components of executive functions is substantiated. The paper describes the biological basis of aggressive behaviour and the influence of an aggressive environment on the occurrence of aggressive behaviour. The article indicates prospects of studying the interaction between the factors affecting the prodrome of aggressive behaviour and types of neuropsychological syndromes of executive functions impairment.

Keywords: aggressive behavior, aggression factors, reactive aggression, proactive aggression, neurocognitive functioning, executive functions, brain basics of aggression.

For citation: Shipkova K.M., Shport S.V., Bulygina V.G. Foreign Studies of the Neuropsychological and Biological Bases of Aggressive Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 161–175. DOI:10.17759/psylaw.2024140411 (In Russ.).

Введение

Агрессия является формой конкурентного поведения [8; 14; 43; 49]. Уровень социальной агрессии ухудшает качество жизни и благополучие общества на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. На данный момент в психологии нет полноты понимания механизмов, лежащих в основе агрессивного и асоциального поведения [2; 18], хотя растущий объем научных данных показывает, что насилие связано с экологическим («загрязненная» социальная среда) [23], эндогенным (пренатальная патология, заболевания нервной системы) [28], экзогенным (химические зависимости), социо-психологическим (физические наказания, отторжение от матери, остракизм и др.) [11; 30; 47], генетическим факторами [3; 17] и когнитивным уровнем индивидуума [35].

Понимание нейропсихологических механизмов социальной агрессии и ее биологических основ углубляет представления о природе агрессии и способствует разработке психологиче-

ских подходов к коррекции агрессивного поведения [26; 45; 50]. В связи с этим целью работы был обзор зарубежных исследований нейропсихологических и нейробиологических аспектов поведенческой регуляции у лиц с социально агрессивным поведением и специфики нейропсихологической симптоматики у лиц с разными типами агрессии.

Реактивная и проактивная агрессия

В зависимости от того, есть ли у субъекта возможность планирования и предвидения исхода агрессивного действия, основанного на апперцептивном опыте (прошлом опыте субъекта), агрессия может принимать форму реактивной (импульсивной) (impulsive aggression) или проактивной агрессии (преднамеренной, инструментальной) (premeditated aggression) [25]. При реактивной агрессии действие опережает его осмысление. Ее триггерами становятся, как правило, ситуации социальной угрозы, провокации и фрустрации, а определяющей характеристикой — неконтролируемые проявления гнева в ответ на провокацию [6; 8; 23]. В случаях импульсивного реагирования индивидуум действует спонтанно под влиянием вспышки гнева, зачастую без глубокого анализа контекста ситуации и возможных негативных последствий совершаемых действий, что имеет сходство с поведением лиц с психопатическими расстройствами. При проактивной агрессии, наоборот, действия направлены на подавление другой стороны конфликта физически, морально или эмоционально с предварительным тщательным планированием хода действий [52]. У человека могут обнаруживаться оба типа агрессивного поведения одновременно с доминированием какого-то одного типа.

Эволюция или инволюция агрессивного поведения на протяжении жизненного пути человека зависит во многом от уровня его нейрокогнитивного функционирования. У детей с низкими показателями нейрокогнитивной агрессии сохраняется в дальнейших возрастных периодах, с высокими — снижается по мере взросления [35]. Агрессия отрицательно влияет на протекание когнитивных процессов. Эмоция гнева ослабляет возможность целенаправленной обработки информации, чем способствует повышению частоты совершения импульсивных ошибок при выполнении вербальных и двигательных задач [6; 36]. Это дало основание рассматривать результаты тестов на когнитивные способности в качестве более точных предикторов асоциального поведения, чем личностные характеристики индивидуума [41], что подтверждается высокой статистикой агрессии у лиц с интеллектуальным снижением [44]. Однако тезис о первичности когнитивной дефицитарности в формировании агрессивного поведения нуждается в более глубокой содержательной проработке, так как остается неясным, агрессия ли влияет на уровень когнитивного функционирования или первичная когнитивная дефицитарность, вызванная слабостью тормозных процессов [2], формирует агрессивный паттерн поведения.

Специфика управляющих функций у лиц, склонных к реактивной и проактивной агрессии

В большинстве нейропсихологических исследований агрессия трактуется как расстройство внутри замкнутой системы управляющих (исполнительных) функций (executive functions) [8; 15-17; 31; 42].

Управляющими функциями обозначаются модели действий, которые позволяют индивидууму в результате проведения предварительного анализа непосредственных и отсроченных последствий альтернативных вариантов реагирования и выбора наиболее продуктивного решения обеспечить высокий социальный результат совершаемых действий [5]. Исполнительные функции рассматриваются как сложные многокомпонентные процессы, которые вклю-

чают когнитивный контроль в ходе планирования и организации действий; мониторинг последовательности реакций [7]; распределенное внимание; абстрактное мышление; регуляцию, включая процессы торможения [23; 48]. Такое представление о компонентах исполнительных функций отражено в описании нейропсихологической картины расстройств поведения, где в качестве центральной составляющей мозговой основы поведенческой регуляции рассматриваются префронтальные отделы коры [2]. Симптомокомплекс клинико-психологической картины расстройств, формирующейся при повреждении префронтальной коры, выражается в нарушении: 1) использования усвоенных знаний для регуляции поведения; 2) саморегуляции; 3) самоконтроля; 4) способности усваивать новые или изменять старые поведенческие установки (интеллектуальной инертности); 5) выполнения поведенческих программ; 6) эмоциональной реактивности вплоть до апатии. Таким образом, нейропсихологическая картина нарушений включает интеллектуальную и поведенческую инертность, расстройство регуляции и контроля поведения, включая интеллектуальную деятельность и эмоциональную регуляцию.

Рассмотрение структурных компонентов управляющих функций как однопорядковых по отношению друг к другу создает значительные трудности в понимании того, какие из этих компонентов являются ведущими, а какие их производными. Напротив, дифференциация первичной и вторичной симптоматики внутри компонентов управляющих функций, а именно того психического процесса, расстройством которого является центральным в данном конкретном случае (процессы торможения, внимание, память, мышление, эмоциональная регуляция и др.) и, как правило, более выраженным в сравнении с другими, позволила бы выделить варианты синдрома нарушений управляющих функций, ассоциированных с разными топическими фокусами повреждения мозговых структур, а не только префронтальных отделов мозга, обеспечивающих протекание управляющих функций.

Трехфакторная модель управления поведением («full three-factor» model), построенная на анализе клинических случаев нарушения управляющих функций у пациентов с локальными поражениями мозга, выделяет ключевые симптомы, свойственные для расстройств исполнительных функций. Факторная модель в определенной степени позволяет провести дифференциацию первичной и вторичной симптоматики и выделяет триаду нейропсихологических симптомов, характеризующих дефицит управляющих функций: 1) трудность переключения с одной задачи на другую (shifting); 2) слабость фиксации в рабочей памяти текущей информации и ее обновление в соответствии с настоящим моментом события (updating); 3) ослабление подавления импульсивной реактивности (inhibition) [34]. Дисфункциональное состояние любого компонента триады управляющих функций формирует цепной эффект деструктивного воздействия на другие компоненты [12; 20]. Например, дефицит тормозных процессов снижает возможность коррекции поведения при изменении контекста конфликтной ситуации, ослабляет торможение импульсивных реакций и прогнозирование последствий, чем создаются значительные трудности в разрешении конфликта и повышается риск агрессивной траектории совершаемых действий.

Уровень сформированности компонентов управляющих функций, как показывают исследования, во многом предопределяет доминирующий тип агрессивного реагирования индивида. Для агрессивных лиц с высоким уровнем самоконтроля и подвижности психических процессов, т. е. низким уровнем инертности, характерна высокая частота инструментальной агрессии; для склонных к реактивной агрессии — недостаточность контроля тормозных процессов и когнитивная ригидность, затрудняющая, но не блокирующая анализ альтернативных вариантов поведения [21], а также снижение прочности сохранения следа в памяти [29].

Ослабление рабочей памяти у агрессивных лиц создает трудность встраивания текущего события в единый временной континуум и фиксацию хронотопа событий, поэтому у индивидуума снижается способность соотнесения текущей ситуации и ее последствий с подобной в прошлом опыте [10]. Это, в частности, подтверждается высокой статистикой рецидивов агрессии у лиц с травматическим повреждением височных долей мозга и нарушением памяти [33]. Как показывают исследования, ослабление рабочей памяти в значительной степени затрудняет фиксацию отрицательного опыта и возможность его привлечения при оценке текущего конфликта, чем ослабляется поведенческий контроль за ситуацией и одновременно повышается вероятность инертного воспроизведения прежнего поведенческого стереотипа, т. е. импульсивной агрессии [17]. Таким образом, агрессивное поведение представляет системное нарушение управляющих функций.

Между лицами, склонными к реактивной и проактивной агрессии, не выявляется существенной разницы в общем когнитивном и поведенческом функционировании [49], за исключением нейродинамических характеристик управляющих функций — более высокой скорости ответных реакций у лиц, склонных к импульсивной агрессии [27]. Это указывает, что склонность к определенному типу агрессивного поведения предопределяется специфической констелляцией когнитивного, поведенческого и нейродинамического дефицита [24]. У лиц с реактивной агрессией — это слабость следовых процессов в сочетании с когнитивной ригидностью и поведенческой реактивностью, на фоне низкого уровня саморегуляции и прогноза последствий совершаемых действий [17]. Так как импульсивность и уровень развития вербальных навыков находятся в обратной зависимости [6], то у лиц, склонных к реактивной агрессии, может затрудняться речевой контроль поведения. Представляется, что отсутствие различий в количественных показателях управляющих функций у лиц с разными типами агрессии при их наличии в отношении нейродинамических характеристик может объясняться лучшим контролем эмоции гнева («подавление реакции», *response inhibition*) у лиц, склонных к инструментальной агрессии.

Таким образом, у лиц склонных к импульсивной и инструментальной агрессии отмечаются разные констелляции в выраженности дефицитов в компонентах управляющих функций, а, значит, и разные варианты нейропсихологических синдромов их нарушений.

Биологические аспекты агрессивного поведения

В нейробиологии импульсивность рассматривается как дефицит контроля над поведением при наличии субъективно значимого вознаграждения [22]. Это означает, что импульсивность может быть проявлением дефицита как эмоционально-поведенческой, так и когнитивной регуляции. Особое внимание в анализе биологического аспекта агрессии уделяется роли неблагоприятной сенсорной среды в эволюции проявлений агрессивного поведения.

Как показывают исследования, риск совершения социально агрессивных действий, вплоть до насилия, наблюдается при повышенной активации структур лимбической системы, в частности миндалевидного тела [26; 43], ряда структур среднего мозга [52], передней поясной коры и снижении активации префронтальной коры (орбитофронтальных и вентромедиальных отделов лобных долей) [1; 4; 37; 40].

Повреждение лобных долей приводит к отсутствию контроля над импульсивностью и планированием поведения, к ослаблению интуиции, что отчетливо проявляется в случаях повреждения орбитальной коры с последующим формированием псевдопсихопатического синдрома — пренебрежение социальными нормами поведения и отсутствие страха наказания. Однако картина активации лобной коры у просоциальных и агрессивных лиц без мозговой

органической патологии показывает, что просмотр сцен насилия не выявляет различий в фокусах лобной активации [46], что входит в определенное противоречие с данными нейропсихологических исследований о симптомах лобных дисфункций у лиц, склонных к агрессии.

Не всегда социальная агрессия является отражением первичного мозгового дефицита, поэтому выявление факторов, влияющих на формирование дисфункционального состояния управляющих функций у лиц без органической патологии, является крайне важным [11; 32]. Традиционно снижение саморегуляции рассматривается в терминах нарушения взаимодействия между префронтальной корой и гиппокампом [19]. По данным исследований, это может обуславливаться как органической природой, так и другими причинами, например неблагоприятным воздействием средового фактора. Нахождение в среде с высоким уровнем агрессивности («загрязненной» среде) оказывает воздействие на мозг на структурном уровне — снижается объем серого вещества в левой передней поясной и нижней лобной извилине [13]. Это свидетельствует о том, что нарушение корково-подкоркового взаимодействия может вызываться как локальным повреждением мозга, так и опосредованно — неблагоприятной сенсорной средой. Накопление негативного эмоционального опыта в раннем детстве отрицательно влияет на формирование в последующих возрастных периодах моторного контроля, речевых и мнестических процессов. Например, для детей, проживающих в среде с высоким уровнем агрессии, характерен низкий объем кратковременной памяти и импульсивность поведения [9]. А жестокое обращение с ребенком в детстве влияет на функционирование вентролатеральной префронтальной коры, степень активации которой в норме определяется остротой опасности; в дальнейшей жизни таких детей любая ситуация угрозы приводит к неадекватной оценке силы опасности и чрезмерной активации вентролатеральной коры, чем повышается риск реактивной агрессии.

Опыт насилия, пережитый в раннем детстве, влияет на оценку реальных и предполагаемых угроз в дальнейшей жизни и увеличивает вероятность проявления агрессии у индивидуума. Лица, склонные к реактивной агрессии и имеющие неблагоприятную историю детства (наблюдатель или участник ситуации насилия), обнаруживают повышенную возбудимость дорсолатерального периакведуктального серого вещества среднего мозга, активация которого ослабляет процессы торможения, что схоже с картиной мозговой активации у животных, находящихся в ситуации нападения на противника [39]. У лиц с просоциальной историей детства в ходе социального взаимодействия активируется вентролатеральное периакведуктальное серое вещество среднего мозга, которое способствует усилению регуляторного контроля, сдерживанию агрессии и повышению возможности «замораживания» конфликта.

Заключение

Обзор литературы, касающийся нейропсихологических и нейробиологических механизмов агрессивного поведения, подчеркивает ведущую роль управляющих функций в регуляции агрессии. Дисфункциональность исполнительных функций, как показывают исследования, предрасполагает к формированию агрессивного паттерна поведения и на нейропсихологическом уровне он проявляется в трудностях адекватной оценки ситуации, планировании способов ее социально приемлемого разрешения с предвосхищением результата и одновременным торможением импульсивной реактивности. Слабость тормозных процессов ограничивает возможность коррекции поведения при изменении контекста ситуации, прогнозировании последствий совершаемых действий, чем повышается вероятность необдуманных импульсивных действий. Усиление произвольной реактивности затрудняет контроль эмоций, включая гнев, частая подверженность которому у субъекта отрицательно влияет на фикса-

цию в памяти прежнего опыта, вследствие чего отрицательный опыт не оказывает сильного влияния на последующие жизненные события. Это во многом способствует повышению риска рецидивов агрессивной траектории разрешения конфликта.

Для лиц, склонных к импульсивной агрессии, характерна когнитивная ригидность, затрудняющая оценку альтернативных вариантов поведения. Лица, склонные к инструментальной агрессии, напротив, характеризуются высоким уровнем самоконтроля и подвижности психических процессов и большим латентным временем ответа, но в силу большей продуманности и изощренности содержания поступков значительно повышается степень их социальной опасности.

Подверженность агрессивному поведению имеет разную линию эволюции в зависимости от сформированности нейрокогнитивных функций, под которыми понимается нейрональная основа когнитивных функций, отражающая системную связь между сформированностью высшей психической функции и ее мозгового субстрата. У лиц с низкими показателями нейрокогнитивного функционирования агрессия имеет тенденцию к сохранению в последующих жизненных периодах.

Формирование социальной агрессии не всегда обусловлено первичным мозговым дефицитом и может быть результатом неблагоприятного влияния средового фактора, длительность воздействия которого в ранние возрастные периоды приводит к структурным изменениям в передних лобных и стволовых отделах мозга, а также структурах лимбической системы.

Появляется больше свидетельств функциональных различий в структурах мозга у лиц, совершивших насильственные действия, по сравнению с лицами с просоциальным поведением. Предполагается, что гипофункция префронтальной коры ослабляет торможение и контроль над подкорковыми структурами, такими как миндалевидное тело, что предрасполагает к агрессивному сценарию поведения, характеризующемуся импульсивностью.

Дальнейшие исследования агрессивного поведения должны ответить на ряд вопросов: имеется ли линейная зависимость между динамикой нейрокогнитивного статуса лиц, склонных к агрессии, и выраженностью ее проявлений; есть ли различия в ведущем нейропсихологическом симптоме у лиц со склонностью к импульсивной и реактивной агрессии; обратимы ли структурные изменения в мозге, возникающие в результате неблагоприятного воздействия средового фактора; может ли моделирование сенсорной среды, направленное на регуляцию эмоциональной и поведенческой реактивности, снижать риск рецидивов асоциального поведения.

Литература

1. Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д., Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е. Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 110–126. DOI:10.17759/psylaw.2023130209
2. Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В. Вертикальный вектор мозговой организации отклоняющегося поведения: от нейродинамических дисфункций к регуляторным [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227. DOI:10.17759/psylaw.2023130315
3. Шипкова К.М., Довженко Т.В. Нейрокогнитивные корреляты биполярного аффективного расстройства [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 5. С. 30–38. DOI:10.47877/1560-957X-2022-10503

4. *Alcázar-Córcoles M.A., Verdejo-García A., Bouso-Saiz J.C., Bezos-Saldaña L.* Neuropsychology of impulsive aggression // *Revista de Neurologia*. 2010. Vol. 50(5). P. 291–299.
5. *Barkley R.A.* The Executive Functions and Self-Regulation: An Evolutionary Neuropsychological Perspective // *Neuropsychology Review*. 2001. Vol. 11(1). P. 1–29. DOI:10.1023/a:1009085417776
6. *Barratt E.S., Stanford M.S., Kent T.A., Felthous A.* Neuropsychological and cognitive psychophysiological substrates of impulsive aggression // *Biological Psychiatry*. 1997. Vol. 41(10). P. 1045–1061. DOI:10.1016/s0006-3223(96)00175-8
7. *Bartholow B.D.* The aggressive brain: insights from neuroscience // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 60–64. DOI:10.1016/j.copsy.2017.04.002
8. *Bertsch K., Florange J., Herpertz S.C.* Understanding Brain Mechanisms of Reactive Aggression // *Current Psychiatry Reports*. 2020. Vol. 22(12). DOI:10.1007/s11920-020-01208-6
9. *Bogliacino F., Grimalda G., Ortoleva P., Ring P.* Exposure to and recall of violence reduce short-term memory and cognitive control // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017. Vol. 114(32). P. 8505–8510. DOI:10.1073/pnas.1704651114
10. *Broomhall L.* Acquired sociopathy: A neuropsychological study of executive dysfunction in violent offenders // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2005. Vol. 12(2). P. 367–387. DOI:10.1375/pplt.12.2.367
11. *Boykina E.E.* Social Ostracism and minors' antisocial behavior // *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2023. Vol. 13(1). P. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130109
12. *Burgess J.* A brief review of the relationship of executive function assessment and violence // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. Vol. 54. DOI:10.1016/j.avb.2020.101414
13. *Butler O., Yang F., Laube C., Kühn S., Immordino-Yang M.H.* Community violence exposure correlates with smaller gray matter volume and lower IQ in urban adolescents // *Human Brain Mapping*. 2018. Vol. 39(5). P. 2088–2097. DOI:10.1002/hbm.23988
14. *Chen P., Hong W.* Neural Circuit Mechanisms of Social Behavior // *Neuron*. 2018. Vol. 98(1). P. 16–30. DOI:10.1016/j.neuron.2018.02.026
15. *Chester D.S.* Aggression as successful self-control // *Social and Personality Psychology Compass*. 2023. Vol. 18(2). DOI:10.1111/spc3.12832
16. *Chukhrii I., Zaplatynska A., Komar T., Melnyk Y., Liesnichenko N., Nemash L.* Neuropsychological approach to the problem of aggressive manifestations of personality // *Brain. Broad Research in Artificial Intelligence and Neuroscience*. 2021. Vol. 12(3). P. 11–24. DOI:10.18662/brain/12.3/217
17. *Cruz A.R., de Castro-Rodrigues A., Barbosa F.* Reprint of “Executive dysfunction, violence and aggression” // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. Vol. 51. DOI:10.1016/j.avb.2020.101380
18. *Da Cunha-Bang S., Frokjaer V.G., Mc Mahon B., Jensen P.S., Svarer C., Knudsen, G.M.* The association between brain serotonin transporter binding and impulsivity and aggression in healthy individuals // *Journal of Psychiatric Research*. 2023. Vol. 165. P. 1–6. DOI:10.1016/j.jpsychires.2023.06.023
19. *Dalley J.W., Robbins T.W.* Fractionating impulsivity: neuropsychiatric implications // *Nature Reviews. Neuroscience*. 2017. Vol. 18(3). P. 158–171. DOI:10.1038/nrn.2017.8
20. *Darby R.R.* Neuroimaging abnormalities in neurological patients with criminal behavior // *Current Neurology and Neuroscience Reports*. 2017. Vol. 18(8). DOI:10.1007/s11910-018-0853-3

21. *Dolan M., Anderson I.M.* Executive and memory function and its relationship to trait impulsivity and aggression in personality disordered offenders // *The Journal of Forensic Psychiatry*. 2002. Vol. 13(3). P. 503–526. DOI:10.1080/095851802100001945
22. *Fishbein D.* Neuropsychological function, drug abuse, and violence: a conceptual framework // *Criminal Justice and Behavior*. 2000. Vol. 27(2). P. 139–159. DOI:10.1177/0093854800027002001
23. *Gagnon J., Quansah J.E., Kim W.S.* When Aggression Is Out of Control: From One-Person to Two-Person Neuropsychology // *Inhibitory Control Training — A Multidisciplinary Approach* / S. Palermo, M. Bartoli (Eds.). 2020. DOI:10.5772/intechopen.89803
24. *Hanlon R.E., Brook M., Stratton J., Jensen M., Rubin L.H.* Neuropsychological and intellectual differences between types of murderers: Affective/impulsive versus predatory/instrumental (premeditated) homicide // *Criminal Justice and Behavior*. 2013. Vol. 40(8). P. 933–948. DOI:10.1177/0093854813479779
25. *Hutten J.C., van Horn J.E., Hoppenbrouwers S.S., Ziermans T.B., Geurts H.M.* Neuropsychological assessment of aggressive offenders: a Delphi consensus study // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1328839
26. *Jiang Y., Gao Y., Dong D., Sun X., Situ W., Yao S.* Brain anatomy in boys with conduct disorder: Differences among aggression subtypes // *Child Psychiatry and Human Development*. 2024. Vol. 55(1). P. 3–13 DOI:10.1007/s10578-022-01360-5
27. *Karlsson L.C., Soveri, A., Saarinen M., Weizmann-Henelius G.* The role of set-shifting ability in differentiating between subgroups of female violent offenders // *The Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2016. Vol. 27(5). P. 745–759. DOI:10.1080/14789949.2016.1152589
28. *Kim J.S.* Anger or aggression in stroke // *Neuropsychiatric manifestations in neurological diseases* / Kim J.S. (Ed.). Singapore: Springer, 2024. P. 33–43. DOI:10.1007/978-981-97-1821-4_3
29. *Kockler T.R., Stanford M.S.* Using a clinically aggressive sample to examine the association between impulsivity, executive functioning, and verbal learning and memory // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 2008. Vol. 23(2). P. 165–173. DOI:10.1016/j.acn.2007
30. *Martin C.P., Youngstrom E.A., Langfus J.A., Findling R.L., Youngstrom J.K., Van Eck K., Stepanova E., Young A.* Examining behavioral approach and inhibition to further characterize youth with impulsive aggression // *JAACAP Open*. 2023. Vol. 1(4). P. 263–273. DOI:10.1016/j.jaacop.2023.08.001
31. *Martin S., Zabala C., Del-Monte J., Graziani P., Aizpurua E., Barry T.J., Ricarte J.* Examining the relationships between impulsivity, aggression, and recidivism for prisoners with antisocial personality disorder // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 49. DOI:10.1016/j.avb.2019.07.009
32. *Meijers J., Harte J.M., Jonker F.A., Meynen G.* Prison brain. Executive dysfunction in prisoners // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. DOI:10.3389/fpsyg2015.00043
33. *Miles S.R., Hammond F.M., Neumann D., Silva M.A., Tang X., Kajankova M., Dillahunt-Aspillaga C., Nakase-Richardson R.* Evolution of Irritability, anger, and aggression after traumatic brain injury: identifying and predicting subgroups // *Journal of Neurotrauma*. 2021. Vol. 38(13). P. 1827–1833. DOI:10.1089/neu.2020.7451
34. *Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T.D.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000. Vol. 41(1). P. 49–100. DOI:10.1006/cogp.1999.0734
35. *Moffitt T.E.* Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behaviour: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100(4). P. 674–701.

36. *Ogilvie J.M., Stewart A.L., Chan R.C., Shum D.H.* Neuropsychological measures of executive functions and antisocial behavior: a meta-analysis // *Criminology*. 2011. Vol. 49(4). P. 1063–1107. DOI:10.1111/j.1745-9125.2011.00252.x
37. *Raam T., Hong W.* Organization of neural circuits underlying social behavior: A consideration of the medial amygdala // *Current Opinion in Neurobiology*. 2021. Vol. 6. P. 124–136. DOI:10.1016/j.conb.2021.02.008
38. *Raine A.* The neuromoral theory of antisocial, violent, and psychopathic behavior // *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 277. P. 64–69. DOI:10.1016/j.psychres.2018.11.025
39. *Roelofs K.* Freeze for action: neurobiological mechanisms in animal and human freezing // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2017. Vol. 372(1718). DOI:10.1098/rstb.2016.0206
40. *Rosell D.R., Siever L.J.* The neurobiology of aggression and violence // *CNS Spectrums*. 2015. Vol. 20(3). P. 254–279. DOI:10.1017/S109285291500019X
41. *Séguin J.R., Zelazo P.D.* Executive function in early physical aggression // *Developmental origins of aggression* / R.E. Tremblay, W.W. Hartup, J. Archer (Eds.). The Guilford Press, 2005. P. 307–329.
42. *Seruca T., Silva C.F.* Executive functioning in criminal behavior: Differentiating between types of crime and exploring the relation between shifting, inhibition, and anger // *The International Journal of Forensic Mental Health*. 2016. Vol. 15(3). P. 235–246. DOI:10.1080/14999013.2016.1158755
43. *Silk J.B.* The adaptive value of sociality in mammalian groups // *Philosophical Transactions in the Royal Society B: Biological Sciences*. 2007. Vol. 362(1480). P. 539–559. DOI:10.1098/rstb.2006.1994
44. *Smith J., Baksh R.A., Hassiotis A., Sheehan R., Ke C., Wong T.L.B., PETAL Investigators, Strydom A.* Aggressive challenging behavior in adults with intellectual disability: An electronic register-based cohort study of clinical outcome and service use // *European Psychiatry*. 2022. Vol. 65(1). DOI:10.1192/j.eurpsy.2022.2336
45. *Swanson L.W.* Cerebral hemisphere regulation of motivated behavior // *Brain Research*. 2000. Vol. 886(1-2). P. 113–164. DOI:10.1016/s0006-8993(00)02905-x
46. *Taubner S., Hauschild S., Wisniewski D., Wolter S., Roth G., Fehr T.* Neural response to aggressive and positive interactions in violent offenders and nonviolent individuals // *Brain and Behavior*. 2021. Vol. 11(12). DOI:10.1002/brb3.2400
47. *Teicher M.H., Samson J.A., Anderson C.M., Ohashi K.* The effects of childhood maltreatment on brain structure, function and connectivity // *Nature Reviews. Neuroscience*. 2016. Vol. 17(10). P. 652–666. DOI:10.1038/nrn.2016.111
48. *Tonnaer F., Cima M., Arntz A.* Executive (dys)functioning and impulsivity as possible vulnerability factors for aggression in forensic patients // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 2016. Vol. 204(4). P. 280–286. DOI: 10.1097/NMD.0000000000000485
49. *Van de Kant T.W., Boers S.F., Kempes M., Egger J.I.M.* Neuropsychological subtypes of violent behaviour: differences in inhibition between affective and instrumental violence // *Journal of Forensic Psychology*. 2020. Vol. 5(2). DOI:10.35248/2475-319X.19.5.158
50. *Vaughan E.P., Speck J.S., Frick P.J., Walker T., Robertson E.L., Ray J.V., Myers T.D.W., Thornton L.C., Steinberg L., Cauffman E.* Proactive and reactive aggression: Developmental trajectories and longitudinal associations with callous — unemotional traits, impulsivity, and internalizing emotions // *Development and Psychopathology*. 2024. Vol. 36(3). P. 1090–1098. DOI:10.1017/S0954579423000317

51. Weidler C., Habel U., Wallheinke P., Wagels L., Hofhansel L., Ling S., Blency J.A., Clemens B. Consequences of prefrontal tDCS on inhibitory control and reactive aggression // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2022. Vol. 17(1). P. 120–130. DOI:10.1093/scan/nsaa158
52. Zhu W., He L., Xia L.-X. The brain correlates of state proactive aggression // *Neuropsychology*. 2021. Vol. 36(3). P. 231–242. DOI:10.1037/neu0000791

References

1. Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D., Remeeva A.F., Lysenko N.E. Sovremennye issledovaniya neuronal'nykh osnov prinyatiya moral'nykh reshenii [Current Studies of The Neuronal Foundations of Moral Decision-Making] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 110–126. DOI:10.17759/psylaw.2023130209 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V. Vertikal'nyi vektor mozgovoi organizatsii otklonyayushchegosya povedeniya: ot neirodinamicheskikh disfunktsii k regulatorynym [Vertical Vector of Brain Organization of Deviant Behavior: from Neurodynamic Dysfunctions to Regulatory Ones] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227. DOI:10.17759/psylaw.2023130315 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Shipkova K.M., Dovzhenko T.V. Neirokognitivnye korrelyaty bipolyarnogo affektivnogo rasstroistva [Neurocognitive correlates of bipolar affective disorders] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2022, no. 5, pp. 30–38. DOI:10.47877/1560-957KH-2022-10503 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Alcázar-Córcoles M.A., Verdejo-García A., Bouso-Saiz J.C., Bezos-Saldaña L. Neuropsychology of impulsive aggression. *Revista de Neurologia*, 2010. Vol. 50, no. 5, pp. 291–299.
5. Barkley R.A. The Executive Functions and Self-Regulation: An Evolutionary Neuropsychological Perspective. *Neuropsychology Review*, 2001. Vol. 11, no. 1, pp. 1–29. DOI:10.1023/a:1009085417776
6. Barratt E.S., Stanford M.S., Kent T.A., Felthous A. Neuropsychological and cognitive psychophysiological substrates of impulsive aggression. *Biological Psychiatry*, 1997. Vol. 41, no. 10, pp. 1045–1061. DOI:10.1016/s0006-3223(96)00175-8
7. Bartholow B.D. The aggressive brain: insights from neuroscience. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 19, pp. 60–64. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.04.002
8. Bertsch K., Florange J., Herpertz S.C. Understanding Brain Mechanisms of Reactive Aggression. *Current Psychiatry Reports*, 2020. Vol. 22, no. 12. DOI:10.1007/s11920-020-01208-6
9. Bogliacino F., Grimalda G., Ortoleva P., Ring P. Exposure to and recall of violence reduce short-term memory and cognitive control. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2017. Vol. 114, no. 32, pp. 8505–8510. DOI:10.1073/pnas.1704651114
10. Broomhall L. Acquired sociopathy: A neuropsychological study of executive dysfunction in violent offenders. *Psychiatry, Psychology and Law*, 2005. Vol. 12, no. 2, pp. 367–387. DOI:10.1375/pplt.12.2.367
11. Boykina E.E. Social Ostracism and minors' antisocial behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130109 (In Engl., abstr. in Russ.).
12. Burgess J. A brief review of the relationship of executive function assessment and violence. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 54. DOI:10.1016/j.avb.2020.101414

13. Butler O., Yang F., Laube C., Kühn S., Immordino-Yang M.H. Community violence exposure correlates with smaller gray matter volume and lower IQ in urban adolescents. *Human Brain Mapping*, 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 2088–2097. DOI:10.1002/hbm.23988
14. Chen P., Hong W. Neural Circuit Mechanisms of Social Behavior. *Neuron*, 2018. Vol. 98, no. 1, pp. 16–30. DOI:10.1016/j.neuron.2018.02.026
15. Chester D.S. Aggression as successful self-control. *Social and Personality Psychology Compass*, 2023. Vol. 18, no. 2. DOI:10.1111/spc3.12832
16. Chukhrii I., Zaplatynska A., Komar T., Melnyk Y., Liesnichenko N., Nemash L. Neuropsychological approach to the problem of aggressive manifestations of personality. *Brain. Broad Research in Artificial Intelligence and Neuroscience*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 11–24. DOI:10.18662/brain/12.3/217
17. Cruz A.R., de Castro-Rodrigues A., Barbosa F. Reprint of “Executive dysfunction, violence and aggression”. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 51. DOI:10.1016/j.avb.2020.101380
18. Da Cunha-Bang S., Frokjaer V.G., Mc Mahon B., Jensen P.S., Svarer C., Knudsen, G.M. The association between brain serotonin transporter binding and impulsivity and aggression in healthy individuals. *Journal of Psychiatric Research*, 2023. Vol. 165, pp. 1–6. DOI:10.1016/j.jpsychires.2023.06.023
19. Dalley J.W., Robbins T.W. Fractionating impulsivity: neuropsychiatric implications. *Nature Reviews. Neuroscience*, 2017. Vol. 18, no. 3, pp. 158–171. DOI:10.1038/nrn.2017.8
20. Darby R.R. Neuroimaging abnormalities in neurological patients with criminal behavior. *Current Neurology and Neuroscience Reports*, 2017. Vol. 18, no. 8. DOI:10.1007/s11910-018-0853-3
21. Dolan M., Anderson I.M. Executive and memory function and its relationship to trait impulsivity and aggression in personality disordered offenders. *The Journal of Forensic Psychiatry*, 2002. Vol. 13, no. 3, pp. 503–526. DOI:10.1080/095851802100001945
22. Fishbein D. Neuropsychological function, drug abuse, and violence: a conceptual framework. *Criminal Justice and Behavior*, 2000. Vol. 27, no. 2, pp. 139–159. DOI:10.1177/0093854800027002001
23. Gagnon J., Quansah J.E., Kim W.S. When Aggression Is Out of Control: From One-Person to Two-Person Neuropsychology. In Palermo S., Bartoli M. (Eds.). *Inhibitory Control Training — A Multidisciplinary Approach*. 2020. DOI:10.5772/intechopen.89803
24. Hanlon R.E., Brook M., Stratton J., Jensen M., Rubin L.H. Neuropsychological and intellectual differences between types of murderers: Affective/impulsive versus predatory/instrumental (premeditated) homicide. *Criminal Justice and Behavior*, 2013. Vol. 40, no. 8, pp. 933–948. DOI:10.1177/0093854813479779
25. Hutten J.C., van Horn J.E., Hoppenbrouwers S.S., Ziermans T.B., Geurts H.M. Neuropsychological assessment of aggressive offenders: a Delphi consensus study. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1328839
26. Jiang Y., Gao Y., Dong D., Sun X., Situ W., Yao S. Brain anatomy in boys with conduct disorder: Differences among aggression subtypes. *Child Psychiatry and Human Development*, 2024. Vol. 55, no. 1, pp. 3–13 DOI:10.1007/s10578-022-01360-5
27. Karlsson L.C., Soveri, A., Saarinen M., Weizmann-Henelius G. The role of set-shifting ability in differentiating between subgroups of female violent offenders. *The Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2016. Vol. 27, no. 5, pp. 745–759. DOI:10.1080/14789949.2016.1152589
28. Kim J.S. Anger or aggression in stroke. In Kim J.S. (Ed.). *Neuropsychiatric manifestations in neurological diseases*. Singapore: Springer, 2024, pp. 33–43. DOI:10.1007/978-981-97-1821-4_3

29. Kockler T.R., Stanford M.S. Using a clinically aggressive sample to examine the association between impulsivity, executive functioning, and verbal learning and memory. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 2008. Vol. 23, no. 2, pp. 165–173. DOI:10.1016/j.acn.2007
30. Martin C.P., Youngstrom E.A., Langfus J.A., Findling R.L., Youngstrom J.K., Van Eck K., Stepanova E., Young A. Examining behavioral approach and inhibition to further characterize youth with impulsive aggression. *JAACAP Open*, 2023. Vol. 1, no. 4, pp. 263–273. DOI:10.1016/j.jaacop.2023.08.001
31. Martin S., Zabala C., Del-Monte J., Graziani P., Aizpurua E., Barry T.J., Ricarte J. Examining the relationships between impulsivity, aggression, and recidivism for prisoners with antisocial personality disorder. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 49. DOI:10.1016/j.avb.2019.07.009
32. Meijers J., Harte J.M., Jonker F.A., Meynen G. Prison brain. Executive dysfunction in prisoners. *Frontiers in Psychology*, 2015. Vol. 6. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00043
33. Miles S.R., Hammond F.M., Neumann D., Silva M.A., Tang X., Kajankova M., Dillahunt-Aspillaga C., Nakase-Richardson R. Evolution of Irritability, anger, and aggression after traumatic brain injury: identifying and predicting subgroups. *Journal of Neurotrauma*, 2021. Vol. 38, no. 13, pp. 1827–1833. DOI:10.1089/neu.2020.7451
34. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T.D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 2000. Vol. 41, no. 1, pp. 49–100. DOI:10.1006/cogp.1999.0734
35. Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behaviour: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 1993. Vol. 100, no. 4, pp. 674–701.
36. Ogilvie J.M., Stewart A.L., K. Chan R.C., Shum D.H. Neuropsychological measures of executive functions and antisocial behavior: a meta-analysis. *Criminology*, 2011. Vol. 49, no. 4, pp. 1063–1107. DOI:10.1111/j.1745-9125.2011.00252.x
37. Raam T., Hong W. Organization of neural circuits underlying social behavior: A consideration of the medial amygdala. *Current Opinion in Neurobiology*, 2021. Vol. 6, pp. 124–136. DOI:10.1016/j.conb.2021.02.008
38. Raine A. The neuromoral theory of antisocial, violent, and psychopathic behavior. *Psychiatry Research*, 2019. Vol. 277, pp. 64–69. DOI:10.1016/j.psychres.2018.11.025
39. Roelofs K. Freeze for action: neurobiological mechanisms in animal and human freezing. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2017. Vol. 372, no. 1718. DOI:10.1098/rstb.2016.0206
40. Rosell D.R., Siever L.J. The neurobiology of aggression and violence. *CNS Spectrums*, 2015. Vol. 20, no. 3), pp. 254–279. DOI:10.1017/S109285291500019X
41. Séguin J.R., Zelazo P.D. Executive function in early physical aggression. In Tremblay R.E., Hartup W.W., Archer J. (Eds.). *Developmental origins of aggression*. The Guilford Press, 2005, pp. 307–329.
42. Seruca T., Silva C.F. Executive functioning in criminal behavior: Differentiating between types of crime and exploring the relation between shifting, inhibition, and anger. *The International Journal of Forensic Mental Health*, 2016. Vol. 15, no. 3, pp. 235–246. DOI:10.1080/14999013.2016.1158755
43. Silk J.B. The adaptive value of sociality in mammalian groups. *Philosophical Transactions in the Royal Society B: Biological Sciences*, 2007. Vol. 362, no. 1480, pp. 539–559. DOI:10.1098/rstb.2006.1994

44. Smith J., Baksh R.A., Hassiotis A., Sheehan R., Ke C., Wong T.L.B., PETAL Investigators, Strydom A. Aggressive challenging behavior in adults with intellectual disability: An electronic register-based cohort study of clinical outcome and service use. *European Psychiatry*, 2022. Vol. 65, no. 1. DOI:10.1192/j.eurpsy.2022.2336
45. Swanson L.W. Cerebral hemisphere regulation of motivated behavior. *Brain Research*, 2000. Vol. 886, no. 1-2, pp. 113–164. DOI:10.1016/s0006-8993(00)02905-x
46. Taubner S., Hauschild S., Wisniewski D., Wolter S., Roth G., Fehr T. Neural response to aggressive and positive interactions in violent offenders and nonviolent individuals. *Brain and Behavior*, 2021. Vol. 11, no. 12. DOI:10.1002/brb3.2400
47. Teicher M.H., Samson J.A., Anderson C.M., Ohashi K. The effects of childhood maltreatment on brain structure, function and connectivity. *Nature Reviews. Neuroscience*, 2016. Vol. 17, no. 10, pp. 652–666. DOI:10.1038/nrn.2016.111
48. Tonnaer F., Cima M., Arntz A. Executive (dys)functioning and impulsivity as possible vulnerability factors for aggression in forensic patients. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 2016. Vol. 204, no. 4, pp. 280–286. DOI: 10.1097/NMD.0000000000000485
49. Van de Kant T.W., Boers S.F., Kempes M., Egger J.I.M. Neuropsychological subtypes of violent behaviour: differences in inhibition between affective and instrumental violence. *Journal of Forensic Psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2. DOI:10.35248/2475-319X.19.5.158
50. Vaughan E.P., Speck J.S., Frick P.J., Walker T., Robertson E.L., Ray J.V., Myers T.D.W., Thornton L.C., Steinberg L., Cauffman E. Proactive and reactive aggression: Developmental trajectories and longitudinal associations with callous — unemotional traits, impulsivity, and internalizing emotions. *Development and Psychopathology*, 2024. Vol. 36, no. 3, pp. 1090–1098. DOI:10.1017/S0954579423000317
51. Weidler C., Habel U., Wallheinke P., Wagels L., Hofhansel L., Ling S., Blendy J.A., Clemens B. Consequences of prefrontal tDCS on inhibitory control and reactive aggression. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 120–130. DOI:10.1093/scan/nsaa158
52. Zhu W., He L., Xia L.-X. The brain correlates of state proactive aggression. *Neuropsychology*, 2021. Vol. 36, no. 3, pp. 231–242. DOI:10.1037/neu0000791

Информация об авторах

Шипкова Каринэ Маратовна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8235-6155>, e-mail: karina.shipkova@gmail.com

Шпорт Светлана Вячеславовна, доктор медицинских наук, генеральный директор, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, главный внештатный специалист психиатр Минздрава России, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-4121>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Шипкова К.М., Шпорт С.В., Булыгина В.Г.
Зарубежные исследования нейропсихологических
и биологических основ агрессивного поведения
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 161–175

Shipkova K.M., Shport S.V., Bulygina V.G.
Foreign Studies of the Neuropsychological
and Biological Bases of Aggressive Behavior
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 161–175

Information about the authors

Karine M. Shipkova, PhD in Psychology, Docent, Leading Research Associate, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: karina.shipkova@gmail.com

Svetlana V. Shport, Doctor of Medicine, CEO, V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, Chief Freelance Specialist in Psychiatry, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-4121>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Получена 06.08.2024
Принята в печать 14.10.2024

Received 06.08.2024
Accepted 14.10.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Инструментальные и мотивационные ресурсы специалистов сферы защиты прав детей в условиях неопределенности профессиональной деятельности

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова У.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

В статье представлены результаты исследования инструментальных и мотивационных ресурсов 596 специалистов трех профессиональных групп (специалистов органов опеки и попечительства, аппаратов уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, организаций для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) из 87 субъектов РФ в условиях переживания ситуаций неопределенности в профессиональной деятельности. В исследовательской модели объединены тип и воспринимаемый уровень неопределенности профессиональной деятельности, ресурсы, используемые для ее преодоления. Показано, что частота встречаемости выделенных в исследовании пяти типов ситуаций профессиональной неопределенности зависит от специфики деятельности профессиональных групп. Ситуации, связанные с последствиями для безопасности ребенка и принятием профессиональных решений, оцениваются как наиболее неопределенные. Степень переживания неопределенности соотносится с уровнем инструментальных и мотивационных ресурсов. В группах, переживающих относительно простые ситуации неопределенности профессиональной деятельности, ниже уровень контролируемой профессиональной мотивации и потребность в поддержке, особенно эмоциональной.

*Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.*
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональная неопределенность, специалист, безопасность ребенка, субъективное благополучие, ресурсы.

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г. «Научно-методическое обеспечение разработки и апробации единой программы повышения квалификации специалистов в сфере защиты прав детей (руководителей и специалистов органов опеки и попечительства, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специалистов аппаратов региональных УПР в субъектах Российской Федерации) по вопросам защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (с апробацией на не менее 1000 человек из всех субъектов Российской Федерации)».

Для цитаты: *Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В.* Инструментальные и мотивационные ресурсы специалистов сферы защиты прав детей в условиях неопределенности профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200. DOI:10.17759/psylaw.2024140412

Instrumental and Motivational Resources of Specialists in the Field of Protection of Children's Rights in Conditions of Uncertainty of Professional Activity

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

The article presents the results of a study of the instrumental and motivational resources of 596 specialists of three professional groups (specialists of guardianship and guardianship authorities; the Office of the Commissioner for Children's Rights; organizations for orphans and children left without parental care) from 87 subjects of the Russian Federation in conditions of experiencing situations of uncertainty in their professional activities. The research model combines the type and perceived level of uncertainty of professional activity, the resources used to overcome it. It is shown that the frequency of occurrence of the five types of situations of professional uncertainty identified in the study depends on the specifics of the

activities of professional groups. Situations related to the consequences for child safety and professional decision-making are assessed as the most uncertain. The degree of experiencing uncertainty correlates with the level of instrumental and motivational resources. In groups experiencing relatively simple situations of uncertainty of professional activity, the level of controlled professional motivation and the need for support, especially emotional, are lower.

Keywords: professional activity, professional uncertainty, specialist, child safety, subjective well-being, resources.

Funding: the study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00037-24-01 dated 02/09/2024. “Scientific and methodological support for the development and testing of a unified professional development program for specialists in the field of child rights protection (heads and specialists of guardianship and guardianship authorities, organizations for orphans and children left without parental care, specialists of regional administrative departments in subjects of the Russian Federation) on the protection of the rights of orphaned children and children left without parental care (with approbation for at least 1000 people from all subjects of the Russian Federation)”.

For citation: Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V. Instrumental and Motivational Resources of Specialists in the Field of Protection of Children's Rights in Conditions of Uncertainty of Professional Activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200. DOI:10.17759/psylaw.2024140412 (In Russ.).

Введение

Метафора «жидкой современности» Баумана [3] и парадокс Дж. Фука о современной профессиональной практике — «определенность в неопределенности и потребность обеспечить определенность в пределах неопределенности» [42] объясняет специфику современной профессиональной деятельности.

Анализ ключевых определений понятия «ситуация неопределенности», проведенный С.М. Бустубаевой [4], показал, что неопределенность рассматривается как:

- один из признаков трудной жизненной ситуации, к характеристикам которой относятся: отсутствие понимания происходящего и неочевидность исхода;
- недостаток, противоречивость или нечеткость информации, наличие риска в принятии решений, который повышается при росте неопределенности трудности установления четких критериев оптимальности и др.;
- препятствие на пути к достижению цели, возникающее при невозможности решить задачу известными способами, оказывающее влияние на качество субъективных переживаний [14];
- необычность, двусмысленность ситуации [37].

Понятие «профессиональная неопределенность» трактуется как проблемная ситуация, затруднение в работе разных специалистов [8]; как источник стресса у специалистов [44], способствующий профессиональному выгоранию [34].

Анализ отечественной литературы показал, что попытки выделить и классифицировать ситуации профессиональной неопределенности чаще всего предпринимаются в деятельности учителей или будущих педагогов. Используются разные основания: источники возникновения ситуаций неопределенности; возможности, возникающие в ситуации неопределенности

и т. д.; дефициты компетенций; профессиональные кризисы [35]; недостаток ясности и уверенности в отношении своих профессиональных ролей, обязанностей и перспектив [4].

В зарубежных исследованиях с 50-х годов 20 века особое внимание уделяется классификации ситуаций профессиональной неопределенности у медицинских работников [48]. Обосновывается интегративная модель ситуаций, которая объединяет тип и воспринимаемый уровень неопределенности, стратегии, используемые для ее преодоления, и элементы контекста, такие как действующие лица, присутствующие в ситуации [45]. В исследованиях выделены 3 взаимосвязанных аспекта профессиональной неопределенности: принятие решений; профессиональная роль; внешние факторы. Также было установлено, что неопределенность не связана с профессиональным опытом [47].

В отечественных исследованиях выделены условия профессиональной неопределенности у врачей (присутствие фактора случайности; невозможность просчитать вероятность исхода, связанного с выбором способа решения; отсутствие достаточного количества информации для целесообразной организации действий; множественность вариантов развития событий и т. п. [6].

Неопределенность в деятельности социальных работников в отечественной психологии стала изучаться в постпандемийный период. Показано негативное влияние пандемических вызовов на качество услуг специалистов, занятых социальным обслуживанием клиентов, их эмоциональное и физическое состояние, межличностное взаимодействие с клиентами и коллегами [32].

В модели требований и ресурсов к работе в отношении специалистов по защите детей показано, что профессиональные ситуации, связанные с неопределенностью (перегрузка ролей и конфликты), наиболее деструктивны и способствуют высокой текучести кадров [39].

Ситуации профессиональной неопределенности «вшиты» в деятельность любого специалиста сферы защиты прав детей. Необходимость постоянного поиска ответа на так называемые «большие вызовы» [13], поток изменений в самой системе [33], малая предсказуемость влияния принятых решений на жизнь и судьбу ребенка и его семьи в связи с большой вероятностью различных вариантов развития событий — все это способствует увеличению уровня стресса и беспокойства у самих работников, снижению эффективности их деятельности, а также формированию негативного имиджа самой системы.

Анализ научных статей последних лет позволил выделить наиболее часто описываемые трудные профессиональные ситуации и их причины у специалистов сферы защиты прав детей. Эти ситуации имеют свою специфику в соответствии с профессиональной группой, которую они представляют. Можно выделить некоторые общие источники их возникновения: неопределенность в нормативно-правовых документах, а также проблемы в оценках деятельности специалистов со стороны общественности.

Для специалистов органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних проблемы зачастую связаны:

- с неопределенностью критериев оценки угрозы жизни детей при изъятии из семьи и мер, принимаемых в случае семейного неблагополучия [19; 30; 36];
- правовым регулированием подбора замещающих родителей по социально-психологическим критериям и подготовки различных категорий кандидатов в замещающие родители, с сопровождением замещающих семей [10; 15; 18];

- негативно настроенной общественностью, возлагающей вину за детское и семейное неблагополучие на специалистов [5]. Эти проблемы выделяют и зарубежные исследователи в различных странах, например в Великобритании [40].

Неопределенность профессиональных ситуаций специалистов Аппарата уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка обусловлена «гибридностью самой формы данного института, нечто среднее между государственными и общественными организациями», недостаточной юридической закреплённостью его независимости», отсутствием «единообразия при формировании модели функционирования Уполномоченного; невозможностью в полной мере реализовать все ресурсы, имеющиеся в арсенале данного института» [7; 12; 28; 31].

У специалистов организаций для детей-сирот ситуации профессиональной неопределённости чаще связаны с особенностями взаимодействия с социально и эмоционально уязвимыми детьми, чьи аффективные реакции могут быть неожиданными и разрушительными и способствовать формированию викарной травмы у специалистов [25; 32; 38].

При анализе стратегий ответа специалистов на вызовы профессиональной неопределённости особое внимание уделяется психологическим ресурсам совладания.

Анализ зарубежных и отечественных исследований показал, что в качестве специфических психологических ресурсов в преодолении ситуаций профессиональной неопределённости у специалистов зачастую рассматривается толерантность к неопределённости: у медицинских работников [43; 46]; педагогов [26]; военнослужащих; будущих психологов [1]; руководителей [16]; сотрудников правоохранительных органов [27]. Толерантность к неопределённости рассматривается как устойчивая личностная черта, которая может оказать воздействие на реакцию в конкретной ситуации [37].

При этом признание данного ресурса как определяющего в совладании с ситуациями профессиональной неопределённости остается дискуссионным, определение его недостаточно ясное и часто зависит от точки зрения исследователя, а измерения существенно варьируют [46].

В качестве ресурсов для удержания на работе специалистов сферы защиты прав детей выделяют копинги, связанные с использованием эмоциональной поддержки, повышающие психологическое благополучие [49] и сдерживание [41].

К ресурсам совладания с ситуациями профессиональной неопределённости относят жизнестойкость и смысложизненные ориентации специалиста, профессиональную мотивацию, субъективное благополучие, эмоциональный интеллект и др. [23; 25].

В корейском исследовании сотрудников полиции показано, что стили преодоления трудностей, связанные с решением проблем и поиском помощи, являются промежуточными факторами между стрессом и субъективно воспринимаемым благополучием [50].

Таким образом, несмотря на многочисленность исследований профессиональной неопределённости и стратегий совладания с ними, специфика инструментальных и мотивационных ресурсов у специалистов сферы защиты прав ребенка в условиях неопределённости профессиональной деятельности практически не изучена.

Теоретико-методологическими основаниями исследования стали субъектно-бытийный подход, акцентирующий внимание на субъективном восприятии индивида своего бытия и взаимодействия с окружающей действительностью [29], а также концепция психологических ресурсов Д.А. Леонтьева [17].

Программа исследования

Цель исследования — выделить специфику инструментальных и мотивационных ресурсов у специалистов сферы защиты прав детей с разным уровнем переживания неопределенности ситуаций профессиональной деятельности.

Исследовательские задачи:

1. выявить ситуации профессиональной неопределенности и специфику их когнитивного оценивания у специалистов различных профессиональных групп сферы защиты прав детей;
2. выделить группы специалистов с разным уровнем неопределенности ситуаций профессиональной деятельности и проанализировать различия в их инструментальных и мотивационных ресурсах.

Гипотеза.

Инструментальные и мотивационные ресурсы в группах специалистов с разным уровнем переживания ситуаций профессиональной неопределенности различны.

Научная новизна исследования состоит в выявлении специфики ситуаций неопределенности у специалистов различных профессиональных групп сферы защиты прав детей и их когнитивного оценивания; в выделении групп с разной степенью неопределенности ситуаций профессиональной деятельности и различий в инструментальных и мотивационных ресурсах, используемых для совладания.

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось в рамках дистанционного курса повышения квалификации специалистов сферы защиты детства и было направлено на решение следующих задач обучения:

- повышение уровня мотивации специалистов к изучению научных исследований в рамках профессиональной деятельности;
- развитие исследовательских компетенций.

На занятии со слушателями курса обсуждалась тема «Профессиональная неопределенность и ресурсы совладания с ней», которая и была выбрана в качестве исследовательской. Слушатели прошли самообследование по предложенному комплексу, проанализировали и описали собственные результаты, затем совместно с преподавателем обсудили полученные данные.

Выборка.

Всего в исследовании приняли участие 596 респондентов из 87 регионов РФ:

- специалисты органов опеки и попечительства (далее — ООиП) — 395 чел.;
- специалисты Аппарата уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка (далее — УПР) — 55 чел.;
- специалисты организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — ОДС) — 146 чел.

Средний возраст — 41,9; SD ± 8,8. лет. В зависимости от профессиональной группы информанты различались по возрасту ($F = 30,2, p = ,000$).

Информанты более старшего возраста работали в ОДС — 46,5; SD — ± 7,6; более младшего — в ООиП — 40,2; SD ± 8,5. Абсолютное большинство — женщины (96%) с одним (79%) или двумя (15,3%) высшими образованиями, в основном в области юриспруденции (68,5%) и педагогики (62,1%), работающие в городе (70,1%) и состоящие в браке (62,1%). Средний опыт работы по специальности — 6,7 ± 4,5; в должности — 2,8 ± 3,4.

Процедуры, методы и методики исследования.

Для выявления ситуаций профессиональной неопределенности слушатели выполняли следующее задание: вспомнить и описать трудные ситуации неопределенности в их профессиональной деятельности, которые произошли с ними в течение двух последних лет и остаются актуальными в настоящее время (открытый вопрос). Далее они оценивали эти ситуации по 12 характеристикам: значимость, трудность, напряженность, непредсказуемость, бесконтрольность, неразрешимость, непонятность, неопределенность, неожиданность, безвыходность, трудность прогнозирования, противоречивость информации — по шкале от 1 до 10 [21].

Для выявления инструментальных и мотивационных ресурсов в совладании с ситуациями неопределенности использовались:

- сокращенная версия методики оценки копинг-стратегий К. Карвера (COPE-30) [20];
- опросник профессиональной мотивации (Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин) [22];
- Шкала субъективного благополучия У. Эдинбурга (WEMWBS) [24].

В специально разработанной авторской анкете «Самооценка развития исследовательских компетенций» информантов просили оценить свои компетенции в области работы с информацией, практические навыки проведения и организации исследовательской работы, анализа полученных результатов и др. по 5-балльной шкале (от 1 — наименее сформированы до 5 — наиболее сформированы).

Методы обработки данных: кластерный анализ методом к-средних, критерий хи-квадрат Пирсона; Критерий Краскела—Уоллеса, однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты

Таблица 1

Типы и ситуации профессиональной неопределенности

Типы ситуаций профессиональной неопределенности	Ситуации профессиональной неопределенности
Неопределенность в отношении своих профессиональных ролей, обязанностей и перспектив	Увольнение с работы, неопределенность относительно будущего и финансового состояния, переход на новую работу
Неопределенность в профессиональных взаимоотношениях	Конфликт с начальником, с коллегами, с подчиненными; ситуация, связанная с невыполнением задания руководителя, с непониманием подчиненными задания
Личная неопределенность	Ситуация в семье, которая может отразиться на работе; ситуация со здоровьем, которая может отразиться на работе
Неопределенность, связанная с трудностями в принятии профессиональных решений	Неопределенность в нормативно-правовых документах, не позволяющая принять однозначное решение; ситуация, связанная с участием в судах
Неопределенность, связанная с различными последствиями для безопасности ребенка	Отобрание ребенка, СВО

Ситуации неопределенности профессиональной деятельности, описанные респондентами, были проанализированы экспертами, в качестве которых выступили авторы данной работы. На основании анализа было выделено пять групп (табл. 1).

4 типа ситуаций были отнесены к внешним условиям деятельности и только один — личная неопределенность — к внутренним.

Проведенный анализ показал, что специалисты разных профессиональных групп различаются по частоте упоминания тех или иных типов ситуаций неопределенности в профессиональной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Различия в частоте упоминания типов ситуаций неопределенности профессиональной деятельности в зависимости от профессиональной группы %

Типы ситуаций неопределенности профессиональной деятельности	ООиП N = 395	ОДС N = 146	УПР N = 55	Итого по выборке N = 596
Неопределенность в отношении своих профессиональных ролей, обязанностей и перспектив	31,4	24,0	27,3	29,2
Неопределенность в профессиональных взаимоотношениях	10,9	19,2	5,5	12,4
Личная неопределенность	9,4	16,4	20,0	12,1
Неопределенность, связанная с трудностями в принятии профессиональных решений	38,7	33,6	27,3	36,4
Неопределенность, связанная с различными последствиями для безопасности ребенка	8,1	4,8	16,4	8,1
Не указано	1,5	2,1	3,6	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
$\chi^2 = 27,947, p = 0,002$				

Специалисты, независимо от профессиональной группы, чаще всего сталкиваются с трудностями в принятии решения, а также с неопределенностью профессиональных ролей, обязанностей и перспектив. Чаще — специалисты ООиП и ОДС, реже — специалисты УПР. Для последних в большей степени характерны ситуации личной неопределенности и ситуации, связанные с различными последствиями для безопасности ребенка. Неопределенность в профессиональных взаимоотношениях чаще всего волнует специалистов ОДС.

Типы ситуаций неопределенности профессиональной деятельности различаются по содержанию их когнитивных оценок (табл. 3). Эффекты достаточно велики: значимость — $\eta^2 \leq 0,110$, трудность — $\eta^2 \leq 0,096$, напряженность — $\eta^2 \leq 0,101$, непредсказуемость — $\eta^2 \leq 0,081$, бесконтрольность — $\eta^2 \leq 0,096$, неразрешимость — $\eta^2 \leq 0,093$, непонятность — $\eta^2 \leq 0,092$, неопределенность — $\eta^2 \leq 0,092$, неожиданность — $\eta^2 \leq 0,089$, безвыходность — $\eta^2 \leq 0,091$, трудность — $\eta^2 \leq 0,088$, противоречивость — $\eta^2 \leq 1,36$).

Все типы ситуаций неопределенности достаточно значимы для специалистов. При этом наиболее выраженные характеристики с негативной коннотацией относятся к ситуациям, связанным с различными последствиями для безопасности ребенка: трудные, напряженные,

непредсказуемые, непонятные, неопределенные, неожиданные, бесконтрольные, неразрешимые, безвыходные и непрогнозируемые (самые высокие средние оценки).

Таблица 3

Различия в когнитивных оценках содержательных характеристик ситуаций неопределенности профессиональной деятельности (ср. знач.)

Когнитивные оценки	Типы ситуаций неопределенности профессиональной деятельности					Критерий Краскела—Уоллеса, уровень значимости различий p
	Неопределенность в отношении своих профессиональных ролей, обязанностей и перспектив	Неопределенность в профессиональных взаимоотношениях	Личная неопределенность	Неопределенность, связанная с трудностями в принятии профессиональных решений	Неопределенность, связанная с различными последствиями для безопасности ребенка	
Значимость	6,9 ± 2,6	6,5 ± 2,8	8,1 ± 2,3	7,1 ± 2,7	8,0 ± 2,5	22,6, $p = 0,000$
Трудность	5,6 ± 2,5	6,2 ± 2,6	6,5 ± 2,6	6,5 ± 2,5	7,0 ± 2,7	15,9, $p = 0,003$
Напряженность	6,3 ± 2,8	7,1 ± 2,5	7,0 ± 2,5	6,7 ± 2,7	8,0 ± 2,3	17,4, $p = 0,002$
Непредсказуемость	5,7 ± 2,9	6,5 ± 2,8	6,3 ± 3,0	6,0 ± 2,9	7,7 ± 2,4	19,6, $p = 0,001$
Бесконтрольность	3,1 ± 2,4	4,8 ± 2,7	4,4 ± 2,8	4,2 ± 2,8	5,8 ± 3,1	42,7, $p = 0,000$
Неразрешимость	3,0 ± 2,4	4,6 ± 2,8	4,4 ± 2,8	4,4 ± 2,8	5,5 ± 3,0	45,9, $p = 0,000$
Непонятность	3,9 ± 2,7	5,5 ± 3,1	4,9 ± 2,9	5,4 ± 2,8	6,0 ± 3,4	35,9, $p = 0,000$
Неопределенность	4,1 ± 2,8	5,6 ± 2,9	4,8 ± 2,9	5,6 ± 2,7	6,0 ± 3,1	36,3, $p = 0,000$
Неожиданность	4,3 ± 2,8	5,8 ± 2,9	6,3 ± 3,2	5,0 ± 2,9	6,0 ± 2,9	32,9, $p = 0,000$
Безвыходность	2,7 ± 2,3	4,4 ± 2,9	4,5 ± 3,2	3,9 ± 2,9	5,3 ± 3,3	41,7, $p = 0,000$
Непрогнозируемость	4,3 ± 2,5	5,6 ± 2,8	5,3 ± 2,6	5,6 ± 2,7	6,1 ± 2,9	30,5, $p = 0,000$
Противоречивость	3,4 ± 2,5	6,0 ± 3,1	4,2 ± 2,9	5,5 ± 2,9	5,2 ± 2,9	65,9, $p = 0,000$
Общий уровень	4,4 ± 1,8	5,7 ± 2,1	5,6 ± 1,9	5,5 ± 2,1	6,4 ± 2,2	50,4, $p = 0,000$

Для специалистов защиты прав ребенка эти ситуации являются источником сильной фрустрации, так как фактически оказываются вне зоны их влияния и ассоциируются с выученной беспомощностью. Ситуации неопределенности в профессиональных взаимоотношениях оцениваются как наиболее противоречивые и напряженные. Ситуации личной неопределенности оцениваются как наиболее значимые и неожиданные по сравнению с другими типами ситуаций. Ситуации, связанные с трудностями в принятии профессиональных решений рассматриваются как трудные, напряженные, непредсказуемые, непрогнозируемые и противоречивые.

Наименее негативно заряженными стали ситуации неопределенности в отношении профессиональных ролей. Они в большей степени остаются в зоне контроля специалистов.

Далее были выявлены группы специалистов, по-разному оценивающих неопределенность профессиональной деятельности.

Степень неопределенности ситуаций профессиональной деятельности (относительно простая, сложная, очень сложная) определялась по совокупности двенадцати когнитивных оценок описанных ситуаций (значимость, трудность, напряженность, непредсказуемость, бесконтрольность, неразрешимость, непонятность, неопределенность, неожиданность, безвыходность, трудность прогнозирования, противоречивость информации). Затем был проведен кластерный анализ методом к-средних, который позволил выделить три кластера по степени неопределенности ситуаций профессиональной деятельности (рис. 1).

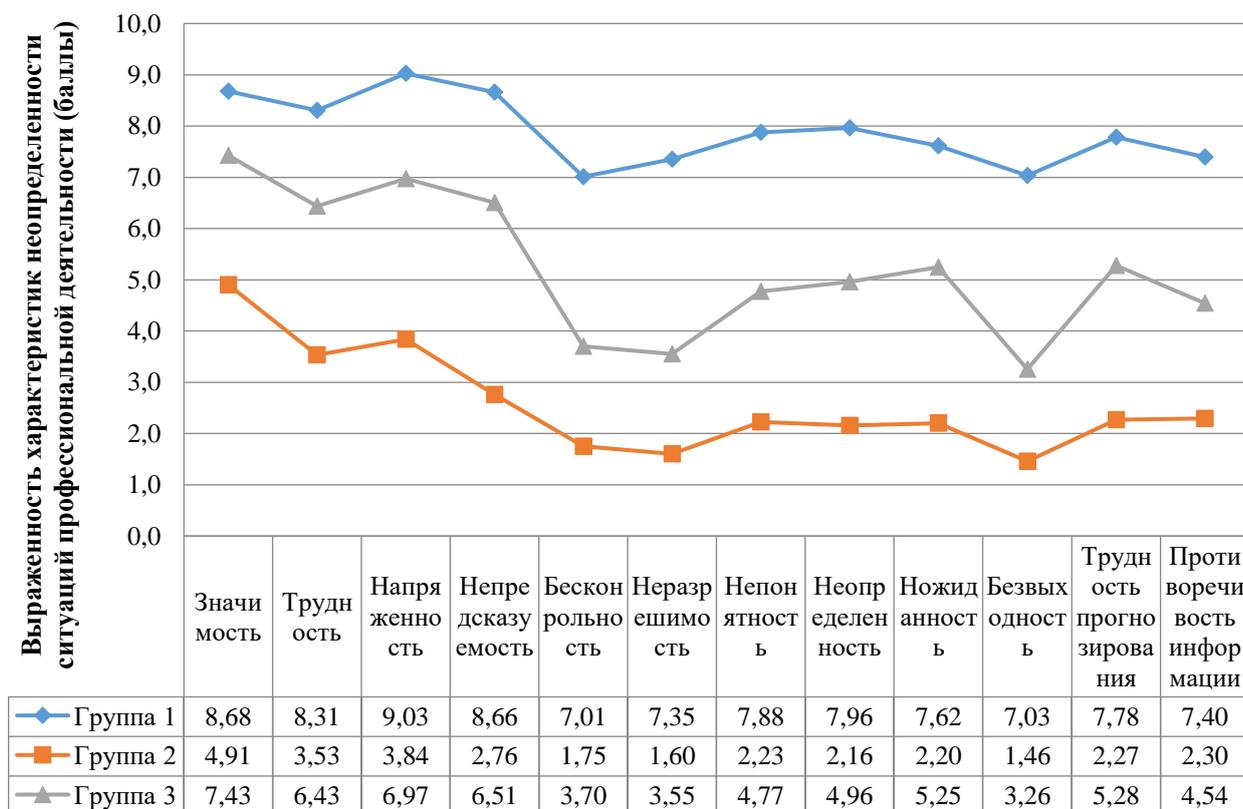

Рис. 1. Кластерный анализ методом к-средних:

группа 1 — переживающие очень сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности; группа 2 — переживающие относительно простую ситуацию неопределенности профессиональной деятельности; группа 3 — переживающие сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности

В первую группу (N = 156) вошли лица, давшие очень высокие оценки по всем двенадцати содержательным характеристикам ситуаций профессиональной деятельности от 7,01 балла по бесконтрольности до 9,03 балла по напряженности (переживающие очень сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности).

Вторая группа (N = 159) состоит из респондентов, оценивших ситуации профессиональной деятельности низкими и средними значениями: от 1,46 балла по безвыходности ситуации до 4,91 балла по ее значимости (переживающие относительно простую ситуацию неопределенности профессиональной деятельности).

Третью группу (N = 281) составили лица, оценившие ситуации профессиональной деятельности от низких до достаточно высоких значений: например, 3,26 балла — по безвыходности; 7,43 балла — по значимости (переживающие сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности) (рис. 1.).

Различий в распределении по группам/кластерам в зависимости от профессиональной группы не обнаружено ($\chi^2 = 4,179, p = 0,382$). Не выявлены значимые различия в распределении по группам/кластерам в зависимости от формы расселения (город/село) ($\chi^2 = 3,871, p = 0,144$); от семейного положения ($\chi^2 = 45,212, p = 0,517$); образования ($\chi^2 = 3,010, p = 0,934$); опыта работы по специальности ($F = 0,894, p = 0,410$); возраста ($F = 0,295, p = 0,745$).

Но обнаружены значимые различия в зависимости от опыта работы в должности, которую занимает работник на данный момент ($F = 5,621, p = 0,004$). Специалисты, переживающие очень сложную ситуацию неопределенности, работали в своей должности более трех лет (ср. знач. — $3,57 \pm 3,71$ года); переживающие относительно простую — чуть более двух лет (ср. знач. — $2,32 \pm 3,15$ года); переживающие сложную ситуацию — около трех лет (ср. знач. — $2,71 \pm 3,36$ года). Также обнаружены различия в типах ситуаций профессиональной деятельности в зависимости от степени их неопределенности ($\chi^2 = 84,62, p = 0,000$).

Переживающие очень сложные и сложные ситуации неопределенности профессиональной деятельности чаще всего указывали на ситуации, связанные с трудностями в принятии профессиональных решений. По сравнению с другими группами они также в большей степени озабочены случаями с различными последствиями для безопасности ребенка и профессиональными отношениями.

Рис. 2. Различия в типах ситуаций в зависимости от степени их неопределенности (%)

Переживающие относительно простые ситуации озабочены больше всего неопределенностью в отношении своих профессиональных ролей, обязанностей и перспектив, а также трудностями в принятии профессиональных решений (рис. 2).

Далее были проанализированы различия в инструментальных и мотивационных ресурсах в зависимости от разной степени неопределенности ситуаций профессиональной деятельности (табл. 4.).

Таблица 4

Различия в инструментальных ресурсах (копинг-стратегиях) специалистов, переживающих разной степени неопределенность ситуаций профессиональной деятельности (ср. знач.)

Копинг-стратегии	Группа	N	Среднее	Стд. отклонение	F	Уровень значимости различий p	Величина эффекта η^2
Мысленный уход от проблемы	Группа 1	156	1,955	,793	4,006	0,019	0,01
	Группа 2	159	1,786	,727			
	Группа 3	281	1,994	,747			
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	Группа 1	156	2,708	,722	8,174	0,000	0,03
	Группа 2	159	2,462	,712			
	Группа 3	281	2,736	,699			
Использование инструментальной социальной поддержки	Группа 1	156	3,397	,659	7,158	0,001	0,02
	Группа 2	159	3,254	,693			
	Группа 3	281	3,489	,562			
Сдерживание	Группа 1	156	3,423	,571	3,800	0,023	0,01
	Группа 2	159	3,232	,791			
	Группа 3	281	3,380	,617			
Использование эмоциональной социальной поддержки	Группа 1	156	3,160	,784	4,049	0,018	0,01
	Группа 2	159	2,990	,866			
	Группа 3	281	3,213	,759			
Использование «успокоительных»	Группа 1	156	1,349	,618	7,071	0,001	0,02
	Группа 2	159	1,138	,364			
	Группа 3	281	1,307	,576			

Примечание: группа 1 — переживающие очень сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности; группа 2 — переживающие относительно простую ситуацию неопределенности профессиональной деятельности; группа 3 — переживающие сложную ситуацию неопределенности профессиональной деятельности.

Независимо от группы, в качестве ведущих копинг-стратегий выделились стратегии, направленные на поиск поддержки, преимущественно социальной и инструментальной, а не эмоциональной, а также сдерживание. При этом во второй группе эти копинг-стратегии выражены слабее. Мысленный уход от проблемы, сдерживание, использование «успокоительных», а также концентрация на эмоциях и их активное выражение наиболее характерны для специалистов, которые оценили ситуации профессиональной деятельности как очень слож-

ные или сложные. В отличие от них, представители второй группы лучше справлялись с ситуациями неопределенности. Тем не менее величины эффектов невелики ($\eta^2 \leq 0,03$). В исследовательских компетенциях различий между группами обнаружено не было.

Анализ мотивационных ресурсов показал, что для специалистов, независимо от профессиональной группы, деятельность чаще всего побуждается контролируемым типом мотивации. В 1-й и 3-ей группах ее значение выше по сравнению со 2-й. Для 1-й и 3-й групп чаще характерны интроецированная мотивация, побуждаемая внутренними наградами и наказаниями, такими как переживание гордости, чувство вины, или условной самооценкой; экстерналиная регуляция (деятельность осуществляется ради получения внешних наград или избегания негативных последствий); а также амотивация. Внутренняя мотивация и субъективное благополучие наиболее выражены у специалистов, переживающих относительно простые ситуации неопределенности. Величины эффектов также невелики ($\eta^2 \leq 0,05$) (табл. 5).

Таблица 5

Различия в мотивации, субъективном благополучии у специалистов, переживающих разную степень профессиональной неопределенности

Показатели психологических ресурсов	Группа	N	Среднее	Стд. отклонение	F	Уровень значимости различий p	Величина эффекта η^2
Внутренняя мотивация	Группа 1	156	3,966	,861	5,610	0,004	0,02
	Группа 2	159	4,274	,759			
	Группа 3	281	4,113	,825			
Интроецированная мотивация	Группа 1	156	2,314	,877	7,585	0,001	0,03
	Группа 2	159	1,976	,755			
	Группа 3	281	2,237	,829			
Экстерналиная мотивация	Группа 1	156	2,068	,951	16,04	0,000	0,05
	Группа 2	159	1,529	,665			
	Группа 3	281	1,865	,897			
Амотивация	Группа 1	156	1,788	,845	5,018	0,007	0,02
	Группа 2	159	1,524	,701			
	Группа 3	281	1,706	,754			
Контролируемая мотивация	Группа 1	156	6,171	2,123	14,49	0,000	0,05
	Группа 2	159	5,030	1,653			
	Группа 3	281	5,809	1,986			
Субъективное благополучие	Группа 1	156	53,615	7,334	4,909	0,008	0,02
	Группа 2	159	55,956	7,401			
	Группа 3	281	53,882	7,689			

Обсуждение результатов

Сопоставление типов ситуаций профессиональной неопределенности, выявленных в исследовании, с аналогичными в группах представителей иных социономических профессий показало, что они имеют значительное сходство [6; 11; 35].

Исходя из теоретического положения Б.С. Алишева о неопределенности как атрибуте внешнего и внутреннего мира человека, который должен преодолеваться в обоих этих аспектах [2], выявленные ситуации профессиональной неопределенности специалистов были классифицированы на основании источника их возникновения: внешние и внутренние условия деятельности.

Когнитивное оценивание данных типов ситуаций подтвердило, что выявленные на основании анализа публикаций трудные профессиональные ситуации, связанные с неопределенностью законодательства в сфере защиты прав детей, оказывают фрустрирующее воздействие на информантов. В группах, переживающих очень сложные и сложные ситуации неопределенности, в качестве основных дестабилизирующих условий деятельности выделяют неопределенность в принятии профессиональных решений и последствия для безопасности ребенка.

Ситуации профессиональной неопределенности, связанные с перегрузкой и конфликтом ролей, которые в зарубежных исследованиях выделяются в качестве основных причин текущей кадров специалистами в сфере защиты детей [49], оказывали менее стрессовое воздействие на респондентов и были характерны для групп, переживающих относительно простые и сложные ситуации профессиональной деятельности, и чаще всего отмечаются специалистами ООиП.

В исследовании подтверждается вывод о том, что уровень переживания сложности ситуаций не связаны с опытом работы по специальности [47]. Оценка сложности ситуаций зависела от стажа в должности. Это, по всей вероятности, связано с особенностями профессиональной идентификации у специалистов защиты прав детей, разделяющих свою специальность и должность. У представителей группы, переживающей очень сложные ситуации неопределенности, средний стаж составил $3,57 \pm 3,71$ года, в то время как для группы, сталкивающейся со сложными ситуациями, он составил $2,71 \pm 3,36$ года. Это позволяет выделить наиболее напряженные периоды в деятельности специалистов, а также ситуации, способствующие таким оценкам. Неопределенность профессиональных решений и их последствия для безопасности ребенка дестабилизируют эмоциональное состояние специалистов. Связь между ситуациями профессиональной неопределенности и профессиональным выгоранием подтверждается в российских исследованиях [34].

Это подтверждается и спецификой выбора ими копинг-стратегий совладания с неопределенностью, типом профессиональной мотивации, снижением уровня субъективного благополучия, что показано в данном исследовании.

Независимо от сложности переживаемой ситуации, деятельность специалистов чаще всего побуждается контролируемым типом мотивации, заданной извне и регулируемой обществом посредством требований, критики, обещания наград и наказаний, что делает их чрезмерно уязвимыми в отношении оценок и давления, заставляет избегать как рисков, так и новых идей, опасаясь негативной оценки социума, а также формирует ожидания четких инструкций и регламентации деятельности [23].

В группе оценивающих ситуацию как относительно простую выраженность данного типа мотивации значимо ниже. Их профессиональное поведение в меньшей степени поддерживается с помощью внешних, чаще всего материальных наград и санкций, ими реже движет потребность избежать ощущения вины и стыда, поддержать самооценку (интроецированная регуляция). То есть они в большей степени при совладании с ситуациями неопределенности

готовы полагаться на свой потенциал, что соотносится с результатами исследования отечественных специалистов [23].

Специалисты, переживающие очень сложные и сложные ситуации неопределенности, для совладания с ними используют менее конструктивные копинг-стратегии, в большей степени склонны концентрироваться на эмоциях и использовать различные виды поддержки, чаще ориентированы на ментальное и поведенческое устранение.

Специалисты, оценивающие ситуации как более простые, в меньшей степени нуждаются в инструментальной и эмоциональной поддержке, что в определенной мере противоречит результатам исследований, где поиск эмоциональной поддержки выделяется в качестве ведущего ресурса при удержании работников сферы защиты детей [41; 49], а стиль поиска помощи опосредует профессиональный стресс и оказывает положительное влияние на совладание с ним [50].

Снижение уровня субъективного благополучия в группах в зависимости от сложности переживаемых ситуаций (самый высокий уровень наблюдается в группах, испытывающих простые ситуации, и самый низкий — в группах, столкнувшихся с ситуациями очень сложными) подчеркивает важность этого показателя для преодоления профессиональной неопределенности. Тем не менее уровень субъективного благополучия информантов, независимо от сложности ситуации, остается не ниже среднего. Это, вероятно, указывает на буферную роль субъективного благополучия в отношении профессионального стресса и его влияния на удержание работников, что согласуется с выводами других исследований [25; 50].

Тем не менее остается открытым вопрос о том, почему высокая степень сложности неопределенных ситуаций и использование неконструктивных ресурсов для совладания с ними не оказывают серьезного влияния на уровень субъективного благополучия специалистов. Это становится важной темой для дальнейших исследований.

Выводы

1. Содержание ситуаций неопределенности связано со спецификой деятельности представителей профессиональных групп: у специалистов ООиП они чаще связаны с принятием профессиональных решений, обусловленных неопределенностью в нормативно-правовых документах и участием в судах; у специалистов УПР — с различными последствиями для безопасности ребенка; ОДС — с профессиональными взаимоотношениями. Независимо от группы уровень оценок неопределенности ситуаций связан с трудностями в принятии профессиональных решений. Этот тип ситуаций выделяется как ведущий в группах, сталкивающихся с наиболее сложными ситуациями неопределенности.

2. Инструментальные и мотивационные ресурсы у специалистов сферы защиты прав детей различаются в зависимости от оценки ими степени неопределенности ситуаций в профессиональной деятельности. В группах, переживающих очень сложные и сложные ситуации, специалисты чаще используют неконструктивные копинг-стратегии, внешние источники профессиональной мотивации и отмечают более низкий уровень субъективного благополучия.

3. Работа в условиях постоянного контроля и давления со стороны социальных институтов и общества, которые обвиняют специалистов в ошибочных решениях и действиях, способствующих неоднозначным последствиям для благополучия и безопасности ребенка, происходит на фоне неопределенности в нормативно-правовых документах и высокой вероятности малопредсказуемых вариантов развития событий. Это эмоционально истощает специалиста, повышает страх ошибки и препятствует совладанию с трудными ситуациями. К ресурсам со-

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

владения у специалистов можно отнести более низкий уровень контролируемой профессиональной мотивации, меньшую потребность в поддержке, особенно эмоциональной.

4. Выделенные в исследовании наиболее сложные этапы профессиональной деятельности, отличающиеся неопределенностью, зависящие от стажа в должности (очень сложные — в среднем около четырех лет, сложные — около трех лет) могут стать основой для организации своевременной психологической помощи, направленной на профилактику и преодоление эмоционального выгорания специалистов.

Литература

1. Аксенова Е.С., Синёва О.В. Взаимосвязь социально-психологической адаптивности и толерантности к неопределенности у студентов-психологов [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2022. Том 13. № 2. doi:10.17150/2411-6262.2022.13(2).34
2. Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Том 6. № 3. С. 3–26.
3. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 365 с.
4. Бустубаева С.М. Ситуации неопределенности профессиональной среды: признаки и характеристика // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 2. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. С. 62–70.
5. Владыкина Т. Россияне рассказали, каким они видят специалиста органов опеки [Электронный ресурс] // Российская газета. 11.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/08/rossiiane-rasskazali-kakim-oni-vidiat-specialista-organov-opeki.html> (дата обращения: 14.09.2024).
6. Гавриленко Л.С., Чупина В.Б. Подготовка будущих врачей к профессиональной деятельности в условиях неопределенности [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Том 10. № 3 (36). С. 61–63. doi:10.26140/anip-2021-1003-0013
7. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021 году [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/06/30/doklad_deti_e05.pdf (дата обращения: 21.09.2024).
8. Дубенцов М.И. Категория неопределенности в психологической науке и профессиональном самоопределении личности // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6 (6).
9. Еряшкина Н.С. Институт уполномоченного по правам ребенка в механизме защиты прав ребенка // Аллея науки. 2021. Том 1. № 12 (63). С. 546–549.
10. Законопроект № 232772-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (дата обращения: 28.09.2024).
11. Захарова Е.В. Влияние образовательной среды медицинского вуза на формирование мотивационной сферы студентов // Интеграция наук. 2016. № 2 (2). С. 7–10.
12. Колесникова У.В., Яровикова О.А. К вопросу об образовательных потребностях специалистов аппаратов уполномоченных по правам ребенка [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 1. С. 23–35. doi:10.17759/ssc.2022030102

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

13. Колмыкова М.А. Вызовы современного общества: особенности и типология [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 39–42. doi:10.23672/m7723-0823-3742-0
14. Кригер Е.Э. Сопровождение профессионального самоопределения педагога в ситуациях неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 1 (11). С. 27–37. doi:10.28995/2073-6398-2018-1-27-37
15. Лащул М.В., Тарасова А.Е. Ограничение и лишение родительских прав в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 294–307. doi:10.17759/psylaw.2023130420
16. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на профессионально важные качества руководителя: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015. 24 с.
17. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. doi:10.17223/17267080/62/3
18. Мосиенко Т.А., Лукьянова А.Г., Щекина Е.Н. Правовой механизм усыновления (удочерения) детей, оставшихся без попечения родителей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 171–174.
19. Никитина Н.А. Ситуация социально опасного положения как совокупность обстоятельств, порождающих профилактические правоотношения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 48–54.
20. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Александрова Л.А. Соре-30: Психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 247–275. doi:10.11621/vsp.2022.04.11
21. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Сорокова М.Г. Шкала реагирования на неопределенность: инструмент оценки взаимодействия подростков с многомерным стрессом [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2024. Том 13. № 2. С. 106–128. doi:10.17759/cpse.2024130207
22. Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова Е.Ю. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Том 7. № 4. С. 21–49.
23. Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2013. Том 3. № 1. С. 8–29.
24. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. doi:10.14515/monitoring.2020.1.06
25. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В., Зайцев Г.О. Психологические ресурсы работников организаций для детей-сирот с разным уровнем эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 6. С. 155–169. doi:10.17759/pse.2022270612
26. Рачицкая Н.В., Андриевская С.В. Толерантность к неопределенности и профессиональное выгорание у педагогов [Электронный ресурс] // Вестник Полоцкого государственного

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

университета. Серия Е. Педагогические науки. 2023. № 1 (39). С. 72–79. doi:10.52928/2070-1640-2023-39-1-72-79

27. *Рогачев В.А., Коноплева И.Н.* Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 106–126. doi:10.17759/psylaw.2017070409

28. *Рогова А.М., Давыдов С.А.* Деятельность института уполномоченного по правам ребенка как элемент развития правового государства и системы социальной защиты детства в Российской Федерации // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. Том 34. № 2. С. 84–91.

29. *Рябикина З.И., Танасов Г.Г.* Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее события с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 4–19.

30. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 14.09.2024).

31. *Смирнова И.Н.* Особенности деятельности уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Юридический факт. 2021. № 134. С. 13–18.

32. *Сорокина Н.В.* Профессиональная деятельность специалистов социальной сферы в условиях неопределенности [Электронный ресурс] // Социодинамика. 2023. № 11. С. 151–162. doi:10.25136/2409-7144.2023.11.68941

33. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего: Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Науч. ред. Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022 184 с.

34. *Трухан Е.А.* Конфликт ролей, ролевая неопределенность и профессиональное выгорание // Психологическое сопровождение образовательного процесса. 2013. Том 1. № 3-1. С. 317–324.

35. *Ускова С.А.* Повышение качества профессионально-педагогической деятельности учителя в решении ситуаций неопределенности: дефициты, конфликты, кризисы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 2. С. 224–241.

36. *Цымбал Е.И.* Проблема выявления семейного неблагополучия на ранних стадиях (анализ нормативно-правовой базы) [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2023. Том 4. № 1. С. 18–35. doi:10.17759/ssc.2023040102

37. *Черноусова Т.В.* Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа [Электронный ресурс] // Психология человека в образовании. 2022. Том 4. № 4. С. 421–434. doi:10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434

38. *Alcablan A.K., Almahbub M.S.* Mediated trauma in public health workers: the role of social workers in prevention // International Journal of Medical Sciences. 2021. Vol. 5(S1). P. 947–954. doi:10.53730/ijhs.v5nS1.14988

39. *Bakker A.B., Gospels D.* Job demands-resources theory: Taking stock and looking forward // Journal of Occupational Health Psychology. 2017. Vol. 22(3). P. 273–285 doi:10.1037/ocp0000056

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

40. *Boddy J.* Engaging with uncertainty: studying child and family welfare in precarious times // *Families Relationships and Societies*. 2023. Vol. 12(1). P. 127–141. doi:10.1332/204674321X16704251101652
41. *Ferguson H.* How social workers reflect in action and when and why they don't: the possibilities and limits to reflective practice in social work // *Social Work Education*. 2018. Vol. 37(4). P. 415–427. doi:10.1080/02615479.2017.1413083
42. *Fook J.* Uncertainty: the defining characteristic of social work? // *Social Work: A textbook / V. Cree (Ed.)*. London: Routledge, 2011. P. 30–39. doi:10.4135/9781446247167.n4
43. *Gao Yu., Huang Z., Liu N., Yang J.* Are physicians rational under ambiguity? // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2024. Vol. 68. P. 183–203. doi:10.1007/s11166-023-09425-z
44. *Greco V., Roger D.* Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 31(4). P. 519–534. doi:10.1016/s0191-8869(00)00156-2
45. *Hamui-Sutton A., Vives-Varela T., Gutierrez-Barreto S., Leenen I., Sánchez-Mendiola M.* The typology of uncertainty obtained based on the analysis of critical incidents in medical residents: a study using mixed methods // *BMC Medical Education*. 2015. Vol. 15. doi:10.1186/s12909-015-0459-2
46. *Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M.A., Han P.K.J.* Tolerance to uncertainty: conceptual analysis, integrative model and implications for healthcare // *Social Sciences and Medicine*. 2017. Vol. 180. P. 62–75. doi:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
47. *Pomare C., Ellis L.A., Churruca K., Long J.C., Braithwaite J.* The Reality of Uncertainty in Mental Health Care Settings Seeking Professional Integration: A Mixed-Methods Approach // *International Journal of Integrated Care*. 2018. Vol. 18(4). doi:10.5334/ijic.4168
48. *Pomare S., Churruca K., Ellis L.A., Long J.K., Braithwaite J.* A revised model of uncertainty in complex medical care settings: a review analysis // *Journal of Evaluation in Clinical Practice*. 2019. Vol. 25(2). P. 176–182. doi:10.1111/jep.13079
49. *Radey M., Wilke D.J.* The Importance of Job Demands and Supports: Promoting Retention Among Child Welfare Workers // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2021. Vol. 40. P. 57–69. doi:10.1007/s10560-021-00762-z
50. *Ryu G.V., Yang Y.S., Choi M.* The mediation role of coping style in the relationship between work stress and subjective well-being among Korean police officers // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20(1). doi:10.1186/s12889-020-08546-3

References

1. Aksenova E.S., Sineva O.V. Vzaimosvyaz' sotsial'no-psikhologicheskoi adaptivnosti i tolerantnosti k neopredelennosti u studentov-psikhologov [Correlation between Socio-Psychological Adaptability and Tolerance to Uncertainty among Psychology Students.] [Elektronnyi resurs]. *Baikal Research Journal*, 2022. Vol. 13, no. 2. doi:10.17150/2411-6262.2022.13(2).34 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Alishev B.S. Psikhika i preodolenie neopredelennosti [Mind and Overcoming of Uncertainty]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2009. Vol. 6, no. 3, pp. 3–26. (In Russ.).
3. Bauman Z., Donskis L. Moral'naya slepota. Utrata chuvstvitel'nosti v epokhu tekuchei sovremennosti [Moral blindness. The loss of sensitivity in liquid modernity]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2019. 365 p. (In Russ.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

4. Bustubaeva S.M. Situatsii neopredelennosti professional'noi sredy: priznaki i kharakteristika [Uncertainty situations in the professional environment: signs and characteristics]. *Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: V 2 ch. Ch. 2.* Saratov: NOO "Tsifrovaya nauka" Publ., 2020, pp. 62–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Vladykina T. Rossiiane rasskazali, kakim oni vidyat spetsialista organov opeki [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskaya gazeta = Rossiiskaya Gazeta*, 11.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/08/rossiiane-rasskazali-kakim-oni-vidiat-specialista-organov-opeki.html> (Accessed 14.09.2024).
6. Gavrilenko L.S., Chupina V.B. Podgotovka budushchikh vrachei k professional'noi deyatel'nosti v usloviyakh neopredelennosti [Preparation of future doctors for professional activity in the face of uncertainty] [Elektronnyi resurs]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3 (36), pp. 61–63. doi:10.26140/anip-2021-1003-0013 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po pravam rebenka v 2021 godu [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskaya gazeta = Rossiiskaya Gazeta*. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/06/30/doklad_deti_e05.pdf (Accessed 21.09.2024). (In Russ.).
8. Dubentsov M.I. Kategoriya neopredelennosti v psikhologicheskoi nauke i professional'nom samoopredelenii lichnosti. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Researches and Innovations*, 2011, no. 6 (6). (In Russ.).
9. Eryashkina N.S. Institut upolnomochennogo po pravam rebenka v mekhanizme zashchity prav rebenka [The institution of the commissioner for the rights of the child in the mechanism for the protection of the rights of the child]. *Alleya nauki = Alleya Nauki*, 2021. Vol. 1, no. 12 (63), pp. 546–549. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Zakonoproekt No. 232772-8 "O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" [Elektronnyi resurs]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti*, 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (Accessed 28.09.2024). (In Russ.).
11. Zakharova E.V. Vliyanie obrazovatel'noi sredy meditsinskogo vuza na formirovanie motivatsionnoi sfery studentov [Influence of the educational environment of medical school on forming of the motivational sphere of students]. *Integratsiya nauk = Integratsiya Nauk*, 2016, no. 2 (2), pp. 7–10. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Kolesnikova U.V., Yarovikova O.A. K voprosu ob obrazovatel'nykh potrebnostyakh spetsialistov apparatov upolnomochennykh po pravam rebenka [On the Question of the Educational Needs of Specialists of the Offices of the Commissioners for Children's Rights] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 1, pp. 23–35. doi:10.17759/ssc.2022030102 (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Kolmykova M.A. Vyzovy sovremennogo obshchestva: osobennosti i tipologiya [Challenges of modern society: features and typology] [Elektronnyi resurs]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2021, no. 8, pp. 39–42. doi:10.23672/m7723-0823-3742-o (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Kriger E.E. Soprovozhdenie professional'nogo samoopredeleniya pedagoga v situatsiyakh neopredelennosti [Supporting the teacher professional identification in situations of uncertainty]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" = RSUH/RGGU Bulletin. Series*

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

"*Psychology. Pedagogics. Education*", 2018, no. 1 (11), pp. 27–37. doi:10.28995/2073-6398-2018-1-27-37 (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Lashkul M.V., Tarasova A.E. Ogranichenie i lishenie roditel'skikh prav v usloviyakh povysheniya sotsial'noi roli sem'i i ukrepleniya traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostei [Restriction and Deprivation of Parental Rights in the Context of Enhancing the Social Role of the Family and Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 294–307. doi:10.17759/psylaw.2023130420 (In Russ., abstr. in Engl.).

16. Leonov I.N. Vliyanie tolerantnosti k neopredelennosti na professional'no vazhnye kachestva rukovoditelya: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. Yaroslavl, 2015. 24 p. (In Russ.).

17. Leontiev D.A. Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Autoregulation, resources, and personality potential] [Elektronnyi resurs]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2016, no. 62, pp. 18–37. doi:10.17223/17267080/62/3 (In Russ., abstr. in Engl.).

18. Mosienko T.A., Lukyanova A.G., Shchekina E.N. Pravovoi mekhanizm usynovleniya (udochereniya) detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [The legal mechanism for the adoption of children left without parental care]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 3, pp. 171–174. (In Russ., abstr. in Engl.).

19. Nikitina N.A. Situatsiya sotsial'no opasnogo polozheniya kak sovokupnost' obstoyatel'stv, porozhdayushchikh profilakticheskie pravootnosheniya [The condition of socially dangerous situation as a set of circumstances that give rise to preventive legal relations]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2020, no. 1 (51), pp. 48–54. (In Russ., abstr. in Engl.).

20. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Aleksandrova L.A. Sore-30: Psikhometricheskie svoistva kratkoi versii russkoyazychnoi metodiki otsenki koping-strategii [COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian language inventory for coping strategies evaluation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2022, no. 4, pp. 247–275. doi:10.11621/vsp.2022.04.11 (In Russ., abstr. in Engl.).

21. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Sorokova M.G. Shkala reagirovaniya na neopredelennost': instrument otsenki vzaimodeistviya podrostkov s mnogomernym stressom [Uncertainty Response Scale: The Assessment Tool for Adolescent Interaction with Multidimensional Stress] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2024. Vol. 13, no. 2, pp. 106–128. doi:10.17759/cpse.2024130207 (In Russ., abstr. in Engl.).

22. Osin E.N., Gorbunova A.A., Gordeeva T.O., Ivanova T.Yu., Kosheleva N.V., Ovchinnikova E.Yu. Professional'naya motivatsiya sotrudnikov rossiiskikh predpriyatii: diagnostika i svyazi s blagopoluchiem i uspeshnost'yu deyatel'nosti [Professional motivation of Russian employees: assessment and associations with well-being and performance]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2017. Vol. 7, no. 4, pp. 21–49. (In Russ., abstr. in Engl.).

23. Osin E.N., Ivanova T.Yu., Gordeeva T.O. Avtonomnaya i kontroliruemaya professional'naya motivatsiya kak prediktory sub'ektivnogo blagopoluchiya u sotrudnikov rossiiskikh organizatsii [Autonomous and controlled professional motivation predict subjective well-being in Russian employees]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2013. Vol. 3, no. 1, pp. 8–29. (In Russ., abstr. in Engl.).

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

24. Osin E.N., Leontiev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Brief Russian Language Instruments to Measure Subjective WellBeing: Psychometric Properties and Comparative Analysis] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 1, pp. 117–142. doi:10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russ., abstr. in Engl.).
25. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Kolesnikova U.V., Zaitsev G.O. Psikhologicheskie resursy rabotnikov organizatsii dlya detei-sirot s raznym urovnem emotsional'nogo intellekta [Psychological Resources of Employees of Organizations for Orphans with Different Levels of Emotional Intelligence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 6, pp. 155–169. doi:10.17759/pse.2022270612 (In Russ., abstr. in Engl.).
26. Rachitskaya N.V., Andrievskaya S.V. Tolerantnost' k neopredelennosti i professional'noe vygoranie u pedagogov [Uncertainty tolerance and professional burnout among teachers] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Herald of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences*, 2023, no. 1 (39), pp. 72–79. doi:10.52928/2070-1640-2023-39-1-72-79 (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerantnost' k neopredelennosti i vybor koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies in law enforcement] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 4, pp. 106–126. doi:10.17759/psylaw.2017070409 (In Russ., abstr. in Engl.).
28. Rogova A.M., Davydov S.A. Deyatel'nost' instituta upolnomochennogo po pravam rebenka kak element razvitiya pravovogo gosudarstva i sistemy sotsial'noi zashchity detstva v Rossiiskoi Federatsii [The activities of the institution of the commissioner for children's rights as an element of the development of the state of law and the system of social protection of children in the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty = Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2020. Vol. 34, no. 2, pp. 84–91. (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Ryabikina Z.I., Tanasov G.G. Sub'ektivno-bytiinyi podkhod k lichnosti i analizu ee sobytiya s drugimi (konstruktivnaya versiya postmodernistskikh "nastroenii"). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Human. Community. Management*, 2010, no. 2, pp. 4–19. (In Russ., abstr. in Engl.).
30. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FZ (red. ot 31.07.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.10.2023) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Accessed 14.09.2024). (In Russ.).
31. Smirnova I.N. Osobennosti deyatelnosti upolnomochennogo po pravam rebenka v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Peculiarities of the activities of an authorized child in the subjects of the Russian Federation: current problems of theory and practice]. *Yuridicheskii fakt = Yuridicheskii Fakt*, 2021, no. 134, pp. 13–18. (In Russ., abstr. in Engl.).
32. Sorokina N.V. Professional'naya deyatelnost' spetsialistov sotsial'noi sfery v usloviyakh neopredelennosti [Professional activity of social sphere specialists in conditions of uncertainty] [Elektronnyi resurs]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2023, no. 11, pp. 151–162. doi:10.25136/2409-7144.2023.11.68941 (In Russ., abstr. in Engl.).
33. Ovcharova L.N., Sinyavskaya O.V. (Eds.). Sotsial'naya zashchita v Rossii do i posle pandemii: razvilki budushchego: Doklad k KHXIII Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konfer-

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

entsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022 g. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022 184 p.

34. Trukhan E.A. Konflikt roli, rolevaya neopredelennost' i professional'noe vygoranie. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa = Psychological support of the educational process*, 2013. Vol. 1, no. 3-1, pp. 317–324. (In Russ.).

35. Uskova S.A. Povyshenie kachestva professional'no-pedagogicheskoi deyatel'nosti uchitelya v reshenii situatsii neopredelennosti: defitsity, konflikty, krizisy [Improving the quality of teacher's professional and pedagogical activity in the process of solving situations of uncertainty: deficits, conflicts, crises]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2020, no. 2, pp. 224–241. (In Russ., abstr. in Engl.).

36. Tsymbal E.I. Problema vyyavleniya semeinogo neblagopoluchiya na rannikh stadiyakh (analiz normativno-pravovoi bazy) [Identification Problem of Family Dysfunctions in the Early Stages (Analysis of the Regulatory Framework)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2023. Vol. 4, no. 1, pp. 18–35. doi:10.17759/ssc.2023040102 (In Russ., abstr. in Engl.).

37. Chernousova T.V. Strategii prozhivaniya situatsii neopredelennosti kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo analiza [Strategies of responding to uncertainty as a subject of socio-psychological analysis] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*, 2022. Vol. 4, no. 4, pp. 421–434. doi:10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434 (In Russ., abstr. in Engl.).

38. Alcablan A.K., Almahbub M.S. Mediated trauma in public health workers: the role of social workers in prevention. *International Journal of Medical Sciences*, 2021. Vol. 5, no. S1, pp. 947–954. doi:10.53730/ijhs.v5nS1.14988

39. Bakker A.B., Gospels D. Job demands-resources theory: Taking stock and looking forward. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2017. Vol. 22, no. 3, pp. 273–285 doi:10.1037/ocp0000056

40. Boddy J. Engaging with uncertainty: studying child and family welfare in precarious times. *Families Relationships and Societies*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 127–141. doi:10.1332/204674321X16704251101652

41. Ferguson H. How social workers reflect in action and when and why they don't: the possibilities and limits to reflective practice in social work. *Social Work Education*, 2018. Vol. 37, no. 4, pp. 415–427. doi:10.1080/02615479.2017.1413083

42. Fook J. Uncertainty: the defining characteristic of social work? In Cree V. (Ed.). *Social Work: A textbook*. London: Routledge, 2011, pp. 30–39. doi:10.4135/9781446247167.n4

43. Gao Yu., Huang Z., Liu N., Yang J. Are physicians rational under ambiguity? *Journal of Risk and Uncertainty*. 2024. Vol. 68, pp. 183–203. doi:10.1007/s11166-023-09425-z

44. Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 31, no. 4, pp. 519–534. doi:10.1016/s0191-8869(00)00156-2

45. Hamui-Sutton A., Vives-Varela T., Gutierrez-Barreto S., Leenen I., Sánchez-Mendiola M. The typology of uncertainty obtained based on the analysis of critical incidents in medical residents: a study using mixed methods. *BMC Medical Education*, 2015. Vol. 15. doi:10.1186/s12909-015-0459-2

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

46. Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M.A., Han P.K.J. Tolerance to uncertainty: conceptual analysis, integrative model and implications for healthcare. *Social Sciences and Medicine*, 2017. Vol. 180, pp. 62–75. doi:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
47. Pomare C., Ellis L.A., Churruca K., Long J.C., Braithwaite J. The Reality of Uncertainty in Mental Health Care Settings Seeking Professional Integration: A Mixed-Methods Approach. *International Journal of Integrated Care*, 2018. Vol. 18, no. 4. doi:10.5334/ijic.4168
48. Pomare S., Churruca K., Ellis L.A., Long J.K., Braithwaite J. A revised model of uncertainty in complex medical care settings: a review analysis. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2019. Vol. 25, no. 2, pp. 176–182. doi:10.1111/jep.13079
49. Radey M., Wilke D.J. The Importance of Job Demands and Supports: Promoting Retention Among Child Welfare Workers. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 2021. Vol. 40, pp. 57–69. doi:10.1007/s10560-021-00762-z
50. Ryu G.V., Yang Y.S., Choi M. The mediation role of coping style in the relationship between work stress and subjective well-being among Korean police officers. *BMC Public Health*, 2020. Vol. 20, no. 1. doi:10.1186/s12889-020-08546-3

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник, Центр прикладных психолого-педагогических исследований, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Ослон В.Н., Одинцова М.А.,
Семья Г.В., Колесникова У.В.
Инструментальные и мотивационные ресурсы
специалистов сферы защиты прав детей в условиях
неопределенности профессиональной деятельности
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 176–200

*Oslon V.N., Odintsova M.A.,
Semya G.V., Kolesnikova U.V.*
Instrumental and Motivational Resources of Specialists
in the Field of Protection of Children's Rights
in Conditions of Uncertainty of Professional Activity
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 176–200

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: marri505@mail.ru

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Uliana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: alli-tett@ya.ru

Получена 30.09.2024
Принята в печать 29.11.2024

Received 30.09.2024
Accepted 29.11.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Проституция как форма саморазрушающего поведения

Горбатов С.В.

Региональный центр судебной экспертизы (ООО «Региональный центр судебной экспертизы»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Арбузова Е.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

В статье представлены результаты теоретического анализа и сравнительного исследования проституированных женщин в контексте изучения проституции как феномена саморазрушения. Приводятся результаты эмпирического исследования, в том числе особенностей переживания телесного опыта и психосоциальной организации респондентов с разными формами саморазрушающего поведения. Всего в исследовании приняли участие 526 женщин от 18 до 41 года ($M = 25,3$ года). В том числе: вовлеченных в проституцию ($N = 44$); с опытом самоповреждения ($N = 198$); с диагнозом расстройство пищевого поведения ($N = 82$) и респондентов контрольной выборки ($N = 202$). Результаты теоретического и эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что проституированные женщины могут быть отнесены к лицам склонным к саморазрушению. Исследование выявило у них маркеры аутоагрессии по отношению к своему телу, тонкость психологических границ, депривацию психологического пространства и диффузную эго-идентичность.

Ключевые слова: проституция, саморазрушающее поведение, телесные переживания, психологическое пространство, эго-идентичность.

Благодарности: авторы благодарны за помощь в сборе данных для исследования выпускнику факультета психологии Д.М. Розинской.

Для цитаты: Горбатов С.В., Арбузова Е.Н. Проституция как форма саморазрушающего поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 201–216. DOI:10.17759/psylaw.2024140413

Prostitution as a Form of Self-Destructive Behavior

Sergey V. Gorbatov

Regional Center for Forensic Examination, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Elena N. Arbuzova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

The article presents the results of a theoretical analysis and comparative study of prostituted women in the context of the study of prostitution as a phenomenon of self-destruction. The results of an empirical study are presented, including the peculiarities of experiencing bodily experience and the psychosocial organization of respondents with different forms of self-destructive behavior. A total of 526 women aged 18 to 41 years ($M=25.3$ years) participated in the study. Including: those involved in prostitution ($N=44$); with experience of self-harm ($N=198$); diagnosed with an eating disorder ($N=82$) and control sample respondents ($N=202$). The results of theoretical and empirical research allow us to conclude that prostituted women can be classified as persons prone to self-destruction. The study revealed in them markers of autoaggression towards their bodies, the thinness of psychological boundaries, deprivation of psychological space and diffuse ego identity.

Keywords: prostitution, self-destructive behavior, suicidal and self-harming behavior, personality disorder, sexual violence, bodily experiences, ego identity.

For citation: Gorbatov S.V., Arbuzova E.N. Prostitution as a Form of Self-Destructive Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 201–216. DOI:10.17759/psylaw.2024140413 (In Russ.).

Актуальность проблемы

Анализ отечественных и зарубежных источников литературы позволяет говорить о проституции как об определенном социально-девиантологическом феномене, консолидированное мнение по которому на сегодняшний день у большинства исследователей отсутствует. Этому способствует в том числе то, что проституция рассматривается в рамках разных объяснительных моделей, с различных правовых точек зрения, с противоположных и часто непримиримых нравственных, религиозных и общественных позиций. Исходя из этого ее принято понимать: как профессиональную деятельность в сфере услуг, как общественно опасное деяние, как совладание с травматическим опытом пережитого сексуального насилия в детстве, как форму рабства или как социальное отклонение, обусловленное девиантным образом жизни. Не останавливаясь на проблеме правовой, моральной или какой-либо иной социальной регламентации, отметим, что, на наш взгляд, бóльшей объективности в понимании проституции может способствовать изучение отдельных клинико-психологических аспектов данного явления. Так, в частности, мало изученными до сих пор остаются вопросы, отмеченные в работах некоторых авторов как связанные с риском возникновения саморазрушающего поведения у лиц, вовлеченных в проституцию [18; 22; 31 и др.].

Теоретико-методологические основы исследования

Несмотря на то, что проституция уходит корнями к истокам человеческой истории, объектом научного анализа и исследовательского интереса она становится лишь в 19 веке, начиная с работ парижского врача-гигиениста Алексиса-Жана-Батиста Паран-Дюшатле. В Европе в этот период изучением проституции занимались Б. Морель, Ч. Ломброзо, И. Блох, О. Вейнингер и многие другие. В контексте отнесения изначальной предрасположенности человека к перверсиям, данную проблему затрагивает и З. Фрейд. В «Трех очерках по истории сексуальности» основатель психоанализа пишет о том, что у проститутки сохраняются изначаль-

ные, инфантильные, полиморфно-извращенные склонности, которые в конечном итоге и определяют их выбор деятельности такого рода [20]. В России по результатам исследования проституированных женщин издаются работы П. Тарновской, в том числе в 1902 г. увидела свет работа «О некоторых антропологических измерениях и физических признаках вырождения у привычных проституток» [6]; выходят очерки Б.И. Бентовина [3] и др.

Сравнительные эмпирические исследования лиц, вовлеченных в проституцию, появляются значительно позже. В целом, эти работы создают противоречивый и фрагментарный портрет проституированной личности. Однако изучение различных аспектов психической деятельности и свойств личности проституированных женщин уже на начальных этапах исследования позволяет говорить о том, что они в большинстве случаев обладают ярко выраженными проявлениями различных форм девиантного поведения, антисоциальными чертами личности, на фоне отдельных признаков психопатологии [12; 27; 28; 29; 30; 35; 38; 39; 42; 45; 46; 47].

Изучая психиатрические и личностные факторы, определяющие повышенную смертность в долгосрочной когорте проституированных женщин (1969 человек), S. Brody и др. обнаруживают согласованность между наблюдаемой структурой смертности у проституированных женщин и структурой смертности, которая свойственна лицам с антисоциальным и пограничным расстройством личности [26]. Основным фактором, связывающим проституцию с повышенной смертностью, по мнению авторов, является наличие антисоциальных и пограничных личностных черт, наблюдаемых в самых разных выборках проституток. По мнению S. Brody, J.J. Potterat, антисоциальное и другие расстройства личности, возможно, усиливаются при занятии проституцией, но прежде всего предшествуют вступлению в проституцию [25].

Похожую точку зрения высказывают и современные отечественные исследователи. Так, Е.Т. Соколова и С.В. Ильина провели изучение влияния эмоционального опыта насилия, приобретенного в детстве на особенности «самоидентичности» женщин, вовлеченных в проституцию. Авторы пришли к выводу о том, что проституированные женщины характеризуются нарциссической личностной организацией пограничного уровня, а сам феномен проституции они предлагают рассматривать «...не только как форму антисоциального поведения, но и как единый сложный комплекс нарушения самосознания и стиля личности» [19, с. 79].

Следует отметить, что большинство исследователей, на основании статистических данных, указывают на высокий риск саморазрушающей активности среди проституированных лиц, как в широком диапазоне переживаемых ими состояний, предвещающих аутоагрессию, так и в плане наследуемых и приобретенных аномалий личности, ассоциированных с риском деструктивного, в том числе суицидального поведения. В дискурсе о сущности проституции склонность проституированных женщин к саморазрушению отмечалась еще Отто Вейнингером. Сравнивая между собой женщину-мать и женщину проститутку, Вейнингер пишет: «Женщина-мать является воплощением принципа любви к жизни, проститутка есть носительница принципа глубокой вражды к ней» — и там же: «Проститутка носит с желанием самоуничтожения и всеунижения» [5, с. 352].

В результате международного исследования причин смертности проституированных женщин, проведенного в трех регионах мира с 2014 по 2019 гг., было обнаружено 2112 случаев смерти, среди которых 13% относятся к случаям завершеного суицида [50]. S. Brody, J.J. Potterat, S.Q. Muth, D.E. Woodhouse на основании исследования проведенного в США делают вывод, что самоубийства составляют 4,5% смертей в выборке женщин, вовлеченных в проституцию [26]. Метаанализ 1046 исследований в отношении проблем психического здоровья среди проституированных женщин в странах с низким и средним уровнем дохода, про-

веденный T.S. Beattie, B. Smilenova, S. Krishnaratne и др., показал распространенность в этом контингенте недавних мыслей о самоубийстве или недавних попыток самоубийства [21].

М. Shahmanesh, S. Wayal, S. и др. изучали распространенность суицидального поведения и его связь с некоторыми социальными, демографическими и медицинскими факторами, в том числе среди вовлеченных в проституцию 326 женщин штата Индии Гоа [40]. Большая часть из общего числа респондентов сообщили о том, что за последние 3 месяца: у них были суицидальные мысли — 34,9%; планировали самоубийство — 25,6%; предприняли попытку самоубийства — 18,7%. Распространенность попыток самоубийства среди женщин моложе 20 лет составила 41,5%. Одной из причин высокой аутоагрессии среди проституированных женщин китайские исследователи Yan Hong, Xiaoyi Fang считают стигматизацию [32]. В их исследовании у проституированных женщин был средний или высокий уровень самоощущаемой стигматизации, который обуславливал аутоагрессию: у 30% респондентов были повышенные депрессивные симптомы, у 18% были суицидальные мысли и у 9% были попытки самоубийства за последние 6 месяцев. P.A. Bevilacqua обследовала 433 женщины, вовлеченных в проституцию, с целью определить среди них распространенность депрессии и риск самоубийства в связи с отдельными психосоциальными факторами [22]. Результаты позволили автору говорить, что у 40% респондентов наблюдалась клиническая депрессия, а у 30% был выявлен повышенный риск совершения суицида. Сравнивая 176 женщин, употребляющих наркотические вещества и всю жизнь занимавшихся проституцией, с 89 женщинами также употребляющих наркотики, но не занимавшихся проституцией, G. Gilchrist, L. Gruer и J. Atkinson приходят к выводу, что для вовлеченных в проституцию женщин характерен более высокий риск суицидального поведения [31]. Португальские исследователи A. Teixeira и A. Oliveira изучали суицидальное поведение и психическое здоровье 52 проституированных женщин, работающих на улице [43]. Согласно этим данным, почти половина респондентов (46,15%) сообщили о высоком уровне суицидальных мыслей, а 44,2% предприняли по крайней мере одну попытку самоубийства.

Один из основателей суицидологии, Norman L. Farberow, наряду с преступностью, наркоманией, алкоголизмом, необоснованным риском и прочими видами поведенческих отклонений, которые не направлены прямо на самоубийство, но в конечном итоге приводят к смерти или краху личности, относит проституцию к саморазрушающему поведению [44].

В рамках концепций отклоняющегося поведения, предлагаемых отечественными исследователями, проституция также рассматривается как деструктивный феномен. Н.В. Майсак напрямую выделяет ее аутоагрессивную направленность [13]. По мнению Г.Б. Дерягина, саморазрушение проституированной личности обусловлено мощным виктимизационным фоном [10]. Е.Т. Соколова рассматривает психологические причины проституции в рамках «синдрома» отдаленных последствий психической травмы с проявлениями деструктивного отношения к себе, в том числе с множественными суицидальными попытками, зависимостями, промискуитетом, а также поведением, которое калечит тело [18, с. 112]. Их всех, по мнению автора, объединяет общий генез, связанный с эмоциональным опытом отвержения, потери и насилия. Им всем присущи черты, сочетающие стремление к смерти, разрыву всех связей с миром и другими людьми, но также и отчаянное стремление к полному воссоединению и слиянию с ними.

Теоретический анализ указывает на особую актуальность проблемы и правомерность предположения о склонности проституированных лиц к саморазрушению. Ракурс эмпирического изучения рассматриваемого явления у проституированных лиц, на наш взгляд, должен задаваться самой сутью проституционных отношений, сводящихся к практике телесных ма-

нипуляций, не требующих, по словам С.И. Голода [7], мобилизации эротико-интимного потенциала, при непреодолимой личностной отчужденности проституированной личности от потребителя секса. Эта отчужденность находит свое отражение в ряде телесных феноменов, эмоциональных, и когнитивных нарушениях.

Так М.М. Русакова [17], исследуя траекторию вхождения женщин в проституцию, указывает, что на стадии адаптации им приходится вырабатывать когнитивные и эмоциональные стратегии совладания с неблагоприятными условиями своей деятельности, в том числе в виде деперсонализации (отстранения от собственного тела). Ю.М. Антонян пишет о склонности проституированных женщин отчуждать свое тело от своей личности, в результате чего у них формируется восприятие своего тела как чуждого, изолированного, ощущаемого как данность, которой можно манипулировать. Называя этот телесный феномен термином «де-соматизация», Ю.М. Антонян считает, что он является в том числе причиной становления на путь проституции [2, с. 23]. Приведенные выше наблюдения позволяют предположить, что сравнительное эмпирическое исследование в сфере эго-идентичности и телесного опыта женщин, вовлеченных в проституцию, предоставит дополнительные данные, подтверждающие их склонность к саморазрушению.

Организация и методика исследования

Для эмпирической проверки предположения мы обратились к сравнительному исследованию особенностей переживания негативного телесного опыта и нарушенной психосоциальной организации Я как основных маркеров саморазрушающего поведения [36] в группах женщин с разными формами отклоняющегося поведения и группе женщин с нормативным просоциальным поведением. Целью нашего исследования стало проведение сравнительного анализа отдельных аспектов телесного Я, телесных переживаний и отдельных характеристик эго-идентичности в четырех группах респондентов. Возраст респондентов составил от 18 до 41 года, средний возраст — 25,3 года.

В основные группы вошли молодые женщины: вовлеченные в проституцию (44 человека); склонные к самоповреждению (198 человек); страдающие от РПП (с диагнозом расстройства пищевого поведения) и активно стремящиеся к преобразованию своей внешности (82 человека).

В контрольную группу (условного здоровья) вошли молодые женщины, характеризующиеся просоциальным и адаптивным поведением (202 человека).

В ходе исследования, кроме фиксации в поведении прямой склонности к саморазрушению (причинение себе повреждений, активное использование практик голодания во вред здоровью и физических приемов способствующих модификации тела), рассматривались психологические показатели, отклонение которых могло бы быть маркерами саморазрушающего поведения: перцептивный, оценочный и поведенческие компоненты образа тела, суверенность психологического пространства личности, качество его психологических границ и особенности эго-идентичности личности.

Использовались следующие средства диагностики. Для выявления склонности к саморазрушению использовалась шкала эмоциональных инвестиций в тело BIS (The Body Investment Scale) I. Orbach, M. Mikulincer (1998) [36], адаптированная нами для русскоязычной выборки [8], в том числе учитывалась выраженность показателей по шкалам «Враждебность к своему телу», «Склонность к риску», «Контроль дистанции». Для изучения особенностей переживания суверенности психологического пространства респондентов в детстве использовался тест-опросник С.К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства» [15],

в том числе изучались нарушение суверенности и депривированность физического тела. Для определения степени проницаемости психологических границ личности использовался тест «Психологические границы» (Э. Хартман) в адаптации О.А. Шамшиковой, В.И. Волоховой, позволяющий оценить толщину психологических границ личности [1]. Для изучения косвенного показателя склонности к саморазрушению — диффузной идентичности использовалась «Шкала эго-идентичности» А.Л. Тан и др. [41].

Взаимодействие с женщинами, вовлеченными в проституцию, проходило индивидуально на мобильном пункте оказания социальной, медицинской и правовой помощи. Опрос женщин, склонных к самоповреждению и наблюдаемых в медицинских заведениях по поводу расстройства пищевого поведения, проходил в стационарах лечебных учреждений и частично в онлайн-режиме. Взаимодействие с контрольной выборкой проходило в онлайн-режиме. В основном это были участницы форумов интернет-сообществ, посвященных спорту, туризму, обсуждению искусства и науки.

Анализ результатов исследования

Статистический анализ полученных данных проводился с помощью компьютерной программы для статистической обработки STATISTICA 12.0. Использовались методы непараметрической статистики, так как гипотеза о нормальном распределении переменных, проверенная с помощью критерия Колмогорова—Смирнова, подтвердилась не на всех данных.

Сравнительный анализ средних, проводился с помощью U-критерий Манна—Уитни, а корреляционный анализ — на основе ранговой корреляции Спирмена.

На первом этапе нами анализировались основные показатели телесных переживаний в сравниваемых группах с помощью адаптированного нами опросника BIS. Результаты сравнения средних по Шкале эмоциональных инвестиций в тело BIS (The Body Investment Scale) позволяют говорить о значимых различиях в сфере телесных переживаний, телесного опыта и отношения к своему телу у респондентов контрольной группы и женщин, вовлеченных в проституцию. Подобную тенденцию продемонстрировали и группы, практикующие самоповреждение, а также респонденты, страдающие РПП.

Общие тенденции в группах респондентов по субшкалам BIS можно видеть на рис. 1.

По субшкале «Принятие себя» женщины контрольной группы показывают более высокие результаты ($p \leq 0,001$) по сравнению с респондентами основных групп. Женщины из групп вовлеченных в проституцию, практикующих самоповреждение, страдающих расстройством пищевого поведения, в меньшей степени склонны находиться в согласии со своей телесностью, принимать свою внешность и тело такими, какими они есть на данный момент.

Похожая картина, в соответствии со смыслом измеряемого параметра, получается и по субшкале «Враждебность к своему телу». Респонденты контрольной группы получают по ней наименьшие баллы. В то время как в сравнении с контрольной группой женщины, вовлеченные в проституцию ($p \leq 0,021$), практикующие самоповреждение ($p \leq 0,0081$), больше склонны выражать негативные чувства в отношении своего тела, проявлять агрессию по отношению к Я-телесному. При этом вовлеченные в проституцию получили по данному параметру меньшие баллы ($p \leq 0,05$), чем респонденты групп, склонные к саморазрушению. Наиболее враждебными к своему телу оказались женщины, с диагнозом РПП (расстройство пищевого поведения) ($p < 0,0001$).

Результаты по субшкале «Тактильный комфорт» позволяют говорить, что вовлеченные в проституцию, как и респонденты, практикующие самоповреждение и страдающие от РПП, в меньшей степени ($p \leq 0,0004$), чем респонденты контрольной группы, нуждаются в тактиль-

ном комфорте, т. е. в объятиях, в теплоте интимной близости, они не хотят физически контактировать и направлены на избегание прикосновений.

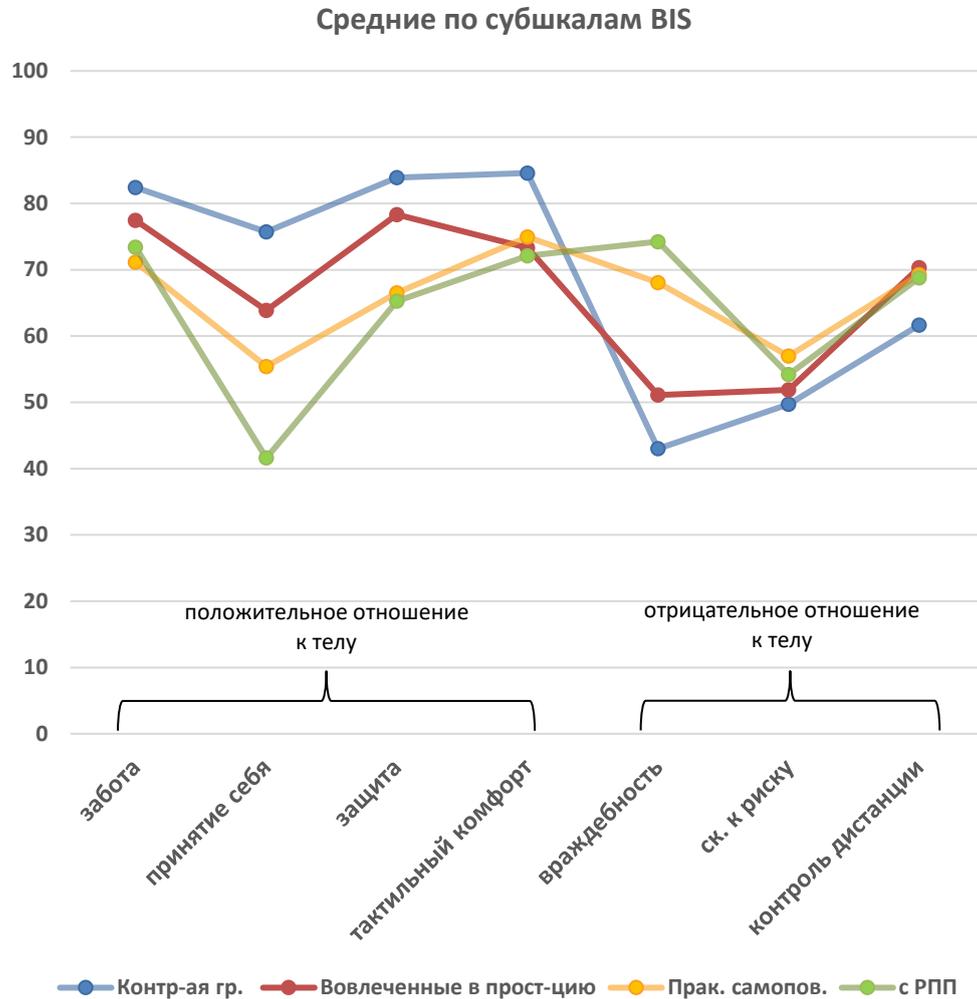

Рис. 1. Тенденции оценок сравниваемых групп респондентов по субшкалам BIS

Своеобразным продолжением предыдущей тенденции являются и результаты по субшкале «Контроль дистанции». Лица, вовлеченные в проституцию, как и респонденты склонные к саморазрушающему поведению (группа практикующих самоповреждение и группа страдающих от РПП), в значимо большей степени, чем респонденты контрольной группы, показывают желание увеличивать дистанцию при общении с другими людьми, склонны к обособлению и изоляции ($p \leq 0,025$).

Надо отметить, что по шкале «Забота о теле» вовлеченные в проституцию значимо не отличаются от контрольной группы, они также склонны проявлять заботу о своем внешнем виде. Наиболее низкие баллы по этой шкале по отношению к респондентам контрольной группы получили женщины, практикующие самоповреждения ($p \leq 0,016$). По шкале «Защита тела» проституированные женщины также не имеют значимых различий по сравнению с контрольной группой, в то время как группа женщин с самоповреждающим поведением и группа страдающих от РПП имеют значимо более низкие баллы ($p \leq 0,01$).

По шкале «Склонность к рискованному поведению» значимых различий между основными группами и контрольной обнаружено не было, что характерно для русскоязычной выборки и в других исследованиях [8].

По результатам сравнительного анализа других показателей склонности к саморазрушению мы получили данные, отраженные в табл. 1.

Таблица 1

Средние баллы по Шкале эго-идентичности (А.Л. Тан и др.)

Контрольная группа	Вовлеченные в проституцию	Склонные к самоповреждению	Группа с РПП
6,9	5,4	4,4	4,2

Сравнение средних по Шкале эго-идентичности позволяет говорить о наличии значимых различий между контрольной выборкой и выборкой вовлеченных в проституцию ($p \leq 0,04$). Значимые различия с контрольной группой имеют место и у групп с самоповреждающим поведением, а также женщин, страдающих РПП ($p \leq 0,01$). Респонденты контрольной группы в значимо большей степени обладают консолидированным представлением о себе, их Я ощущается ими как целостное образование, оно константно и непрерывно во времени. Диффузия идентичности больше свойственна женщинам, вовлеченным в проституцию, в группах, практикующих самоповреждение и страдающих от РПП.

Данные, полученные по результатам использования опросника «Суверенность психологического пространства», также позволяют говорить об определенной разнице в средних по группам испытуемых (табл. 2).

Таблица 2

Средние (сырые) баллы по интегральной шкале опросника «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер)

Контрольная группа	Вовлеченные в проституцию	Склонные к самоповреждению	Группа с РПП
17,8	3,3	-2,6	-3,5

По интегральной шкале СПП респонденты контрольной группы показывают значимо большую суверенность своего психологического пространства, чем женщины, вовлеченные в проституцию ($p \leq 0,05$), практикующие самоповреждение ($p \leq 0,01$) и страдающие от РПП ($p \leq 0,03$), что указывает на переживание депривации психологического пространства во всех основных исследуемых группах респондентов.

Далее представлены результаты опросника Э. Хартмана «Психологические границы» (табл. 3).

Таблица 3

Показатели средних опросника Э. Хартмана и уровень значимости разницы в отношении контрольной группы

Группа	Средние	$P \leq 0,05$
Контрольная группа	50,5	-
Вовлеченные в проституцию	53,4	0,035
Склонные к самоповреждению	55,4	0,001
Группы с РПП	54,8	0,001

Данные позволяют говорить о том, что женщины, вовлеченные в проституцию, по своим показателям значимо отличаются ($p \leq 0,035$) от женщин контрольной группы. Подобная тенденция наблюдается и в группах, практикующих самоповреждение и страдающих РПП.

На основании опыта использования данного опросника большинство специалистов к норме относят 35—40 баллов, а оценку выше 50 баллов предлагают рассматривать как показатель тонкости психологических границ. Исходя из этого следует, что респонденты, вовлеченные в проституцию, обладают тонкими психологическими границами личности.

Анализ структуры корреляционных взаимосвязей между всеми изучаемыми признаками позволяет говорить о том, что отличительной особенностью группы женщин, вовлеченных в проституцию, и группы склонных к самоповреждению является значимая ($p < 0,01$) взаимосвязь между ростом враждебного отношения к своему телу (в соответствии с результатами уровня анализа) и снижением чувства суверенности физического тела в детстве, а также снижением толщины психологических границ личности. Сходной у вовлеченных в проституцию и страдающих РПП является взаимосвязь снижения способности принимать свое тело и внешность такими, какими они есть, со снижением интегрального показателя суверенности психологического пространства.

Общим для всех групп является то, что в организации телесного Я и позитивного отношения к собственному телу и внешности значительную роль играет эго-идентичность. Этот показатель положительно взаимосвязан с заботой о теле, принятием самого себя, с тактильным комфортом, его рост снижает склонность к дистанцированию при общении с другими людьми и увеличивает ощущение суверенности психологического пространства в детстве ($p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом поддерживают выводы нашего предыдущего исследования, ориентированного на изучение особенностей Я-концепции проституированных женщин [4] и позволяют говорить о том, что по степени выраженности основных показателей, а также характеру взаимосвязей изучаемых показателей телесности и психосоциальной организации «Я» группа женщин, вовлеченных в проституцию, в пространстве измеряемых характеристик оказывается ближе к группам женщин, практикующих самоповреждение и страдающих от расстройства пищевого поведения, т. е. расстройства несущего в себе повышенный риск смерти и высокой заболеваемости. Группа женщин, вовлеченных в проституцию, имеет косвенные признаки, указывающие на их склонность к саморазрушающему поведению. Так, проституированные женщины характеризуются диффузной идентичностью, что свойственно лицам с самыми разными формами саморазрушающего поведения [33; 37; 48; 49]. У проституированных женщин имеют место тонкие психологические границы и депривировано психологическое пространство личности, что свойственно и респондентам, причиняющим себе физический вред. Подобные проявления в значительной степени схожи с изменениями психологического пространства респондентов, страдающих расстройством пищевого поведения и практикующих несуйцидальное самоповреждение [11; 16].

Кроме описанных признаков, указывающих на общность отдельных эго-характеристик лиц, вовлеченных в проституцию и склонных к саморазрушению, следует обратить внимание на отчетливые маркеры аутоагрессии у проституированных женщин. Последнее прежде всего заключается в негативном отношении к собственному телу. Как показывают отдельные исследования, негативное отношение к собственному телу оказывается надежным прогностическим признаком суицидальных идей [24], суицидальных попыток [34; 36] и самоповрежде-

ния [9; 23]. В то же время результаты, полученные нами, позволяют обнаружить у проституированных женщин противоречивые тенденции в виде проявления враждебности к своему телу, в сниженной потребности в тактильном комфорте, в социальном дистанцировании, как у респондентов, практикующих самоповреждение, и одновременно стремление к защите тела, заботе о теле, как у респондентов контрольной группы. Выскажем предположение, что отсутствие значимых различий именно по этим субшкалам связано с характером практикуемой ими асоциальной деятельности.

Заключение

Таким образом, изучение теоретических представлений, анализ статистических данных, результаты различного рода эмпирических исследований и проведение собственного сравнительного исследования Я телесного и идентичности у женщин, вовлеченных в проституцию, сравнение их с контрольной группой и теми, кто наносит себе физические повреждения или интенсивно использует средства и физические ограничения в целях модификации собственного тела, позволяет с определенной долей уверенности говорить о проституции как форме саморазрушения. В то же время малая выборка, состоящая из проституированных женщин, находящихся клиентов в основном на улице, накладывает определенные ограничения на полный перенос полученных результатов на общую когорту лиц, вовлеченных в проституцию. В качестве перспективы подтверждения выдвинутой гипотезы необходимы дальнейшие исследования более многочисленной группы респондентов и поиск дополнительных маркеров саморазрушающего поведения.

Литература

1. Андронникова О.О., Волохова В.И. Психологические границы виктимной личности // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 2. С. 111–118.
2. Антонян Ю.М. Субъективные причины проституции // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 19–26.
3. Бентовин Б.И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. М., 1907. 234 с.
4. Вартанян Г.А., Горбатов С.В., Муртазина И.Р. Особенности Я-концепции женщин, занимающихся коммерческим сексом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 166–184. doi:10.17759/psylaw.2020100412
5. Вейнингер О. Пол и характер. М., 2021. 544 с.
6. Ворошилова С.В. Женщина-врач П.Н. Тарновская (1848—1910) — представительница русской школы криминальной антропологии // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Выпуск 10-й. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 51–59.
7. Голод С.И. Проституция. Историко-культурная ретроспектива // Человек. 2009. № 5. С. 131–139.
8. Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Шаболтас А.В. Апробация русскоязычной версии Шкалы эмоциональных инвестиций в тело BIS (The Body Investment Scale) [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2023. № 5 (65). С. 616–632. doi:10.32744/pse.2023.5.36
9. Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Шаболтас А.В., Горбачева В.В. Особенности Я-концепции девочек подростков с несуицидальным самоповреждающим поведением [Электронный ресурс] // Суицидология. 2020. Том 11. № 1 (38). С. 53–69. doi:10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-53-69

10. Дерягин Г.Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на Европейском Севере России: Дисс. ... докт. мед. наук. Архангельск, 2002.
11. Жедунова Л.Г., Волдаева А.С. Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том II. С. 237–341.
12. Короткова Е.В. Психологическое здоровье женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. № 7/2. С. 73–80.
13. Майсак Н.В. Проблема систематизации девиантного поведения // Астраханский медицинский журнал. 2011. Том 6. № 2. С. 85–89.
14. Моц А. Психология женского насилия. Преступление против тела. М., 2021. 260 с.
15. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии: Монография. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 449 с.
16. Рошка Е.В. Границы психологического пространства личности у женщин с нарушением пищевого поведения // Modern Science. 2021. № 4-1. С. 379–387.
17. Русакова М.М. Социологическая модель жизненных траекторий женщин, вовлеченных в проституцию [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Том 12. № 3. С. 249–262. doi:10.21638/spbu12.2019.303
18. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл. 2015. 895 с.
19. Соколова Е.Т., Ильина С.В. Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентификации женщин, занимающихся проституцией // Психологический журнал. 2000. Том 21. № 5. С. 69–81.
20. Фрейд З. Очерки по теории сексуальности. М.: АСТ, 2006. 285 с.
21. Beattie T.S., Smilenova B., Krishnaratne S., Mazzuca A. Mental health problems among female sex workers in low- and middle-income countries: A systematic review and meta-analysis // PLoS Medicine. 2020. Vol. 17(9). doi:10.1371/journal.pmed.1003297
22. Bevilacqua P.A. Depresión y Riesgo de Suicidio en Trabajadoras Sexuales // Gaceta Medica Boliviana. 2021. Vol. 44(2). P. 139–147. doi:10.47993/gmb.v44i2.354
23. Brausch A., Nichols P., Laves E., Clapham R. Body Investment as a Protective Factor in the Relationship Between Acquired Capability for Suicide and Suicide Attempts // Behavior Therapy. 2021. Vol. 52(5). P. 1114–1122. doi:10.1016/j.beth.2021.02.008
24. Brausch A.M., Muehlenkamp J.J. Body image and suicidal ideation in adolescents // Body Image. 2007. Vol. 4(2). P. 207–212. doi:10.1016/j.bodyim.2007.02.001
25. Brody S., Potterat J.J. Assessing mental health and personality disorder in prostitute women // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2010. Vol. 122(2). doi:10.1111/j.1600-0447.2010.01578.x
26. Brody S., Potterat J.J., Muth S.Q., Woodhouse D.E. Psychiatric and Characterological Factors Relevant to Excess Mortality in a Long-Term Cohort of Prostitute Women // Journal of Sex & Marital Therapy. 2005. Vol. 31(2). P. 97–112. doi:10.1080/00926230590477943
27. Church S., Henderson M., Barnard M., Hart G. Violence by clients towards female prostitutes in different work settings: questionnaire survey // BMJ. 2001. Vol. 322(7285). P. 524–525. doi:10.1136/bmj.322.7285.524
28. De Schamphelre D. MMPI characteristics of professional prostitutes: a cross-cultural replication // Journal of Personality Assessment. 1990. Vol. 54(1-2). P. 343–350. doi:10.1080/00223891.1990.9673998

29. *Farley M., Barkan H.* Prostitution, Violence, and Posttraumatic Stress Disorder // *Prostitution, Violence, and Posttraumatic Stress Disorder, Women & Health*. 1998. Vol. 27(3). P. 37–49. doi:10.1300/J013v27n03_03
30. *Gibson-Ainyette I., Templer D.I., Brown R., Veaco L.* Adolescent female prostitutes // *Archives of Sexual Behavior*. 1988. Vol. 17(5). P. 431–438. doi:10.1007/BF01542483
31. *Gilchrist G., Gruer L., Atkinson J.* Comparison of drug use and psychiatric morbidity between prostitute and non-prostitute female drug users in Glasgow, Scotland // *Addictive Behaviors*. 2005. Vol. 30(5). P. 1019–1023. doi:10.1016/j.addbeh.2004.09.003
32. *Hong Y., Fang X., Li X., Liu Y., Li M., Tai-Seale T.* Self-Perceived Stigma, Depressive Symptoms, and Suicidal Behaviors Among Female Sex Workers in China // *Journal of Transcultural Nursing*. 2010. Vol. 21(1). P. 29–34. doi:10.1177/1043659609349063
33. *Kruzan K.P., Muehlenkamp J.J., Claes L.* Identity, self-blame, and body regard in NSSI: A test of moderated-mediation // *Comprehensive Psychiatry*. 2022. Vol. 116. doi:10.1016/j.comppsy.2022.152322
34. *Lamis D.A., Malone P.S., Langhinrichsen-Rohling J., Ellis T.E.* Body investment, depression, and alcohol use as risk factors for suicide proneness in college students // *Crisis*. 2010. Vol. 31(3). P. 118–127. doi:10.1027/0227-5910/a000012
35. *O’Sullivan D.M., Zuckerman M., Kraft M.* The personality of prostitutes // *Personality and Individual Differences*. 1996. Vol. 21(3). P. 445–448. doi:10.1016/0191-8869(96)00053-0
36. *Orbach I., Mikulincer M.* The Body Investment Scale: Construction and Validation of a Body Experience Scale // *Psychological Assessment*. 1998. Vol. 10(4). P. 415–425. doi:10.1037/1040-3590.10.4.41
37. *Paul T., Schroeter K., Dahme B., Nutzinger D.O.* Self-injurious behavior in women with eating disorders // *American Journal of Psychiatry*. 2002. Vol. 159(3). P. 408–411. doi:10.1176/appi.ajp.159.3.408
38. *Ross C.A., Anderson G., Heber S., Norton G.R.* Dissociation and Abuse Among Multiple-Personality Patients, Prostitutes, and Exotic Dancers // *Psychiatric Services*. 1990. Vol. 41(3). P. 328–330. doi:10.1176/ps.41.3.328330
39. *Ross C.A., Norton G.R., Wozney K.* Multiple personality disorder: an analysis of 236 cases // *Canadian Journal of Psychiatry*. 1989. Vol. 34(5). P. 413–418. doi:10.1177/070674378903400509
40. *Shahmanesh M., Wayal S., Cowan F., Mabey D., Copas A., Patel V.* Suicidal behavior among female sex workers in Goa, India: The silent epidemic // *American Journal of Public Health*. 2009. Vol. 99(7). P. 1239–1246. doi:10.2105/ajph.2008.149930
41. *Tan A.L., Kendis R.J., Porac J., Fine J.T.* A Short Measure of Eriksonian Ego Identity // *Journal of Personality Assessment*. 1977. Vol. 41(3). P. 279–284. doi:10.1207/s15327752jpa4103_9
42. *Tebbutt J., Swanston H., Oates K., O’Toole B.* Five years after child sexual abuse: Persisting dysfunction and problems of prediction // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1997. Vol. 36(3). P. 330–339. doi:10.1097/00004583-199703000-00011
43. *Teixeira A., Oliveira A.* Exploratory study on the prevalence of suicidal behavior, mental health, and social support in female street sex workers in Porto, Portugal // *Health Care for Women International*. 2017. Vol. 38(2). P. 159–166. doi:10.1080/07399332.2016.1192172
44. *The Many Faces of Suicide / Farberow N.L. (Ed.).* New York: McGraw-Hill Book Company, 1980. 112 p.
45. *Tiosavljević D.V.* Eysenck’s dimensions of personality and level of maturity of women engaged in prostitution. Belgrade, Serbia, 2016. 180 p.

46. Tiosavljević D., Djukić-Dejanović S., Turza K., Jovanović A., Jeremić V. Prostitution as a Psychiatric Situation: Ethical Aspects // *Psychiatria Danubina*. 2016. Vol. 28(4). P. 349–356.
47. Veiga E., Dujó V. Repercusiones psicopatológicas en las mujeres adultas que ejercen la prostitución // *Psicopatología Clínica, Legal y Forense*. 2022. Vol. 22. P. 63–90.
48. Verschueren M., Claes L., Bogaerts A., Palmeroni N., Ghandi A., Moons P., Luyckx K. Eating disorder symptomatology and identity formation in adolescence: A cross-lagged longitudinal approach // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. doi:10.3389/fpsyg.2018.00816
49. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E.A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders // *European Eating Disorders Review*. 2017. Vol. 25(1). P. 26–35. doi:10.1002/erv.2487
50. Willis B., Perttu E., Fitzgerald M., Thompson H., Weerasinghe S., Macias-Konstantopoulos W. Causes of mortality among female sex workers: Results of a multi-country study // *EClinicalMedicine*. 2022. Vol. 52. doi:10.1016/j.eclinm.2022.101658

References

1. Andronnikova O.O., Volokhova V.I. Psikhologicheskie granitsy viktimnoi lichnosti [Psychological borders victimization personality]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2018, no. 2, pp. 111–118. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Antonyan Yu.M. Sub'ektivnye prichiny prostitutsii [Subjective causes of prostitution]. *Obshchestvo i parvo = Society and Law*, 2022, no. 1 (79), pp. 19–26. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Bentovin B.I. Torguyushchie telom: Ocherki sovremennoi prostitutsii. Moscow, 1907. 234 p. (In Russ.).
4. Vartanyan G.A., Gorbatov S.V., Murtazina I.R. Osobennosti YA-kontseptsii zhenshchin, zanimayushchikhsya kommercheskim seksom [Peculiarities of Self-Concept in Women Practicing Commercial Sex] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 166–184. doi:10.17759/psylaw.2020100412 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Weininger O. Pol i kharakter [Sex and Character: A Fundamental Investigation]. Moscow, 2021. 544 p. (In Russ.).
6. Voroshilova S.V. Zhenshchina-vrach P.N. Tarnovskaya (1848—1910) — predstavitel'nitsa russkoi shkoly kriminal'noi antropologii [Female-doctor P.N. Tarnovskaya, representative of the Russian school of criminal anthropology]. *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 10-i*. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet Publ., 2020, pp. 51–59. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Golod S.I. Prostitutsiya. Istoriko-kul'turnaya retrospektiva [Prostitution: historical and cultural retrospection]. *Chelovek = The Human Being*, 2009, no. 5, pp. 131–139. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Shaboltas A.V. Aprobatsiya russkoyazychnoi versii Shkaly emotsional'nykh investitsii v telo BIS (The Body Investment Scale) [Approbation of the Russian version of the Body Investment Scale (BIS)] [Elektronnyi resurs]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2023, no. 5 (65), pp. 616–632. doi:10.32744/pse.2023.5.36 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Gorbatov S.V., Arbuzova E.N., Shaboltas A.V., Gorbacheva V.V. Osobennosti Ya-kontseptsii devochek podrostkov s nesuitsidal'nym samopovrezhdayushchim povedeniem [Features of Self-concept of female adolescents with non-suicidal self-harming behavior] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2020. Vol. 11, no. 1 (38), pp. 53–69. doi:10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-53-69 (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Deryagin G.B. Sudebno-meditsinskie aspekty polovogo nasiliya na Evropeiskom Severe Ros-sii: Diss. dokt. med. nauk. Arkhangelsk, 2002. (In Russ.).
11. Zhedunova L.G., Voldaeva A.S. Granitsy psikhologicheskogo prostranstva lichnosti kak faktor narushenii pishchevogo povedeniya [Borders of the Personality's Psychological Space as a Factor of Eating Disorders]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 4-2, pp. 237–341. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Korotkova E.V. Psikhologicheskoe zdorov'e zhenshchin, realizuyushchikh rentno-promiskuitetnoe povedenie. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 7/2, pp. 73–80. (In Russ.).
13. Maysak N.V. Problema sistematizatsii deviantnogo povedeniya [The problem of systematization of deviative behavior]. *Astrakhanskii meditsinskii zhurnal = Astrakhan Medical Journal*, 2011. Vol. 6, no. 2, pp. 85–89. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Motz A. Psikhologiya zhenskogo nasiliya. Prestuplenie protiv tela [The psychology of female violence. Crimes against the body]. Moscow, 2021. 260 p. (In Russ.).
15. Nartova-Bochaver S.K. Chelovek suverennyi: psikhologicheskoe issledovanie sub"ekta v ego bytii: Monografiya. 3rd ed. Moscow: FLINTA, 2021. 449 p. (In Russ.).
16. Roshka E.V. Granitsy psikhologicheskogo prostranstva lichnosti u zhenshchin s narusheniem pishchevogo povedeniya. *Modern Science*, 2021, no. 4-1, pp. 379–387. (In Russ.).
17. Rusakova M.M. Sotsiologicheskaya model' zhiznennykh traektorii zhenshchin, vovlechennykh v prostitutsiyu [Sociological model of life trajectories of women involved in prostitution] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2019. Vol. 12, no. 3, pp. 249–262. doi:10.21638/spbu12.2019.303 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya. Moscow: Smysl. 2015. 895 p. (In Russ.).
19. Sokolova E.T., Ilyina S.V. Rol' emotsional'nogo opyta zhertv nasiliya dlya samoidentifikatsii zhenshchin, zanimayushchikhsya prostitutsiei [The role of emotional experience of violence for self-identity of women occupied with prostitution]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2000. Vol. 21, no. 5, pp. 69–81. (In Russ.).
20. Freud S. Ocherki po teorii seksual'nosti [Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie]. Moscow: AST, 2006. 285 p. (In Russ.).
21. Beattie T.S., Smilenova B., Krishnaratne S., Mazzuca A. Mental health problems among female sex workers in low- and middle-income countries: A systematic review and meta-analysis. *PLoS Medicine*, 2020. Vol. 17, no. 9. doi:10.1371/journal.pmed.1003297
22. Bevilacqua P.A. Depresión y Riesgo de Suicidio en Trabajadoras Sexuales. *Gaceta Medica Boliviana*, 2021. Vol. 44, no. 2, pp. 139–147. doi:10.47993/gmb.v44i2.354
23. Brausch A., Nichols P., Laves E., Clapham R. Body Investment as a Protective Factor in the Relationship Between Acquired Capability for Suicide and Suicide Attempts. *Behavior Therapy*, 2021. Vol. 52, no. 5, pp. 1114–1122. doi:10.1016/j.beth.2021.02.008
24. Brausch A.M., Muehlenkamp J.J. Body image and suicidal ideation in adolescents. *Body Image*, 2007. Vol. 4, no. 2, pp. 207–212. doi:10.1016/j.bodyim.2007.02.001
25. Brody S., Potterat J.J. Assessing mental health and personality disorder in prostitute women. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 2010. Vol. 122, no. 2. doi:10.1111/j.1600-0447.2010.01578.x
26. Brody S., Potterat J.J., Muth S.Q., Woodhouse D.E. Psychiatric and Characterological Factors Relevant to Excess Mortality in a Long-Term Cohort of Prostitute Women. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 2005. Vol. 31, no. 2, pp. 97–112. doi:10.1080/00926230590477943

27. Church S., Henderson M., Barnard M., Hart G. Violence by clients towards female prostitutes in different work settings: questionnaire survey. *BMJ*, 2001. Vol. 322, no. 7285, pp. 524–525. doi:10.1136/bmj.322.7285.524
28. De Schamphelleire D. MMPI characteristics of professional prostitutes: a cross-cultural replication. *Journal of Personality Assessment*, 1990. Vol. 54, no. 1-2, pp. 343–350. doi:10.1080/00223891.1990.9673998
29. Farley M., Barkan H. Prostitution, Violence, and Posttraumatic Stress Disorder. *Prostitution, Violence, and Posttraumatic Stress Disorder, Women & Health*, 1998. Vol. 27, no. 3, pp. 37–49. doi:10.1300/J013v27n03_03
30. Gibson-Ainyette I., Templer D.I., Brown R., Veaco L. Adolescent female prostitutes. *Archives of Sexual Behavior*, 1988. Vol. 17, no. 5, pp. 431–438. doi:10.1007/BF01542483
31. Gilchrist G., Gruer L., Atkinson J. Comparison of drug use and psychiatric morbidity between prostitute and non-prostitute female drug users in Glasgow, Scotland. *Addictive Behaviors*, 2005. Vol. 30, no. 5, pp. 1019–1023. doi:10.1016/j.addbeh.2004.09.003
32. Hong Y., Fang X., Li X., Liu Y., Li M., Tai-Seale T. Self-Perceived Stigma, Depressive Symptoms, and Suicidal Behaviors Among Female Sex Workers in China. *Journal of Transcultural Nursing*, 2010. Vol. 21, no. 1, pp. 29–34. doi:10.1177/1043659609349063
33. Kruzan K.P., Muehlenkamp J.J., Claes L. Identity, self-blame, and body regard in NSSI: A test of moderated-mediation. *Comprehensive Psychiatry*, 2022. Vol. 116. doi:10.1016/j.comppsy.2022.152322
34. Lamis D.A., Malone P.S., Langhinrichsen-Rohling J., Ellis T.E. Body investment, depression, and alcohol use as risk factors for suicide proneness in college students. *Crisis*, 2010. Vol. 31, no. 3, pp. 118–127. doi:10.1027/0227-5910/a000012
35. O’Sullivan D.M., Zuckerman M., Kraft M. The personality of prostitutes. *Personality and Individual Differences*, 1996. Vol. 21, no. 3, pp. 445–448. doi:10.1016/0191-8869(96)00053-0
36. Orbach I., Mikulincer M. The Body Investment Scale: Construction and Validation of a Body Experience Scale. *Psychological Assessment*, 1998. Vol. 10, no. 4, pp. 415–425. doi:10.1037/1040-3590.10.4.41
37. Paul T., Schroeter K., Dahme B., Nutzinger D.O. Self-injurious behavior in women with eating disorders. *American Journal of Psychiatry*, 2002. Vol. 159, no. 3, pp. 408–411. doi:10.1176/appi.ajp.159.3.408
38. Ross C.A., Anderson G., Heber S., Norton G.R. Dissociation and Abuse Among Multiple-Personality Patients, Prostitutes, and Exotic Dancers. *Psychiatric Services*, 1990. Vol. 41, no. 3, pp. 328–330. doi:10.1176/ps.41.3.328330
39. Ross C.A., Norton G.R., Wozney K. Multiple personality disorder: an analysis of 236 cases. *Canadian Journal of Psychiatry*, 1989. Vol. 34, no. 5, pp. 413–418. doi:10.1177/070674378903400509
40. Shahmanesh M., Wayal S., Cowan F., Mabey D., Copas A., Patel V. Suicidal behavior among female sex workers in Goa, India: The silent epidemic. *American Journal of Public Health*, 2009. Vol. 99, no. 7, pp. 1239–1246. doi:10.2105/ajph.2008.149930
41. Tan A.L., Kendis R.J., Porac J., Fine J.T. A Short Measure of Eriksonian Ego Identity. *Journal of Personality Assessment*, 1977. Vol. 41, no. 3, pp. 279–284. doi:10.1207/s15327752jpa4103_9
42. Tebbutt J., Swanston H., Oates K., O’Toole B. Five years after child sexual abuse: Persisting dysfunction and problems of prediction. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 1997. Vol. 36, no. 3, pp. 330–339. doi:10.1097/00004583-199703000-00011

43. Teixeira A., Oliveira A. Exploratory study on the prevalence of suicidal behavior, mental health, and social support in female street sex workers in Porto, Portugal. *Health Care for Women International*, 2017. Vol. 38, no. 2, pp. 159–166. doi:10.1080/07399332.2016.1192172
44. Farberow N.L. (Ed.). *The Many Faces of Suicide*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1980. 112 p.
45. Tiosavljević D.V. Eysenck's dimensions of personality and level of maturity of women engaged in prostitution. Belgrade, Serbia, 2016. 180 p.
46. Tiosavljević D., Djukić-Dejanović S., Turza K., Jovanović A., Jeremić V. Prostitution as a Psychiatric Situation: Ethical Aspects. *Psychiatria Danubina*, 2016. Vol. 28, no. 4, pp. 349–356.
47. Veiga E., Dujov V. Repercusiones psicopatológicas en las mujeres adultas que ejercen la prostitución. *Psicopatología Clínica, Legal y Forense*, 2022. Vol. 22, pp. 63–90.
48. Verschueren M., Claes L., Bogaerts A., Palmeroni N., Ghandi A., Moons P., Luyckx K. Eating disorder symptomatology and identity formation in adolescence: A cross-lagged longitudinal approach. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9. doi:10.3389/fpsyg.2018.00816
49. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E.A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017. Vol. 25, no. 1, pp. 26–35. doi:10.1002/erv.2487
50. Willis B., Perttu E., Fitzgerald M., Thompson H., Weerasinghe S., Macias-Konstantopoulos W. Causes of mortality among female sex workers: Results of a multi-country study. *EClinicalMedicine*, 2022. Vol. 52. doi:10.1016/j.eclinm.2022.101658

Информация об авторах

Горбатов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, эксперт, Региональный центр судебной экспертизы (ООО «Региональный центр судебной экспертизы»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Арбузова Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Information about the authors

Sergey V. Gorbatov, PhD in Psychology, Docent, Expert, Regional Center for Forensic Examination, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3842-9956>, e-mail: s.gorbatov@bk.ru

Elena N. Arbuzova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology of Health and Deviant Behavior, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-0529>, e-mail: asmaen@yandex.ru

Получена 04.02.2024
Принята в печать 01.10.2024

Received 04.02.2024
Accepted 01.10.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Изучение мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей у пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)

Фадеева Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>, e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Лановая А.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

Целью исследования являлся анализ динамических изменений мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса. В исследовании приняли участие 226 пациентов: 163 мужчины (72,1%) и 63 женщины (27,9%) с наркологическими расстройствами. Применялись: шкала стадий готовности к изменению и стремления к лечению (Socrates), шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) и шкала общей самоэффективности (GSE). На стабилизирующем этапе терапии: 1) у женщин были выявлены достоверно более высокие показатели по общему баллу шкалы Socrates ($p \leq 0,001$), субшкале «Амбивалентность» ($p \leq 0,001$) и субшкале «Действие» ($p \leq 0,05$), чем у мужчин; 2) среди пациентов были обнаружены обратные корреляции между результатом по субшкале «Действие» (Socrates) и признаками депрессии ($r = -0,350$, $p \leq 0,05$), тревоги ($r = -0,452$, $p \leq 0,01$) и стресса ($r = -0,410$, $p \leq 0,01$) (DASS-21). По результатам изучения психоэмоционального состояния пациентов было выявлено, что пациенты, с признаками стресса достоверно чаще проходили курс лечения медицинской реабилитации и реже выписывались досрочно, что позволяет использовать полученные результаты в таргетированных программах медицинской реабилитации.

Фадеева Е.В., Лановая А.М.
Изучение мотивационной сферы личности
и психоэмоциональных особенностей у пациентов
с наркологическими расстройствами на различных
этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–231

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.
Motivational Personality Sphere
and Psychoemotional Features in Patients
with Drug Addiction Disorders at Different Stages
of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231

Ключевые слова: наркологические расстройства, алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, пациент, мотивация, самооффективность, психоэмоциональные особенности, лечебно-реабилитационный процесс.

Финансирование: исследование проводилось на базе ННЦ наркологии — филиала ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России в рамках выполнения темы Государственного задания «Разработка персонализированных программ лечения и медицинской реабилитации больных с синдромом зависимости от психоактивных веществ с учетом их клинического, нейрофизиологического и генетического профиля в стационарных условиях с определением влияния мозгового нейротрофического фактора (BDNF) на формирование ремиссии».

Для цитаты: Фадеева Е.В., Лановая А.М. Изучение мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей у пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2) [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–213. DOI:10.17759/psylaw.2024140414

Motivational Personality Sphere and Psychoemotional Features in Patients with Drug Addiction Disorders at Different Stages of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)

Eugenia V. Fadeeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>, e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Alesya M. Lanovaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

The aim of the study was to analyze dynamic changes in the motivational sphere of personality and psychoemotional features of patients with drug addiction disorders at different stages of the treatment and rehabilitation process. The study involved 226 patients: 163 men (72.1%) and 63 women (27.9%) with narcological disorders. The following scales were used: the scale of stages of readiness for change and aspiration to treatment (Socrates), the scale of depression, anxiety and stress (DASS-21) and the scale of general self-efficacy (GSE). During the stabilising phase of therapy: 1) women showed significantly higher scores on the Socrates scale total score ($p \leq 0.001$), the Ambivalence subscale ($p \leq 0.001$) and the Action subscale ($p \leq 0.05$); 2) inverse correlations were found between the result on the Action subscale (Socrates) and signs of depression ($r = -0.350$, $p \leq 0.05$), anxiety ($r = -0.452$,

$p \leq 0.01$) and stress ($r = -0.410$, $p \leq 0.01$) (DASS-21). The results of the psychoemotional state revealed that patients with signs of stress were significantly more likely to undergo medical rehabilitation treatment and less likely to be discharged early, which allows the results to be used in targeted medical rehabilitation programmes.

Keywords: drug addiction disorders, alcohol dependence, drug addiction, patient, motivation, self-efficacy, psychoemotional features, treatment and rehabilitation process.

Funding: the study was conducted on the basis of National Research Center on Addictions — branch, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation within the framework of the State task “Development of personalized treatment and medical rehabilitation programs for patients with substance dependence syndrome taking into account their clinical, neurophysiological and genetic profile in inpatient settings with determination of the influence of brain-derived neurotrophic factor (BDNF) on remission formation”.

For citation: Fadeeva E.V., Lanovaya A.M. Motivational Personality Sphere and Psychoemotional Features in Patients with Drug Addiction Disorders at Different Stages of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231. DOI:10.17759/psylaw.2024140414 (In Russ.).

Введение

Усиление мотивации пациентов с синдромом зависимости от психоактивных веществ к достижению трезвости и формирование устойчивой ремиссии является приоритетной задачей психофармакотерапии наркологических расстройств [1; 5]. Клинические исследования указывают на тот факт, что помимо недостаточной мотивации и отсутствие целеполагания, на срыв и рецидив наркологического расстройства влияет ряд причин, наиболее существенной из которых является обострение патологического влечения к возобновлению потребления психоактивных веществ [1; 5]. Купирование патологического влечения средствами фармакотерапии обеспечивает возможность реализации мер по психологическим и психотерапевтическим вмешательствам на этапе медицинской реабилитации или стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса (ЛРП) [3]. Ряд зарубежных и российских исследователей утверждают, что патологическое влечение к психоактивным веществам, или «аддиктивное влечение», является формой искаженных поведенческих паттернов [10].

Большинство нейробиологических моделей наркозависимости определяют подкрепляющие эффекты наркотиков в качестве центральных мотивационных стимулов к их употреблению [4; 7; 15], однако в последние годы поведенческие теории указывают на наличие следующего феномена — несмотря на снижение подкрепляющих аддиктивное поведение свойств психоактивных веществ и усиление негативных последствий в ходе длительного злоупотребления наркотиками, происходит сдвиг от мотивированного целенаправленного поведения к более автоматическому и привычному поведению, т.е. лишенному целенаправленности [14; 20]. Подобный подход к объяснению причин стойко сохраняющихся паттернов поведения, связанных с продолжающимся потреблением алкоголя и наркотиков, требует клинического подтверждения эффективности не только фармакотерапии, но и различных методов психотерапии, в частности когнитивно-поведенческой и мотивационной психотерапии, под-

крепленных использованием психометрии для оценки динамики изучаемых индивидуально-психологических характеристик.

Материал и методы

Целью настоящего исследования являлся анализ динамических изменений мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса. Настоящая публикация является второй частью исследования. В первой части были представлены результаты, полученные на раннем и восстановительном этапах лечебно-реабилитационного процесса [13], в данном материале представлены особенности мотивации и психоэмоциональные нарушения, выявленные у пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью на стабилизирующем этапе ЛРП (на этапе медицинской реабилитации).

Характеристика выборки. В течение всех трех этапов исследования было обследовано 226 пациентов с наркологическими расстройствами, из них 163 мужчины (72,1%) и 63 женщины (27,9%); 140 пациентов (61,9%; 104 мужчины и 36 женщин) имели диагноз алкогольная зависимость (F10.x; МКБ-10); 86 пациентов (38,1%; 59 мужчин и 27 женщин) — наркотическая зависимость. Средний возраст пациентов составил $39,9 \pm 9,8$ года. Полное высшее профессиональное образование было у 48,6% пациентов, среднее профессиональное образование — у 32,4%, общее среднее образование — у 11,1%. По профессиональному и семейному статусу пациентов были получены следующие данные: 36,5% — не работали, для 57,5% была характерна полная занятость, 3,5% — занимались ведением домашнего хозяйства или работой на дому, 2,5% — были учащимися; 42,4% пациентов на момент госпитализации не состояли в супружеских отношениях, 57,6% — находились в официальном браке или проживали совместно с партнером.

Оценка продолжительности лечения показала, что достаточно большая доля пациентов (11,7%) выписалась досрочно, как по собственной инициативе, так и за нарушение режима. Количество пациентов, прошедших полный курс лечения, суммарно составило 68,6%. В эту группу вошли как пациенты, прошедшие курс лечения от 14 до 21 дня (35,0% от общей выборки), так и пациенты, прошедшие курс лечения от 22 до 39 дней (33,6% от общей выборки). Прохождение полного курса психотерапии при синдроме зависимости от психоактивных веществ является недостаточным для формирования устойчивых установок на трезвость и воздержания от приема алкоголя и наркотиков в дальнейшем. Поэтому в соответствии с клиническими рекомендациями, отечественными и зарубежными клиническими исследованиями, а также с Международными стандартами по лечению наркотической зависимости [16; 21] всем пациентам была рекомендована дальнейшая медицинская и социально-психологическая реабилитация с целью стабилизации ремиссии. Как правило, рекомендуемая продолжительность медицинской реабилитации составляет от 45 до 90 дней [9]. Количество пациентов, продолживших лечение в отделении медицинской реабилитации, составило 19,4%, а соотношение мужчин к женщинам — 1,9:1.

Исследование проводилось на базе НИЦ наркологии — филиала ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в рамках выполнения темы Государственного задания «Разработка персонализированных программ лечения и медицинской реабилитации больных с синдромом зависимости от психоактивных веществ с учетом их клинического, нейрофизиологического и генетического профиля в стационарных условиях с определением влияния мозгового нейротрофического фактора (BDNF) на формирование ремиссии».

Проведение исследования было одобрено локальным этическим комитетом ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (выписка из протокола заседания № 38/3 от 07 июня 2022 г.).

В соответствии с протоколом клинического исследования оценка особенностей мотивационной и личностной сфер, влияющих на приверженность к лечению, а также наблюдение за динамикой изменения психоэмоционального состояния участников исследования на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса проводились с использованием психометрии. Набор стандартизированных психометрических инструментов оставался неизменным на всех трех этапах стационарной терапии: 1) на раннем этапе лечебно-реабилитационного процесса (сокр. ЛРП), 2) на восстановительном этапе и 3) на стабилизирующем этапе при прохождении курса медицинской реабилитации (рис. 1).

Рис. 1. Дизайн исследования по изучению изменения мотивации к сохранению трезвости у пациентов с наркологическими заболеваниями

Дизайн исследования был представлен в отдельной публикации [12]. Критериями включения в исследование являлись: установленный диагноз «Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ» (F10-F19; МКБ-10). Критериями исключения являлись сопутствующие психические заболевания (F20-F29, F30-

F39, G40; МКБ-10), а также тяжелые, декомпенсированные или нестабильные соматоневрологические заболевания.

На трех этапах ЛРП применялись следующие адаптированные и валидизированные инструменты: шкала стадий готовности к изменению и стремления к лечению (Stages of Change Readiness and Treatment Eagerness Scale, Socrates) [8, 19]; шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21) [6; 11; 17] и шкала общей самооффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE) [26].

Анализ данных проводился при помощи изучения распределения частот и таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 , позволяющего выявлять значимые различия в частоте встречаемости наблюдений среди пациентов, принявших участие в исследовании. Применялся критерий Манна—Уитни для выявления различий для несвязных выборок и критерий Уилкоксона для исследования изменений у пациентов на протяжении лечебно-реабилитационного процесса. Корреляционный анализ проводился при помощи критерия ранговой корреляции Спирмена. Нулевая гипотеза отвергалась на уровне значимости $p > 0,05$. Обработку данных осуществляли в статистическом программном пакете IBM SPSS Statistics 26.

Результаты

Оценка мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей пациентов с наркологическими расстройствами на стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса.

Целью мотивационного консультирования на данном этапе являлось формирование мотивации на поддержание стойкой ремиссии и восстановление социального функционирования пациентов с наркологическими расстройствами. Клиническое интервью на стабилизирующем этапе проводилось в отделении медицинской реабилитации, в которое пациент поступал после завершения основного курса психофармакотерапии в «остром» и «линейном» отделениях. Клиническое интервью включало краткое обсуждение физического и психического состояния пациента, анализ персонального отношения пациентов к положительным и отрицательным сторонам потребления психоактивных веществ с более глубокой, чем на предыдущих этапах, проработкой тех негативных эффектов, с которыми пациент предполагает столкнуться после выписки в условиях отказа от потребления психоактивных веществ. Сессии мотивационных консультаций (от 1 до 3-х) на данном этапе были направлены на укрепление целеполагания в отношении трезвости и моделирование поведенческих изменений в условиях стационара.

Изучение мотивации пациентов на стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса с использованием шкалы Socrates выявило: 1) высокий уровень готовности к изменениям ($84,3 \pm 7,9$ балла), 2) средний уровень осознанности ($32,5 \pm 3,9$ балла), 3) средний уровень амбивалентности ($15,3 \pm 4,3$ балла) и 4) высокий уровень готовности действовать в отношении изменения поведения, связанного с употреблением психоактивных веществ ($36,5 \pm 3,4$ балла). Полученные результаты по шкале Socrates выявили различия в зависимости от пола: среди женщин отмечались достоверно более высокие показатели по общему баллу ($p \leq 0,001$), субшкале «Амбивалентность» ($p \leq 0,001$) и субшкале «Действие» ($p \leq 0,05$). Статистически значимых различий по наркологическому диагнозу выявлено не было (таблица 1).

Таблица 1

**Результаты оценки готовности к изменениям (Socrates) с учетом гендерных различий
и вида наркологического расстройства на стабилизирующем этапе ЛРП (n=44)**

Оценка готовности к изменениям (по шкале Socrates)		Общий балл	Субшкалы		
			Осознание	Амбивалентность	Действие
Среднее значение по шкалам в баллах (M±SD) и его интерпретация		84,3±7,9 высокий уровень готовности к изменениям	32,5±3,9 средний уровень осознания готовности к изменениям	15,3±4,3 средний уровень амбивалентности	36,5±3,4 высокий уровень готовности к действию
Распределение результатов по полу	мужчины, n=29 (M±SD)	81,5±7,6 высокий уровень***	32,1±4,2 средний уровень	13,8±4,2 низкий уровень***	35,5±3,7 высокий уровень*
	женщины, n=15 (M±SD)	90,1±4,9 очень высокий уровень***	33,4±3,6 средний уровень	18,2±2,6 очень высокий уровень***	38,5±1,5 очень высокий уровень*
Распределение по наркологическому диагнозу	алкогольная зависимость, n=16 (M±SD)	83,4±9,1 высокий уровень	32,3±4,3 средний уровень	15,3±4,8 средний уровень	35,9±4,3 высокий уровень
	наркотическая зависимость, n=28 (M±SD)	84,9±7,1 высокий уровень	32,7±3,8 средний уровень	15,2±3,9 средний уровень	36,8 ±2,7 высокий уровень

Примечание: * — уровень значимости $p \leq 0,05$; ** — уровень значимости $p \leq 0,01$; *** — уровень значимости $p \leq 0,001$; полужирным шрифтом выделены значимые различия.

Результаты по шкале общей самооценки (GSE), полученные на данном этапе лечебно-реабилитационного процесса, выявили средний балл по изученной выборке — 33,7 (SD = 4,4 балла), соответствующий среднему уровню самооценки. Для мужчин средний балл составил 32,2 (SD = 4,5 балла), для женщин — 34,6 (SD = 3,7 балла), для пациентов с алкогольной зависимостью — 33,3 (SD = 2,9 балла), для пациентов с наркотической — 33,3 (SD = 4,9 балла), что также соответствовало среднему уровню самооценки для всех изученных групп выборки.

Использование шкалы DASS-21 позволило выявить на стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса отсутствие признаков: 1) депрессии (6,3 ± 6,7 балла), 2) тревоги (7,1 ± 6,9 балла) и 3) стресса (9,8 ± 8,5 балла) (таблица 2).

Только у пациентов мужского пола в отличие от остальных изучаемых групп выборки продолжал сохраняться умеренный уровень тревоги (8,3 ± 7,8 балла), однако различия не достигали уровня статистической значимости на данном этапе (таблица 2).

Таблица 2

**Результаты оценки депрессии, тревоги и стресса (DASS-21)
с учетом гендерных различий и вида наркологического расстройства
на стабилизирующем этапе ЛРП (n=43)**

Шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21)		Субшкалы		
		Депрессия	Тревога	Стресс
Среднее значение по субшкалам в баллах (M±SD) и его интерпретация		6,3±6,7 отсутствие	7,1±6,9 отсутствие	9,8±8,5 отсутствие
Распределение результатов по полу	мужчины, n=29 (M±SD)	7,5±7,1 отсутствие	8,3±7,8 <i>умеренная</i>	10,9±8,6 отсутствие
	женщины, n=14 (M±SD)	4,0±5,3 отсутствие	4,7±3,9 отсутствие	7,5±8,1 отсутствие
Распределение по наркологическому диагнозу	алкогольная зависимость, n=15 (M±SD)	6,1±4,8 отсутствие	7,9±7,7 отсутствие	10,9±9,1 отсутствие
	наркотическая зависимость, n=28 (M±SD)	6,5±7,9 отсутствие	7,1±6,9 отсутствие	8,9±8,2 отсутствие

На стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса (таблица 3) наблюдалась иная картина взаимосвязей между изучаемыми показателями. Несмотря на то, что вновь была выявлена корреляция между показателем «Действие» по шкале Socrates и оценкой самооэффективности по шкале GSE ($r = 0,305$, $p \leq 0,05$) [13], сила данной связи становилась слабее ко второй и третьей встречам с пациентами, что может говорить о постепенном осознании недостаточности совершаемых действий в отношении выздоровления для ощущения собственной эффективности. Обратная тенденция отмечалась при выявлении взаимосвязей между показателем «Действие» по шкале Socrates и признаками депрессии ($r = -0,350$, $p \leq 0,05$), тревоги ($r = -0,452$, $p \leq 0,01$) и стресса ($r = -0,410$, $p \leq 0,01$) по шкале DASS-21: сила связи и уровень значимости на третьей встрече проведения мотивационного консультирования были выше, чем на раннем и восстановительном этапах.

Таблица 3

**Корреляции между результатами по шкалам Socrates,
шкалам GSE и DASS-21 на стабилизирующем этапе ЛРП**

	Общий балл (Socrates)	Осознание (Socrates)	Амбивалентность (Socrates)	Действие (Socrates)
Оценка самооэффективности (GSE)	0,194	0,097	0,087	0,305*
Депрессия (DASS-21)	-0,241	-0,067	-0,195	-0,350*
Тревога (DASS-21)	-0,417**	-0,252	-0,301*	-0,452**
Стресс (DASS-21)	-0,436**	-0,142	-0,328*	-0,410**

Примечание: * — уровень значимости $p \leq 0,05$; ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Обсуждение полученных результатов

Преодоление поведенческих паттернов, обуславливающих продолжающееся употребление алкоголя и наркотиков, несмотря на связанные с потреблением неблагоприятные последствия, играет центральную роль на стабилизирующем этапе ЛРП и в последующей социаль-

но-психологической реабилитации. Последние мета-анализы и систематические обзоры [18; 21] представляют доказательства того, что существует как минимум три направления психологической и психотерапевтической работы, обладающих результативностью в отношении болезней зависимости: 1) когнитивный подход, направленный на распознавание предикторов, триггеров и неблагоприятных последствий потребления, который использовался в нашей работе при анализе факторов риска и защиты в процессе клинического интервью; 2) мотивационный подход, заключающийся в усилении или снижении амбивалентности в отношении необходимости менять аддиктивные установки, который был нами реализован в сессиях мотивационного консультирования; и непосредственно 3) поведенческий подход, позволяющий реализовывать иные способы преодолевать трудности, менять привычки и способы взаимодействия с окружающими, который позволял отрабатывать навыки конструктивного реагирования и функционирования в индивидуальной и групповой работе.

Тем не менее уровень стресса у пациентов на стабилизирующем этапе ЛРП был одним из самых высоких в изученной выборке, что может свидетельствовать: 1) как об индивидуально-личностных особенностях пациентов, решивших пройти полный курс психофармакотерапии; 2) так о выраженном психоэмоциональном напряжении, характерном при вовлеченности пациентов в сессии когнитивно-поведенческой и мотивационной психотерапии (таблица 4).

Таблица 4

**Психоэмоциональное состояние пациентов
с разной продолжительностью пребывания в клинике (n=173)**

	Проходили лечение до 14 дней (n=32)	Проходили лечение от 14 до 21 дня — полный курс лечения (n=61)	Проходили курс реабилитации, более 21 дня (n=80)	p
Признаки стресса n, доля, в %	14 (43,8%)	18 (29,5%)	42 (52,5%)	0,024
Отсутствие признаков стресса n, доля, в %	18 (56,2%)	43 (70,5%)	38 (47,5%)	

Таблица 5

**Сравнение результатов по субшкалам Socrates, GSE и DASS-21
на начальном и стабилизирующем этапах ЛРП**

Шкалы	Общий балл/субшкалы	МН-1 M±SD	МК-3 M±SD	p
Socrates	Общий балл	82,5±9	84,1±8	0,348
	Осознание	32,6±4,4	32,5±4	0,291
	Амбивалентность	15,8±4,1	15,2±4,2	0,649
	Действие***	34,5±5	36,3±3,6	0,001
GSE	Оценка самооффективности	31,7±5,5	33±4,3	0,115
DASS-21	Депрессия***	13,2±11,9	6,5±6,8	0,000
	Тревога***	11,9±10,3	7,9±7,7	0,001
	Стресс***	14,3±11,5	10,1±8,6	0,000

Примечание: *** — уровень значимости $p \leq 0,001$, полужирным шрифтом выделены значимые различия.

При сравнении показателей использованных психометрических методик на начальном и стабилизирующем этапах ЛРП (таблица 5) отмечалась статистически значимая динамика изменения изучаемых показателей: повышение баллов по показателю «Действие» (шкала Socrates) и снижение показателей по субшкалам «Депрессия», «Тревога» и «Стресс» шкалы DASS-21. Уровень достоверности различий был значительно выше ($p \leq 0,001$), чем при схожем изменении показателей между ранним и восстановительным этапами ЛРП [13], что может свидетельствовать о том, что более продолжительное пребывание в условиях наркологического стационара оказывает положительное влияние на психоэмоциональное состояние пациентов и на их готовность предпринимать действия на пути к выздоровлению.

Отдельные исследования указывают на тесную связь мотивационной сферы личности, в частности мотивации к употреблению алкоголя, с симптомами депрессии и тревоги. Так употребление алкоголя в качестве привычного паттерна поведения было значимо взаимосвязано с выраженностью симптомов депрессии ($r = 0,265$, $p = 0,036$), тревоги ($r = 0,313$, $p = 0,014$) и с силой торможения поведения ($r = -0,389$, $p = 0,002$). Тогда как употребление алкоголя с целью облегчения состояния положительно коррелировало с выраженностью симптомов депрессии ($r = 0,335$, $p = 0,007$) [7]. Подобное перекрестное воздействие мотивации и психоэмоционального состояния на причины возобновления потребления психоактивных веществ может оказывать потенциально негативное влияние на срыв или рецидив наркологического расстройства, что должно учитываться при последующих этапах лечебно-реабилитационного процесса — амбулаторной реабилитации, социально-психологической реабилитации или участия пациента в терапевтических группах.

Выводы

Изучение оценки готовности к изменениям поведения в отношении употребления алкоголя/ психоактивных веществ, самоэффективности и психоэмоционального состояния пациентов на разных этапах лечебно-реабилитационного процесса позволило отметить следующее.

1. На стабилизирующем этапе лечебно-реабилитационного процесса у пациентов сохранялся высокий уровень готовности к изменениям и к действиям, средний уровень осознанности и амбивалентности (шкала Socrates). Значимые различия были выделены среди групп по полу: среди женщин отмечались более высокие баллы по общему показателю шкалы Socrates, по показателям амбивалентности и готовности к действиям. При исследовании психоэмоционального состояния общие показатели свидетельствовали об отсутствии признаков депрессии, тревоги и стресса (шкала DASS-21). Тем не менее, среди мужчин отмечались более высокие баллы по показателю тревоги. Корреляционный анализ на стабилизирующем этапе позволил отметить постепенное осознание недостаточности совершаемых действий в отношении выздоровления для ощущения собственной эффективности, а также усиление прямой взаимосвязи между готовностью к изменениям и показателями депрессии, тревоги и стресса, в сравнении с данными раннего и восстановительного этапов.

2. При сравнении показателей раннего и стабилизирующего этапов лечебно-реабилитационного процесса (шкалы Socrates, GSE и DASS-21) отмечалось, что пациенты с признаками стресса достоверно чаще проходили курс медицинской реабилитации, а более продолжительное пребывание в условиях наркологического стационара оказывало положительное влияние на психоэмоциональное состояние пациентов и на их готовность предпринимать действия на пути к выздоровлению.

Заключение

Анализ динамических изменений мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса, включая стабилизирующий этап или этап медицинской реабилитации, позволил обнаружить ряд статистически значимых различий по изучаемым показателям при сравнении групп по полу, виду наркологического расстройства и продолжительности терапевтических вмешательств. Результаты, полученные на стабилизирующем этапе ЛРП, указывают на наличие особых потребностей в разрешении психоэмоциональных проблем и необходимость усиления целеполагания в отношении изменения поведения, связанного с потреблением алкоголя и наркотиков, с использованием различных подходов психотерапии — когнитивно-поведенческого и мотивационного, как в краткосрочной перспективе, так и в среднесрочной (3–6 месяцев) и долгосрочной (более 12 месяцев).

Дальнейшее изучение динамических изменений мотивационной сферы личности предполагает проведение оценки эффективности влияния психотерапевтических вмешательств на устойчивость ремиссии с учетом гендерных различий и наркологического диагноза в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Полученные и проанализированные катamnестические данные будут способствовать разработке целевых персонализированных программ реабилитации лиц с наркологическими расстройствами.

Литература

1. Агibalова Т.В., Бузик О.Ж., Винникова М.А., Ненастьева А.Ю., Уткин С.И., Тутков М.С., Поплевченков К.Н., Тучина О.Д. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя. Синдром зависимости от алкоголя. Клинические рекомендации. Пересмотр 2022 года [Электронный ресурс] // Наркология. 2022. Том 21. № 4. С. 3–21. doi:10.25557/1682-8313.2022.04.3-21
2. Агibalова Т.В., Нобатова В.Н., Тучина О.Д., Леонов Е.В., Пинегин А.Р., Тухватуллина Э.И. Обзор факторов, влияющих на формирование ремиссии у наркологических больных [Электронный ресурс] // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2023. Том 31. № 1. С. 155–163. doi:10.17816/pavlovj105809
3. Альтшулер В.Б. Психофармакология патологического влечения к психоактивным веществам в перекрестье разных мнений // Вопросы наркологии. 2012. № 5. С. 96–105.
4. Блохина Е.А., Палаткин В.Я., Крупицкий Е.М. Генетические и фармакогенетические аспекты синдрома зависимости от опиоидов [Электронный ресурс] // Вопросы наркологии. 2021. № 9 (204). С. 6–26. doi:10.47877/0234-0623_2021_09_6
5. Брюн Е.А., Агibalова Т.В., Бедина И.А., Бузик О.Ж., Винникова М.А., Кошкина Е.А., Михайлов М.А., Надеждин А.В., Поплевченков К.Н., Тетенова Е.Ю. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Синдром зависимости от психоактивных веществ. Клинические рекомендации. Проект [Электронный ресурс] // Наркология. 2019. Том 18. № 2. С. 3–59. doi:10.25557/1682-8313.2019.01.03.3-59
6. Золотарева А.А. Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) [Электронный ресурс] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 26–37. doi:10.31363/2313-7053-2020-2-26-37
7. Климанова С.Г., Березина А.А., Трусова А.В., Подоляк Д.В., Рыбакова К.В., Крупицкий Е.М. Взаимосвязь клинических характеристик пациентов с алкогольной зависимостью с

Фадеева Е.В., Лановая А.М.
Изучение мотивационной сферы личности
и психоэмоциональных особенностей у пациентов
с наркологическими расстройствами на различных
этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–231

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.
Motivational Personality Sphere
and Psychoemotional Features in Patients
with Drug Addiction Disorders at Different Stages
of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231

доминирующей мотивацией употребления алкоголя [Электронный ресурс] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2022. Том 56. № 4. С. 63–76. doi:10.31363/2313-7053-2022-4-63-76

8. Климанова С.Г., Трусова А.В., Киселев А.С., Бернцев В.А., Громыко Д.И., Илюк Р.Д., Крутицкий Е.М. Адаптация русскоязычной версии опросника для оценки готовности к изменениям (SOCRATES) [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том. 26. № 3. С. 80–104. doi:10.17759/cpp.2018260305

9. Кулаков С. Руководство по реабилитации аддиктов. 4-е изд. Издательские решения, 2020. 468 с.

10. Минков Е.Г. О соотносительности психопатологии, расстройств поведения и нарушений мотивации на примере наркологической патологии // Вопросы наркологии. 2015. № 2. С. 106–119.

11. Руженкова В.В., Руженков В.А., Хамская И.С. Русскоязычная адаптация теста DASS-21 для скрининг-диагностики депрессии, тревоги и стресса [Электронный ресурс] // Вестник психиатрии, неврологии и нейрохирургии. 2019. № 10. С. 39–46. doi:10.33920/med-01-1910-06

12. Фадеева Е.В. Дизайн и методология исследования по изучению мотивации к сохранению трезвости у пациентов с наркологическими заболеваниями на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса // Вопросы наркологии. 2023. Том 35. № 3. С. 98–115.

13. Фадеева Е.В., Лановая А.М. Изучение мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей у пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 199–218. doi:10.17759/psylaw.2024140215

14. Bouton M.E. Context, attention, and the switch between habit and goal-direction in behavior // Learning & Behavior. 2021. Vol. 49(4). P. 349–362. doi:10.3758/s13420-021-00488-z

15. Everitt B.J., Robbins T.W. From the ventral to the dorsal striatum: Devolving views of their roles in drug addiction // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2013. Vol. 37(9). P. 946–954. doi:10.1016/j.neubiorev.2013.02.010

16. International Standards for the Treatment of Drug Use Disorders. Revised edition incorporating results of field-testing [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/international-standards-for-the-treatment-of-drug-use-disorders> (дата обращения: 01.12.2023).

17. Lovibond S.H., Lovibond P.F. Manual for the Depression Anxiety and Stress Scales. 2nd ed. Sydney: Psychology Foundation of Australia, 1995. 42 p.

18. McNally G., Jean-Richard-Dit-Bressel P., Millan E.Z., Lawrence A.J. Pathways to the persistence of drug use despite its adverse consequences // Molecular Psychiatry. 2023. Vol. 28(6). P. 2228–2237. doi:10.1038/s41380-023-02040-z

19. Miller W.R., Tonigan J.S. Assessing drinkers' motivations for change: The Stages of Change Readiness and Treatment Eagerness Scale (SOCRATES) // Psychology of Addictive Behaviors. 1996. Vol. 10(2). P. 81–89. doi:10.1037/0893-164X.10.2.81

20. Sjoerds Z., Luijckes J., Van den Brink W., Denys D., Yucel M. The Role of Habits and Motivation in Human Drug Addiction: A Reflection // Frontiers in Psychiatry. 2014. Vol. 5. doi:10.3389/fpsy.2014.00008

Фадеева Е.В., Лановая А.М.
Изучение мотивационной сферы личности
и психоэмоциональных особенностей у пациентов
с наркологическими расстройствами на различных
этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–231

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.
Motivational Personality Sphere
and Psychoemotional Features in Patients
with Drug Addiction Disorders at Different Stages
of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231

21. Volkow N.D., Blanco C. Substance use disorders: a comprehensive update of classification, epidemiology, neurobiology, clinical aspects, treatment and prevention // *World Psychiatry*. 2023. Vol. 22(2). P. 203–229. doi:10.1002/wps.21073

References

1. Agibalova T.V., Buzik O.Zh., Vinnikova M.A., Nenasteva A.Yu., Utkin S.I., Titkov M.S., Poplevchenkov K.N., Tuchina O.D. Psikhicheskie i povedencheskie rasstroistva, vyzvannye upotrebleniem alkogolya. Sindrom zavisimosti ot alkogolya. Klinicheskie rekomendatsii. Peresmotr 2022 goda [Mental and behavioral disorders caused by alcohol use. Alcohol dependence syndrome. Clinical guidelines. Revised 2022] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2022. Vol. 21, no. 4, pp. 3–21. doi:10.25557/1682-8313.2022.04.3-21 (In Russ.).
2. Agibalova T.V., Nobatova V.N., Tuchina O.D., Leonov E.V., Pinegin A.R., Tukhvatullina E.I. Obzor faktorov, vliyayushchikh na formirovanie remissii u narkologicheskikh bol'nykh [Review of Factors Affecting Remission in Narcological Patients] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii mediko-biologicheskii vestnik imeni akademika I.P. Pavlova = I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*, 2023. Vol. 31, no. 1, pp. 155–163. doi:10.17816/pavlovj105809 (In Russ.).
3. Altshuler V.B. Psikhofarmakologiya patologicheskogo vlecheniya k psikhoaktivnym veshchestvam v perekrest'e raznykh mnenii [Psychopharmacotherapy of pathological craving to psychoactive substances at a crossroad of different opinions]. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, 2012, no. 5, pp. 96–105. (In Russ.).
4. Blokhina E.A., Palatkin V.YA., Krupitskii E.M. Geneticheskie i farmakogeneticheskie aspekty sindroma zavisimosti ot opioidov [Genetic and pharmacogenetic aspects of opioid use disorder] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, 2021, no. 9 (204), pp. 6–26. doi:10.47877/0234-0623_2021_09_6 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Bryun E.A., Agibalova T.V., Bedina I.A., Buzik O.Zh., Vinnikova M.A., Koshkina E.A., Mikhailov M.A., Nadezhdin A.V., Poplevchenkov K.N., Tetenova E.Yu. Psikhicheskie i povedencheskie rasstroistva, vyzvannye upotrebleniem psikhoaktivnykh veshchestv. Sindrom zavisimosti ot psikhoaktivnykh veshchestv. Klinicheskie rekomendatsii. Proekt [Mental and behavioral disorders caused by the use of psychoactive substances. The syndrome of addiction to psychoactive substances. Clinical guidelines. Project] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2019. Vol. 18, no. 2. S. 3–59. doi:10.25557/1682-8313.2019.01.03.3-59 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Zolotareva A.A. Sistemicheskii obzor psikhometricheskikh svoystv shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [Systematic review of the psychometric properties of the Depression Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21)] [Elektronnyi resurs]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva = V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2020, no. 2, pp. 26–37. doi:10.31363/2313-7053-2020-2-26-37 (In Russ.).
7. Klimanova S.G., Berezina A.A., Trusova A.V., Podoliak D.V., Rybakova K.V., Krupitsky E.M. Vzaimosvyaz' klinicheskikh kharakteristik patsientov s alkogol'noi zavisimost'yu s dominiruyushchei motivatsiei upotrebleniya alkogolya [The relationship between the clinical characteristics of patients with alcohol use disorder and drinking motives] [Elektronnyi resurs]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva = V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2022. Vol. 56, no. 4, pp. 63–76. doi:10.31363/2313-7053-2022-4-63-76 (In Russ.).
8. Klimanova S.G., Trusova A.V., Kiselev A.S., Berntsev V.A., Gromyko D.I., Ilyuk R.D., Krupitsky E.M. Adaptatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika dlya otsenki gotovnosti k izmeneni-

Фадеева Е.В., Лановая А.М.
Изучение мотивационной сферы личности
и психоэмоциональных особенностей у пациентов
с наркологическими расстройствами на различных
этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–231

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.
Motivational Personality Sphere
and Psychoemotional Features in Patients
with Drug Addiction Disorders at Different Stages
of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231

yam (SOCRATES) [Psychometric Properties and Factor Structure of the Russian Version of the Stages of Change Readiness and Treatment Eagerness Scale (SOCRATES)] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 80–104. doi:10.17759/cpp.2018260305 (In Russ.).

9. Kulakov S. Rukovodstvo po reabilitatsii addiktov. 4th ed. Izdatel'skie resheniya, 2020. 468 p. (In Russ.).

10. Minkov E.G. O sootnesennosti psikhopatologii, rasstroistv povedeniya i narushenii motivatsii na primere narkologicheskoi patologii. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, 2015, no. 2, pp. 106–119. (In Russ.).

11. Ruzhenkova V.V., Ruzhenkov V.A., Khamskaya I.S. Russkoyazychnaya adaptatsiya testa DASS-21 dlya skrining-dagnostiki depressii, trevogi i stressa [Russian adaptation of the DASS-21 for screening and diagnosis of depression, anxiety and stress] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik psikhologii, nevrologii i neirokhirurgii = Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 2019, no. 10, pp. 39–46. doi:10.33920/med-01-1910-06 (In Russ.).

12. Fadeeva E.V. Dizain i metodologiya issledovaniya po izucheniyu motivatsii k sokhraneniyu trezvosti u patsientov s narkologicheskimi zabolevaniyami na razlichnykh etapakh lechebno-reabilitatsionnogo protsessa [Design and methodology of the study assessing motivation for maintaining sobriety in patients with addiction disorders at various stages of treatment and rehabilitation process]. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, 2023. Vol. 35, no. 3, pp. 98–115. (In Russ.).

13. Fadeeva E.V., Lanovaya A.M. Izuchenie motivatsionnoi sfery lichnosti i psikhoemotsional'nykh osobennostei u patsientov s narkologicheskimi rasstroistvami na razlichnykh etapakh lechebno-reabilitatsionnogo protsessa (Chast' 1) [Motivational Personality Sphere and Psychoemotional Features in Patients with Drug Addiction Disorders at Different Stages of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 1)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 2, pp. 199–218. doi:10.17759/psylaw.2024140215 (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Bouton M.E. Context, attention, and the switch between habit and goal-direction in behavior. *Learning & Behavior*, 2021. Vol. 49, no. 4, pp. 349–362. doi:10.3758/s13420-021-00488-z

15. Everitt B.J., Robbins T.W. From the ventral to the dorsal striatum: Devolving views of their roles in drug addiction // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2013. Vol. 37(9). P. 946–954. doi:10.1016/j.neubiorev.2013.02.010

16. International Standards for the Treatment of Drug Use Disorders. Revised edition incorporating results of field-testing. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/international-standards-for-the-treatment-of-drug-use-disorders> (Accessed 01.12.2023).

17. Lovibond S.H., Lovibond P.F. Manual for the Depression Anxiety and Stress Scales. 2nd ed. Sydney: Psychology Foundation of Australia, 1995. 42 p.

18. McNally G., Jean-Richard-Dit-Bressel P., Millan E.Z., Lawrence A.J. Pathways to the persistence of drug use despite its adverse consequences. *Molecular Psychiatry*, 2023. Vol. 28, no. 6, pp. 2228–2237. doi:10.1038/s41380-023-02040-z

19. Miller W.R., Tonigan J.S. Assessing drinkers' motivations for change: The Stages of Change Readiness and Treatment Eagerness Scale (SOCRATES). *Psychology of Addictive Behaviors*, 1996. Vol. 10, no. 2, pp. 81–89. doi:10.1037/0893-164X.10.2.81

Фадеева Е.В., Лановая А.М.
Изучение мотивационной сферы личности
и психоэмоциональных особенностей у пациентов
с наркологическими расстройствами на различных
этапах лечебно-реабилитационного процесса (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 217–231

Fadeeva E.V., Lanovaya A.M.
Motivational Personality Sphere
and Psychoemotional Features in Patients
with Drug Addiction Disorders at Different Stages
of the Treatment and Rehabilitation Process (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 217–231

20. Sjoerds Z., Luigjes J., Van den Brink W., Denys D., Yucel M. The Role of Habits and Motivation in Human Drug Addiction: A Reflection. *Frontiers in Psychiatry*, 2014. Vol. 5. doi:10.3389/fpsyt.2014.00008
21. Volkow N.D., Blanco C. Substance use disorders: a comprehensive update of classification, epidemiology, neurobiology, clinical aspects, treatment and prevention. *World Psychiatry*, 2023. Vol. 22, no. 2, pp. 203–229. doi:10.1002/wps.21073

Информация об авторах

Фадеева Евгения Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая, отделение организации профилактической помощи в наркологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); младший научный сотрудник, отделение терапии стационарных больных с аддиктивными расстройствами, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>, e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Лановая Аlesia Михайловна, научный сотрудник, отделение организации профилактической помощи в наркологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

Information about the authors

Eugenia V. Fadeeva, PhD in Psychology, Head, Department of Preventive Care, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Associate Researcher, Department of Treatment of Inpatients with Addictive Disorders, V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>, e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Alesya M. Lanovaya, Researcher of the Department of Preventive Care, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

Получена 26.01.2024
Принята в печать 04.09.2024

Received 26.01.2024
Accepted 04.09.2024

Особенности склонности к аддикциям и эмоционального интеллекта у выпускников физико-математических классов

Романчева С.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1105-2497>, e-mail: 1555510s@mail.ru

Бусарова О.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

В статье рассматривается склонность к разным видам аддиктивного поведения у выпускников физико-математических классов. Выборку составили 89 юношей и молодых мужчин в возрасте 18—26 лет, основная группа — выпускники физико-математических классов, 49 человек, призеры или победители значимых олимпиад; контрольная группа — выпускники классов других профилей либо непрофильных классов, 40 человек. Цель исследования — выявить особенности склонностей к различным видам аддиктивного поведения у выпускников физико-математических классов мужского пола, гипотеза исследования: выпускники физико-математических классов более склонны к трудоголизму и компьютерной зависимости, чем их сверстники. Оценивалась склонность к 13 видам зависимости по методике Г.В. Лозовой, дополнительно оценивался эмоциональный интеллект по методике Н. Холла. Выяснилось, что выпускники физико-математических классов более уязвимы с точки зрения склонности к ряду зависимостей, в этой группе обнаружены множественные значимые корреляционные связи между склонностью к различным зависимостям и аспектами эмоционального интеллекта, что позволяет рассматривать развитие эмоционального интеллекта у выпускников физико-математических классов как средство снижения их склонности к аддиктивному поведению.

Ключевые слова: выпускники физико-математических классов, аддиктивное поведение, интернет-зависимость, игровая зависимость, трудоголизм, эмоциональный интеллект, математические способности.

Для цитаты: Романчева С.С., Бусарова О.Р. Особенности склонности к аддикциям и эмоционального интеллекта у выпускников физико-математических классов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 232–246. DOI:10.17759/psylaw.2024000003

Features of Addiction Propensity and Emotional Intelligence in Graduates of Physics and Mathematics Classes

Swetlana S. Romantcheva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1105-2497>, e-mail: 1555510s@mail.ru

Olga R. Busarova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

The article examines the tendency to different types of addictive behavior in graduates of physics and mathematics classes. The sample consisted of 89 young men and women aged 18-26 years, the main group - graduates of physics and mathematics classes, 49 people, prize winners or winners of significant Olympiads; the control group - graduates of classes of other profiles or non-core classes, 40 people. The purpose of the study is to identify the features of the inclinations to different types of addictive behavior of male graduates of physics and mathematics classes, the hypothesis of the study: graduates of physics and mathematics classes are more prone to workaholism and computer addiction than their peers. The tendency to 13 types of addictions was assessed using the method of G.V. Lozovaya, emotional intelligence was additionally assessed using the method of N. Hall. It turned out that graduates of physics and mathematics classes are more vulnerable in terms of their tendency to a number of addictions; in this group, multiple significant correlations were found between the tendency to various addictions and aspects of emotional intelligence, which allows us to consider the development of emotional intelligence of graduates of physics and mathematics classes as a means of reducing their tendency to addictive behavior.

Keywords: graduates of physics and mathematics classes, addictive behavior, internet addiction, gaming addiction, workaholism, emotional intelligence, mathematical abilities.

For citation: Romantcheva S.S., Busarova O.R. Features of Addiction Propensity and Emotional Intelligence in Graduates of Physics and Mathematics Classes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 232–246. DOI:10.17759/psylaw.2024000003 (In Russ.).

Введение

Аддиктивное поведение, являясь видом девиантного поведения, причиняет реальный ущерб обществу и/или самой личности, а также сопровождается социальной дезадаптацией [1]. Специфика этого вида девиантного поведения выражается «в стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, что достигается различными способами: фармакологическими (применение психоактивных веществ) и нефармакологическими (сосредоточение на определенных предметах и активностях, что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний» [8, с. 8—9]. Поскольку аддиктивное поведение представляет собой острую социальную проблему, его факторы, методы профилактики, коррекции и лечения, а также группы риска в целом и по отдельным разновидностям (наркомания, алкоголизм, курение, переедание, компьютерная зависимость, игровая зависимость и т. д.) стали предметом многочисленных академических и прикладных ис-

следований. Однако аддиктивное поведение или склонность к нему некоторых групп населения недостаточно изучены в силу их немногочисленности или отсутствия явных резко негативных социальных последствий (преступность, суициды и т. п.). Одной из таких групп являются люди с реализованными высокими физико-математическими способностями. В.Д. Менделевич даже выделяет отдельный тип девиантного поведения, основанный на гиперспособностях [13], отмечая, что люди с гиперспособностями могут игнорировать реальный мир. Окружающим людям с ними сложно поддерживать общение и устанавливать близкий контакт. Имея неординарные способности, человек сосредоточивает на этом всю свою деятельность и круг его интересов редко выходит за рамки его гиперспособностей, что создает условия для развития в том числе аддикций.

Приведем данные некоторых исследований психологии школьников с высокоразвитыми физико-математическими способностями, которые позволяют предположить склонность их в более старшем возрасте к некоторым формам аддиктивного поведения. В.А. Крутецкий, описывая людей с математическими способностями, указывает на их избирательно-положительное отношение к математической науке, наличие истинной заинтересованности, неподдельной увлеченности делом [10]. В связи с этим встает вопрос: многим ли удастся не перейти грань между увлеченностью и зависимостью? Математически одаренные дети характеризуются левополушарной латерализацией, что некоторые специалисты связывают с диспропорциональностью развития их психики [4], проявляющейся в преобладании интеллектуальной сферы над эмоционально-волевой. Установлено, что для подростков с признаками математической одаренности и с высокоразвитыми физико-математическими способностями в большей степени характерно проявление алекситимии, чем у их сверстников с обычными способностями [18], что может стать причиной нарушения коммуникации с окружающими людьми и более широким окружением. Не углубляясь в психологию физико-математической одаренности, отметим, что приведенные данные могут указывать на то, что люди с физико-математическими способностями зачастую имеют такие специфические психологические особенности, которые подводят их к группе риска в области аддиктивного поведения.

Цель нашего исследования — выявить особенности склонности к различным видам аддиктивного поведения у выпускников физико-математических классов мужского пола в возрасте 18—26 лет. Мы предположили, что они более склонны к трудоголизму и компьютерной зависимости, чем их сверстники.

Методика

В исследовании применялась методика диагностики склонности к 13 видам зависимости Г.В. Лозовой [12]. Дополнительно оценивался уровень эмоционального интеллекта посредством методики Н. Холла [15]. В качестве вспомогательных методов применялись включенное наблюдение и биографический метод.

Для количественного анализа результатов помимо описательной статистики использовались следующие статистические критерии: критерий Манна—Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, угловое преобразование Фишера.

В исследовании приняли участие 89 человек в возрасте от 18 до 26 лет. Испытуемые представляют собой две группы: основная группа — выпускники физико-математических классов, 49 человек (средний возраст — 21,45 лет, станд. отклонение — 2,7); контрольная группа — выпускники классов других профилей либо непрофильных классов, 40 человек (средний

возраст — 21,33 лет, станд. отклонение — 2,61). Испытуемые являются выпускниками ГБОУ Школы 1329 г. Москвы. Участники основной группы обучались в профильных физико-математических классах от групп «Дважды два», «Малый мехмат», все испытуемые этой группы имеют статус призеров или победителей значимых олимпиад. Контрольную группу в основном составили выпускники той же школы, прошедшие конкурсный отбор в классы других профилей (инженерный, медицинский, медиакласс); кроме того, состав контрольной группы был пополнен несколькими выпускниками других московских школ, не обучавшихся в физико-математических классах. Некоторые из участников контрольной группы также являются победителями или призерами предметных олимпиад или конкурсов, Все участники исследования воспитывались в семьях близкого социально-экономического статуса. После окончания школы все обследованные поступили в вузы. В зависимости от возраста на момент исследования они либо являлись студентами (27 человек в основной группе и 23 в контрольной), либо работали в качестве дипломированных специалистов (22 — в основной группе, 17 — в контрольной). Все участники основной группы выбрали физико-математические или экономические направления высшего образования. В связи со спецификой исследования привлекались только лица мужского пола, так как поиск испытуемых женского пола для основной группы в достаточном количестве оказался крайне затруднителен.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием сервиса для составления онлайн-тестирований — Google Формы в дистанционном либо в очном формате, в последнем случае тестирование осуществлялось в небольших группах. Все респонденты приняли участие в исследовании добровольно, откликнувшись на просьбу о помощи в сборе научных данных. По желанию респондентов им предоставлялась обратная связь о личных результатах и общих выводах исследования.

Результаты и их обсуждение

Таблица 1

Распределение выборки по уровням склонности к разным видам зависимостей

Виды зависимости	Число (%) испытуемых, отнесенных к низкому / среднему / высокому уровням склонности к видам зависимости	
	Выпускники физ-мат. классов, N = 49	Контрольная группа, N = 40
Алкогольная	28 (57) / 21 (43) / 0 (0)	24 (60) / 16 (40) / 0 (0)
Телевизионная	49 (100) / 0 (0) / 0 (0)	40 (100) / 0 (0) / 0 (0)
Любовная	15 (31) / 25 (51) / 9 (18)	9 (22) / 23 (58) / 8 (20)
Игровая	7 (14) / 28 (57) / 14 (29)	19 (48) / 20 (50) / 1(2)
От межполовых отношений	32 (65) / 16 (33) / 1(2)	19 (48) / 20 (50) / 1(2)
Пищевая	48 (98) / 1(2) / 0 (0)	37 (92) / 3 (8) / 0 (0)
Религиозная	49 (100) / 0 (0) / 0 (0)	40 (100) / 0 (0) / 0 (0)
Трудоголизм	0 (0) / 32 (65) / 17 (35)	19 (48) / 12 (30) / 9 (22)
Лекарственная	49 (100) / 0 (0) / 0 (0)	40 (100) / 0 (0) / 0 (0)
Компьютерная	0 (0) / 22 (45) / 27 (55)	15 (38) / 25 (62) / 0 (0)
От курения	34 (69) / 14 (29) / 1(2)	29 (73) / 8 (20) / 3 (7)
От ЗОЖ	49 (100) / 0 (0) / 0 (0)	40 (100) / 0 (0) / 0 (0)
Наркотическая	49 (100) / 0 (0) / 0 (0)	40 (100) / 0 (0) / 0 (0)

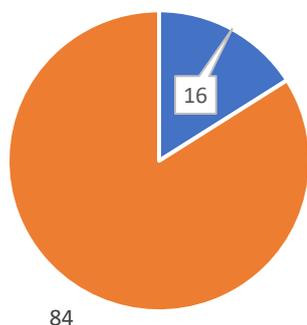
Распределение выборки по уровням склонности к видам зависимости по результатам методики Г.В. Лозовой представлены в табл. 1.

Результаты показывают, что склонность к ряду рассматриваемых в исследовании зависимостей у всех обследованных в обеих группах находится на низком уровне, это относится к телевизионной, религиозной, лекарственной, наркотической зависимостям и зависимости от здорового образа жизни (ЗОЖ). Склонность к пищевой зависимости также у подавляющего большинства участников исследования выражена на низком уровне. В то же время по склонности к компьютерной, игровой зависимостям и трудовогоголизму результаты испытуемых двух групп существенно различаются, во всех случаях показатели выше у выпускников физико-математических классов.

Далее мы выяснили распространенность высокой склонности к по крайней мере одному виду зависимости в основной и контрольной группах. Как выяснилось, среди выпускников физико-математических классов доля таких участников исследования была значительно выше (рис. 1). Применение углового преобразования Фишера подтвердило, что это различие статистически значимо: $\phi^*_{эмп} = 3,473$; $p < 0,01$.

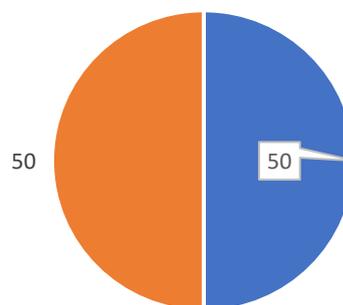
Таким образом, несмотря на академические достижения в школьные годы и успешную учебу в ведущих вузах в дальнейшем, выпускники физико-математических классов оказываются более уязвимой с точки зрения зависимостей группой.

Выпускники физ-мат. классов

■ не имеют высокой склонности к какой-либо зависимости
■ имеют высокую склонность

Контрольная группа

■ не имеют высокой склонности к какой-либо зависимости
■ имеют высокую склонность

Рис. 1. Процент испытуемых, имеющих высокую степень склонности хотя бы к одному виду зависимости в основной и контрольной группах

Сравним склонность участников основной и контрольной групп к различным видам зависимостей по результатам методики Г.В. Лозовой, результаты приведены в табл. 2.

Как следует из табл. 2, значимые различия обнаружены между группами по четырем видам зависимостей: выпускники физико-математических классов превосходят испытуемых контрольной группы по игровой и компьютерной зависимостям, а также трудовомуголизму, причем различия высокосignификанты ($p \leq 0,01$) и уступают им в выраженности зависимости от межполовых отношений ($p \leq 0,05$).

Таблица 2

Сравнение склонности выпускников физ-мат. классов и контрольной группы к различным видам зависимости (критерий Манна—Уитни)

Виды зависимости	Средние значения				U
	Основная группа (физ-мат. классы), N = 49		Контрольная группа, N = 40		
	М	σ	М	σ	
Алкогольная	10,31	3,15	9,53	3,19	841,5
Телевизионная	7,76	2,09	7,55	1,94	924,5
Любовная	13,94	3,9	15,23	3,68	805
Игровая	15,61	3,67	12,1	2,69	439,5**
От межполовых отношений	10,08	3,48	11,5	3,52	744,5*
Пищевая	7,71	1,64	8,1	2,03	885,5
Религиозная	7,04	1,59	7,35	1,64	879
Трудоголизм	17,96	2,49	13,6	4,82	465,5**
Лекарственная	6,9	1,37	7,35	1,39	800
Компьютерная	18,86	2,18	12,0	2,28	47,5**
От курения	10,12	3,86	9,73	4,12	893
От ЗОЖ	7,37	2,04	7,85	1,94	831,5
Наркотическая	7,55	1,91	7,2	1,89	869

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$.

У основной группы наибольшие средние значения получены по шкалам склонности к компьютерной зависимости, трудоголизму и игровой зависимости, у контрольной — по шкалам склонности к любовной зависимости, трудоголизму и игровой зависимости. Мы посчитали полезным сравнить наши результаты с данными, полученными по методике Г.В. Лозовой в других исследованиях на молодежных выборках, выполненных в постковидный период в разных регионах России. У студентов первого курса Московского международного университета, обучающихся по направлению «Реклама», наиболее распространены алкогольная, пищевая и любовная зависимости [2], в выборке студентов высших и средних учебных заведений Владивостока лидируют любовная, пищевая зависимости и зависимость от ЗОЖ [6], эти же виды зависимости отмечаются как наиболее частые в исследовании на базе Тувинского государственного университета, в котором участвовали будущие бакалавры, обучающиеся на девяти факультетах [14], и в исследовании, проведенном в Волгоградском государственном медицинском университете [16]. Автор последней работы еще выделяет трудоголизм, средняя степень склонности к которому обнаружена у двух третей студентов-медиков, однако респондентов с высокой степенью склонности к этой зависимости в выборке не зафиксировано. Как видим, результаты этих исследований, согласуясь между собой, расходятся с нашими данными. Это расхождение в определенной мере можно объяснить социально-демографическими особенностями нашей выборки: в нее вошли только лица мужского пола и те, кто уже не является студентами, их доля составляет 44% от общего числа участников исследования. Тем не менее отметим, что если в группе выпускников физико-математических классов картина по наиболее выраженным зависимостям полностью отлича-

ется от результатов упомянутых исследований, то в контрольной группе одно совпадение все-таки отмечается — относительная выраженность любовной зависимости. Проведенное сопоставление подчеркивает своеобразие аддиктивных склонностей в основной группе.

Особого внимания заслуживают лица, обнаружившие высокую степень склонности к разным видам зависимости. Их процентное распределение в основной и контрольной группах представлено на рис. 2.

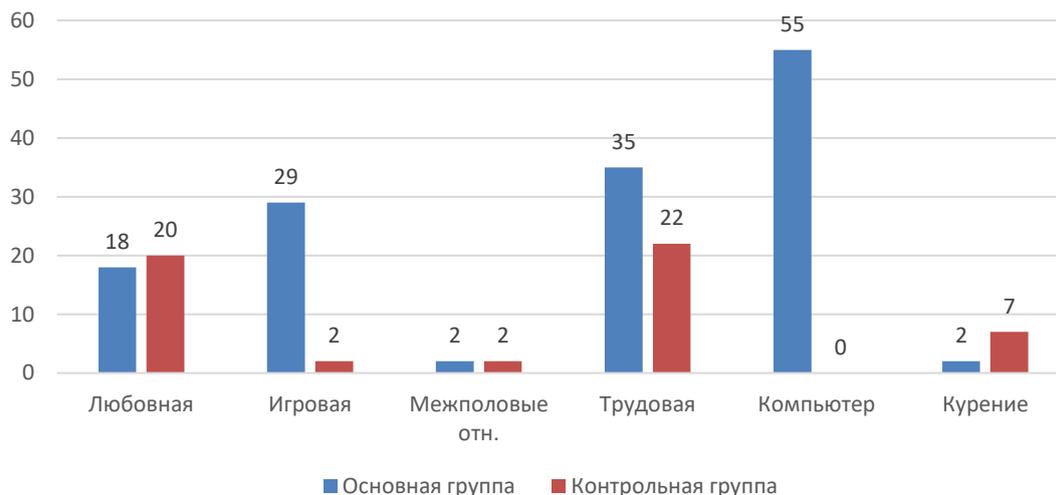

Рис. 2. Процент испытуемых, имеющих высокую степень склонности к разным видам зависимости в основной и контрольной группах

Наиболее примечательным результатом, отраженным на рис. 2, представляется высокая степень склонности к компьютерной зависимости большинства обследованных выпускников физико-математических классов, причем ни у одного из участников данной группы эта склонность не обнаружена на низком уровне. Этот результат контрастирует с отсутствием испытуемых контрольной группы с высоким уровнем данной зависимости, хотя в большинстве своем они являются выпускниками той же школы. Возможно, выраженность компьютерной зависимости у выпускников физико-математических классов связана с отличающим эту группу высоким интеллектом, так как некоторые авторы указывают его среди психологических особенностей, связанных с интернет-зависимостью [5, с. 6]. Тем не менее для более глубокого понимания причин такой аномалии обратимся к анализу специфики школьного обучения членов основной группы, которая состоит в регулярных поездках в специализированные лагеря и на олимпиадные сборы, а также участия в статусных олимпиадах по физике и математике. В среднем, каждый ученик участвует в 4—5 выездах за год, а иногда и чаще. В связи с этой особенностью учебного процесса все ученики этих классов проводят много времени в компании более-менее закрытой группы сверстников со схожими интересами и занятиями. Досуг вне учебных занятий на таких выездах представлен чаще всего либо настольными играми, либо компьютерными, либо дополнительными занятиями по математике и физике. Спортивная активность обычно представлена только футболом по личной инициативе учащихся. Участие в олимпиадах 1-го и 2-го уровней, победа или призовые места на которых обеспечивают либо поступление в вуз без вступительных испытаний, либо 100 баллов по профильному ЕГЭ, подразумевает подготовку во внеучебное время, высокую внутреннюю мотивацию для такой нагрузки и целеустремленность.

Эти сведения объясняют склонность выпускников физико-математических классов к трудоголизму и отчасти к игровой зависимости, но, на первый взгляд, не приближают нас к ответу на вопрос о природе их склонности к компьютерной зависимости. Данные включенного наблюдения говорят о том, что выпускники используют компьютер для работы (многие работают в IT-сфере), получения новых знаний и навыков и игр. Увлечение соцсетями для них в основном не характерно. Таким образом, склонность к компьютерной зависимости сопряжена со склонностью с двумя другими ведущими зависимостями в этой группе — трудоголизмом и игровой. Среди выпускников физико-математических классов, участвовавших в исследовании, нет ни одного человека с низким уровнем склонности к трудоголизму и только 7 человек (14%) имеют низкий уровень склонности к игровой зависимости. Не противоречат ли эти склонности друг другу? На наш взгляд, дело в особенностях саморегуляции деятельности, которые педагоги сформировали у учеников физико-математических классов на олимпиадных сборах. Участники, победители и призеры олимпиад по математике характеризуются умением сосредоточиться на решении задачи, с которым значимо положительно коррелирует ряд показателей успешности решения математических задач, причем это умение ценится самими участниками олимпиад [11]. Таким образом, это умение, сформированное в школьные годы, помогает выпускникам физико-математических классов в будущем при получении учебного или производственного задания сосредотачиваться на его выполнении, и до достижения цели игровая склонность не проявляется.

Дополнительно мы проанализировали склонность к зависимостям, ярко выраженную в основной группе, отдельно для младшей (18—20 лет, студенты вузов, 27 чел.) и старшей (23—26 лет, специалисты, 22 чел.) подгрупп (рис. 3). Как видим, выраженность склонности к трудоголизму и компьютерной зависимости практически одинакова у юношей и молодых взрослых (средние значения располагаются на границе среднего и высокого уровней), а игровая зависимость выше у младшей подгруппы, что подтверждают и результаты статистического анализа — значения критерия Манна—Уитни соответственно составили: $U = 242, p > 0,05$; $U = 286, p > 0,05$; $U = 199, p < 0,05$. Можно предположить, что снижение склонности к игровой зависимости вызвано включением в систему более сложных социальных отношений, чем в период вузовского обучения, но это предположение требует проверки на большей выборке и, желательно, проведения лонгитюдного исследования.

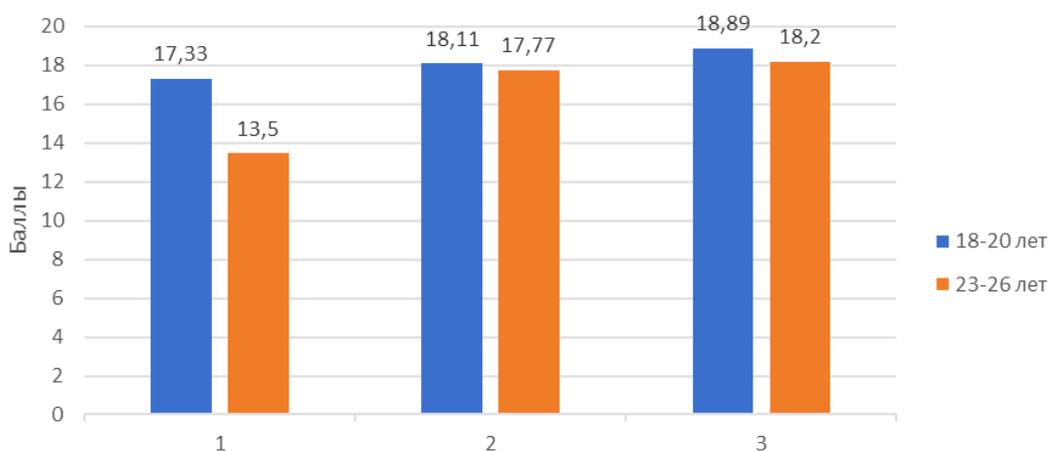

Рис. 3. Сравнение выраженности склонности (средние баллы) к ведущим зависимостям в основной группе в младшей и старшей подгруппах: 1 — игровая зависимость; 2 — трудоголизм; 3 — компьютерная зависимость

Одной из характерных особенностей людей со склонностью к компьютерной зависимости в литературе называют более низкий эмоциональный интеллект [6; 7; 8; 17]. Мы провели оценку эмоционального интеллекта в нашей выборке, чтобы проверить, справедливо ли это для такой специфической группы, как выпускники физико-математических классов. Результаты тестирования по методике Н. Холла представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Сравнение эмоционального интеллекта у выпускников физ-мат. классов
 и в контрольной группе (критерий Манна—Уитни)**

Показатели эмоционального интеллекта	Средние значения				U
	Основная группа (физ-мат. классы), N = 49		Контрольная группа, N = 40		
	M	σ	M	σ	
Эмоциональная осведомленность	8,8	2,78	12,2	3,08	417**
Управление	12,1	2,57	12,6	3,09	904
Самомотивация	10,82	1,57	11,8	1,9	681**
Эмпатия	6,79	2,41	10,6	2,19	255,5**
Распознавание	6,88	1,96	11,18	1,74	103,5**
Общий показатель	45,33	5,83	58,38	6,29	101**

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$.

Из табл. 3 следует, что все аспекты эмоционального интеллекта, диагностируемые методикой Н. Холла, а также общий показатель в основной группе получили более низкие значения, чем в контрольной ($p \leq 0,01$). Исключение составила только шкала управления своими эмоциями, которая характеризует способность к эмоциональной гибкости. Если в контрольной группе все средние показатели соответствуют среднему уровню, то у выпускников физико-математических классов средние значения по шкалам эмпатии и распознавания чужих эмоций находятся на низком уровне. Итак, основная группа нашего исследования, демонстрируя склонность к компьютерной зависимости, в соответствии с имеющимися в литературе данными, обнаружила более низкие показатели эмоционального интеллекта, следовательно, выпускники физико-математических классов должны чаще испытывать трудности в общении. Наши наблюдения показывают, что члены основной группы имеют прочные и длительные контакты преимущественно со своими одноклассниками или коллегами и редко включают в круг своего близкого общения новых людей.

Далее мы рассчитали корреляции между склонностью к разным видам зависимости и аспектами эмоционального интеллекта (табл. 4 и 5).

Как видим, в основной группе обнаружено 8 статистически значимых корреляций между склонностью к разным видам зависимости и аспектами эмоционального интеллекта, в том числе три — высокосignимые ($p \leq 0,01$). Как и следовало ожидать, в основном корреляции обратные.

Из табл. 5 следует, что в отличие от основной группы в контрольной склонность к разным видам зависимости и аспекты эмоционального интеллекта связаны слабо: значимых корреляций заметно меньше — всего три, и нет ни одной высокосignимой.

Таблица 4

Корреляции между склонностью к разным видам зависимости и аспектами эмоционального интеллекта у выпускников физико-математических классов (коэффициент корреляции Спирмена)

Аспекты ЭИ	Эмоциональ- ная осведом- ленность	Управление эмоциями	Самототи- вация	Эмпатия	Распознава- ние чужих эмоций	Общий балл ЭИ
Виды зависимости						
Алкогольная	0	-0,1	0,02	-0,1	0	-0,12
Телевизионная	0,27	-0,14	-0,02	-0,06	0,1	-0,02
Любовная	-0,09	0,07	0,04	0,1	0,05	0,07
Игровая	-0,44**	-0,02	0,1	-0,06	-0,11	-0,25
От межполовых отношений	-0,25	-0,31*	-0,21	0	0	-0,36*
Пищевая	-0,1	0	0,06	0,06	-0,04	0,04
Религиозная	0,02	-0,13	-0,1	0,02	0,12	-0,08
Трудовая	0,12	0,09	0,11	-0,02	-0,09	0,08
Лекарственная	-0,2	-0,05	-0,14	-0,08	0,11	-0,18
Компьютерная	0,27	-0,2	-0,19	0,04	0,35*	0,07
От курения	-0,02	0,06	0,12	0,02	-0,33*	-0,11
От ЗОЖ	0,39**	-0,37**	-0,36*	0,13	0,21	-0,02
Наркотическая	0,09	0,02	0,01	0,17	-0,05	0,01

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$.

Таблица 5

Корреляции между склонностью к разным видам зависимости и аспектами эмоционального интеллекта в контрольной группе (коэффициент корреляции Спирмена)

Аспекты ЭИ	Эмоциональ- ная осведом- ленность	Управление эмоциями	Самототи- вация	Эмпатия	Распознава- ние чужих эмоций	Общий балл ЭИ
Виды зависимости						
Алкогольная	-0,07	-0,07	-0,04	0,21	0,1	-0,2
Телевизионная	-0,05	0,04	-0,08	0,08	-0,03	-0,08
Любовная	0	0,03	-0,02	0,25	0,03	-0,01
Игровая	0,15	0,04	0,04	0,07	0,29	0,22
От межполовых отношений	0,36*	-0,27	-0,09	0,17	-0,14	-0,03
Пищевая	0,23	0,19	0,27	0,26	0,1	0,39*
Религиозная	-0,05	0,21	0,27	0,03	0,02	0,08
Трудовая	-0,1	0,04	0	-0,06	0,31*	-0,01
Лекарственная	0,1	0,1	0,13	0,26	-0,3	-0,02
Компьютерная	0,11	0,28	0,18	0,15	-0,28	0,13
От курения	-0,08	0,06	0,12	0,12	0,09	0
От ЗОЖ	0,08	0,04	0	0	0,1	0,06
Наркотическая	-0,09	-0,12	0,06	0,07	-0,24	-0,11

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$.

Результаты корреляционного анализа позволяют рассматривать эмоциональный интеллект выпускников физико-математических классов как мишень коррекционно-профилактической работы для снижения склонностей к зависимостям, прежде всего — к игровой. Здесь, правда, следует отметить, что профилактика аддиктивного поведения у современной молодежи — весьма трудная и ответственная деятельность, требующая от специалиста высокой квалификации и тщательного планирования [3], а для работы с рассматриваемой категорией молодых людей, в силу их высокого интеллекта, развитого критического мышления и неконформистских установок, это особенно важно.

Выводы

1. Юноши и молодые мужчины, выпускники физико-математических классов, чаще своих сверстников, получающих или получивших высшее образование, имеют склонность к одному или нескольким видам аддиктивного поведения.

2. Юноши, выпускники физико-математических классов, наиболее склонны к следующим видам аддиктивного поведения: трудовому, игровой и компьютерной зависимости, а молодые мужчины, выпускники этих классов, склонны к трудовому и компьютерной зависимости.

3. Юноши и молодые мужчины, выпускники физико-математических классов, имеют несколько сниженный уровень эмоционального интеллекта, наиболее низкие показатели обнаружены для эмпатии и распознавания чужих эмоций.

4. В группе юношей и молодых мужчин, выпускников физико-математических классов, обнаружены множественные значимые корреляционные связи, в основном — отрицательные, между склонностью к различным зависимостям и аспектами эмоционального интеллекта, что позволяет рассматривать развитие эмоционального интеллекта этой группы как средство снижения склонности к аддиктивному поведению.

Перспективными направлениями исследований по данной теме нам представляются изучение вопроса о том, насколько полученные результаты справедливы в отношении юношей и молодых мужчин со склонностями к работе в сфере физики и математики и достижениями в ней, не обучавшихся в профильных классах, и апробация технологии профилактики аддиктивного поведения учащихся и выпускников физико-математических классов.

Ограничения исследования

Полученные результаты не дают представления о склонности к аддиктивному поведению выпускниц физико-математических классов. Кроме того, опросниковый метод определения склонности к зависимостям вследствие давления на респондентов фактора социальной желательности может приводить к некоторому занижению баллов. В нашем исследовании мы применяли включенное наблюдение и биографический метод как средство выявления грубых искажений ответов, однако дозированное искажение ответов полностью исключить нельзя.

Литература

1. Азарова Л.А., Святковский В.А. Психология девиантного поведения: Учебно-методический комплекс. Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. 164 с.
2. Айсувакова Т.П., Климова С.С., Сорокопуд Ю.В. Организация диагностики и коррекционной работы со студентами, склонными к аддиктивному поведению [Электронный ресурс]

Романчева С.С., Бусарова О.Р.
Особенности склонности к аддикциям
и эмоционального интеллекта у выпускников
физико-математических классов
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 232–246

Romantcheva S.S., Busarova O.R.
Features of Addiction Propensity
and Emotional Intelligence in Graduates
of Physics and Mathematics Classes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 232–246

// Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 81–84. doi:10.24412/1991-5497-2022-394-81-84

3. Власова Н.В. Психологические особенности профилактики аддиктивного поведения современной молодежи // Мир образования — образование в мире. 2018. № 1 (69). С. 178–185.

4. Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 272 с.

5. Емелин В.А., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59107 (дата обращения: 19.07.2024).

6. Зубова А.А. Зависимости у студентов с разными уровнями эмпатии [Электронный ресурс] // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94. Часть 2. С. 81–86. doi:10.18411/trnio-02-2023-79

7. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27–54. doi:10.17759/sps.2020110103

8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 263 с.

9. Криженков Д.Н. Аддиктивное поведение и эмоциональный интеллект подростков // Векторы психологии: психолого-педагогическая безопасность личности в современной образовательной среде: Сборник материалов III Международной заочной научно-практической конференции, Гомель, 01 июля 2021 года. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2021. С. 226–228.

10. Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 416 с.

11. Лазарева Н.Ю., Смирницкая А.В., Савинова А.Д., Маркин Ф.Н., Макаров И.Н., Коровкин С.Ю., Богомоллов Ю.В., Владимиров И.Ю. Связь показателей успешности участников математических олимпиад с их личностными, когнитивными и метакогнитивными (самооценочными) характеристиками // Психология познания: материалы Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 16–17 декабря 2022 г. / Отв. ред. И.Ю. Владимиров. С.Ю. Коровкин. Ярославль: Филигрань, 2023. С. 180–183.

12. Лозовая Г.В. Методика диагностики склонности к различным зависимостям // Психологические основы педагогической деятельности: Материалы 34-й научной конференции кафедры психологии СПбГУФК им. П.Ф. Лесгафта / Под ред. А.Н. Николаева. СПб: СПбГУФК им. П.Ф. Лесгафта, 2007. С. 121–124.

13. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. СПб: Речь, 2005. 445 с.

14. Момбей-оол С.М. Социально-психологическое исследование предрасположенности к аддикциям студентов Тувинского государственного университета [Электронный ресурс] // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 4. Педагогические науки. 2021. № 4 (87). С. 71–78. doi:10.24411/2221-0458-2021-87-71-78

15. Никулина И.В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: Учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета. 2022. 82 с.

16. Сычева А.И. Исследование аддиктивного поведения у студентов Волгоградского государственного медицинского университета // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов:

Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. редактор О.В. Кублицкая. СПб: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 397–400.

17. Хомерики Н.С. Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением: Дисс. ... канд. социол. наук. СПб, 2013. 186 с.

18. Цветкова Н.В., Малыгина С.Г. Особенности алекситимии у подростков с признаками математической одаренности [Электронный ресурс] // Концепт. 2019. № 12. С. 149–155. doi:10.24411/2304-120X-2019-12053

References

1. Azarova L.A., Svyatkovskii V.A. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebno-metodicheskii kompleks*. Minsk: GIUST BGU, 2009. 164 p. (In Russ.).
2. Aisuvakova T.P., Klimova S.S., Sorokopud Yu.V. Organizatsiya diagnostiki i korrektsionnoi raboty so studentami, sklonnymi k addiktivnomu povedeniyu [Organization of diagnostics and correctional work with students prone to addictive behavior] [Elektronnyi resurs]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of Science, Culture and Education*, 2022, no. 3 (94), pp. 81–84. doi:10.24412/1991-5497-2022-394-81-84 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vlasova N.V. Psikhologicheskie osobennosti profilaktiki addiktivnogo povedeniya sovremennoi molodezhi. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire = The World of Education - Education in the World*, 2018, no. 1 (69), pp. 178–185. (In Russ.).
4. Gluzman ZH.M. *Neiropsikhologiya detskogo vozrasta: Uchebnoe posobie*. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. 272 p. (In Russ.).
5. Emelin V.A., Tkhostov A.SH., Rasskazova E.I. Psikhologicheskie faktory razvitiya i khronifikatsii tekhnologicheskikh zavisimostei [Psychological factors of development and chronicity of technological addictions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2013. Vol. 5, no. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59107 (Accessed 19.07.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Zubova A.A. Zavisimosti u studentov s raznymi urovnyami empatii [Elektronnyi resurs]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Tendentsii Razvitiya Nauki i Obrazovaniy*, 2023, no. 94-2, pp. 81–86. doi:10.18411/trnio-02-2023-79 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Kochetkov N.V. Internet-zavisimost' i zavisimost' ot komp'yuternykh igr v trudakh otechestvennykh psikhologov [Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 27–54. doi:10.17759/sps.2020110103 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. *Psikhosotsial'naya addiktologiya*. Novosibirsk: Olsib, 2001. 263 p. (In Russ.).
9. Krizhenkov D.N. Addiktivnoe povedenie i emotsional'nyi intellekt podrostkov. *Vektory psikhologii: psikhologo-pedagogicheskaya bezopasnost' lichnosti v sovremennoi obrazovatel'noi srede: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Gornel', 01 iyulya 2021 goda*. Gomel: Gomel'skii gosudarstvennyi universitet im. Frantsiska Skoriny Publ., 2021, pp. 226–228. (In Russ.).
10. Krutetskiy V.A. *Psikhologiya matematicheskikh sposobnostei shkol'nikov*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1998. 416 s.

11. Lazareva N.Yu., Smirnitskaya A.V., Savinova A.D., Markin F.N., Makarov I.N., Korovkin S.Yu., Bogomolov Yu.V., Vladimirov I.Yu. Svyaz' pokazatelei uspehnosti uchastnikov matematicheskikh olimpiad s ikh lichnostnymi. kognitivnymi i metakognitivnymi (samootsenochnymi) kharakteristikami. In Vladimirov I.Yu., Korovkin S.Yu. (Eds.). *Psikhologiya poznaniya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. YarGU, 16–17 dekabrya 2022 g.* Yaroslavl: Filigran', 2023, pp. 180–183. (In Russ.).
12. Lozovaya G.V. Metodika diagnostiki sklonnosti k razlichnym zavisimostyam. In Nikolaev A.N. *Psikhologicheskie osnovy pedagogicheskoi deyatel'nosti: Materialy 34-i nauchnoi konferentsii kafedry psikhologii SPbGUFK im. P.F. Lesgafta.* Saint Petersburg: SPbGUFK im. P.F. Lesgafta Publ., 2007, pp. 121–124. (In Russ.).
13. Mendelevich V.D. Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Saint Petersburg: Rech', 2005. 445 p. (In Russ.).
14. Mombei-ool S.M. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie predraspolozhennosti k addikttsiyam studentov Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Socio-psychological research of preposition to addiction of Tuvan State University students] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 4. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of Tuvan State University. 4th Issue: Pedagogical Sciences*, 2021, no. 4 (87), pp. 71–78. doi:10.24411/2221-0458-2021-87-71-78 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Nikulina I.V. Emotsional'nyi intellekt: instrumenty razvitiya: Uchebnoe posobie. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. 2022. 82 p. (In Russ.).
16. Sycheva A.I. Issledovanie addiktivnogo povedeniya u studentov Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Investigation of addictive behavior in students of Volgograd state medical university]. In Kublitskaya O.V. (Ed.). *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov: Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem studencheskoi nauchnoi konferentsii: V 2 ch. Ch. 1.* Saint Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina Publ., 2023, pp. 397–400. (In Russ.).
17. Khomeriki N.S. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov s internet-zavisimym povedeniem: Diss. kand. sotsiol. nauk. Saint Petersburg, 2013. 186 p. (In Russ.).
18. Tsvetkova N.V., Malygina S.G. Osobennosti aleksitimii u podrostkov s priznakami matematicheskoi odarennosti [Features of alexithymia in adolescents with signs of mathematical talent] [Elektronnyi resurs]. *Kontsept = Konzept*, 2019, no. 12, pp. 149–155. doi:10.24411/2304-120X-2019-12053

Информация об авторах

Романчева Светлана Сергеевна, выпускница, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1105-2497>, e-mail: 1555510s@mail.ru

Бусарова Ольга Ренатовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Романчева С.С., Бусарова О.Р.
Особенности склонности к аддикциям
и эмоционального интеллекта у выпускников
физико-математических классов
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 232–246

Romantcheva S.S., Busarova O.R.
Features of Addiction Propensity
and Emotional Intelligence in Graduates
of Physics and Mathematics Classes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 232–246

Information about the authors

Swetlana S. Romantcheva, Graduate Student, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1105-2497>, e-mail: 1555510s@mail.ru, e-mail: 1555510s@mail.ru

Olga R. Busarova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Получена 01.07.2024
Принята в печать 10.08.2024

Received 01.07.2024
Accepted 10.08.2024

Правовые и социально-психологические аспекты создания единой модели организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Лаикул М.В.

Центр защиты прав и интересов детей (ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Тарасова А.Е.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Главное направление социальной политики в России — это деинституционализация детей, помещенных в учреждения вследствие разлучения с родителями. В последнее десятилетие проводится реформирование системы учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: смена ведомственной принадлежности, улучшение условий жизни, дополнительные функции и пр. Семейное устройство детей-сирот, профилактика социального сиротства привели к существенному сокращению числа детей в условиях институционализации (32 тысячи чел. в 2024 г.), и одним из актуальных вопросов сегодня является целесообразность создания единой модели организации (ЕМО) для данной категории детей и возможность объединения с другими учреждениями, работающими с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Вместе с правовыми и организационными проблемами создания ЕМО возникает вопрос о совместимости детей с разным правовым статусом, медицинскими диагнозами, образовательными и социальными потребностями в одной воспитательной группе или одном учреждении. В статье представлены результаты оценки социально-психологических последствий внедрения ЕМО с точки зрения руководителей организации (N = 176 чел.) и педагогов-психологов (N = 119 чел.), показаны возможные риски при объединении учреждений.

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лашкул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; организации для детей-сирот; единая модель; педагог-психолог; дети, временно разлученные с родителями.

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 09.02.2024 № 073-00037-24-01 «Научно-методическое обеспечение разработки единой модели организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех возрастов и особенностей развития и ее апробация не менее чем в 15 субъектах Российской Федерации».

Для цитаты: *Семья Г.В., Ослон В.Н., Лашкул М.В., Тарасова А.Е.* Правовые и социально-психологические аспекты создания единой модели организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262. DOI:10.17759/psylaw.2024140416

Legal and Socio-Psychological Aspects of Creating a Unified Organization Model for Orphans and Children Left without Parental Care

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Marina V. Lashkul

Centre for Protection of Rights and Interests of Children, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Anna E. Tarasova

Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

The main direction of social policy in Russia is the deinstitutionalization of children placed in institutions as a result of separation from their parents. In the last decade, the system of institutions for orphans and children left without parental care has been reformed: change of departmental affiliation, improvement of living conditions, additional functions, and so on. Family placement of orphans and prevention of social orphanhood have led to a significant reduction in the number of children in institutionalized settings (32 thousand in 2024) and one of the pressing issues today is the expediency of creating a Unified model organization (UMO) for this category of children and the possibility of combining it with other institutions working with children in difficult life situations. Together with the legal and organizational problems of creating a UMO, there is a question of compatibility of children with different legal status, medical diagnoses, educational and social needs in one educational group

or one institution. The article contains the results of the assessment of the socio-psychological consequences of the introduction of UMO from the point of view of organization managers (N=176 people) and psychologists (N=119 people), and possible risks when merging institutions.

Keywords: orphans, children left without parental care, organization for orphans, unified model, teacher-psychologist, children temporarily separated from their parents.

Funding: the study was carried out to fulfill state assignment No. 073-00037-24-01 by the Ministry of Education of the Russian Federation dated February 9, 2024 “Scientific and methodological support for the development of a unified organization model for orphans and children left without parental care, of all ages and developmental characteristics and its approbation in at least 15 subjects of the Russian Federation”.

For citation: Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E. Legal and Socio-Psychological Aspects of Creating a Unified Organization Model for Orphans and Children Left without Parental Care. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262. DOI:10.17759/psylaw.2024140416 (In Russ.).

Введение

В 2024 г. ЮНИСЕФ опубликовал статистику по численности детей, проживающих в учреждениях интернатного типа вследствие разлучения семей и помещения детей в детские учреждения в Европе: 337287 детей, т. е. примерно 277 детей на каждые 100 000 детей, что почти в три раза больше, чем в среднем по миру (102 ребенка на 100 000 детей) [10].

Анализ международных источников показал разнообразие общих и специализированных учреждений для детей, разлученных с родителями. Так, в Европе — это учреждения, как правило, небольшие по размеру, функционирующие в рамках общин и муниципалитетов [10]. В Армении уход за ребенком осуществляется в общих и специальных (специализированных) учреждениях социальной защиты населения. В Таджикистане формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является детский дом семейного типа, а также распространено направление детей-сирот в качестве воспитанников воинских частей [16]. В Китае действует около 4500 детских домов, которые практически все находятся в сельской местности. В стране существуют специальные организации для детей, чьи родители осуждены и у которых нет другой семьи или опекунов, а также специализированные реабилитационные центры для детей с нарушением слуха, родители которых не могут себе позволить сделать операцию и воспитывать недееспособного малыша [1; 22]. В Африке, несмотря на отсутствие практики институционализации детей-сирот, после эпидемии ВИЧ в 1980-х гг. наблюдался резкий рост числа учреждений для детей, разлученных с родителями [23]. Исследование источников на предмет финансирования учреждений для детей показало, что в странах, ранее входивших в состав СССР [24], в Центральной и Восточной Европе [1], Китае, как правило, интернатные учреждения находятся в государственной собственности. В то же время в Центральной Африке большинство учреждений находятся в частной собственности и обычно принадлежат негосударственным или религиозным организациям [25].

Исследование Конвенции о правах ребенка, членом которой является Россия, выявляет несколько значительных аспектов, касающихся «обязательства государств по защите ребенка, оставшегося без заботы своих родителей» [19]:

1. помещение ребенка в учреждение предусмотрено как последний вариант замещающего ухода;
2. предусматривается обоснование необходимости такого помещения;
3. помещение возможно только в предназначенное (соответствующее) для ухода за детьми учреждении, отвечающее физическим, психическим и иным потребностям ребенка [19].

Данные аспекты, указывающие на соответствующий характер организаций и их предназначенность именно для ухода за детьми, означают, что учреждения не должны носить общего назначения для разных категорий граждан, быть непрофильными, смешанными, не занимающимися профессионально уходом за детьми [25].

Кроме структурных, кадровых и финансовых аспектов функционирования учреждений для детей, разделенных с родителями, важным фактором является создание среды, способствующей благополучию и всестороннему развитию ребенка. Анализ российских и иностранных источников показывает наличие значительного количества работ, посвященных исследованию особенностей развития детей в условиях институционализации; в результате этих исследований были выявлены проблемы психологической травматизации, психиатрические диагнозы, трудности социализации и обучения, что требует оказания детям специализированной помощи или проведения реабилитации [5; 12; 20; 21; 25; 26].

В России численность детей-сирот в условиях институционализации составляет 32 тысячи или 100 детей на 100000 детского населения.

Основные категории воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — ОДС): подростки, сиблинги и дети с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ), включая инвалидность (в ряде регионов доля может достигать до 80%). По состоянию на 1 марта 2024 г. на территории Российской Федерации осуществляли деятельность 932 ОДС, из них: 605 — подведомственны органам исполнительной власти в сфере социальной защиты; 309 — в сфере образования; 11 — в сфере здравоохранения; 7 — частные негосударственные организации.

На протяжении последнего десятилетия проводится работа по реформированию ОДС. Очередной этап закончился к началу 2024 г. — объединение под единым ведомством органов опеки и попечительства и ОДС, в результате сегодня около 30% организаций находятся в подчиненности региональных министерств (департаментов) просвещения, остальные — в подчинении министерств социального развития. На очереди — обоснование необходимости создания единой модели организации для детей-сирот (далее ЕМО). При этом на первый план выходят правовые, организационные, финансовые и кадровые проблемы. Но не менее важными являются вопросы о совместимости разных категорий детей, находящихся круглосуточно в организациях.

С этой целью было проведено исследование, которое показало отношение руководителей и педагогов-психологов организаций для детей-сирот, реабилитационных центров к совместному проживанию, воспитанию, реабилитации детей разных категорий.

Организация, методы и методики исследования

В рамках исследования был проведен анализ документов и нормативно-правовых актов, регулирующих основания помещения детей-сирот в ОДС и требования к ним [9; 11], разработано понятие единой модели организации. Это организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которая направлена на создание условий, обеспечивающих полноценное развитие и социализацию детей вне зависимости от их возраста, состоя-

ния здоровья, особенностей развития и оснований помещения, в которой отсутствует разделение по типам услуг (медицинские, образовательные, социальные), поддерживающая принципы:

- нахождения ребенка в одной ОДС (без перевода) совместно с сиблингами;
- психолого-педагогического сопровождения на всех этапах жизни ребенка, способствующего его успешному развитию и социализации.

Для оценки социально-психологических аспектов формирования единой модели организации был проведен опрос руководителей и специалистов ОДС. Метод анкетирования позволил собрать данные о восприятии респондентами текущей системы, предложения по ее улучшению, а также выявить существующие проблемы и барьеры. Опрос проводился с использованием дистанционных форм на платформе «Анкетолог», был добровольным и анонимным.

Исследование базировалось на комплексном подходе, сочетая как количественные (частотный анализ), так и качественные методы. Это позволило выявить основные тенденции по вопросам:

- какие категории детей целесообразно размещать в одной группе с условно нормотипичными детьми-сиротами;
- какие категории детей и подростков нецелесообразно воспитывать в одной группе, но можно объединить в одной организации;
- какие категории детей и подростков нецелесообразно размещать в одной организации.

Выборка

В опросе приняли участие:

- 119 психологов и педагогов-психологов из 53 субъектов Российской Федерации. 76% опрошенных имеют психолого-педагогическую направленность профессиональной подготовки;
- 176 руководителей ОДС, социально-реабилитационных центров из 63 субъектов Российской Федерации, деятельность которых отвечает концепции единой модели организаций полностью или частично.

Результаты

В организациях, которые могут войти в ЕМО, находятся следующие категории детей:

- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, помещенные в организацию под надзор [9; 14];
- дети, временно помещенные в организацию по заявлению законных представителей, в случаях, предусмотренных пунктом 2 статьи 155.1 СК РФ (в целях получения детьми медицинских, социальных, образовательных или иных услуг либо в целях обеспечения временного проживания детей в течение периода, когда родители, усыновители либо опекуны или попечители по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в отношении ребенка) [15];
- дети, находящиеся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, нуждающиеся в социальной реабилитации, в случаях, предусмотренных статьей 13, подпунктом 3 пункта 1 статьи 18 Федерального закона № 120-ФЗ [17];
- дети с психическими расстройствами, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию и нуждающиеся в постоянном постороннем уходе.

Анализ показал, что сегодня в ряде регионов сложилось несколько типов моделей, объединяющих разные социальные организации, например, все ОДС объединяются в центр действия семейному воспитанию или ОДС являются структурными подразделениями областного реабилитационного центра для несовершеннолетних.

Данные частотного анализа ответов респондентов на вопрос, как они относятся к совместному помещению в одну группу нормотипичных детей-сирот, детей с тяжелой инвалидностью, находящихся в ТЖС и/или СОП, с расстройствами поведения, употребляющих ПАВ, несовершеннолетних после воспитательной колонии, а также детей в возрасте от 0 до 18 лет, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Частотное распределение мнений респондентов о совместном проживании детей различных категорий в одной группе организации (в %)

Утверждения	Педагоги-психологи	Руководители
Считаю, что это пойдет на благо всем детям, так как для всех детей должны быть созданы равные условия для жизни и воспитания	13	12
Считаю, что это позитивно отразится на всех детях, так как это расширит их возможности интеграции в различные социальные среды	8	9
Считаю, что детей с тяжелой инвалидностью лучше воспитывать там, где созданы для них специальные условия	85	77
Считаю, что дети с расстройствами поведения, употребляющие ПАВ, должны сначала пройти комплексную реабилитацию и только в случае стойкой ремиссии возвращаться в организацию	79	83
Считаю, что младенцев и детей раннего возраста надо воспитывать там, где созданы для них специальные условия, так как у подавляющего числа детей патология центральной нервной системы и они нуждаются в особых программах абилитации	75	66
Считаю, что проживание детей-сирот и «домашних» детей в одной группе травмирует детей, не имеющих родных	14	18

Таким образом, сторонники ЕМО составляют 21% (вопросы 1 и 2) от всех опрошенных, считая, что можно создать равные условия для всех воспитанников и это позитивно отразится на них, расширит возможности их интеграции в различные социальные среды. Однако большее число респондентов считают, что есть категории детей, которые целесообразно и не целесообразно объединять в одной группе и/или организации.

Категории детей, которых целесообразно размещать в одной группе с условно нормотипичными детьми-сиротами

Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, и дети, которые проживают в организации по заявлению родителей (трехсторонний договор) (дети в ТЖС и СОП) [4]. Абсолютное большинство информантов (86%) считают это возможно, ссылаясь на опыт организации: «Считаю, что проживание детей-сирот и “домашних” детей в одной группе не травмирует их, так как в нашем учреждении эта практика реализуется и, по наблюдению, в коллективе воспитанников складываются хорошие взаимоотношения, преобладает благоприятный психологический микроклимат»; «После того как “домашние” дети возвращаются в

кровную семью, они поддерживают связь с воспитанниками и педагогическим коллективом».

Полнородные и неполнородные братья и сестры. Целесообразно в одной группе объединять сиблингов, независимо от возраста, состояния здоровья (исключение составляют братья и сестры, нуждающиеся в постоянной специализированной медицинской помощи, или специальном уходе). Как правило, в сиблинговых группах более высокий уровень конфликтности, ревности, конкуренции, жесткие границы между группой и детским коллективом. Конфликты между сиблингами даже в самых благополучных семьях считаются психологами и психиатрами нормой. При этом сиблинговые отношения крайне важны для детей, особенно оставшихся без попечения родителей. Это одна из самых продолжительных связей из близких отношений между людьми. Независимо от их эмоционального оттенка (теплые, формальные, конфликтные и пр.), часто они продолжаются дольше других межличностных отношений (дружеских, супружеских, детско-родительских), создают общий опыт жизни братьев и сестер, начиная с раннего детства и до преклонного возраста [18].

Дети с ОВЗ и инвалидностью с первой степенью ограничений [10]. По мнению специалистов, «инклюзивное воспитание детей с легкими ограничениями при наличии специализированной профессиональной поддержки может стать триггерным механизмом их развития».

Категории детей и подростков, которых нецелесообразно воспитывать в одной группе, но можно объединить в одной организации

Дети с ОВЗ и инвалидностью со 2 и 3-й степенями ограничения, которые нуждаются в специализированной медицинской, педагогической и психологической помощи. По мнению 85% респондентов, детей с тяжелой инвалидностью лучше воспитывать там, где созданы для них специальные условия. Воспитание детей с подобными ограничениями может негативно повлиять как на условно здоровых детей, так и на детей с инвалидностью. Условно здоровый ребенок может чувствовать стресс или подавленность из-за необходимости постоянного внимания и ухода за детьми с тяжелыми нарушениями, что может негативно сказаться на его собственном эмоциональном состоянии. Они могут страдать от дефицита внимания, так как воспитатели и другие работники организации будут загружены уходом за детьми с инвалидностью. Сами дети с инвалидностью могут сталкиваться с физическим и психологическим буллингом, находиться в изоляции. Для всех воспитанников такой инклюзивной группы воспитательная среда станет деструктивной. Для удовлетворения потребности во внимании по каналам подражания у условно здоровых детей будет наблюдаться регресс в поведении и развитии.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, младенческого и раннего возраста. Абсолютное большинство опрошенных специалистов (75%) считают, что младенцев и детей раннего возраста надо воспитывать там, где созданы для них специальные условия, так как у подавляющего числа детей есть патология центральной нервной системы и они нуждаются в особых программах абилитации [8].

Младенцы, дети раннего возраста и более старшие дети, включая подростков, имеют разные физические, эмоциональные и когнитивные потребности. Психотравмированные воспитанники не отличаются психологической устойчивостью, легко раздражаются, склонны к импульсивным поступкам. Нахождение в одной группе может стать опасным для маленьких детей. Воспитанники младенческого и раннего возраста требуют большего временного и эмоционального внимания со стороны воспитателей. Это может негативно сказаться на более старших детях, которым также необходимы внимание и поддержка.

Дети и подростки с девиантным поведением. Дети и подростки, склонные к асоциальному поведению, включая побеги из организации и бродяжничество, мелкое хулиганство и воровство, нуждаются в индивидуализированном и комплексном подходе, учитывающем особенности их поведения, эмоционального состояния и социального окружения, в специалистах, владеющих компетенциями в области девиантологии и профилактики антисоциального поведения [2].

Категории детей и подростков, которых нецелесообразно размещать в одной организации

Дети с расстройствами поведения (психиатрический диагноз). Термин «расстройства поведения» (РП) используется для обозначения повторяющихся, устойчивых на протяжении более 6 месяцев поведенческих образцов, несоответствующих социальным нормам. РП является наиболее распространенным диагнозом детской психиатрии. У девочек пик приходится на 12—13 лет; у мальчиков — на 8—9 лет. Поведенческие расстройства имеют три основных проявления: нежелание повиноваться взрослым; агрессивность (хулиганство, вандализм, грабеж, разбой, убийства и пр.); антисоциальная направленность/активность, нарушающая права окружающих, причиняющая вред собственности, личности (воровство, махинации, хакерство и др.). Дети с РП часто спорят со взрослыми, гневаются, не контролируют эмоции, склонны переносить вину на другого человека, обидчивы, не подчиняются правилам и требованиям, целенаправленно досаждают окружающим, мстят. Часто отмечается стремление к разрушению, повреждению чужих вещей. Подростки с РП провоцируют драки, устраивают поджоги, проявляют жестокость по отношению к людям, животным, прогуливают школу. Иногда развиваются депрессивные состояния, совершаются попытки самоубийства, наносятся самоповреждения. Для работы с такими детьми необходимы специалисты, владеющие специальными профессиональными компетенциями в области детской и подростковой психиатрии или клинической и специальной психологии.

Возвращать подростка с антисоциальным поведением, имеющим судимость, в организацию, тем более включать его в группу с условно нормативными воспитанниками, как правило, нецелесообразно и опасно. Дети с уголовным прошлым станут фактически отрицательными лидерами для нормотипичных детей, которые попадут под влияние маргинальной субкультуры. Их совместное проживание ставит под угрозу психическое и соматическое здоровье нормотипичных детей, приведет к стрессовым ситуациям, которые спровоцируют самовольные уходы. Эта категория подростков очень нуждается во всесторонней помощи, в социализации, но в других условиях.

Дети и подростки, употребляющие ПАВ. По мнению абсолютного большинства опрошенных специалистов (79%) ОДС, социально-реабилитационных центров, такие дети могут воспитываться в одной группе с условно нормативными детьми только в случае стойкой ремиссии после прохождения комплексной реабилитации.

В условиях организации такие дети активно вовлекают в употребление ПАВ других воспитанников. Их поведение является триггером формирования зависимого поведения у воспитанников, как в группе, так и в организации в целом. Это создает ситуацию опасности, так как воспитанники психологически готовы к формированию такой зависимости: многие воспитывались в семьях, где родители страдали алкоголизмом или наркоманией, и считают употребление ПАВ нормой; переживают незавершенную психическую травму, что способствует повышению тревожности, неадекватной самооценке, агрессии в межличностном общении, низкому уровню саморегуляции, самоуправления, самоконтроля, а также эмоционального и

социального интеллекта. Поэтому воспитанники, употребляющие ПАВ, должны быть переведены в специализированные реабилитационные центры до полной ремиссии, где им окажут помощь подготовленные специалисты в области психологии, педагогики, социальной работы и здравоохранения.

Риски. Опрошенные педагоги-психологи указали на риски, возникающие при переходе ОДС на ЕМО.

72% указали, что такой переход снизит эффективность психологической помощи в связи с чрезмерным расширением должностных обязанностей и направлений работы психолога.

56% обеспокоены невозможностью оказывать необходимую специализированную помощь всем детям.

42% переживают из-за возникновения ситуаций, связанных с нарушениями физической и психологической безопасности ребенка в связи с большим количеством детей, отсутствия специальной подготовки.

Каждый третий респондент считает, что работа в ЕМО даст рост частоты ситуаций буллинга в организации в целом (30%), буллинга в отношении детей-инвалидов (32%), стать причиной распространения и употребления ПАВ в организации (29%), криминализации поведения воспитанников (27%).

При переходе работы организации на ЕМО подавляющее большинство специалистов (87%) считают, что необходимо расширить штат психологов, педагогов-психологов, ввести в него специалистов узкой направленности: клинического психолога, нейропсихолога, психотерапевта, реабилитолога; снизить нагрузку на одного специалиста; пересмотреть циклограмму рабочего времени, добавить время на супервизию сложных случаев.

Около половины опрошенных (46,8%) полагают, что им могут помочь курсы повышения квалификации, и считают необходимым внедрение в образовательный процесс цифровых технологий для создания единой методической базы и профессиональной поддержки специалистов.

Обсуждение

Тенденции последнего десятилетия — сокращение числа детей-сирот, изменение контингента воспитанников в организациях (в основном это трудноустраниваемые на семейное воспитание воспитанники), ориентация работы специалистов на сохранение кровной семьи для ребенка — обусловили необходимость изменений в организациях в сфере профилактики социального сиротства.

Проведенный опрос (176 организаций в 63 регионах) показал, что в 95% организаций все группы являются разновозрастными, в 61% — все группы инклюзивные, в 18% — имеются группы для детей с психическими расстройствами, в 14% — имеются группы для детей с ограничениями в передвижении, маломобильные, в 9% — имеются группы для детей с паллиативным статусом. Имеющийся опыт позволяет охватить все вопросы совместного проживания разных категорий детей и реализации полномочий организаций.

Результаты проведенного исследования показывают сложность и многослойность вопроса создания и функционирования ЕМО, и объединения в ее рамках различных категорий детей-сирот и детей, семьи которых находятся в ситуациях ТЖС и СОП.

Мнения респондентов о целесообразности ЕМО в целом положительные, но с определенными ограничениями, в том числе при условии решения правовых, материально-технических и кадровых вопросов. Респонденты отмечают, что создание психологически комфортной

среды — ключевой элемент успешной интеграции детей — зависит от «совместимости» разных категорий детей по правовому статусу, здоровью, особенностям развития и поведения, а также от профессиональной подготовленности воспитателей, педагогов-психологов, социальных педагогов, наличия «узких» специалистов, физической и психологической возможности выполнять дополнительный объем работы.

Разработка ЕМО позволяет поднять давно обсуждаемую тему, которую можно отнести к латентной, — о помещении в воспитательные группы подростков, вернувшихся из мест лишения свободы, употребляющих ПАВ, и детей других категорий, приносящих с собой асоциальную субкультуру. По мнению 85% респондентов, интеграция этих категорий может создать неблагоприятные условия не только для самих детей, но и для их окружения. Число таких детей не так велико, но для них нужны принципиально другие условия воспитания.

Большинство специалистов согласны с тем, что сиблинговые группы могут способствовать более тесным связям между воспитанниками, формировать родственные отношения даже несмотря на возможные конфликты. Однако существуют острые противоречия по вопросам совместного проживания нормотипичных братьев и сестер с сиблингами, имеющими тяжелые нарушения развития, склонными к девиантному поведению, включая зависимость от ПАВ.

Несмотря на существующие риски и вызовы, важно отметить, что интеграция детей-сирот в рамках одной организации с другими категориями важна и реальна в ближайшей и среднесрочной перспективе. Эффективные практики, имеющиеся в ряде организаций в субъектах Российской Федерации, могут послужить основой для формирования оптимальной ЕМО, учитывающей множественные аспекты.

Заключение

Несмотря на политику деинституционализации, численность детей, остающихся без попечения родителей, в организациях и число самих организаций растут во многих странах по разным причинам. Сами организации могут быть специализированными или общими для всех категорий детей, небольшими фостеровскими семьями и семейными детскими домами. Стали появляться исследования, показывающие возможности организаций создать условия для полноценного развития воспитанников [13].

Россия активно развивает семейные формы устройства детей-сирот, что позволило существенно сократить численность детей-сирот, находящихся под надзором в учреждениях, и создать в них условия, приближенные к семейным [9].

Главным фокусом социальной политики сегодня является ориентация на сохранение кровной семьи для ребенка и возвращение ребенка, временно или постоянно разлученного с родителями, в свою семью. Объединение ресурсов разных детских организаций, усилий специалистов в рамках единой модели позволит повысить эффективность работы с детьми разных категорий, сделать ее семейно ориентированной.

Как показало проведенное исследование, не может быть механического слияния разных организаций в ЕМО — необходимо решать правовые, организационные вопросы, создавать необходимую материально-техническую базу для детей с особыми возможностями.

Каждый шаг в реформировании ОДС надо оценивать через последствия принятых решений и в первую очередь психологических — целесообразность объединения детей с разными социально-психологическими проблемами и потребностями с учетом мнения самих детей.

Для принятия окончательных решений необходимо проводить исследования по оценке благополучия детей в разных ситуациях институционализации, социально-психологических рисков при выборе стратегий создания новых организаций [6; 7].

Литература

1. Арчакова Т., Гарифулина Э., Кравченко И., Нестерова М., Озерова Е., Семья Г. Сфера защиты детства. Международный опыт. М.: Альпина Паблшер, 2022. 240 с.
2. Ерицян К.Ю., Колпакова О.И. Побег детей из детских домов в Российской Федерации: опыт качественного изучения // Ананьевские чтения-2017: Преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов: Материалы традиционной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 октября 2017 года / Отв. ред. Л.А. Головей, А.В. Шаболтас. СПб: Айсинг, 2017. С. 157–158.
3. Есть ли в Китае детские дома? [Электронный ресурс] // Блог «Шэнсяо». URL: <https://blog.shensyao.com/est-li-v-kitae-detskie-doma/> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Зайцева Н.Г., Колесникова У.В. «Родительские» дети в организациях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 2. С. 24–36. doi:10.17759/ssc.2021020202
5. Магомедова А.Н. Психологические особенности детей-сирот // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 27–29.
6. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604
7. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Структура субъективного благополучия детей-сирот с ОВЗ младшего школьного возраста, воспитывающихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205–221. doi:10.17759/psylaw.2021110315
8. Персианова Н.Б., Солодунова М.Ю., Пеньков Д.Г., Мухамедрахимов Р.Ж. Взаимодействие между детьми в домах ребенка в связи с особенностями их функционального развития // Мир науки. 2017. Том 5. № 1.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 02.09.2024).
10. Почти полмиллиона детей в Европе и Центральной Азии живут в интернатах [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448702> (дата обращения: 12.09.2024).
11. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17 декабря 2015 г. № 1024н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71209914/> (дата обращения: 12.09.2024).
12. Ручкова Н.А. Уразаева А.И. Индивидуально-психологические особенности детей-сирот // Science Time. 2016. № 1 (25). С. 430–433.

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лаишул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

13. Семья Г.В. Обзор международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации: как добиться положительных результатов [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 73–84. doi:10.17759/ssc.2021020106
14. Семья Г.В. Ребенок в условиях институционализации: результаты мониторинга условий жизни и воспитания воспитанников и их субъективного благополучия в организациях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 2. С. 7–23. doi:10.17759/ssc.2021020201
15. Статья 155.1. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/26b9eb990b427178e32f13d91774fb7aa684d55c/ (дата обращения: 02.11.2024).
16. Тагаева С.Н., Холмахмадзода С. Проблемы реализации прав и законных интересов ребенка на семейное воспитание путем применения иных форм устройства детей // Правовая жизнь. 2022. № 1 (37). С. 127–135.
17. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 02.09.2024).
18. Якимова Т.В. Особенности общения сиблингов в условиях детского дома [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 4. С. 23–28. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n4/49412 (дата обращения: 12.09.2024).
19. Convention on the Rights of the Child [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child> (дата обращения: 12.09.2024).
20. Hermenau K., Hecker T., Ruf M., Schauer E., Elbert T., Schauer M. Childhood adversity, mental ill-health and aggressive behavior in an African orphanage: Changes in response to trauma-focused therapy and the implementation of a new instructional system // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2011. Vol. 5(1). doi:10.1186/1753-2000-5-29
21. Johnson D.E., Guthrie D., Smyke A.T., Koga S.F., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A. Growth and Associations Between Auxology, Caregiving Environment, and Cognition in Socially Deprived Romanian Children Randomized to Foster vs Ongoing Institutional Care // Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine. 2010. Vol. 164(6). P. 507–516. doi:10.1001/archpediatrics.2010.56
22. Johnson K.A. Wanting a daughter, needing a son: abandonment, adoption, and orphanage care in China. St. Paul, Minn: Yeong & Yeong Book Company, 2004. 272 p.
23. Joyce K. The child catchers: rescue, trafficking, and the new gospel of adoption. New York: PublicAffairs, 2013. 332 p.
24. The Development of Child protection Systems in The Post-Soviet States a Twenty Five Years Perspective / Ed. by A. Telitsyna, I. Earner. Cham: Springer, 2021. 219 p.
25. Van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M. J., Duschinsky R., Fox N.A., Goldman P.S., Gunnar M.R., Johnson D.E., Nelson C.A., Reijman S., Skinner G.C.M., Zeanah C.H., Sonuga-Barke E.J.S. Institutionalisation and deinstitutionalisation of children 1: a systematic and integrative

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лапкул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

review of evidence regarding effects on development // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7(8). P. 703–720. doi:10.1016/S2215-0366(19)30399-2

26. Wright A.W., Richard S., Sosnowski D.W., Kliewer W. Predictors of Better Functioning among Institutionalized Youth: A Systematic Review // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. P. 3245–3267. doi:10.1007/s10826-019-01527-0

References

1. Archakova T., Garifulina E., Kravchenko I., Nesterova M., Ozerova E., Semya G. Sfera zashchity detstva. Mezhdunarodnyi opyt. Moscow: Alpina Publisher, 2022. 240 p. (In Russ.).
2. Eritsyayn K.Yu., Kolpakova O.I. Pobegi detei iz detskikh domov v Rossiiskoi Federatsii: opyt kachestvennogo izucheniya. In Golovey L.A., Shaboltas A.V. (Eds.). *Anan'evskie chteniya-2017: Preemstvennost' v psikhologicheskoi nauke: V.M. Bekhterev, B.G. Anan'ev, B.F. Lomov: Materialy traditsionnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24–26 oktyabrya 2017 goda*. Saint Petersburg: Aising, 2017, pp. 157–158. (In Russ.).
3. Est' li v Kitae detskie doma? [Elektronnyi resurs]. Blog "Shensyao". URL: <https://blog.shensyao.com/est-li-v-kitae-detskie-doma/> (Accessed 12.09.2024). (In Russ.).
4. Zaitseva N.G., Kolesnikova U.V. "Roditel'skie" deti v organizatsiyakh dlya detei-sirot [The "Parent" Children in Organizations for Orphans] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 2, pp. 24–36. doi:10.17759/ssc.2021020202 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Magomedova A.N. Psikhologicheskie osobennosti detei-sirot [A psychological portrait of orphans]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, 2014, no. 3 (46), pp. 27–29. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub"ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V. Struktura sub"ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot s OVZ mladshogo shkol'nogo vozrasta, vospityvayushchikhnya v organizatsiyakh dlya detei-sirot i detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei [Structure of Subjective Well-being of Primary-School-Age Orphan Children with Disabilities Living in Orphanage Institutions and of Children Deprived of Parental Care] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205–221. doi:10.17759/psylaw.20211103152020250604 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Persianova N.B., Solodunova M.Yu., Penkov D.G., Muhamedrahimov R.Zh. Vzaimodeistvie mezhdum det'mi v domakh rebenka v svyazi s osobennostyami ikh funktsional'nogo razvitiya [Interaction between young institutionalized children in connection with their functional abilities]. *Mir nauki = World of Science*, 2017. Vol. 5, no. 1. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 maya 2014 g. No. 481 "O deyatelnosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei" [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (Accessed 02.09.2024). (In Russ.).

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лапкул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

10. Pochti polmilliona detei v Evrope i Tsentral'noi Azii zhivut v internatakh [Elektronnyi resurs]. *Organizatsiya ob"edinennykh natsii = United Nations*. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448702> (Accessed 12.09.2024). (In Russ.).
11. Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF ot 17 dekabrya 2015 g. No. 1024n "O klas-sifikatsiyakh i kriteriyakh, ispol'zuemykh pri osushchestvlenii mediko-sotsial'noi ekspertizy gra-zhdan federal'nymi gosudarstvennymi uchrezhdeniyami mediko-sotsial'noi ekspertizy" [El-ektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71209914/> (Ac-cessed 12.09.2024). (In Russ.).
12. Ruchkova N.A. Urazaeva A.I. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti detei-sirot. *Science Time*, 2016, no. 1 (25), pp. 430–433. (In Russ.).
13. Semya G.V. Obzor mezhdunarodnykh issledovaniy, posvyashchennykh posledstviyam na-khozheniya rebenka v usloviyakh institutsionalizatsii: kak dobit'sya polozhitel'nykh rezul'tatov [The Overview of International Research on the Effects of Being a Child in the Conditions of Insti-tutionalisation: How to Achieve Positive Results] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 73–84. doi:10.17759/ssc.2021020106 (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Semya G.V. Rebenok v usloviyakh institutsionalizatsii: rezul'taty monitoringa uslovii zhizni i vospitaniya vospitannikov i ikh sub"ektivnogo blagopoluchiya v organizatsiyakh dlya detei-sirot [The Child in Care: Results of the Living and Parenting Conditions' Monitoring of Children in Care and Their Subjective Well-Being in Orphanages] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 2, pp. 7–23. doi:10.17759/ssc.2021020201 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Stat'ya 155.1. Ustroistvo detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, v organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei / "Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 29.12.1995 No. 223-FZ (red. ot 23.11.2024) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/26b9eb990b427178e32f13d91774fb7aa684d55c/ (Accessed 02.09.2024). (In Russ.).
16. Tagaeva S.N., Kholmahmadzoda C. Problemy realizatsii prav i zakonnykh interesov re-benka na semeinoe vospitanie putem primeneniya inykh form ustroistva detei [Problems of realization of the rights and legitimate interests of the child to family education through the use of other forms of placement of children]. *Pravovaya zhizn' = Pravovaya Zhizn'*, 2022, no. 1 (37), pp. 127–135. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Federal'nyi zakon ot 24 iyunya 1999 g. No. 120-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznad-zornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (Accessed 02.09.2024). (In Russ.).
18. Yakimova T.V. Osobennosti obshcheniya siblingov v usloviyakh detskogo doma [Features of Sibling Communication in Children's Homes] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2011. Vol. 7, no. 4, pp. 23–28. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n4/49412 (Accessed 12.09.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Convention on the Rights of the Child. *United Nations*. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child> (Accessed 12.09.2024).
20. Hermenau K., Hecker T., Ruf M., Schauer E., Elbert T., Schauer M. Childhood adversity, men-tal ill-health and aggressive behavior in an African orphanage: Changes in response to trauma-

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лашкул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

focused therapy and the implementation of a new instructional system. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 2011. Vol. 5, no. 1. doi:10.1186/1753-2000-5-29

21. Johnson D.E., Guthrie D., Smyke A.T., Koga S.F., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A. Growth and Associations Between Auxology, Caregiving Environment, and Cognition in Socially Deprived Romanian Children Randomized to Foster vs Ongoing Institutional Care. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 2010. Vol. 164, no. 6, pp. 507–516. doi:10.1001/archpediatrics.2010.56

22. Johnson K.A. Wanting a daughter, needing a son: abandonment, adoption, and orphanage care in China. St. Paul, Minn: Yeong & Yeong Book Company, 2004. 272 p.

23. Joyce K. The child catchers: rescue, trafficking, and the new gospel of adoption. New York: PublicAffairs, 2013. 332 p.

24. Telitsyna A., Earner I. (Eds.). The Development of Child protection Systems in The Post-Soviet States a Twenty Five Years Perspective. Cham: Springer, 2021. 219 p.

25. Van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M. J., Duschinsky R., Fox N.A., Goldman P.S., Gunnar M.R., Johnson D.E., Nelson C.A., Reijman S., Skinner G.C.M., Zeanah C.H., Sonuga-Barke E.J.S. Institutionalisation and deinstitutionalisation of children 1: a systematic and integrative review of evidence regarding effects on development. *The Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7, no. 8, pp. 703–720. doi:10.1016/S2215-0366(19)30399-2

26. Wright A.W., Richard S., Sosnowski D.W., Kliewer W. Predictors of Better Functioning among Institutionalized Youth: A Systematic Review. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, pp. 3245–3267. doi:10.1007/s10826-019-01527-0

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Лашкул Марина Валерьевна, заместитель директора, Центр защиты прав и интересов детей (ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Тарасова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, независимый исследователь, эксперт, рабочая группа «Ребенок и его право на семью», Координационный совет при Правительстве РФ по реализации Десятилетия детства, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Information about the authors

Galina V. Semya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psy-

Семья Г.В., Ослон В.Н., Лапкул М.В., Тарасова А.Е.
Правовые и социально-психологические аспекты
создания единой модели организации для детей-сирот
и детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 247–262

Semya G.V., Oslon V.N., Lashkul M.V., Tarasova A.E.
Legal and Socio-Psychological Aspects
of Creating a Unified Organization Model
for Orphans and Children Left without Parental Care
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 247–262

chology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Age Psychology named after L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Marina V. Lashkul, Deputy Director, Centre for Protection of Rights and Interests of Children, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6907-1881>, e-mail: ml-69@yandex.ru

Anna E. Tarasova, PhD in Law, Docent, Researcher, Expert, Working Group “The Child and His Right to a Family”, Coordination Council under the Government of the Russian Federation for the Implementation of the Decade of Childhood, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-9248>, e-mail: aet@bk.ru

Получена 10.10.2024

Принята в печать 11.11.2024

Received 10.10.2024

Accepted 11.11.2024